ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА
Мой
(НЕ)ЛЮБИМЫЙ
ДРАКОН

FB2: Валерия Чернованова, 10.2.2018, version 1.0
UUID: 4F02372D-DF30-4B94-9C9F-4EB10ED5EEB2
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Aug 2, 2018

Валерия Михайловна Чернованова

Мой (не)любимый дракон

(Ледяная любовь #1)

Попасть в другой мир? Легко!

Обручиться с драконом? Проще простого!

Принять участие в кастинге на звание невесты года, пардон, дракона и при этом не превратиться в одну из статуй, что украшают сады Ледяного Лога? Сложно, но выполнимо.

Вернуться домой? Можно, но только лишь при одном условии…Нет, спасать мир меня, к счастью, никто не уполномочивал. А вот спасти шкуру одной трусливой княжны придется.

И всего-то для этого нужно стать правительницей Сумеречной империи и влюбить в себя Ледяного, который, говорят, любить не способен.

Но главное, держать собственное сердце на замке и не забывать, что порой и льдом можно обжечься.

Содержание

Глава 1 0005
Глава 2 0010
Глава 3 0015
Глава 4 0020
Глава 5 0026
Глава 6 0031
Глава 7 0036
Глава 8 0040
Глава 9 0046
Глава 10 0052
Глава 11 0058
Глава 12 0063
Глава 13 0070
Глава 14 0076
Глава 15 0080
Глава 16 0085
Глава 17 0091
Глава 18 0096
Глава 19 0103
Глава 20 0110
Глава 21 0118
Глава 22 0123
Глава 23 0128
Глава 24 0135
Глава 25 0142
Глава 26 0149
Глава 27 0158
Глава 28 0165
Глава 29 0171
Глава 30 0178
Глава 31 0187
Глава 32 0194
Глава 33 0202

Валерия Чернованова
Мой (не)любимый дракон

Глава 1

Женщинам из рода Королёвых не везёт в браке. Это аксиома. По крайней мере, для моей матери, уже шесть раз отметившейся в загсе.

И вот она снова разведённая и одинокая.

Маман явно пошла по стопам бабушки, которая тоже частенько бегала замуж, и всякий раз неудачно. Якобы всё дело в моей пра, пра… и ещё много раз «пра» бабке, которую чёрт угораздил сходить налево. Мой пра, пра… дед, узнав об адюльтере, недолго думая, помчался жаловаться своей сестре. Ведьме и по призванию, и по профессии. Которая прокляла нас… Ладно бы до седьмого колена. Но эта канитель с неудачными замужествами тянется уже бог знает с каких времён.

Украдкой взглянула на Лёшку, внимательно слушающего напутствия священника. Нет, на мне это дурацкое проклятие однозначно споткнётся! Я от любимого ни на шаг. И он от меня тоже.

Друзья, шутя, называют нас сиамскими близнецами. Потому как за последние семь лет дольше, чем на неделю, мы не разлучались. Не могу себе представить жизнь без него. Без такого родного и привычного. Мы вместе со школы, и, глядя на точёный профиль благоверного, вырисовывающийся в полумраке храма, я была уверена, что ничто не сможет этого изменить.

Как же жестоко я ошибалась…

Держа в руках зажжённые свечи — символ чего-то там (каюсь, я никогда не была набожной — на венчании в церкви настояли Лёшины родители), за благовонным дымом, что источала золочёная кадильница священника, мы проследовали к центру храма. Остановились перед аналоем, на котором, белея страницами, лежало раскрытое Евангелие.

Сколько себя помню, я была атеисткой. Или безбожницей, как укоризненно любила повторять бабушка. Я никогда не верила, не верю и ни за что не поверю во всю эту магическую белиберду. Просто маме и бабуле попадались не те мужчины.

Но уж мне-то точно попался тот. Самый-самый, единственный и неповторимый.

Всю свою сознательную жизнь я внушала себе, что нет и не было никакого проклятия. И тем не менее, когда Лёшик сделал мне предложение, поначалу засомневалась: а стоит ли наступать на те же грабли, что больно огрели моих прародительниц. Перечеркнуть семь счастливых, идеальных лет. Без ссор, без ревности, без обид.

Может, любителям сцен и битья посуды такие отношения покажутся слишком пресными. Для меня же — самое то.

Ход мыслей, настырно роящихся в голове, нарушило негромкое покашливание священника. Ещё бы тут не закашляться, когда вся церковь в угарном тумане.

Или это у меня уже глюки от волнения? Усталости, потому как из-за предсвадебного мандража уснуть удалось только к утру.

— Аня? — Лёша легонько сжал мою руку, и только тут я поняла, что от меня ждут ответа.

Встрепенувшись, ляпнула растерянно:

— Что, простите?

Позади раздался пока ещё лёгкий ропот немногочисленных гостей.

Иерей терпеливо повторил:

— Имеешь ли ты искреннее и непринуждённое желание и твердое намерение быть женою Алексея?

Лёша смотрел на меня. Не с укором, конечно. Просто ждал, когда произнесу заветные слова. Все ждали.

От чада кружилась голова.

Я с силой сжала в руке свечку, рискуя её сломать. Настырная дымка перед глазами

никак не желала рассеиваться. Зажмурилась зачем-то. Вот будет дело, если свалюсь в обморок…

А всё к тому и идёт. С каждой секундой головокружение только усиливалось. Надо бы, что ли, для начала ответить.

Облизнув пересохшие губы, сказала твёрдо и громко, чтобы услышали все и ни у кого не возникло мысли, что я засомневалась.

— Имею, честный отче.

Три коротеньких слова показались мне оглушительными, острыми иглами вонзились в виски, разбились на множество отголосков-осколков, зазвучавших в глубинах храма, вихрем закруживших вокруг меня.

— О, Претёмная Праматерь, она согласна! — возопила толпа.

Меня обдало ледяным ветром и, кажется (нет, я точно брежу), сильный хлёсткий порыв бросил в лицо пригоршню снега.

— Согла-а-асна! — надрывался в радостном исступлении кто-то совсем близко.

Так, стоп! А откуда в церкви взялась толпа? Приглашены ведь были только самые близкие родственники и лучшие друзья, Дашка и Толик, удостоившиеся чести стать нашими свидетелями.

И почему, чёрт побери, так холодно?! У меня сейчас зубы, ударяясь друг от друга, раскрошатся!

Сделав над собой усилие, открыла глаза.

Вовремя, чтобы увидеть какого-то сухонького старичка в тёмном с серебряными нашивками балахоне и услышать его скрипучий голос:

— Фьярра-Мадерика Сольвер, княжна Лунной долины — теперь ты невеста Его Великолепия пред Праматерью и пред всей Сумеречной империей.

— Велико… что?

То самое «велико» смотрело на меня стальными с вытянутыми в нитку зрачками. Гигантская такая драконья (твою ж претёмную мать!) морда размером с бунгало скалилась в счастливой улыбке. А может, просто раззявила пасть, намереваясь меня сожрать. Меня, замершую на краю… Сделав несмелый шажок в сторону, осторожно глянула вниз.

Низа не увидела. Одну лишь туманную панораму, что открывалась с вершины скалы, на которой я каким-то непостижимым образом очутилась.

Не успела как следует впечатлиться и прочувствовать всю степень охватившего меня ужаса, как эта клыкастая тварь лениво дёрнула крылом… крылищем. И…

Я полетела ближе знакомиться с панорамой.

Отвести душу с помощью крика, увы, не получилось. Лёгкие обжёг стылый воздух. Колючие снежинки забивались в рот, слепили глаза. Всё, на что меня хватило, — это на жалкий хрип и нечленораздельное мычание.

А потом я приземлилась… Благо не на землю и, что самое приятное, не всмятку, а на то самое чёртово крылище, оказавшееся на удивление мягким и немного пружинистым, словно батут. Я подпрыгнула на нём, как гуттаперчевый мячик, и покатилась куда-то вниз. Сквозь сероватую дымку, затянувшую окружавшую меня нереальную реальность, различила белоснежные шипы-выросты, наподобие короны венчавшие голову дракона, цепочкой рассыпающиеся по мощной спине. Лишь чудом успела за один ухватиться, иначе так бы и каталась по драконьей туше или снова полетела вниз.

Последнего моё бедное сердце, истерично таранившее грудную клетку, уже бы точно не выдержало.

Не знаю, сколько длился этот безумный полёт. Схватившись обеими руками за скользкий холодный вырост (ощущение такое, будто сжимаю гигантских размеров сосульку), я кое-как подтянулась, но грациозно оседлать чудовище не удалось. Эх, не

выйдет из меня драконьей наездницы. Так и летела, лёжа пластом поперёк его широкой спины, успешно изображая труп. Слыша, как оголодавшим зверем в ушах воет ветер, как морозные узоры расписывают кожу. Я даже несколько раз моргнула на всякий случай. Готова была поклясться, что на покрытом мурашками предплечье ещё мгновение назад серебрился какой-то завиток.

Проклятье! Да когда же закончится этот обморок!

Обморок не кончался. А щипать себя в надежде очнуться и при этом держаться за драконий отросток у меня не получалось. Спасибо, хоть виражи прекратились. Когда вдалеке показались серые башни замка, своими острыми шпилями пронзавшие то ли закатное, то ли рассветное небо, мой чешуйчатый транспорт начал, сбавляя скорость, снижаться.

А вместе с ним и сердце постепенно возвращалось к своему нормальному ритму. Я вспомнила, как дышать, и, когда под нами дрогнула земля, разжала одеревеневшие пальцы.

Чтобы скатиться с драконьего крыла под громкие рукоплескания и радостные вопли:

— Ура-а-а!!!

Интересно, успею посмотреть, как эти оглашённые начнут подбрасывать в воздух чепчики, или моё сознание раньше вернёт меня в церковь?

Наверное, сознанию было любопытно, что же произойдёт дальше, потому что безумный сон продолжался.

— Согласилась! Блодейна, ты слышишь?! Она согласилась!

Не знаю, слышит ли Блодейна, но лично я сейчас оглохну. Если этот ненормальный не перестанет орать мне в ухо и при этом, словно марионетку за ниточку, дёргать за руку в попытке оторвать мой зад от земли. Ему, заду, между прочим, сидеть в пожухлой заиндевевшей траве было вполне комфортно. Коленки до сих пор тряслись, хоть этого и не было видно под пышной, цвета припыленной розы юбкой. Не уверена, что в ближайшее время смогу ходить. Разве что ползать, на карачках или по-пластунски.

Представила картину: невеста Его Великолепия уползает от своего грозного избранника в ближайшие кусты (или куда получится) на глазах у ошеломлённой публики.

— Фьярра, ну что же ты? Поднимайся скорей, — потребовал мужичок с ноготок, что продолжал с завидным упрямством тянуть меня за руку.

Низкорослый, пузатый, в тёмно-красном, подбитом мехом плаще, на фоне белоснежного зверя он напоминал нахохлившегося индюка. Или божью коровку. Мы все были букашками по сравнению со сталеглазым монстром.

— Фьярра, прекрати веселить челядь, — наклонившись ко мне, прошипел мужик в мехах. — На тебя же все смотрят! Не позорь меня, своего отца!

Я упрямо помотала головой. Не знаю, что тогда на меня нашло. Наверное, таким образом выражала немой протест против творящегося вокруг безобразия.

Челядь, замки, драконы… Дурдом, одним словом.

Словно прочитав мои мысли, чудовище выразительно фыркнуло. От ледяных потоков воздуха, вырвавшихся из драконьих ноздрей, замковые стены подёрнулись морозными узорами, я — инеем.

Сразу подумалось, что с протестами можно и повременить. Тоненько пискнув, подскочила и трусливо юркнула за спину ворчащего господина. Пусть на него, отморозок, фыркает. Пришлось, правда, пригнуться, чтобы спрятаться за коренастым типом. Я, в отличие от него, лилипуткой не была.

Перестав фыркать, дракон принялся скалиться, демонстрируя благодарным зрителям два ряда острых клыков, чем-то напомнивших мне колья, на которые небезыз-

вестный Влад Цепеш, прообраз стокеровского Дракулы, любил насаживать своих врагов. Да и всех остальных, кто подворачивался под руку.

Зажмурилась, мечтая превратиться в снежинку и улететь отсюда как можно дальше, или вообще раствориться в воздухе. Пространство наполнил низкий, утробный рык, от которого земля и что-то у меня в желудке завибрировало.

Вот непонятно, на мне решили жениться или запугать меня до смерти? Ещё немного, и я из светло-русой превращусь в пепельную блондинку.

Пока у меня подкашивались от страха коленки и зубы выбивали барабанную дробь, мой новоиспечённый отец, в данный момент исполнявший роль ширмы, храбро шагнул вперёд. Я за сбежавшей «ширмой» не последовала, благоразумно осталась стоять в сторонке.

Низко поклонившись, мужчина ответил на драконье рычание велеречивой речью:

— Ваше Великолепие, не беспокойтесь. Доставим к вам невесту в лучшем виде.

Снова рык, но уже, кажется, не такой грозный. Скорее, выражающий не то раздражение, не то недовольство.

— Конечно, конечно, как скажете. Невеста прибудет в Хрустальный город к концу лунного месяца.

Странный диалог продолжался. Дракон уже не рычал, а так, снисходительно пофыркивал, обдавая меня, всё ещё находящуюся к нему в опасной близости, колючим морозцем, отчего я чувствовала себя свежезамороженным бройлером.

В моменты стресса я сначала впадаю в ступор, потом становлюсь до неприличия наглой. Иногда буйной. После чего, если меня вовремя не успокоить, могу упасть в обморок. Такая вот странная у моего организма реакция на внешние раздражители.

Первая фаза успешно миновала, и я, забив на присутствие вельможного жениха, нагло полезла к папеньке с целью отобрать у него плащ. Несправедливо! Любимая дочь в лёгком платьице вот-вот окочурится от холода, а он, весь такой в мехах, уже чёрт знает сколько времени языком чешет. И закругляться в ближайшие минуты, похоже, не собирается.

— Фьярра, — кашлянул псевдоотец, скосив на меня недобрый взгляд, — ты что это вытворяешь?

Как что? Пытаюсь восстановить справедливость и заполучить папенькину дублёнку. Занемевшие пальцы не слушались, мне никак не удавалось справиться с ажурной золотой застёжкой-брошью, инкрустированной рдяного цвета камнем. Именно она удерживала плащ на шкафообразном туловище этого жмота.

Не знаю, умеют ли драконы закатывать глаза, но этот точно умел. А уж фыркать недовольно, с явным оттенком пренебрежения и вовсе был мастер.

И снова, каким-то образом умудрившись расшифровать драконий фырк, мой якобы родитель принялся лебезить:

— Уверяю вас, Ваше Великолепие, моя дочь воспитана в лучших традициях Сумеречной империи. Её манеры безупречны. Просто девочка переволновалась немного. Обручиться с наследником престола — большая честь для неё и для всего нашего рода. Вот она и нервничает. Но, смею вас заверить, Фьярра-Мадерика Сольвер — истинная эсселин.

Пффф…

Это уже мы с драконом вместе. Я, потому что не считала себя никакой эсселин, что бы это ни значило. У Его Чешуйчатого Великолепия, похоже, тоже появились насчёт статуса и воспитания невесты некоторые сомнения.

— Да, да, мы помним, что Фьярра не единственная претендентка, и в Ледяной Лог прибудет немало других достойных дев, — скорбно возвестил родитель, а у меня чуть челюсть не отвисла.

Это что же получается? Мало того что «без меня меня женили», то есть пока что, к счастью, только записали в избранницы этого ледяного кошмара. Так теперь ещё и выясняется, что имеются и другие претендентки на драконий престол? Не знаю, что бы сказала на это Фьярра, воспитанная в лучших традициях Сумеречной империи, но у меня на языке вертелись исключительно нецензурные выражения.

Общение продолжалось:

— Гр-р-р…. Фр-р-р…

И снова родитель кланяется, упражняясь в челобитии.

— Моя дочь дала согласие. Она в полной мере осознаёт, на какой риск идёт и ни за что не поставит под удар честь рода. Чего бы ей это ни стоило.

Минуточку… А чего это мне может стоить? Они сейчас о чём вообще?

Мне наконец-то дали тёплую одежду. Одна из девушек, что на протяжении всего папенькиного разговора с четырёхлапым засранцем, бессовестно скинувшим меня в пропасть, кучковалась вместе с остальной прислугой, робко приблизившись, накинула мне на плечи меховую пелерину. Долгожданное тепло начало растекаться по заледеневшему телу, но расслабиться я так и не сумела. Фраза про риск больно ударила по натянутым, как струны гитары, нервам, заставила меня ещё больше напрячься и заволноваться.

Дракон издал очередной властный рык, наверное, отдавал последние распоряжения. После чего замолотил по земле крылищами, подняв вокруг себя маленький снежный вихрь, и взмыл в раскрашенное розовыми, лимонными и фиолетовыми мазками небо.

А я вдруг почувствовала, что к концу подходит вторая фаза стресса, и за ней неумолимо следует третья. Небесные краски смешались в невообразимую палитру, отчего в глазах противно зарябило. Зажмурилась и поняла, что падаю.

Последней мыслью, прежде чем попрощалась с реальностью, была надежда оказаться с Лёшей в церкви.

Глава 2

— Милый, ты не поверишь, — лепетала я, силясь разомкнуть отяжелевшие, точно налитые свинцом веки. — Мне только что такая чушь привиделась…

С горем пополам всё-таки открыла глаза, чтобы уже в следующую секунду снова зажмуриться, страдальчески застонав. Не придумав ничего лучшего, на всякий случай постучалась затылком о пышно взбитые подушки, надеясь, авось голова прочистится. Она у меня явно засорена.

Не прочистилась.

Моё сознание так и не вернулось в церковь. Лежало, вместе с телом, на кровати под винного цвета балдахином, сквозь который едва просачивался приглушённый свет уходящего дня.

А может, зарождающегося, чёрт его разберёт.

Тяжко вздохнула. Какой-то долгоиграющий обморок, ей-богу.

— Ваша Утончённость уже проснулись? — Полог дрогнул и скользнул в сторону, явив моему мутному взору улыбающуюся девицу. Симпатичную, светловолосую, с личиком в форме сердечка — острый подбородок и высокий лоб, чуть прикрытый оборкой чепца.

Скажите, пожалуйста, чем им не угодили обычные светлости и сиятельства? Великолепие. Утончённость. Интересно, а как величают моего самопровозглашённого отца? Его Скупердяйство?

Не хотел, жмот, делиться «телогрейкой»…

Я по-прежнему отказывалась верить в реальность происходящего и решила, что, пока не приду в себя, буду всё списывать на глюки. Временное помутнение рассудка. Главное, чтобы не переросло в хроническое.

Не хотелось бы провести медовый месяц в психушке.

— Пора купаться, — тем временем заливалась соловьём девушка, по-видимому, моя воображаемая служанка. — Ваш батюшка, — потупилась, после чего робко продолжила, словно опасалась, что я сейчас разозлюсь. Но разве можно злиться на глюк? — Нет, не торопил, конечно. Просто просил не задерживаться. Для обряда уже всё готово.

Что ещё за обряд? Да сколько же можно!

Я едва не застонала.

— Что, и драконы будут?

На гору не пойду! С меня вполне хватило одной встречи с этим клыкастым безобразием.

— Нет, что вы! Его Великолепие вместе со свитой уже давно улетели. — После чего торжественно провозгласила, чуть не напугав меня до икоты: — Этой ночью все жрецы Лунной долины будут молиться за вас Претёмной Матери и насыщать ваши чресла магической силой.

— В… в каком смысле насыщать? — опешила я. Судорожно сглотнула.

— Молитвами, — успокоила меня мисс Улыбка. От сердца сразу отлегло. — Молитвами и ритуальными песнопениями. Чтобы, если всё же станете императрицей — а лично я в этом ничуточки не сомневаюсь, — сумели подарить нашему правителю много-много дракончиков.

Ни насыщаться магической силой, ни дарить кому бы то ни было каких-то там дракончиков в мои планы не входило. Можно было послать девицу подальше, задёрнуть балдахин и попытаться отключиться. Сосредоточиться на Лёше, на своей (нормальной!) жизни, горячо любимой работе, маленькой, но такой уютной квартирке. На коте по кличке Кот, в конце концов. Мы его прошлой зимой на улице подобрали да так и оставили с нами жить.

Можно было бы, да только что-то мне подсказывало, что не пройдёт и минуты, как сюда явится возмущённый моим неподобающим поведением псевдоотец и всё равно потащит меня на «отпевание» к жрецам.

Я, конечно, могу упереться, закатить истерику. Да что толку? Только ещё больше распсихуюсь. А может, всё это — обвела взглядом стены в переливающихся золотом гобеленах и нехитрую мебель — всё, что меня сейчас окружает, — результат продолжительного стресса?

Сначала нервничала из-за защиты диплома. Потом не находила себе места в предсвадебных хлопотах. Ещё и мама последние дни не переставая зудела о семейном проклятии. Я в него, конечно, не верила и не верю, но её постоянное ворчание о том, что мне совсем необязательно выходить замуж, жутко бесило.

Вот, добесилась. До чёртиков, глюков и всего остального.

Наверное, будет лучше сейчас расслабиться, успокоиться и… Нет, получать удовольствие навряд ли получится. Но хотя бы постараюсь больше не кипятиться. Да и бояться мне здесь нечего. Фантазии — они ведь безобидные. Вдруг, успокоившись, сразу вернусь домой.

А посему, настроившись на благодушный лад, покладисто согласилась:

— Купаться, значит, купаться.

— Тогда, Ваша Утончённость, прошу за мной, — расцвела в улыбке девушка. Присев в реверансе, поставила передо мной туфельки с загнутыми к верху, как у Маленького Мука, носками, и, шурша тёмными юбками, направилась к выходу из спальни.

Сунув ноги в странные тапочки, я поплелась за служанкой. Благо идти пришлось недалеко — в смежную с опочивальней комнату, оказавшуюся купальней. Окинув взглядом просторное помещение, не сдержавшись, тихонько присвистнула. В бархатной тьме, напоенной ароматами благовоний, перламутром поблёскивал огромный бассейн. Выложенный жемчужного цвета мозаикой, наполненный благоухающей водой с плавающими в ней лепестками, он притягивал не только взор, но и моё многострадальное тело, которое ещё помнило и лютый мороз, и колючий ветер.

Сейчас единственное, чего я желала, — это окунуться в ароматную горячую воду и пусть, как говорится, весь мир подождёт. Перед омовением заскочила в ближайший туалет примитивной конструкции — банальная дырка в полу. Порадовало, что хотя бы без запахов. Это уже потом узнала, что чистоту в санузлах поддерживали с помощью бытовых заклинаний.

Заклинаний, Карл!

Потребность подкрепиться, о которой недовольно напоминал мой желудок, начала удовлетворять, не отходя от кассы, прямо в бассейне. Мабли — так звали созданную моей больной фантазией служанку — запалила свечи, отчего вода окрасилась золотом, а бархатистые лепестки на её поверхности стали напоминать алые сгустки пламени, и притарабанила целое блюдо с неопознанными объектами, то бишь фруктами. И бокал, до краёв наполненный насыщенного фиолетового цвета жидкостью, на вкус очень смахивающей на вино. Десертное — моё любимое.

Оно тут же ударило в голову и повысило градус настроения.

Поставив полупустой бокал на бортик бассейна, я потянулась к фруктовому изобилию. Сначала схомячила верхушку из плода продолговатой формы. Он оказался сочным и сладким, оставил после себя вязкое послевкусие. Второй — по виду напоминавший морковку, только почему-то зелёную, мне не понравился. Слишком горчил.

Осушив бокал, я блаженно зажмурилась и с головой погрузилась в душистую воду. Пока кайфовала в бассейне, Мабли суетилась рядом. Всё перебирала стоявшие на столике склянки, расписанные серебряными узорами. Потом притащила полотенце и замерла перед ступеньками, что вели в бассейн, терпеливо ожидая, когда Её Утон-

чённости надоест быть русалкой.

Не желая показаться капризной, я нырнула под цветочный покров в последний раз, хорошенько отжала волосы, которые отчего-то показались мне более длинными, да и цвет в неровном пламени свечей был каким-то другим. И тело, запоздало заметила, было как будто не моим.

С нарастающим волнением спросила:

— Мабли, а где тут у нас зеркало?

Девушка как-то странно на меня посмотрела. Наверное, забеспокоилась, не страдаю ли я амнезией. То именем её интересовалась, теперь вот оглядываюсь по сторонам в поисках какой-нибудь отражающей поверхности. Вода для самолюбования не очень-то подходила.

— В вашей опочивальне, моя эсселин.

Опять эта «эсселин». Знать бы, что означает это слово. Но, боюсь, если продолжу проявлять любопытство, моя вымышленная камеристка окончательно растеряется.

И так у неё уже вид бестолковый.

От того, чтобы намастить тело благовониями, я наотрез отказалась. Поспешила обратно в спальню, а оказавшись перед напольным зеркалом, застыла с открытым ртом.

Это была я… И в то же время совсем другая девушка.

Стройная, как по мне, даже чересчур — я так выглядела, когда перед выпускным две недели на одной гречке сидела. Чтобы талия в бальном платье непременно была пятьдесят восемь сантиметров и ни миллиметром больше. У меня тогда тоже были вот такие вот блестящие выразительные глаза. Потому что на них слёзы наворачивались, стоило увидеть, как кто-нибудь из одноклассников поедает шоколадный батончик или бутерброд с колбасой. И на бледных щеках полыхал точно такой же чахоточный румянец. Что тут сказать, не умела я в юности пользоваться румянами.

Но ведь девушка в отражении не была накрашенной. Тогда откуда эти коралловые, будто припухшие от поцелуев, губы? Этот взгляд с поволокой. Чуть угловатая девичья фигура. Я ведь уже давно не девица!

Про волосы вообще молчу. Шевелюра аж до нижних девяносто. Даже мокрыми они казались очень светлыми, с лёгким серебристым отливом.

От русокосой Ани, последние месяцы накачивавшей мышцы в спортзале, не осталось и следа. Как и от самих мышц. Кожа да кости. И томный взгляд почти прозрачных голубых глаз.

Сейчас я напоминала себе этакую хрупкую нимфу. Казалось, стоит меня коснуться, и рассыплюсь.

— Выйди! — громкий приказ сотряс стены.

В зеркале отразилась статная дама в длинном платье и нелепом головном уборе в виде конуса с вуалькой на конце. Кажется, такой убор пользовался популярностью у женщин в дремучем средневековье. Назывался эннен или как-то так. В нём часто изображали мультяшных фей. Вот только дама, замершая на пороге спальни и хищно её оглядывавшая, совсем не походила на добрую крёстную фею из сказки про Золушку.

— Но Её Утончённость ещё даже не оделась, — заикнулась было Мабли, бледнея. — А время уже позднее…

— Я помогу ей одеться. Ступай, — мрачно бросила женщина, и молоденькая служанка, словно пугливая пташка, оставив моё воздушное одеяние на кровати, выпорхнула из комнаты.

Сложно объяснить, что испытала при появлении незнакомки. Неприязнь? Страх? Наверное, и то, и другое.

Дама окинула меня тяжёлым взглядом, усмехнулась:

— Ну здравствуй, пришелица.

— И вам не хворать, — ляпнула растерянно и тут же послала вдогонку приветствию: — Постойте! Вы знаете, что я не Фьярра?!

С кислой рожей мадам приблизилась ко мне и продолжила меня изучать.

Мелькнула мысль изобразить реверанс или книксен, настолько властно, я бы сказала, по-хозяйски смотрела на меня женщина. Словно на презренную рабыню. Или, как вариант, на неодушевлённый предмет. Типа ночного горшка, который бы надлежало почистить.

Согласна, не слишком поэтичное сравнение, но я вдруг и правда почувствовала себя чем-то подобным. Когда мадам, недовольно хмыкнув, тронула меня за подбородок, заставляя приподнять голову, и заглянула мне в глаза. Ещё больше скривилась, словно я только что не в благоухающем розами бассейне нежилась, а принимала грязевые ванны в ближайшем свинарнике.

— А скоро и все остальные узнают. У тебя отвратительные манеры! Язык хуже помела. Невеста Его Великолепия должна отличаться воспитанностью и кротостью. Застенчиво улыбаться и, робко потупив взор, отвечать, только когда её о чём-то спрашивают. — Тонкие блеклые губы растянулись в усмешке, откровенно зловещей. — Ну ничего, до отъезда в Ледяной Лог ещё есть время. Думаю, я сумею всё исправить.

Я мотнула головой, чтобы меня наконец перестали трогать. Эта новая галлюцинация мне определённо не нравилась. Но как от неё избавиться, впрочем, как и от всех предыдущих, — я не представляла.

— Вынуждена вас разочаровать: я не цирковая лошадь и не поддаюсь дрессировке. Заведите себе собачку и на ней упражняйтесь.

— Я же говорю — черноротая, — хмыкнула дама в колпаке звездочёта. — Его Великолепию такие не по душе. Разве что для постельных утех, да и то лишь на пару ночей. Ты же должна стать императрицей. А потому веди себя подобающе!

Госпожа Сварливость была далеко не красавицей. А когда вот так брезгливо морщилась (а морщилась и кривилась она постоянно; наверное, оттого и морщин уйма, вокруг серых невыразительных глаз и в уголках слишком большого, как у мартышки, рта), её внешность становилась и вовсе отталкивающей.

— Надевай бельё. Я помогу зашнуровать платье, — махнула рукой в сторону кровати, на которой белела льняная сорочка и что-то вроде укороченных мужских подштанников, только обильно украшенных кружевами.

Назвать эту экзотику бельём язык не поворачивался.

— А если не надену? — бросила с вызовом.

Не то чтобы мне нравилось стоять перед стервой обмотанной полотенцем, но мысль исполнять любое её приказание претила моей гордости.

— Хочешь к нему вернуться?

Очередной небрежный взмах руки, и пространство передо мной разверзлось. Я опешила. Пусть открывшаяся моим глаза картина и не была ясной, затянутая дымкой тумана, но тем не менее я видела зал ресторана, в котором должны были отмечать нашу свадьбу. Видела Лёшу, танцующего со своей молодой женой. С настоящей мной. Он крепко прижимал меня к себе и что-то с улыбкой нашёптывал на ухо. Мне хорошо было знакомо это его заговорщицкое выражение лица. Наверное, предлагал сбежать из ресторана. От захмелевших родни и гостей, чтобы скорее оказаться дома и до самого рассвета упиваться друг другом и нашим счастьем.

Наша первая ночь в качестве мужа и жены. А я застряла непонятно где.

Перевела на чёртову «фею» растерянный взгляд:

— Но если я здесь, то кто тогда она?

— Моя воспитанница, Фьярра-Мадерика Сольвер. Будущая императрица Сумеречной империи.

С моим Лёшиком обжимается? Будущая покойница — вот кто она!

— Моя девочка должна будет править. И всё благодаря тебе.

— А не пошли бы вы на…

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Исчез и Лёша. Его вырвали из моей жизни, безжалостно, по прихоти этой чокнутой. Я вдруг отчётливо поняла, что всё по-настоящему. Что это не сон и не кошмар, а самая что ни на есть реальность.

Кошмарная реальность, в которой я оказалась.

Ох, не стоило нам с Лёшей жениться. Лучше бы маму слушала и даже не помышляла о замужестве.

— Твоё благополучие в твоих руках, Анна Королёва. А также благополучие и жизнь твоего мужа. Ты ведь не желаешь ему смерти, — снова подступая ко мне, в ужасе отшатнувшейся, прошипела гадюка. — Или ещё хуже — проклятия и превращения Алексея в безумца. А я могу. Я много чего могу. И сделаю всё ради счастья своей кровиночки.

Глава 3

От угроз ведьмы я оцепенела. Они обрушились на меня, словно град в разгар лета, застали врасплох. Казалось, язык прилип к нёбу, не получалось выронить даже слово.

А когда снова прорезался голос, до боли сжала кулаки и выкрикнула:

— Верни меня обратно! Слышишь?! Сейчас же верни!

Рванулась было к мегере и… снова остолбенела. Только теперь в прямом смысле слова. Замерла эдакой фривольной статуей — девушка с полотенцем и только и могла, что прожигать дыру во лбу стервы ненавидящим взглядом.

Увы, безуспешно.

— Нет у меня времени на твои истерики, девочка. — Дама не спеша обошла меня по кругу. За ней, словно хвост рептилии, стелился шлейф её серого с жемчужным отливом платья. — Обратно ты вернёшься только в одном случае — если выйдешь замуж за наследника Сумеречного престола.

— А если нет? — мой голос дрожал, мысли путались. Скакали в голове, как взбесившиеся кузнечики. — Там же у него невест дофига и больше. С чего вы… ты взяла, что он выберет именно меня?

— Ну, во-первых, не дофига, — не растерялась ведьма, — а всего девять. Ты девятая. Пока. А должна стать первой. Первой и единственной. А потому кончай голосить и слушай меня. Я тебе помогу. И буду помогать на протяжении всего отбора.

«Кастинга», — поправила мысленно.

— Но почему я?!

Может, когда снова смогу управлять собственным телом, попробовать придушить её полотенцем? Авось и чары спадут.

Чары… Зажмурившись, до боли закусила губу. Вот попала так попала.

— Наши миры связаны, Аня. Соприкасаются незримыми гранями. Есть и другие миры, с которыми граничит Адальфива. Но только на Земле я нашла Фьярриного двойника. Тебя. В других моя девочка либо ещё не родилась, либо уже давно умерла.

— То есть… эм-м-м… обмен душ возможен только между двойниками?

Заметив, что я немного притихла, заинтересовавшись её словами, женщина удовлетворённо кивнула:

— Именно.

Это что же получается, возможно, где-то в этом мире живёт копия моего Лёшика?

Словно прочитав мои мысли, ведьма покачала головой:

— Шанс встретиться с двойником твоего мужа есть, но он ничтожно мал. Да и не о том тебе следует думать. Сейчас необходимо сосредоточиться на одном — на Скальде Герхильде.

— Это который дракон? — буркнула и поёжилась.

Адреналин постепенно стихал, не горячил больше кровь, как раньше, и я почувствовала, что, словно дикобраз колючками, покрываюсь мурашками. Даже затопленный камин не согревал.

— Ну так что, согласна?

— А если скажу, что нет?

— Если муж тебе дорог, не скажешь, — усмехнулась карга в колпаке. — Хочешь узнать, куда попала?

Кивнула, а в следующее мгновение ощутила, что больше ничто меня не удерживает. Рванулась к такому манящему пламени. Подставила мелко дрожащие ладони к мечущимся в камине огненным языкам, с жадностью облизывающим почерневший камень. Постепенно тело расслабилось. А мозг, наоборот, заработал и стал перерабатывать полученную информацию.

Итак, если отбросить эмоции, что имеем в сухом остатке? Я в другом мире с неудобоваримым названием Ада-чего-то-там, в теле молоденькой княжны, сосватанной дракону.

Зашибись просто.

Где-то глубоко внутри ещё теплилась надежда, что всё же сплю или, на худой конец, брежу, но с каждой секундой она таяла, как мороженое в вафельном стаканчике, позабытое на солнце. А на смену ей приходила уверенность: я попаданка. Причём попала по всем фронтам. В чужое (ну почти чужое) тело, которое в самом недалёком будущем транспортируют к дракону. И как бы сильно я его ни боялась, мне кровь из носа нужно выйти за него замуж, иначе может пострадать Лёша.

Существовал вариант, что меня просто банально запугивают. Но проверять, так это или нет, рискуя жизнью мужа, не хотелось.

— Ну так что, Фьярра? — вырвал меня из мира мрачных раздумий голос колдуньи.

— Я не…

— Теперь ты Фьярра. О другом имени забудь. Для тебя его больше не существует.

Так и хотелось, оттопырив средний палец, изобразить неприличный жест. Не знаю, как сдержалась. Наверное, просто было лень отнимать руки от ласкающего кожу пламени. Да и поймёт ли эта средневековая.

— Ну так мне говорить?

Кивнула.

Пусть говорит. А я буду слушать и запоминать. Присматриваться к окружающим. В конце концов, эта тётка, так даже и не представившаяся, наверняка не единственная на всё село, то бишь мир, ведьма. Найдутся и другие маги. Должны найтись. Вдруг кто-нибудь из них мне посочувствует и по доброте душевной захочет помочь. Да и вообще, что-то мне подсказывало, что переселение душ в Ада-бла-бла-бла незаконно. Уже не говорю про подставу с невестой и околпачивание вельможного жениха.

Интересно, как отреагирует этот Скальде Гры… Гре… (каюсь, мне всегда было сложно запоминать заковыристые имена и названия), дракон, в общем, узнав, что в отборе принимает участие фальшивая Фьярра?

Но пока что лучше буду молчать. Пока не узнаю, с кем можно дружить и откровенничать, а от кого лучше держаться подальше.

Молчать и слушать. Слушать и запоминать…

* * *

Занимался рассвет. Робкие лучи зарождающегося дня постепенно проникали в комнату. Стелились по каменному, покрытому мехами полу, по стенам в гобеленах, по широкому ложу. На нём безмятежно спала девушка, нагая и прекрасная, как сама Илири — богиня света и любви, которой поклонялись в соседнем королевстве.

Рядом с красавицей, заложив руки за голову, лежал мужчина. Он уже давно сбросил с себя тяжёлые цепи сна, и теперь его холодный, ничего не выражающий взгляд блуждал по потолку, подёрнутому узором из трещин.

Древней цитадели правителей Сумеречной империи уже давно перевалило за тысячу лет, и, наверное, следовало бы задуматься о реставрации родового гнезда. Но Скальде Герхильду Ледяной Лог нравился таким, какой он есть. Нравилась его мрачность, грубая роскошь огромных, объятых сумраком залов. Даже сквозняки, гулявшие по замку и ночами гремевшие в галереях доспехами, находили отклик в душе тальдена.

Услышав, как зашуршали простыни, почувствовав, что её больше не окутывает тепло мужчины, в объятиях которого она мечтала засыпать каждую ночь, девушка открыла глаза. И хоть лица мага не было видно, по его напряжённой позе, по мышцам, обозначившимся на сильных руках, Далива поняла, его что-то гложет.

— Ты чем-то встревожен. Я же вижу. — Красавица приникла к своему повелителю, положила голову ему на плечо, и золотистый локон тугой спиралью скользнул на обнажённую грудь мага.

Невесомой лаской прошлась она по широкой спине мужчины. От каждого прикосновения тонких пальчиков на коже у колдуна проступала замысловатая вязь, которая, стоило девушке отнять руку, тут же блекла и исчезала.

Далива нахмурилась. Чернильный цвет магической росписи мог означать только одно — будущий император не просто обеспокоен, он снова не в духе. Уж не она ли явилась причиной его недовольства? Может, что-то сделала не так?

Девушка занервничала. Вдруг Скальде успел к ней охладеть? Вдруг одна из невест, что в скором времени прибудут в Хрустальный город, сумела увлечь тальдена настолько, что завладела его мыслями? Может, потому и задумчивый такой…

Далива понимала: так и должно быть. Так правильно. Но одна лишь мысль, что сердцем ледяного мага завладеет другая, не она, сводила её с ума.

Вчера, когда повелитель, не успев вернуться в Ледяной Лог после продолжительного отсутствия, потребовал её к себе, Далива обрадовалась. Она уже давно привыкла к самообману. Не переставая внушала себе, что Скальде по-настоящему привязался к ней и, конечно же, очень скучал по своей фаворитке. Именно по ней, а не по её телу, дарившему ему сиюминутное облегчение.

Увы, не успела Далива переступить порог императорской спальни, как тальден набросился на неё, а, утолив страсть, снова облёкся в броню из холода и отчуждения.

«Истинный ледяной», — печально подумала девушка. Привстав на коленях, прижалась губами к пепельным волосам повелителя, которые тот уже успел собрать в хвост.

Прошептала робко:

— Любимый, поговори со мной. За всю ночь ты не сказал ни слова.

Скальде обернулся. На резко очерченных губах мага обозначилась улыбка. Она не выражала ни нежность, ни ласку по отношению к фаворитке. Нет, улыбка эта была задумчивой, немного грустной и такой привычно холодной.

Отстранившись, Скальде поднялся и приблизился к дверям, ведущим на балкон. Толкнув мозаичные створки, с наслаждением вдохнул стылый утренний воздух. Там, где изъеденного временем камня касались босые ступни мага, расцветали, серебрясь, морозные узоры.

Сила переполняла Герхильда, искала выход. Близость с Даливой и ею подобными не спасала, лишь отсрочивала момент, когда магия отравит его, лишит разума.

Мужчина окинул взглядом заснеженную даль. Горы, величественные и неприступные, в кольце которых находился Ледяной Лог, завораживали и пленяли своей красотой. Искрясь в лучах восходящего солнца, ледяные пики пронзали розовеющее, напитывающееся светом небо.

Так и он с каждым прожитым годом напитывался магией своего рода. Магией всемогущей и всесокрушающей. Сколько ещё осталось времени до рокового дня, когда он будет не в состоянии её контролировать? Год? А может, месяц или два…

Если в самом ближайшем будущем у него не появится ари, которая разделит с ним магию рода Герхильдов, будущего императора постигнет незавидная участь — он обезумеет.

Скальде усмехнулся. Он и императором-то не успеет стать. Дольгатты этого не допустят, убьют его прежде. Побоятся рисковать. Ведь справиться с лишённым рассудка драконом, чудовищем, способным похоронить под толщей льда целые города, куда сложнее, чем выпить жизнь из человека. Пусть и тальдена, но уязвимого из-за переизбытка магии.

Единственный выход — жениться на алиане, назвать её своей ари.

Алианы — жемчужины их мира. Этих девушек, которых с каждым поколением рождалось всё меньше, прочили в жёны тальденам — самым могущественным магам Адальфивы. Во время брачного ритуала они вбирали в себя часть силы супруга, а потом передавали её своим будущим детям.

Каждая из них мечтала выйти замуж за дракона, неважно, ледяного или огненного. Каждая хотела назваться женой тальдена. Но не всякая рвалась в императрицы. Слишком сильна была магия рода Герхильд, слишком велика была опасность для жизни будущей правительницы.

К счастью для ледяного мага, находились и такие, которые, несмотря ни на что, жаждали породниться с древним колдовским родом. Эти алианы были готовы пойти на риск.

Скальде мог бы заставить приехать их всех. Достаточно было лишь приказать главам родов, и они бы безоговорочно покорились, прислали бы в Ледяной Лог всех своих дочерей, наделённых способностью забирать магию. Мог бы, да не хотел. Ему хватило и прошлого отбора, в результате которого погибла девушка.

Ставшая ему женой на одну короткую ночь.

И вот грядёт новый отбор. Девять невест. Ничтожное количество. Скальде прикрыл глаза, перебирая в памяти лица и имена алиан, согласившихся с ним обручиться.

Некоторые во время обряда помолвки выглядели такими запуганными, такими несчастными, что даже в ледяном сердце будущего императора шевельнулось нечто, похожее на сострадание. Эти алианы не мечтали о власти, не жаждали связать свою судьбу с судьбой самого могущественного мага империи. И тем не менее они покорились. Покорились воле родителей, которые готовы были поставить на кон жизни собственных дочерей, лишь бы иметь шанс приблизиться к Сумеречному престолу.

Три не помнящих себя от страха девицы скоро прибудут в столицу. Ни одна из них, Скальде был в этом уверен, не выдержит и первой проверки.

Другие пять невест, наоборот, при встрече с наследником едва сознание не потеряли от счастья. Эти тешили себя тщеславными надеждами, что уж им-то наверняка повезёт. Каждая из них была уверена, что с честью пройдёт все испытания и переживёт первую брачную ночь.

Скальде горько усмехнулся. Даже если одну из этих девочек признают полностью ему соответствующей, одной сочетаемости мало. Нужна любовь. Связующее чувство, которое до сих пор ему было чуждо.

Мавена его любила.

Он её — нет.

Быть может, именно это её и убило. Его безразличие.

Погружённый в себя, ледяной маг не заметил появления на балконе Даливы.

Вздрогнул, когда холодные ладони коснулись его, робко огладив напряжённые плечи, и услышал вкрадчивый голос:

— Скальде, ты и так слишком долго тянул с отбором. Прекрати себя мучить! Прошёл год со смерти Мавены. Скорее, тебя сведёт с ума чувство вины, нежели это сделает растущая в тебе сила. Твой отец слабеет с каждым днём. Тебе нужна ари, а империи — новый правитель. Не безумец. И уж точно не твой кузен Игрэйт, — скривилась, будто жука проглотила, фаворитка, — который спит и видит, как бы поскорее усесться на трон.

— С каждым поколением сила моего рода крепнет. Моя мать едва пережила слияние с отцом. А Мавена и дня не пробыла императрицей, — глухо сказал дракон.

— Значит, не так уж она тебе подходила. Мне больно говорить это, но, возможно, среди тех девочек есть та, которая не только примет твою силу, но и пробудит в тебе чувство. К сожалению, мне этого не удалось, — печально улыбнулась Далива.

Маг хмыкнул, неожиданно вспомнив о последней своей избраннице — старшей дочери князя Ритерха. У него было шесть дочерей и все — алианы. Счастливец! Ритерх считал, что вполне может рискнуть одной. А вдруг повезёт и станет отцом императрицы. В крайнем случае, дочь вернётся к нему с сундуками, полными подарков — золота и драгоценностей, и её можно будет сосватать какому-нибудь другому тальдену. При наихудшем раскладе — одной алианой у Его Светлости станет меньше.

Девчонка явно была со странностями. Может, потому Ритерх так обрадовался, когда она приняла предложение наследника. А вот сам наследник почти сразу же о нём пожалел. Уж больно сумасшедший взгляд был у девицы. И ни капли почтения. Ни к отцу, ни к жениху. Да ещё и манеры отвратительные.

Другие девушки, кто от страха, а кто от благоговения, чуть в обморок перед ним не падали. А эта…

Было в девице что-то неправильное, что-то чуждое. Но Скальде не стал задерживаться, дабы выяснить, что с ней не так. От переизбытка силы его мутило, не терпелось оказаться в Ледяном Логе с Даливой.

— Вернёмся в постель, — прижалась к тальдену девушка.

В отличие от Ледяного мага, она, уроженка Рассветного королевства, плохо переносила стужу. Дрожала, втайне надеясь, что повелитель заметит, как ей холодно. Обнимет, как прежде, и уведёт в свои покои, согретые жаром каминов.

Но Скальде не обнял её и, кажется, даже не услышал тихих слов, поглощённый своими мыслями.

Глава 4

Все последующие дни меня не покидало ощущение, что я снова стала студенткой. И в кои-то веки прилежной. Благодаря заклятию Блодейны — моей тюремщицы, я не только могла понимать здешний язык и говорить на нём, воспринимая его как родной русский, но и проглатывала одну книгу за другой.

Не скажу, что все были интересными. Придворный этикет, например, — та ещё нудятина. Но с ним, как назидательно заявила Блодейна, обязана дружить каждая эсселин. Так, кстати, здесь обращаются ко всем знатным девицам. А вот если я вдруг по счастливой случайности снова выйду замуж, за несравненного нашего (мы ещё даже толком не познакомились, а он мне уже заранее не нравился; не зря же Фьярра от него сбежала аж в другой мир), то стану эссель. Ну а после коронации ко мне будут обращаться не иначе, как Ваша Лучезарность.

Лучезарность, блин!

Тут уже и не знаешь, плакать или смеяться.

Я также вскользь познакомилась с историей Сумеречной империи и благодаря тяжеленому талмуду, «Летописям Адальфивы», заглянула в прошлое граничащих с империей королевств: Рассветного и Темнодолья. Хотя последнее и королевством можно назвать с большой натяжкой. Так, крошечное пятнышко на карте на линии имперской границы. Поначалу даже решила, что это картописец (интересно, бывают такие?) по неаккуратности кляксу поставил. Ан нет, оказалось — аж целое королевство. Которым правил близкий родственник Скальде Герхильда — Игрэйт Теудур Хентебесир.

Честно, если бы меня так при рождении назвали, я бы ещё в раннем детстве повесилась.

Территория Рассветного королевства тоже впечатляла, но всё же уступала своими размерами Сумеречной империи.

Ещё одним открытием стало для меня то, что Фьярра была алианой. Бесценным товаром на рынке невест. За который почтенные тальдены готовы были друг другу глотки грызть. Лишь бы заполучить в своё безраздельное пользование одну из этих красоток, которых в мире осталось раз, два и обчёлся, и превратить в свою ари. Другими словами, сделать законной женой.

Тальдены — вообще отдельная песня. Это особая когорта магов, способных превращаться в драконов и ещё с кучей других наворотов.

Откуда взялись тальдены, мне тоже поведали книги. Много столетий назад, конкретно не уточнялось (тоже мне, летописцы), Адальфива воевала с презренными тварями, прозванными Перевоплощённые. Жаль, ни в одном учебнике, выданном мне наставницей Фьярры, не нашлось их портретов и даже захудалого описания. Поэтому понять, что они собой представляли, я не смогла. Как и выяснить причину войны.

Не то чтобы я хотела произвести впечатление на кое-кого своими познаниями истории мира, просто было скучно и любопытно.

Перевоплощённые побеждали. Обычных рыцарей они мочили пачками и быстро. Магов чуть дольше, но с тем же успехом. Города исчезали один за другим, словно звёзды в разгар звездопада.

И тогда из каждого магического рода Адальфивы выбрали по одному самому достойному, одарённому юноше. И по одной девушке — прекрасной и крепкой здоровьем. Их соединили священными узами брака. После чего старейшины каждого рода принесли себя в жертву, отдав свою силу избранникам. Чтобы те спасли мир от Перевоплощённых, превратившись в существ ещё более могущественных — драконов.

Истребив врага, в первую же брачную ночь избранные отдали часть силы своим наречённым — ари. А те потом передали её своим детям.

Так появились алианы и тальдены, также величаемые Хранителями. Если над миром снова нависнет угроза войны, тальдены первые встанут на его защиту.

— Всё это, конечно, замечательно, но мне ваша сила и даром не нужна. А потому спать я с ним не буду ни за какие коврижки! — поставила Блодейне ультиматум. — На замужество, так уж и быть, подпишусь. А дальше пусть возвращается ваша Фьярра и сама рулит, как знает. В смысле, ублажает это своё Великолепие.

Сердце больно царапнула ревность. За минувшие дни оно ею уже было исчерчено в клеточку. Фьярра ведь там, с ним. Проводит медовый месяц с моим мужем. От этой мысли хотелось на стенку лезть, кричать и материться.

Но я терпела, потому как не было возможности отвести душу. Сцепив зубы, читала книги. Понимала, что, чем быстрее освоюсь в незнакомом мире, чем быстрее пойму, как приструнить ведьму и что ей на самом деле от меня нужно, тем скорее вернусь домой к Лёше.

То, что Блодейна темнит и недоговаривает, — это и дураку ясно. А я себя дурой никогда не считала. Но не стану же вытягивать из неё правду клещами. Нет, я бы с удовольствием! Вот только не уверена, что колдунья мне это позволит.

Приходилось довольствоваться неубедительными отмазками, типа: «Фьяррочка очень чувствительная и ранимая, её легко могут обидеть другие невесты».

Тоже мне, оленёнок Бэмби.

Ещё «у неё слабенькое здоровье, и ей противопоказаны стрессы». Будто мне их врачи прописали… «А все этапы отбора очень волнительны». И наконец резюмируя: «Пусть лучше девочка пока понежится на солнышке на этом вашем… Как говоришь? Точно, пляже».

А ты работай, Аня, работай. Охмурялкой для вельможного драконолорда. Тьфу ты, тальдена.

Из непринуждённых бесед с сёстрами, а их у Фьярры обнаружилось аж целых пять, и другими обитательницами замка, усвоила, что каждая алиана чуть ли не с пелёнок мечтает выскочить замуж за тальдена. Якобы это их предназначение — стать ари. Вот только не всякая почему-то желает выйти за Скальде. Пока что это для меня тайна, покрытая мраком.

Стоило только об этом заговорить, как девушки стыдливо опускали глаза и мямлили, что они порядочные эсселин, а не сплетницы. И, как назло, всякий раз, когда я пыталась докопаться до истины, появлялась эта блудливая ведьма, я хотела сказать Блодейна, и под любым предлогом уводила меня подальше от новоиспечённых подружек. А уводя, напоминала, стерва, что жизнь и здоровье Лёши в моих руках.

Пыталась я как-то допросить Мабли, на свой страх и риск. В конце концов, должна же я знать, на что подписалась и что не так с этим Скальде.

Не успела договорить, как девушка побледнела, сливаясь цветом лица со своим передником, и пролепетала, что она не в курсе.

И всё же я не отступала, донимала её наводящими вопросами:

— Хромой?

— Нет.

— Косой?

— Никак нет, Ваша Утончённость.

Мабли маленькими шажками пятилась к двери, я — наступала.

— Может, псих?

— Э-э-э… нет, — прозвучало уже не так уверено. И глазки так и забегали, как маятники неисправных часов.

— Значит, садист…

Не хватало ещё выйти замуж за извращенца!

— Это мне неведомо, Ваша Утончённость.

— Проклятый, что ли? — почти сдаваясь.

— Нет, просто чересчур одарённый. — Сказав это, служанка рванула в коридор, а я осталась стоять в растрёпанных чувствах.

За три дня до отъезда в Ледяной Лог Мабли и Блодейна занялись облагораживанием фальшивой Фьярры — заставляли меня часами торчать в купальне. Где втирали мне в кожу крема с такими ядрёными запахами, что, боюсь, Его Великолепию придётся общаться со мной в противогазе.

Волосы питали душистой смесью масел, от которых роскошная шевелюра Фьярры становилась ещё роскошней. Расслабляли меня массажами — единственное, что нравилось мне в этих ежевечерних ритуалах. Однажды, дождавшись, когда я погружусь в лёгкую дрёму — ароматы благовоний и тихая музыка, как будто льющаяся из ниоткуда (чудеса магии), этому способствовали, — коварные заговорщицы решили напрочь избавить меня от растительности. Спасибо, хоть на голове оставили.

Лично мне она нигде не мешала. Я ведь не собиралась ни перед кем оголяться. Но Блодейна, стерва такая, считала иначе: пригвоздила меня при помощи чар к лавке, а потом ещё и дара речи на время лишила. Когда я начала орать благим матом и грозиться Мабли, споро намазывающей меня густой, липкой дрянью, что то же самое проделаю с её волосами.

Пока интриганки, не посоветовавшись со мной, превращали моё временное пристанище — тело этой трусливой соплячки в храм гармонии и красоты, Его Светлость выносил мне мозг и испытывал на прочность моё терпение. Каждое утро призывал к себе в кабинет, где часами зудел о том, как надлежит вести себя невесте наследника при дворе. Дескать, в столице я буду представлять не столько себя, сколько весь славный род Сольвер — один из древнейших родов Сумеречной империи, основатели которого сражались бок о бок с первыми тальденами.

Приходилось сидеть в кресле, смиренно сложив на коленях холёные ручки, и слушать занудные разглагольствования папеньки. А ночами тащиться в храм Претёмной матери и, словно ягнёнок, отданный на заклание, ложиться на высеченный из камня холодный алтарь, испещрённый непонятными загогулинами-знаками. Лежать как дура или мумия в саркофаге, не шевелясь и не издавая ни звука, пока жрецы, облачённые в бесформенные хламиды, водили вокруг меня хороводы, призывая богиню наполнить чресла алианы, избранной Хранителем, какой-то там особой силой. Вот только не уверена, что надрывные завывания этих фанатиков, больше смахивавшие на вопли дворовых котов с ближайшей помойки, могли увеличить шанс появления на свет наследника.

Всё моё естество противилось беспределу, что творился вокруг меня и со мной. Но протестовать было бессмысленно. Тем более что это могло навредить Лёше. Немного успокаивала мысль, что Его Великолепие вполне может остановить свой выбор на другой невесте.

Что будет означать мой проигрыш для мужа — ещё предстояло выяснить. Но, надеюсь, Блодейна не отпетая негодяйка. Ведь не станет же она вредить Лёше, если я вылечу с конкурса.

Я, конечно, буду стараться, но не факт, что мы с господином Герхильдом найдём общий язык.

Утром перед отъездом со мной пришли попрощаться сёстры. Обнимая и целуя, желали удачи и изъявляли надежду когда-нибудь свидеться снова. И при этом так натурально грустно вздыхали… Как будто сами не верили своим словам.

Это наводило на нехорошие размышления.

Блодейна, партизанка, на мои вопросы отвечала уклончиво либо вообще морозилась. Как будто не понимала, что там, в Ледяном Логе, я быстренько выясню, что не так с этим Скальде.

Может, рассчитывала, что, стоит мне оказаться в драконьем логове, как оттуда я уже не сбегу? Что ж, это мы ещё посмотрим… Пока же оставалось только строить догадки и ёжиться от собственных предположений относительно возможных дефектов тальдена.

Мабли помогла мне обрядиться в платье из бледно-голубой парчи. Спереди оно было слегка присобрано, открывая край щедро расшитой серебром нижней юбки, своей белизной сочетавшейся со вставкой на тугом лифе. Серебряные украшения овивали тонкую шею и изящные запястья. Оказывается, обвешивать себя золотом дозволялось только замужним дамам.

Разделив мне волосы на прямой пробор, Мабли уложила их в виде двух валиков, после чего нахлобучила мне на голову атур — головной убор, окутавший лицо невесомой голубоватой вуалью. Вот так я обзавелась симпатичными, обтянутыми шёлком и обильно осыпанными жемчугом, «рожками».

Довершали образ сказочной принцессы тёмно-синяя бархатная накидка на меху, перчатки ей в тон и отороченные мехом тёплые сапожки.

Я смотрела на своё отражение и была не в силах отвести от себя восхищённого взгляда. Хрупкая загадочная нимфа — иначе и не назовёшь. Не знаю, что думает обо мне Скальде Герхильд, но лично я от себя без ума. Налицо нарциссическая любовь.

— Ваша Утончённость, экипаж уже подали. — В комнату вернулась Мабли и скромно замерла у стены, сложив перед собой ладошки, как будто во время молитвы.

Последний взгляд, брошенный на оправленное в резную раму зеркало, и прекрасная незнакомка в зазеркалье подарила мне улыбку, немного грустную и задумчивую.

Ну что ж, Аня-Фьярра-Мадерика Сольвер, готова побороться за ледяное сердце сказочного принца?

Я не была готова. Но ни Блодейне, ни князю Ритерху до моих сантиментов не было никакого дела. А потому оставалось только пожелать себе удачи, подмигнуть себе же задорно (не уверена, что его отмороженности придётся по душе невеста с постной физиономией) и, запахнув накидку, последовать за Мабли к новому и, надеюсь, очень непродолжительному этапу моей жизни.

* * *

— Ещё один отбор! — Игрэйту хотелось рычать и крушить всё вокруг.

Вот только в Кристальной пещере крушить особо было нечего. Разве что посбивать в порыве гнева ледяные наросты, которыми за долгие столетия обросли стены и каменные своды давным-давно позабытого людьми и магами места — храма Леуэллы.

Тальден вглядывался в голубоватую дымку, затянувшую пространство. Озирался нервно, щурясь от вспыхивающих то тут то там отблесков льда. В кристальной толще магу виделось лишь собственное отражение: перекошенное злостью лицо и взгляд, потемневший от гнева.

— Где ты, тагры тебя подери?! У нас был уговор! Ты обещала помочь! Леуэлла!!! — От крика, отголосками зазвучавшего в глубинах храма, земля под ногами дрогнула, и Игрэйту почудилось, будто острые ледяные иглы нацелились на него, готовые пронзить сердце мага в любую минуту. За то, что осмелился нарушить покой священного места.

— Ну чего разорался? — Снежный вихрь пронёсся по пещере, покружил вокруг тальдена и осыпался на землю белым крошевом, у самого подножия подёрнутого морозными узорами алтаря.

Игрэйт зажмурился от пронзительно-яркой вспышки, а когда открыл глаза, увидел перед собой снежного духа. Леуэлла сидела на жертвеннике, кокетливо закинув ногу на ногу, и поигрывала так и норовившей соскользнуть с изящной ступни хру-

стальной туфелькой. — Пусть я и древняя, но ведь не глухая же.

— Ты обещала, — скрипнув зубами, повторил маг.

Снежная дева неопределённо хмыкнула. Подковырнула перламутровым ноготком ледяную корку на камне, и по той, разветвляясь, побежали трещины.

— А разве я не сдержала слово? — захлопала белёсыми ресницами, отчего серебристая пыльца осыпалась на бледные щёки девушки. — Или год назад Ледяной Лог не пополнился ещё одной скульптурой? Мальчишка, да и вся Адальфива, уверены, что это убийственная сила Герхильдов превратила Мавену в ледяную статую.

— Скоро начнётся новый отбор, — мрачно перебил древнюю гость.

Леуэлла безразлично пожала плечами:

— Не моя проблема. У нас было разовое соглашение.

— Но ты должна мне помочь!

— А вот это ты зря… — Холодные и как будто прозрачные глаза девы опасно сверкнули. — Запомни раз и навсегда: я ничего никому не должна. Так приспичило править Сумеречной империей — вызови Скальде на бой. А не виляй хвостом перед ним, как преданная собачонка, довольствующаяся объедками с императорского стола!

Игрэйт всё-таки поддался недавнему порыву и глухо зарычал. Дёрнулся было к снежному духу, но успел поймать в кулак лишь горсть снега, тут же растаявшего на ладони. Мгновение, и вот уже чистый, словно звон хрустального колокольчика, голос звучит из другого конца пещеры.

— Осторожней, Игрэйт. Не забывай, кого ты призвал. Ты ведь не хочешь, чтобы я рассердилась.

Тальден почувствовал, как холодок побежал по спине — это призрачные руки Леуэллы легли ему на плечи. Бесшумно обойдя колдуна по кругу, снежная дева, лаская, кончиками пальцев очертила абрис его бледного, напряжённого лица. Прикрыв глаза, подалась вперёд, желая коснуться уже изрядно посиневших губ мага смертоносным поцелуем.

Сбросив оцепенение, Игрэйт отшатнулся, а Леуэлла громко расхохоталась, и от этого заполнившего пещеру пронзительного звука со сводов, терявшихся в чернильной тьме, посыпались ледяные осколки.

— Какие же вы, смертные, скучные. Трусливые. Так боитесь рисковать собственной шкурой. А зря. Мне говорили, я хорошо целуюсь.

— Поверю на слово, — хмуро буркнул колдун и вернулся к интересовавшей его теме. — Помоги мне в последний раз. Я щедро заплачу.

— Чем же? Жизнью ещё одной невесты? Так другой у тебя пока нет.

— Чем угодно! Назови цену! — запальчиво выкрикнул маг.

Леуэлла поджала посеребрённые инеем губы:

— Хм, надо подумать… А пока я буду думать, ты отправишься в Ледяной Лог.

— Но…

— Не «но», а «как вам будет угодно, о, моя премудрая покровительница»! Ты второй после Герхильда претендент на престол, так? Так. Значит, тоже вскоре обязан жениться.

— Это Скальде уже почти труп. — Игрэйт не заметил, как при этих словах по губам его скользнула улыбка. — Моя же магия меня не убивает. — Тальден не спешил связывать себя священными узами брака. Потому и отдал без сожаления снежному духу алиану, с которой год назад обручился. За это Леуэлла «позаботилась» о Мавене, которая благодаря стараниям древней и дня не пробыла императрицей.

— Хочешь править?

Игрэйт настороженно кивнул.

— Тогда делай то, что тебе говорят! Каждому отбору предшествуют месяцы и ме-

сяцы подготовки. Скажи, что желаешь присмотреться к алианам, отобранным Скальде. Старейшины не станут возражать. Наоборот, обрадуются, что можно будет совместить два отбора и подобрать ари не только потенциальному императору, но и его возможному преемнику.

— А если ни одна из алиан мне не подойдёт?

— Молись Претёмной матери, чтобы подошла. — Леуэлла снова уселась на алтарь, на котором когда-то, много веков назад, люди оставляли ей свои подношения.

Миновали столетия, паломники забыли дорогу к священному храму на вершине скалы, как позабыли о снежной деве и других древних. И теперь лишь изредка доводилось общаться с дураками, вроде Игрэйта, которые питали её своей силой и тем самым поддерживали в ней искру жизни.

— Хорошо, допустим подойдёт, — не догадываясь о сумрачных мыслях духа, согласился тальден. — Ну женюсь я. И что тогда?

Леуэлла закатила глаза.

— И всё-то тебе надо разжёвывать… Императрица, как это водится, не переживёт брачную ночь. Скальде обезумеет. Если не от переизбытка силы, так от чувства вины. А если и эта смерть оставит его равнодушным, мы сами поможем ему обезумить. И всё. — Блеклые губы духа растянулись в зловещей улыбке, обнажая маленькие острые клычки. — Герхильда убивают дольгатты, а тут ты — сильный тальден, да ещё и счастливо женатый. Старейшины перед тобой на коленях валяться будут, умоляя, чтобы согласился взвалить на себя бремя правления империей.

— А мне нравится твоя идея! — потирая руки в предвкушении скорой победы, воскликнул колдун.

— Ещё бы, — хмыкнула снежная дева.

— А что же с оплатой? — мгновенную радость поглотили иные чувства: настороженность и беспокойство.

— Милый мой мальчик, я не потребую от тебя ничего такого, что ты не сможешь мне дать, — промурлыкала Леуэлла.

Послав магу воздушный поцелуй, от которого у Игрэйта мороз побежал по коже, древняя взметнулась снежным вихрем и исчезла в глубинах горного храма.

Глава 5

Я не хотела уезжать.

Не то чтобы мне было жалко расставаться с сёстрами, фальшивым отцом и ведьмой-шантажисткой. Просто ноги не несли к повозке, запряжённой четвёркой белых, как заснеженные пики гор, лошадей.

Красивых — ничего не скажу. Но, увы, крылатых.

А я полётов до чёртиков боюсь. И воздушному транспорту предпочитаю наземный. Лучше поваляться денёк-другой с книжкой в поезде, чем за пару часов домчать на самолёте.

Тем более, что ещё от полёта с драконооборотнем не отошла.

Карета, с виду как будто сделанная из стекла, выглядела довольно хрупкой. Того и гляди от одного порыва ветра потрескается или ещё хуже развалится. Кони и вовсе казались неуравновешенными. Короче, не внушающими доверия. Как-то уж больно нетерпеливо потрясали серебряными гривами, громко фыркали и выбивали копытами из припорошенного снегом камня искры.

К таким и приблизиться страшно. Не то что позволить унести себя в заоблачные дали.

— Что-то мне уже расхотелось замуж, — чувствуя, как начинают дрожать коленки и зубы выбивают чечётку, я повернула обратно.

Но не успела сделать и пары шагов по направлению к замку, как предусмотрительная наша, схватив меня за руку, потащила назад к сомнительному экипажу.

— Перестань трястись!

— Мне страшно, — голос тоже дрожал, наверное, из солидарности с телом.

— С фальвами тебе нечего бояться. Это зачарованные животные, единственное задание которых — доставить тебя в Ледяной Лог. — Распахнув дверцу кареты, Блодейна — дама не только властная, но и весьма крепкая телом (нынешней хрупкой мне с ней точно не справиться), впихнула меня в недра экипажа. Наклонилась, сделав вид, будто заботливо поправляет тяжёлый шлейф моего платья, и сказала: — Не пройдёт и часа, как будешь в столице.

Или, скорей, туда прибудут мои бренные останки, потому как душа к тому времени трусливо смоется. Это сейчас она в пятки ушла, а, стоит этим самым фальвам взмыть в небо, как мы с ней распрощаемся навсегда.

— Не забывай, — принялась за свои страшилки ведьма, — от того, как будешь себя вести, зависит не только твоё будущее, но и…

— Не бойся, о муже я не забыла. И сделаю всё, лишь бы отсюда выбраться! — Несмотря на холод, коловший кожу, щёки запылали, и по венам потекло пламя гнева.

Поддавшись сиюминутному порыву, я с силой захлопнула дверцу прямо перед носом противной бабы и демонстративно отвернулась. Уж лучше любоваться высокими замковыми стенами, выраставшими на фоне затянутых туманной пеленой гор, нежели лицезреть гримасу недовольства на лице этой стервы.

Не успела Блодейна отойти, как к экипажу, важно ступая, точно индюк, в щедро подбитом мехом плаще приблизился мой псевдопапенька. Тоже попрощаться и тоже понаставлять.

Покончив с сентенциями, Его Светлость поднялся на ступеньку кареты, привстал на носочки и коснулся моего лба сухими губами.

— Ты, главное, себя сохрани, милая. А станешь императрицей или нет — дело десятое.

Надо же! Первые проблески заботы за всё то время, что нахожусь здесь. Быть может, я бы и расчувствовалась и даже обняла князя, вот только его просьба сохранить

себя вновь заставила забеспокоиться. Погружённая в свои переживания, даже не заметила, как Ритерх вернулся к дочерям.

В карету скользнула Мабли — единственная моя провожатая, которая, полагаю, была приставлена ко мне не столько, чтобы прислуживать, сколько надзирать.

Ведь пообещала Блодейна, что будет бдеть до последнего и с меня глаз не спустит. И я нисколько не сомневалась, что так и будет.

Последнее, что запомнилось, — это как «родственники» и высыпавшая из замка челядь машут руками, улыбаясь. Некоторые даже, растрогавшись, пустили слезу и зашмыгали носами.

Или же причина в насморке — неожиданно начавшейся эпидемии.

А потом карета дёрнулась, чиркнув стальными колёсами по мощёной дороге. Я вжалась в обитую красным бархатом спинку, расчерченную на ромбы золотыми нитками. Трусливо зажмурившись, принялась вспоминать молитвы, вдруг почувствовав искреннее доверие ко всем православным святым. На всякий случай и Претёмную матерь упомянула. Готова была кому угодно молиться, лишь бы помогли добраться до Ледяного Лога живыми и невредимыми.

Даже кучера для нас пожалели. И пусть потом папенька не серчает, если не удастся мне сохраниться!

— Ваша Утончённость, с вами всё в порядке? — Мабли легонько тронула меня за руку.

Не без усилия, но всё же открыла глаза. Странно, но не было ощущения полёта. Казалось, карета зависла в воздухе. Я ожидала, что нас будет мотылять из стороны в сторону, и ветер, насмехаясь над моим страхом, будет подбрасывать этот стеклянный шар.

— Взгляните, как красиво! — Девушка чуть отодвинула занавеску, на которой золотились цветочные узоры. Светло-зелёные глаза Мабли сияли восторгом, на губах играла улыбка ребёнка, впервые оседлавшего пони.

— Может, чуть позже…

— Если чуть позже, пропустите самое интересное, — резонно заметила служанка. — Говорят, нет ничего прекраснее, чем Хрустальный город с высоты драконьего полёта.

Сглотнув застрявший в горле комок, я разрешила раздвинуть занавески полностью, и присоединилась к созерцанию красоты.

Сердце едва не пробило грудную клетку. Сначала зашлось от страха, потом — от восторга. За окном сражались снежинки с неистовыми порывами ветра, то завывавшего, то стонавшего в заоблачной вышине.

Внизу под нами простирались горы, величественные и прекрасные. Долины, изрезанные лентами дорог, и тёмные точки не то городов, не то небольших селений, подёрнутые дымкой тумана.

А вскоре нашим глазам открылась поистине сказочная картина — имперская столица во всей своей красе. Хрустальный город. Теперь я понимала, почему его так назвали. Светлые с голубоватым отблеском здания сверкали на солнце и издалека действительно казались хрустальными. Искрящийся снег шапками укрывал покатую черепицу крыш. Улочки и палисадники перед маленькими, как будто пряничными, домами, площади и скверы — всё казалось таким ажурным, нежным, воздушным.

— Как же красиво! — с благоговейным трепетом выдохнула Мабли, умилительно сложив на груди ладошки.

Хорошая, в общем-то, девушка. Отзывчивая, добрая. Но имеется у неё один существенный недостаток — Мабли предана душой и телом Блодейне.

— Ой! А это Ледяной Лог! Я его раньше только на картинках в книгах видела!

В самом центре города возвышался замок, при виде которого ощущение, что я по-

пала в сказку, пусть и не очень добрую, только усилилось. Подозреваю, что под толщей льда, скрывался камень. Но со стороны императорская резиденция казалась и впрямь построенной изо льда.

И если мой экипаж, тоже немного подмороженный, казался совершенно ненадёжным, то от Ледяного Лога буквально веяло силой и мощью. А ещё холодом. Таким же пронзительным, как и от его хозяина, Скальде Герхильда.

Величественно и гордо вздымались в небо ледяные башни, пронзая своими острыми шпилями гущу облаков. На самой широкой, центральной, прямо над массивным балконом сиял серебром императорский герб — дракон, разметавший в воздухе крылья.

Описав круг почёта над замком, мы, постепенно снижаясь, полетели дальше.

— Я думала, нас ждут в Ледяном Логе.

— По традиции, невест сначала приветствуют горожане возле ратуши. И только потом появляются наследник и старейшины, чтобы забрать алиан в замок.

Я занервничала. Не ожидала, что появление невест будет обставлено столь помпезно. Вид площади перед ратушей, наводнённой галдящей толпой, заставил меня заёрзать на месте.

Никогда не любила быть в центре внимания. Психовала перед семинарами, а уж после защиты диплома и вовсе приходила в себя несколько дней, сидела на строгой диете из валерьянки и ромашкового чая.

Как оказалось, мы чуть припозднились. Остальная команда невест уже выстроилась на плацу, извиняюсь, на затянутой синей тканью сцене и, великодушно улыбаясь, помахивали благодарной толпе изящными ручками в тёплых перчатках.

Истинные эсселин. В каждой чувствовалась порода.

Не сдержавшись, тихонько присвистнула. А у Скальде губа не дура. Все девушки были дивно как хороши. И я вдруг поняла, что борьба за сердце наследника окажется не из лёгких. Скорее, как на ринге поединок без правил.

Зря Блодейна всё это затеяла. Чему я там могла научиться за две недели? Я не эсселин, не алиана. Можно сказать, иностранка, прочитавшая по диагонали брошюру для любопытных туристов.

— Секундочку, вуаль.

Невесомая дымка растаяла перед глазами — это Мабли откинула полупрозрачную ткань и ловко закрепила её над моими «рожками». После чего первая выскочила из кареты и помогла спуститься мне. Но на сцену не повела. Пришлось топать самой. Подниматься по ступенькам под громкие рукоплескания горожан и холодно-оценивающие взгляды соперниц.

А потом ещё добрых четверть часа, стараясь подражать остальным девушкам, улыбаться счастливой толпе и приветственно махать ручкой.

И вот, когда у меня уже скулы свело от слащавых улыбок, благодарные зрители, вдруг замолчав, почтительно расступаясь, стали кому-то кланяться. Памятуя о том, как должны приветствовать подданные своего властителя, я опустилась в низком реверансе. Потупилась скромно.

Правда, смирения моего хватило ненадолго, от силы на пару секунд. Любопытство взяло верх, и я, не сдержавшись, подняла глаза. Чтобы встретиться с пристальным и холодным взглядом главного виновника этого торжества.

Его Великолепие возглавлял шествие. Мужчины, что следовали за ним, были все как на подбор седовласы, в возрасте почтенном, если не сказать преклонном. С лицами, хранившими совершенно одинаковые выражения — величественно-надменные.

«Старейшины», — догадалась я.

В отличие от эрролов, в длинных с меховыми опушками мантиях смахивавших на членов клуба ценителей шуб, наследник не выпячивал свою значимость и не де-

монстрировал высокомерие. По его непроницаемому лицу вообще было сложно что-либо прочесть.

Как-то в разговоре о тальденах сёстры упомянули, что магия рода накладывает отпечаток на характер её носителя. Из того, что услышала и прочитала сама, сделала вывод, что в Огненных магах бушуют страсти. В то время как Ледяным в большинстве своём всё до лампочки.

А Блодейна хочет, чтобы я во что бы то ни стало влюбила его в себя.

Сердце тоскливо заныло. Чем дольше смотрела на Скальде, тем отчётливее понимала, что проще из камня высечь огонь, чем растопить лёд в сердце отмороженного колдуна.

Ещё сёстры, хихикая и краснея, шушукались о том, что Его Великолепие настоящий красавчик. Что ж, они и здесь оказались правы. Хоть маг однозначно и не мой типаж (для меня идеал красоты — это мой Лёша), приходилось признать, будущий император приковывал к себе взгляд.

Скальде был высок, широкоплеч и статен. Длиннополый плащ наследника развевал ветер, открывая его как будто высеченную из камня фигуру. Лёша у меня субтильный, со спортом особенно не дружил. В то время как господин Герхильд явно любил потягать железо — не важно, мечи или гантели.

Маг излучал такую мощь, такую властность, что я, как и тогда во время обряда, снова почувствовала себя букашкой. Крошечным насекомым. Его Великолепие окружала незримая, но весьма осязаемая аура силы, и эта сила давила на меня, угнетала. Заставляла опускаться всё ниже и ниже в реверансе.

Рядом с Лёшей мне было комфортно, спокойно. А присутствие Скальде лишало тех крупиц душевного равновесия, что ещё оставались во мне.

Вельможный жених по очереди подходил к невестам, тоже, кажется, с трудом боровшимся с волнением и желанием пасть пред ним ниц в глубоком обмороке.

Вот ведь сногсшибательный мужчина. В прямом смысле слова.

Будущий правитель приветствовал каждую избранницу вежливой, но совершенно ничего не выражающей улыбкой. Потом что-то говорил девушке, и на губах у той тоже расцветала улыбка, застенчивая и вполне искренняя.

Одарив вниманием одну претендентку, маг подходил к следующей.

И, пока Его Великолепие отпускал комплименты по порядку номеров всем алианам, я была вынуждена подсчитывать падавшие на носки моих сапог снежинки и не смела разогнуться. От долгого пребывания в неудобной позе затекли ноги, руки и всё остальное. Чувство раздражения начало стремительно брать верх над волнением. Быть может, Фьярра и привыкла по полчаса корячиться в реверансах. Я же такой выдержкой, увы, не обладала.

В какой-то момент поняла, что всё, сейчас неуклюже растянусь на сцене на потеху публике. Желая избежать конфуза, выпрямилась. Оставалось надеяться, что Его Великолепие не расценит это, как проявление неуважения с моей стороны.

А если и расценит — сам виноват. Ползёт как черепаха. Да и вообще, нефиг так долго языком чесать с номером восемь.

Не успела расправить плечи, как в меня стрелой метнулся хищный взгляд холодных серых глаз. Маг сразу же потерял интерес к бледнолицей брюнетке, отчего та обиженно поджала губы и недобро на меня покосилась.

Тальден тоже выглядел недовольным. Смотрите-ка! Хмурится. Значит, всё-таки небезнадёжен. Какие-то эмоции может испытывать, пусть даже и отрицательные.

И чего, спрашивается, тогда придуривается…

Маг поравнялся со мной. Глядя на меня с высоты своего немалого роста, спросил:

— Вы всегда так пристально разглядываете мужчин?

Улыбку зажал. Или же на восьмой претендентке они у него просто закончились.

— Только тех, за которых планирую выйти замуж. — Это я так пошутила. Пыталась разрядить обстановку. Она вокруг нас была немного наэлектризована.

— И много у вас таких? — Наследник заломил бровь, явно не оценив моё чувство юмора.

Шуток не понимает. Плохой знак.

Этим он окончательно выбил меня из колеи. Потому и ляпнула, не подумав:

— Пока только вы. — Почувствовала, что меня начинает подташнивать и колотить.

Горожане, тальден, старейшины, соперницы — все смотрели на меня с такими лицами, как будто чего-то ждали. И это заставляло нервничать.

— Добро пожаловать в Хрустальный город, эсселин, — снова приняв безразличный вид, бросил Герхильд.

Обдав напоследок своим холодом, спустился со сцены. Уступил место дородной даме в роскошном наряде и таком же, как у Блодейны, колпаке с вуалью.

Обведя зрителей торжественным взглядом, женщина громко заговорила, и её хорошо поставленный, звучный голос, наверняка усиленный магией, разлетелся по всей площади:

— Мы рады приветствовать самых прекрасных девушек Адальфивы в сердце нашей империи! Сегодня весь город будет праздновать, веселиться и танцевать в вашу честь!

Народ зашумел, радостными криками одобряя намеченную программу.

А я облегчённо выдохнула, когда услышала:

— Наших же бесценных гостий приглашаем в замок отдохнуть после утомительного путешествия. Восстановить силы перед балом!

При слове «бал» девушки заметно оживились. Стали друг с другом переглядываться и дарить друг другу улыбки. Я тоже сделала вид, что страх как рада запланированному мероприятию и жду не дождусь начала средневековой тусовки.

Правда, почти сразу же приуныла, когда пышнотелая дама, подбоченившись, деловито произнесла:

— Ну а завтра на рассвете состоится первое испытание! Поприветствуем же избранниц! Очень скоро одна из них взойдёт на трон под руку с нашим будущим императором!

Скальде смотрел оценивающе то на одну, то на другую девушку, но только не на меня. Будто заранее вычеркнул меня из списка невест и давал понять, что если кто и станет императрицей, то точно не я.

Не с ним и не в этой жизни.

Глава 6

Суматошное утро, головокружительный полёт над пиками гор, жадное внимание толпы и явное отсутствие внимания к моей персоне со стороны наследника сделали своё дело. Я чувствовала себя — нет, не выжатым лимоном, скорее, прошлогодним цукатом, завалявшимся где-то на кухне.

Оказавшись в спальне, к двери которой была прибита незамысловатая табличка с номером девять (вероятно, написать на ней мои имя и титул банально поленились), только и смогла что доплестись до кровати. Рухнула лицом в подушки, да так и заснула: «рогатая», одетая и обутая.

Из блаженного забытья вывел тихий голосок Мабли. Девушка осторожно трогала меня за плечо, приговаривая:

— Ваша Утончённость, Ваша Уто…

— Находится вне зоны доступа и будет там же до завтрашнего испытания. — Я и сама спросонья не поняла, что сказала. Обняв подушку, сладко зевнула и перевернулась на бок. — Его Великолепию передай, что у меня спину прихватило из-за долгого пребывания на морозе в позе стоячего лотоса. Может, совесть у отморозка проснётся…

Ну не нравилось мне ему кланяться. Не нравилось и всё тут!

— Но госпожа, — в голосе служанки, обычно таком кротком и мягком, послышались слёзные нотки. Это дома в случае чего Мабли бежала за помощью к Блодейне, а здесь ей придётся самой со мной управляться. — Все алианы уже два часа как наряжаются и прихорашиваются. А мне вас ещё купать, кормить и переодевать.

— Ещё скажи памперсы мне менять… Я тебе кто, новорожденная? — попробовала было возмутиться, но сил даже на это не хватило.

Всё, спать, спать и ещё раз спать.

— Когда вот так капризничаете… Я слышала, как эсселин договаривались собраться перед праздником в гостиной, познакомиться и пообщаться, — решила зайти с другой стороны хитрюга.

И, надо признать, стратегия её оказалась действенной. Я тут же подхватилась, вдруг почувствовав резкий прилив бодрости. Раз алианам не терпится друг к другу присмотреться, то и мне, пожалуй, стоит начать вливаться в их дружный коллектив. Не столько ради оценки «вражеской силы», сколько из-за этого ледышки Герхильда. Я ведь по-прежнему не знаю, что за дефект скрывает Его Великолепие.

Так как внешних при беглом осмотре обнаружено не было, пришла к выводу, что подстава кроется в чём-то другом. И следовало как можно скорее выяснить, в чём именно. Я по-прежнему не отметала версию, что Скальде — маньяк-садист, местный аналог Синей Бороды и Кощея Бессмертного. Сильные мира зачастую уверены, что могут позволить себе всё, что угодно, и им за это ничего не будет. Вдруг тальден из таких уродов.

Брр…

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Последние закатные лучи раскрашивали комнату приглушённым, золотисто-охровым цветом. Пламя в каминах, расположенных друг напротив друга, не только согревало, наполняя спальню умиротворяющим звуком потрескивающих поленьев, но и делало окружающую обстановку уютной.

Приподнявшись на локтях, я с интересом огляделась. Комната оказалась очень просторной, если не сказать огромной. Широкая кровать пряталась в алькове под изумрудным с золотой бахромой балдахином. Повсюду горели свечи — на изящных столиках чёрного дерева, на подоконниках стрельчатых окон, чередовавшихся с витыми колоннами; над каминами. Пламя свечей отбрасывало тени на стены, увешан-

ные гобеленами с красочными изображениями райских садов и гуляющих по ним златовласок. Каменный пол устилали мягкие пушистые ковры. Сундуки и лари темнели по углам спальни. Заметила два глубоких кресла и множество мягких пуфов, а ещё туалетный столик с поблёскивавшим на нём серебряным кувшином да тазиком для умывания. Рядом стоял раскрытый резной ларец, из которого выглядывала нитка розового жемчуга, венчавшая самоцветы разной формы и размеров в ажурных оправах из светлого и чернёного серебра.

Мабли проследила за моим взглядом.

— Подарки наследника. Хотите взглянуть?

— Давай ты меня сначала выкупаешь и накормишь, — припомнила служанке её слова, — а потом уже будем восхвалять щедрость Его Великолепия.

Облегчённо выдохнув, девушка позвала меня в купальню. Не такую просторную, как в хоромах «папеньки», но тоже обставленную со вкусом.

Четвертью часа позже, пока я утоляла голод, сидя за туалетным столиком, Мабли споро укладывала мои волосы. Снова закрутила их над ушами и спрятала под серебристые сеточки, соединённые тонким шнурком, украшенным драгоценным камнем, формой и цветом напоминавшим дождевую каплю.

— И во лбу звезда горит, — прокомментировала я, когда девушка поправила украшение, так, чтобы волшебная капелька мерцала точнёхонько у меня над переносицей.

Один из многочисленных подарков месье Герхильда, проявившего небывалую щедрость. Хотя, признаюсь, я ожидала, что мне в шкатулку по его приказу положат дохлых лягушек. Ан нет, вон и перстенёчки с сапфирами, и жемчужные подвески, и шикарная рубиновая парюра. И много-много чего другого.

Не жмот и на том спасибо. Жаль, домой с собой это добро не заберёшь.

Покончив с причёской, Мабли стянула со спинки кресла нижнее платье из серебристой ткани, по подолу украшенное россыпями прозрачных, словно роса на лепестках роз, камней. Верхнее, распашное, — из плотного шуршащего шёлка было васильково цвета, с глубоким прямоугольным вырезом и расклешёнными от локтей рукавами. Широкий пояс, пущенный под грудью, подчёркивал пусть и скромных размеров, но всё-таки имевшиеся у нас с Фьяррой в наличии формы.

Не прошло и часа, как я была во всеоружии. Пожелав себе удачи, отправилась знакомиться с алианами. Авось повезёт, и они расскажут мне о Скальде что-нибудь интересное. А главное, полезное.

Распахнув передо мною двери уютной гостиной, Мабли юркнула обратно в коридор. А я застыла на пороге, сражённая наповал взглядами-копьями, метнувшимися в мою сторону. Сердце испуганно ёкнуло, мурашки побежали по коже.

Не сразу, но всё же заметила, что не все девушки смотрят на меня, как на врага народа или на бомбу замедленного действия, которая пусть и не сейчас, но всё равно когда-нибудь обязательно рванёт.

В глазах некоторых читалось любопытство, а губ касались вполне тёплые улыбки.

Правда, я всё равно нервничала и чувствовала, как на меня всё сильнее давит атмосфера враждебности. Она исходила от пятёрки красоток, оккупировавших дальний диванчик, тонувший в полумраке. Другая, малочисленная группка невест расположилась на подушках, в творческом беспорядке разбросанных возле камина. Эти алианы, наоборот, источали радушие. Оставалось надеяться, что искреннее.

Я условно поделила гостий Его Великолепия на команду светлых и тёмных.

— Доброго вечера, леди… эсселин! — поправилась спешно. Закусила губу, боясь ляпнуть ещё какую глупость.

Дабы уровнять счёт, примкнула к «светлым». Тем более что тоже хотела погреть косточки у камина. Блодейна вырвала меня из душного московского лета и безжа-

лостно забросила в зимнюю стужу. Не то чтобы я была неженкой и не привыкла к морозу, но всё же считала себя созданием теплокровным и мечтала о переезде куда-нибудь поближе к югу. Где в холодное время года солнце не только светит, но ещё иногда и греет.

Вздохнув тихонько, едва не прослезилась от жалости к самой себе. Лёшик с этой фальшивкой сейчас на пляжах в Тенерифе загорают. А я тут, коченею.

— Эсселин Сольвер, рада знакомству, — лучезарно улыбнулась шатенка, обладательница задорных кудряшек, спрятанных под чёрной сеткой в бриллиантах, и очаровательных ямочек на щеках.

Девушка сидела ближе всех к камину и хрустела сухариками, которые жарили тут же на маленьких шампурах, или как там они называются. Поварёнок в светлом колпаке нанизывал на них комочки теста и протягивал к огню.

— Меня зовут Ариэлла. Ариэлла Талврин, старшая дочь князя Деррена.

«Номер семь», — вспомнила я и ответила Ариэлле такой же открытой улыбкой.

Следом представились номера шесть и четыре. Нежная блондинка Майруэн, у которой волосы были ещё светлее, чем у меня. И фигуристая, пышногрудая Гленда с роскошной, слегка вьющейся медной копной. Девушка явно гордилась таким богатством, а потому оставила волосы распущенными, украсив изящной серебряной диадемой. В бликах света, отбрасываемых камином и свечами в кованых канделябрах, казалось, будто плечи красавицы укрывает пелерина, сотканная из языков пламени.

Беря пример с княжны Талврин, алианы то и дело опускали свои беленькие ручки в корзинку с сухариками. Бедолага поварёнок не успевал их жарить. Понятное дело, сухарики, а не руки. Я хоть и плотно поужинала, тоже соблазнилась ароматом и зачерпнула горсточку золотистых шариков.

Поварёнок горестно вздохнул. Ещё одна дармоедка прибавилась.

Неловкое молчание, возникшее после того, как назвала себя Гленда, нарушила горделиво поднявшаяся с диванчика и представившаяся брюнетка. Та самая, которая на сцене стояла рядом со мной и флиртовала со Скальде.

Пока я на глазах у всей столицы корячилась в реверансе.

Подняв на девушку взгляд, поняла, что, будь я господином Герхильдом, тоже, наверное, не захотела бы от неё отлипать. Красота Керис, княжны Серых пустошей, была холодной, но броской и притягательной. Утончённые черты её лица завораживали, лишали возможности отвести взгляд. Как и природная грация, и чистый, будто перезвон хрусталя, голос. Пусть сейчас в нём звучали ледяные нотки, я готова была слушать его бесконечно.

И смотрела на неё, как кролик, загипнотизированный удавом. Очень красивым и породистым.

Почему-то подумалось, что эта холёная Снежная Королева и айсберг Герхильд составили бы идеальную пару.

Вот будет облом Блодейне, если мои прогнозы сбудутся.

Остальные девушки предпочли остаться на своих местах. В полумраке их лиц и фигур было особо не разглядеть, поэтому я сделала себе пометку в памяти: присмотреться к ним позже, во время бала. А пока что попыталась запомнить имена: Бриаллен, Хелет, Рианнон и Майлона.

Мне повезло, прямо-таки сказочно: Майлона оказалась той ещё сплетницей, и все её разговоры сводились к расчудесному тальдену. Похоже, девица была без ума от будущего императора. Не уставая, пела ему дифирамбы. И знала о Скальде, наверное, даже больше него самого.

Майлона мне напомнила молоденькую фанатку, визжащую от восторга при взгляде на своего кумира: музыканта, актёра — без разницы. А здесь целый будущий император.

Обрадованная тем, что наконец обнаружился источник информации, я как бы между прочим сказала:

— Стать невестой Его Великолепия большая честь. Странно, что некоторые алианы от неё отказываются.

Как по мановению волшебной палочки все звуки стихли. Повисло молчание, заставившее меня напрячься. Переглянувшись, девушки уставились на меня немигающими взглядами. Даже поварёнок позабыл о том, что должен жарить сухарики. Принялся озадаченно почёсывать остриём шампура свою макушку, отчего белоснежный колпак съехал набок.

— Знаете, а я вот тоже так считаю! — неожиданно поддержала меня Майлона, тем самым немного понизив градус напряжения.

— И тебя совсем не смущает, — кашлянув, начала было Гленда, а я затаила дыхание, — что он…

Он что? Что?!

Как назло, в тот самый момент так некстати распахнулись двери, и слуга в синем кафтане, красных лосинах и коротких пышных штанах объявил:

— Её Сиятельство графиня Далива Ниана д'Ольжи!

— Фаворитка, — прокомментировала наша ходячая Герхильдопедия, и все девушки опустили взгляды.

Поднявшись, слаженно присели в реверансах. Я последовала их примеру.

Послышались шаги и шелест юбок. Оставаясь верной самой себе, я вскинула взгляд и быстренько просканировала им незваную гостью. Чтобы уже в следующее мгновение мысленно застонать. Ещё одна красотка на мою голову.

Как будто их без этой Даливы в комнате было мало. У меня скоро случится передоз от избытка прекрасного.

Любовница наследника была сногсшибательно хороша и казалась полной ему противоположностью. Если Скальде был как глубокая ночь, безлунная и беззвёздная, то графиня предстала в моём воображении ясным, в самом разгаре полднем. Идеально-красивое лицо девушки обрамляли густые золотистые волосы, собранные в замысловатую причёску и украшенные головным убором с аппликациями из золотых колосьев.

Выпрямившись, я поймала лучащийся взгляд больших изумрудных глаз — в них словно отражались огоньки всех свечей разом. Нежный абрис лица, чувственные губы и россыпь веснушек на щеках. Одета фаворитка была в медового цвета платье, отороченное снизу и на рукавах коричневым мехом. На груди и в ушах — массивные украшения из янтаря, подчёркивавшие нежную с персиковым отливом кожу.

И сдалась Герхильду ари, когда у него под боком такое сокровище.

Её Сиятельство изобразила нечто вроде книксена: едва согнула колени и тут же царственно распрямилась. Стала пристально нас оглядывать, обходя каждую по кругу. Просвечивала взглядом, словно рентгеном, от макушки до самых пят и при этом не произносила ни звука. Алианы тоже почему-то молчали и, если и были недовольны столь бесцеремонным досмотром, виду не подавали.

Во мне же вспыхнуло раздражение. Мало того что Герхильд утром нас, как товар, разглядывал (ладно, не нас, а их; я в поле зрения его отмороженности почти не попала), так теперь ещё и эта пялится так, словно рабыню себе выбирает. Этакую Золушку на побегушках.

— Может, монокль дать? — поинтересовалась с улыбкой. Наверное, она вышла несколько ядовитой, потому что графиня наморщила свой идеальный носик и резко притормозила.

Приблизившись ко мне вплотную, упёрлась в меня немигающим взглядом. Теперь в её глазах отражалось не согревающее пламя, а щетинились ледяные осколки.

У Герхильда поди нахваталась.

— Эсселин Сольвер, полагаю?

— Вы полагаете верно.

Далива нахмурилась, отчего у неё на переносице обозначилась глубокая складка. Поджала губы, и те вытянулись в тонкую блеклую нитку.

Гримаса недовольства её сиятельству явно не шла, портила эту совершенную красоту.

Отступив на несколько шагов, графиня гордо вздёрнула подбородок и проговорила, обращаясь ко всем нам:

— На протяжении следующих недель вы будете находиться под неусыпным надзором. За вами днём и ночью будут следить слуги, придворные, наследник, эссель Тьюлин. И я, — жёсткой усмешкой подчеркнула свои последние слова. — Смысл моей жизни заключается в том, чтобы служить Его Великолепию и помочь ему сделать правильный выбор.

«Какой-то ограниченный и унылый смысл», — отметила я про себя.

А Далива тем временем вдохновенно частила:

— И я сделаю всё, возможное и невозможное, чтобы ари стала достойнейшая из достойнейших. А те, которые, по моему мнению, окажутся недостаточно хороши для Скальде, — и снова я удостоилась внимания приближённой к королевскому телу шлю… многоуважаемой эсселин, — долго в Ледяном Логе не загостятся.

Я совершала ошибку за ошибкой. Впору было рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом. Вместо того, чтобы заручиться поддержкой этой выпендрёжницы, опрометчиво брошенной фразой построила между нами стену.

Мне следовало вести себя, как вела бы Фьярра: быть кроткой и предупредительной. Вот только беда в том, что я не Фьярра. И хоть разумом понимала, что от моего поведения зависит наше с Лёшей будущее, измениться за каких-то несколько дней не могла.

Меня тошнило от того, что приходилось пресмыкаться перед Блодейной. Вертеть хвостом перед тальденом. Ещё и любовнице его в рот заглядывать? Нет уж, увольте.

Я не хочу и не буду потворствовать их средневековым замашкам! А начнёт ставить мне палки в колёса — пожалеет, что на свет родилась и связалась с землянкой.

Я, правда, ещё не представляла, как в случае чего буду устранять проблемы в лице Её Сиятельства и ей подобных. Но внутренний страстный монолог помог воспрянуть духом и приободриться. В иные моменты, если захочу, я могу быть очень изобретательной.

— Надеюсь, мы друг друга поняли, эсселин. Приятного вам вечера, — бросила на прощание графиня с таким видом, словно объедок со стола швырнула крутившимся у её ног болонкам.

После чего горделиво удалилась в сопровождении слуги.

Глава 7

— Думаете, она и правда на это способна? Избавиться от невесты, которая ей не понравится, — подала голос Майруэн.

Как уже успела заметить, девушка была тихоней и скромницей, по большей части предпочитала молчать. И, кажется, побаивалась Скальде. По крайней мере, всякий раз, когда в поле зрения Майруэн попадал наследник, вальяжно развалившийся в кресле с бокальчиком чего-то крепкого, алиана становилась белее мела и спешила отвести взгляд.

— Ещё как, — досадливо поморщилась Керис. Девушка цепко оглядывала тронный зал, битком набитый придворными.

«Нет, она не змея, она — ястреб, высматривающий добычу, — вдруг подумалось мне. Взглянув на алиану в очередной раз — красавицу, преисполненную холодного высокомерия, я мечтательно добавила про себя: — Вот было бы здорово стравить их с Даливой!».

Что-то мне подсказывало, что из Керис получится достойная фаворитке соперница.

— Пока что мы здесь на птичьих правах. Да и в будущем графиня д'Ольжи может значительно усложнить жизнь императрице. То есть любой из нас, — тем временем, не догадываясь о моих, нашёптываемых злым гением мыслях, вслух рассуждала княжна Серых пустошей. — Мало выйти замуж за наследника, нужно пробудить в нём чувства. Если не любовь, так хотя бы страсть. И тогда — прощай златогривая мымра! Правда, говорят, этот тальден вообще не способен на сильные чувства. Из-за магии своего рода.

Стоящая рядом со мной Майлона горестно вздохнула. Полагаю, в своих дерзких мечтах алиана не только примеряла корону императрицы и купалась в лучах славы, но и принимала солнечные ванны, обласканная жаром любви Герхильда, этой ледышки.

Как и Керис, Майлона была брюнеткой. С тонкой талией и крутыми бёдрами, на которых в виде лишних сантиметров оседали калории. Девушка не переставала жевать нугу и засахаренные фрукты. Старалась делать это украдкой, но, боюсь, её чрезмерная любовь к сладкому не укрылась от пытливого взора месье Герхильда и эссель Тьюлин — той самой представительной дамы, что утром на площади толкала приветственную речь. Насколько я поняла, на плечах этой женщины лежали все оргмоменты, связанные с отбором невест. Наделённая широкими полномочиями, эссель Тьюлин вилась вокруг нас коршуном, следила за каждым нашим движением. Чаще хмурилась, реже благосклонно улыбалась.

— И тем не менее Её Сиятельству как-то удалось привязать к себе наследника, — заметила Ариэлла, присоединившаяся к нам, дегустировавшим вина из императорских погребов.

Вернее, это девушки их дегустировали, а я только подносила кубок к губам. Всё ждала, когда Майлона, помимо сладкого увлекающаяся и горячительными напитками, дойдёт до нужной кондиции, и я наконец смогу её допросить. Так прямо в лоб и поинтересуюсь: что не так с этим драконом. Надо лишь набраться терпения и подождать, когда девица окончательно захмелеет, и мы останемся с ней наедине.

При других алианах и, пока Майлона трезвая, возвращаться к расспросам я не осмеливалась. Они и так уже считают меня чудачкой. Нечего давать им лишней повод для обсуждений. А то потом алианы, а с ними и весь двор за компанию, будут задаваться вопросом: а что не так с этой Фьяррой.

— Любой тальден, пока не обзаведётся ари, нуждается в шлюхе, забирающей магию, — презрительно фыркнула Керис.

Эх, жаль графиня нас не слышит. Княжна была бы первой «на отчисление».

Разговор прервался, когда в ложу, что располагалась под самыми сводами этого каменного мешка — тронного зала, вернулись музыканты. Рассевшись на табуретах, принялись лениво перебирать струны. Придворные сразу приободрились. Дабы освободить место для очередного хоровода, часть собравшихся ринулась к расставленным вдоль стен столам, ломившимся от изысканных блюд.

Первой на танец пригласили Керис. Она у нас была звездой вечера. Только бы вконец не зазвездилась — и без того самомнения хоть отбавляй. Сильный пол вокруг неё так и вился, слетались, будто пчёлы на мёд. Или мухи на кое-что другое.

Остальные алианы тоже были нарасхват. Следом за Снежной Королевой пошла танцевать Ариэлла. И Майруэн, застенчиво улыбнувшись темноволосому кавалеру, протянула ему свою нежную ручку.

Я уж было обрадовалась, что вот сейчас наступит момент истины. Но Майлона, не желая оставаться в тени, пока другие невесты напропалую флиртуют с магами разной степени важности, сама решила проявить инициативу, очевидно рассудив: «Раз гора не идёт к Магомету, то Магомет, так уж и быть, сам снизойдёт до горы».

Ни одна из алиан не осталась без пары. Ну разве что только я, по-прежнему, хоть убейте, не считавшая себя ни невестой, ни алианой.

Я мужняя жена! Дипломированный экономист. И мне давно не семнадцать, а целых двадцать четыре. И вообще, я не хочу здесь находиться!

Я осталась одна наедине со своими угрюмыми мыслями. Подбегал какой-то прыщавый юнец с приглашением походить с ним по залу. Но с меня хватило и первых двух танцев. Ладно бы вальс. В детстве я занималась бальными танцами и могла бы им всем показать мастер-класс. Но до вальса, увы, здесь ещё не доэволюционировали. А ползать черепахой, держась за руку со всякими незнакомыми типами, — увольте.

«И как же мне по-быстрому захомутать тебя, Герхильд?» — мысленно вернулась к насущной проблеме. Взгляд помимо воли снова устремился к наследнику, с отмороженным видом наблюдавшему за танцующими придворными.

Его Великолепие в веселье не участвовал. Сидел на троне под винного цвета балдахином, время от времени подносил к губам инкрустированный самоцветами кубок и явно считал минуты до окончания вечеринки.

По нему и не скажешь, что жаждет жениться.

Всякий раз, стоило мне взглянуть на его благородие, я начинала заводиться. Ещё нескоро сумею забыть недавнюю унизительную сцену, за которую благодарить следовало мерзавца Герхильда.

Перед самым началом праздника распорядитель бала по очереди представлял алиан. Озвучивал одно за другим имена невест и их титулы, и девушки входили в зал. Стуча каблучками по натёртому до блеска мрамору, в котором, словно золотые рыбки в пруду, отражались огоньки свечей, подходили к Его Великолепию. За каждой тянулся шлейф из любопытных взглядов и заинтересованных перешёптываний. Возле трона невесты грациозно опускались в реверансах.

А я уже кланяться, если честно, задолбалась. И тем не менее послушно настраивалась на очередное проявление со своей стороны рабской покорности.

Когда прозвучало моё имя, под прицелом взглядов я вступила в зал. Нервно комкая юбку непослушными пальцами, направилась к трону приветствовать наследника.

Всех остальных девушек — своими глазами видела! — тальден встречал пусть и холодной, но всё-таки улыбкой. Мне же своим видом давал понять, что был бы безмерно рад, если бы я куда-нибудь провалилась.

В горле застрял едкий комок, в который превратилось моё раздражение, отчего

дышать получалось с переменным успехом. Я снова занервничала. Неужели Далива начала воплощать в жизнь свои угрозы? Так скоро? Или это мы ещё от утренней встречи никак не отойдём.

Не люблю злопамятных мужиков.

Остановившись у самых ступеней трона, затянутых пурпурным шёлком, я плавно, как учила Блодейна, согнула правое колено, расстелив по полу переливающуюся всеми оттенками синего юбку. Заодно и голову опустила, и взгляд потупила — в общем, как могла тренировала в себе смирение.

Терпи, Аня, терпи. Плевать, что другие алианы поднимались сразу же, с благосклонного разрешения этого… драконьей матери сына. Плевать, что на тебя все пялятся и, не стесняясь, вовсю перешёптываются. Я буквально физически ощущала сверлящие затылок взгляды и слышала, как то тут то там раздаются пока ещё тихие смешки.

Пытка реверансом продолжалась. Видать, таким образом меня наказывали за утреннюю оплошность на сцене.

Минута, две… Шум нарастал, а вместе с ним и всеобщее веселье. У меня начали дрожать колени, и от напряжения на висках выступил пот. Пытаясь вернуть себе душевное равновесие, до боли закусила губу. Солоноватый привкус, появившийся на языке, немного отрезвил, по крайней мере, помог справиться с гневом.

Интересно, и долго будет испытывать на прочность моё терпение? Или мне придётся демонстрировать свой ангельский нрав аж до Второго пришествия.

— Поднимитесь, — наконец лениво, будто делая мне одолжение, разрешил тальден, и я облегчённо выдохнула.

Вскинула на изверга взгляд и почувствовала, как злость рвётся наружу. Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице: тальден усмехнулся и, махнув рукой, мол, сгинь нечистая, потеряв ко мне интерес, принялся что-то негромко обсуждать с замершим подле трона седовласым эрролом. Кажется, старейшиной.

А мне ничего не оставалось, кроме как, костеря мага и посылая его в самые дальние дали, из которых уже не возвращаются, присоединиться к другим алианам.

Вечер продолжался. После третьего танца слезливая мелодия, ненадолго стихнувшая, снова растеклась по залу тоскливыми звуками. Время от времени в неё вкраплялась некая живость, но закружиться в вихре танца под такой ритм при всём желании не получилось бы.

Но это, кажется, только я ворчу и привередничаю. Другим же, наоборот, всё нравилось. Лица придворных и гостий Его Великолепия светились улыбками. Довольными и вполне искренними.

Несколько шагов, удар каблуков об пол, хлопок, и пары сходятся, чтобы сомкнуть ладони на короткое мгновенье. И снова резко отступают друг от друга. Кавалеры кланяются, а дамы демонстрируют при помощи реверансов свои грацию и изящество.

Наверно, потому я и невзлюбила эти танцы. Из-за постоянных дурацких расшаркиваний.

По телу пробежал холодок. Даже не поворачивая головы, я знала, чьего удостоилась внимания. Кажется, у меня выработался на взгляд тальдена определённый рефлекс — желание исчезнуть не только из этого замка, но и из этого мира.

Ещё и эссель Тьюлин, как назло, находилась от меня в опасной близости, наставляла на путь истинный одну из конкурсанток — русоволосую сероглазку по имени Хелет, щёки которой из нежно-розовых постепенно становились пунцовыми. Мне было слышно, как эссель выговаривает алиане, упрекая Хелет в том, что она весь вечер танцевала с одним и тем же кавалером.

«Форменное безобразие! И как только Хелет хватило наглости увлечься кем-то, кроме великолепного нашего!» — мысленно ёрничала я.

Опасаясь, что после невесты номер один мадам Тьюлин возьмётся за меня, и желая наконец перестать чувствовать себя под взглядом тальдена бабочкой, пришпиленной булавкой к картону, я поспешила выйти на ближайший балкон. К ним вели двери, перемежавшиеся с серыми в золоте огней пилястрами. Спрятанные под пестротканые гобеленами, двери эти были поначалу незаметны. Только когда в зале стало слишком душно от скопленья народа, слуги откинули тяжёлые полотна и приоткрыли створки. Жар каминов смешался с ароматом морозной ночи.

Чернильно-синей, посеребрённой сиянием звёзд и полной бледной луной, щедро разливавшей свой холодный свет по окрестностям Ледяного Лога. Вдалеке в лёгкой дымке тумана вырисовывались очертания гор. И на тёмной глади Хрустального города в окнах домов сверкали золотистые огни, похожие на рой светлячков. Высокие неприступные стены кольцом окружали замок. Перед ними раскинулись императорские сады: припорошенные снегом дорожки и фонтаны, деревья в ледяном убранстве и редкие беседки из грубого камня, укрытые снежными шапками.

Вдоволь налюбовавшись сказочной панорамой, я с наслаждением вдохнула морозный воздух и поняла, что пора возвращаться, если не хочу уже завтра слечь с простудой. Не думаю, что с красным, распухшим от соплей носом и температурой под сорок я кого-нибудь очарую и соблазню. Быстренько вылечу из игры и из замка.

Повернула было обратно, но не успела сделать и шага в сторону зала, как замерла, зачарованная нереальной красоты зрелищем. Прямо на моих глазах цветы, в темноте почти не различимые, спиралями оплетавшие колонны балкона, как будто ожили. Тёмные тугие бутоны, терявшиеся на фоне серой кладки, раскрывали свои лепестки. Они мне чем-то напомнили лилии — мои любимые цветы. Вот только земные лилии не светятся изнутри холодным голубоватым свечением и лепестки их не кажутся ледяными. Несмело протянула руку. Ой… Действительно ледяные. Вокруг длинных нитей-тычинок роились крошечные мерцающие огоньки.

Приникнув к колонне, глянула вниз и восторженно ахнула. Диковинными растениями был не только увит балкон, но и весь фасад замка. Красота-то какая!

И как же мне хочется заиметь себе хотя бы одну такую красоту.

Не способная бороться с искушением (меня словно магнитом тянуло к волшебному цветку), опасливо оглянулась на двери. Никому до меня дела не было. С благоговейным трепетом дотронулась до гладких холодных лепестков и сжала меж пальцами хрупкий стебель.

— Впервые встречаю алиану, равнодушную к танцам.

Вздрогнула, услышав за спиной тихий, парализующий мысли и тело голос. Ему вторили тяжёлые шаги, быстро сокращавшие расстояние между нами.

И чего этому ящеру бесхвостому не сидится на своём троне…

В страхе отдёрнула руку. Заставив себя обернуться, завела её за спину. Взгляд упёрся в широкую грудь тальдена, затянутую в чёрный камзол. Вся остальная одежда мага была того же цвета. Единственным ярким пятном, оживлявшим мрачный ансамбль, было роскошное колье из золота и драгоценных камней.

Ресницы дрогнули, я нехотя приподняла голову. Чтобы встретиться не то с насмешливым, не то с полным злорадства взглядом холодных, точно ледяные осколки, глаз.

— И не перестаю задаваться вопросом: мне досталась невеста отчаянная или сумасшедшая. — Скальде выразительно покосился на что-то у меня за спиной и продолжил подозрительно вкрадчивым голосом, от которого мурашки промаршировали по спине: — Последний смельчак, отважившийся сорвать цветок Арделии, лишился обеих рук.

Упс…

Глава 8

— Чудо-цветочек постарался? — Опасливо покосилась на плотоядное растение, которое уже не казалось таким прекрасным.

— Отрубила стража, — просветил меня Герхильд.

— Хм… радикально.

Чёрт! Опять мелю сама не знаю что. В присутствии тальдена путались мысли, и ладони, несмотря на то, что кожу пощипывало от мороза, предательски потели. Рядом с магом я как будто действительно становилась юной девушкой из средневековой глубинки, впервые в жизни удостоившейся внимания мужчины.

Блодейна предупреждала, что после обряда помолвки алианы, хотят они того или нет, начинают испытывать влечение к выбравшему их тальдену. Я ей не поверила. Просто не понимала, как меня может тянуть к одному мужчине, если всем сердцем люблю другого.

Теперь же, оставшись с драконом наедине, была вынуждена признать правоту ведьмы. С одной стороны, хотелось сбежать от Скальде куда подальше. А лучше, его послать, за то, что унизил меня перед всей знатью. С другой — каждой клеточкой навязанного мне тела я ощущала возникшее между нами притяжение.

Хотя, скорее, притяжение это было односторонним. Потому что тальдены не были привязаны чарами ни к одной невесте. Всегда сохраняли рассудок холодным. А у некоторых — не будем показывать пальцем — он и вовсе был подмороженным.

Присутствие Герхильда будоражило, заставляло сердце учащённо биться, и в сознании подобно цветам Арделии оживали провокационные картины.

Я вдруг почувствовала себя предательницей и прелюбодейкой.

Мерзкое ощущение.

В общем, если у кое-кого эмоции отсутствовали даже в зачаточном состоянии, то меня буквально от них распирало. Противоречивых, ярких.

Так и хотелось крикнуть самой себе: фу! Плохое тело! Я и раньше-то тёплых чувств к своей новой (и, надеюсь, временной) оболочке не испытывала. А сейчас почти что её ненавидела. Ненавидела чёртову магию, привязавшую меня к этому Ледяному, и разбушевавшиеся гормоны Фьярры.

— Вы замёрзли, — на удивление мягко прозвучал голос мага.

А я уже и забыла о холоде… Продолжала дрожать, скорее, по инерции.

Стоило Герхильду до меня дотронуться, как дрожь усилилась. Даже через плотную ткань платья я ощущала жар, исходивший от его ледяных пальцев. Невозможное сочетание. И тем не менее, несмотря на холод, что источал Скальде, рядом с ним становилось жарко.

Кожу слегка закололо — серебристая вязь магического рисунка заструилась по телу. Ещё одна реакция на близость тальдена, означавшая, что алиана откликается на его силу. Если бы узоров не было — не было бы и помолвки. Считалось, что чем ярче и чётче на коже проявляются рисунки, тем острее алиана чувствует своего избранника и его магию.

Тем больше у неё шансов стать ари.

Не знаю, как другие невесты при общении с наследником, а я сейчас сверкала, словно новогодняя ёлка, сплошь обвешанная серебристым дождиком. Кисти рук сияли. Лицо и грудь в глубоком вырезе платья, полагаю, тоже. Вон как Его Великолепие ею заинтересовался. Должно быть, какой-то из рисунков ему особенно понравился…

Накинув мне на плечи свой камзол и запахнув его посильнее, наверное, чтобы зря не искушаться, отстранился, и волшебное мерцание на коже тут же померкло.

Не успела я как следует удивиться столь неожиданному проявлению заботы, как тальден снова принялся препарировать меня жёстким взглядом, казалось, способ-

ным не только проникнуть в самую душу, но и вывернуть её наизнанку, дабы хорошенько покопаться в её содержимом.

— Так зачем вам цветок Арделии?

— Просто очень понравился. Думала, если сорву один, никто не заметит.

После моих слов, произнесённых с самым искренним и невинным видом, черты лица мага немного смягчились. Исчезла глубокая складка, пересекавшая высокий лоб, и хищный прищур серых глаз сменился удивлённым взглядом. На резко очерченных губах, которым ничего не стоило смять мои в жёстком, жадном поцелуе (гремучая смесь — магия и гормоны), появилась тень улыбки.

— Такое ощущение, что вы впервые слышите об этом растении.

Я мысленно выругалась. Чёрт бы тебя побрал, Блодейна! Нельзя что ли было рассказать мне про эти аленькие цветочки, сорвав которые можно и жизни лишиться. Благодаря беспечности ведьмы я снова балансировала на краю пропасти. И неизвестно, сколько ещё раз из-за своей неосведомлённости буду попадать впросак.

— Нет, нет, конечно же, я о них читала и много слышала. Когда-то. Очень давно, — попыталась выкрутиться. — Просто немного подзабыла.

Тальден пренебрежительно усмехнулся. Наверное, решил, что у меня память куриная. И мозг тоже размером с птичий.

Но пусть уж лучше считает меня дурой набитой, чем догадается, что перед ним самозванка. Не факт, что станет разбираться, кто прав, а кто виноват. Не факт, что захочет понять, что я жертва чужого коварства. Если у них за кражу несчастного цветика руки отрубают, то я даже представить боюсь, что могут сделать с посягнувшей на императорский трон иномирянкой.

— Но хоть что-то же должно было отложиться в памяти, — облокотившись на обледеневшие перила балкона, продолжил играть на моих нервах, как на электрогитаре, Скальде.

Музыкант хренов.

— Должно… было, — выцедила. Гормоны присмирели. Осталось только одно желание — поскорее избавиться от общества тальдена и от его нездорового любопытства.

И чего, спрашивается, привязался со своей «лианой»? Непонятно, то ли меня допрашивают, то ли просто от скуки развлекаются. Лучше бы, конечно, второе. Не очень приятно и бесит жутко, но зато не чревато последствиями. Да и вообще, даже обидно будет, если меня раскусят в первый же день моего здесь пребывания.

— И-и-и? — покосился на меня «нервотрепатель», не меняя своей расслабленной позы.

Я же, было такое ощущение, как будто босая стояла на раскалённых углях. Или шла по канату, перекинутому через пропасть. С завязанными глазами, на шпильках.

— Читала о том, что это очень редкие цветы, а потому бесценные, — ткнула пальцем в небо и замолчала, надеясь, что таким ответом Его Великолепие удовлетворится и наконец-то от меня отстанет.

Дракон кивнул:

— Они растут только в садах Ледяного Лога. По легенде, первый цветок распустился на могиле эсселин Арделии, которая должна была стать императрицей. Но, — горькая усмешка, — так ею и не стала. Несмотря на всю любовь к ней императора.

— Не прошла отбор? — стараясь заполнить возникнувшую после слов тальдена неуютную паузу, спросила я.

— Вроде того.

И снова тишина. Нет, это не общение — это издевательство над психикой. Возможно, будь я настоящей Фьяррой, чувствовала бы себя спокойнее и уверенней.

Да, определённо, всё дело в этом.

— О том, что каждый цветок, как в зеркале, способен показать его обладателю любого человека, неважно, какие расстояния их разделяют, вы тоже, полагаю, читали, но забыли?

Вздохнула обречённо. Интересно, меня допустят к первому испытанию, или я уже сейчас вылечу из замка со штампом «бракованная невеста».

— Читала, — согласилась, тушуясь под откровенно насмешливым взглядом. Приказав себе не дрейфить, уже более твёрдо сказала: — И да, забыла.

«Память-то девичья», — добавила мысленно, а вслух справедливости ради заметила:

— Со всяким может случиться.

Тальден неопределённо хмыкнул, мол, не с ним так точно.

— Потому-то никто, кроме членов императорской семьи, не имеет права их касаться. В иных руках цветы Арделии могут превратиться в опасное оружие.

Да уж, весьма полезная для шпиона штучка. А ещё… бесценная возможность увидеть Лёшу. Хотя бы на одну короткую минуту. Просто убедиться, что он в порядке. Жив-здоров и… счастлив.

Пусть и не со мной.

Наверное, что-то такое отразилось в моём взгляде. Погружённая в мысли о муже, я даже не заметила, что Скальде пристально меня разглядывает. Со столь несвойственным ему выражением интереса всматривается в моё лицо.

— Вы по кому-то очень сильно скучаете.

Вот ведь какой проницательный.

— По папеньке? — прозвучало, скорее, как вопрос, нежели утверждение.

И снова на губах мага промелькнула улыбка. Определённо, я разнообразила ему вечер.

Его Великолепие явно собирался продолжить разговор об объекте моей ностальгии, когда из зала послышался громкий голос церемониймейстера. Оборвалась музыка, а с нею в тишине растворились и все остальные звуки.

— Его Светлость, князь Игрэйт Теудур Хентебесир!

Мгновение, и будущий император поменялся в лице. Оно как будто закаменело, и выражение, маской скрывшее и блеск глаз, и улыбку, заставило меня вздрогнуть.

Тальден тут же позабыл о моём существовании. Сразу вернулся в зал. Я, подождав несколько секунд, последовала за ним. Замерла с краю у стены. Привстав на носочках, принялась вытягивать шею. Макушки придворных, высокие головные уборы дам закрывали обзор, мешая рассмотреть князя Темнодолья и его немногочисленную свиту.

Пока что мне были видны только их спины в широких, отороченных мехом тёмных плащах. Его Великолепие уже успел занять своё место на троне и теперь принимал от гостей приветствия и поклоны. Подталкиваемая любопытством, вдоль дверей, ведущих на балконы, осторожно пододвигая придворных, стала пробираться в сторону трона.

Интересно же поглядеть на ещё одного тальдена.

Впрочем, интерес этот быстро сошёл на нет — в облике Игрэйта не было ничего примечательного. Невыразительные черты лица, невыразительные светло-голубые глаза и сам он весь был каким-то бесцветным. А ещё, кажется, нервничал, опускаясь в поклоне всё ниже под хмурым, тяжёлым взглядом будущего императора.

Лица спутников князя были совершенно одинаковыми: не выражали ничего. Машинально прошлась взглядом по одному, второму, третьему и…

Остановите Землю — я сойду.

— Лёша?

Ноги подкосились, и я почувствовала, как реальность стремительно исчезает.

Хлопнуться в аристократический обморок мне не дали. Почувствовала, как кто-то подхватил меня под руку и подтащил к стене. К которой я привалилась всем своим-чужим телом, полной грудью вдохнула свежий прохладный воздух, просачивавшийся в приоткрытые балконные двери. Зажмурилась, а потом снова распахнула глаза. Разноцветные круги продолжали множиться, наслаиваясь друг на друга, отрезая меня от окружающего мира.

— Возьми вот, выпей, — раздался у самого уха знакомый голос.

Не дожидаясь, пока среагирую на её слова, Ариэлла сама сжала мои пальцы вокруг витой ножки кубка, сама приподняла мне руки, и я ощутила прикосновение к губам чернёного серебра.

К счастью, в кубке было не вино, а вода. Сделав несколько глотков и сразу почувствовав себя лучше, благодарно улыбнулась алиане, лицо которой по-прежнему скрывалось за многоцветьем, мельтешащим у меня перед глазами.

Постепенно в зал вернулись звуки и краски, а цветные пятна начали, расползаясь, таять.

— Спасибо, — прошептала, облизнув вдруг ставшие сухими губы.

— Ты такая бледная, — с тревогой произнесла девушка. — Давай-ка лучше покажем тебя лекарю. Он, кажется, был где-то поблизости. Пойду его поищу.

Я мягко удержала алиану за руку.

— Не нужно. Всё в порядке. Правда. Просто немного переволновалась.

Всегда считала, что терять сознание — прерогатива героинь любовных романов да кисейных барышень былых времён. И вот только что сама чуть не грохнулась в обморок.

Ариэлла понимающе хмыкнула:

— Это из-за Герхильда? Я с ним сегодня случайно в портретной галерее столкнулась. Он буквально мне пару слов сказал, прежде чем его окликнула эссель Тьюлин, а я уже готова была вешаться ему на шею. — Девушка скривилась, будто прожевала целый лимон. — Тагровы чары! Хорошо хоть привязка действует, только когда он рядом.

Хорошего в этом было мало, но лучше уж так, чем постоянное воздействие магии. Не хочу превращаться во влюблённого зомби, у которого при появлении тальдена будет начинаться обильное слюноотделение, а глаза принимать форму сердечек.

Значит, мне следует держаться от наследника подальше.

Что, в принципе, было невозможно. Я ведь участница чёртового отбора и при всём желании не смогу избегать встреч с этим ходячим наркотиком.

Главное только, не стать от него зависимой.

— Они что, совсем с ума посходили! — донеслось до меня тихое, но от того не менее возмущённое восклицание Ариэллы.

Я не вслушивалась в разговор сильных мира сего. Думала о связующих чарах и смотрела на Лёшу. То есть не на Лёшу, но… Это без сомнения был его двойник. Пусть и выглядел старше — на вид ему было лет тридцать, и черты лица казались более резкими, даже немного грубоватыми, а левый висок пересекала тонкая нить шрама — всё равно в этом человеке было слишком много от моего мужа.

Блодейна говорила, чтобы и не думала искать Лёшкиного двойника. А я и не искала…

Он сам меня нашёл.

Пока я пожирала взглядом восьмидесятипроцентную (ладно, от Лёшки в нём максимум процентов семьдесят) копию благоверного, атмосфера в зале стремительно накалялась.

Заметив, что я витаю где-то в облаках, Ариэлла дёрнула меня за руку.

— Кого это ты всё высматриваешь? Слушай же! О нас ведь говорят.

Пришлось отрываться от средневекового аналога Лёши и поворачиваться к их вельможествам.

— Наверное, мне никогда не понять твоего чувства юмора, Игрэйт, — откинувшись на высокую спинку трона, с усмешкой проговорил Герхильд.

У вас, ваша отмороженность, с юмором, как уже успела заметить, вообще всё сложно.

— Я говорю вполне серьёзно, — подбоченившись и задрав подбородок, заявил князь Темнодолья. — Я тоже нахожусь в поисках ари, и считаю, что устраивать два отбора по отдельности нецелесообразно.

— А я считаю, кузен, что ты забываешься. — Глаза дракона опасно сверкнули. Жутковатый взгляд. Хорошо, что обращён он был не на меня, а на вмиг притихшего гостя. — Можешь искать себе ари где угодно. Но только не в моём замке.

— Не думал, что ты настолько мелочен, Скальде! — не побоялся вякнуть новоприбывший дракон. Правда, тут же понял свою оплошность: побледнев, попятился от трона.

Его Великолепие подался вперёд и со своей любимой интонацией, насмешливо-издевательской, поинтересовался:

— И как ты себе это представляешь? Эти девушки привязаны ко мне. Хочешь, чтобы они между нами обоими разрывались?

До меня, всё ещё думающей о Лёше, наконец дошёл смысл их диалога, и сразу стало понятно возмущение Ариэллы. Да и другие алианы восторга от предложения тальдена не испытывали. Переглядывались, недовольно поджимая губы, всем своим видом, пусть и молча, показывая, что в гробу они видели жалкое подобие нашего общего жениха.

А я была настолько шокирована всем происходящим, что просто выпала в осадок. Выплеснув воду прямо под стол, наполнила кубок вином и тут же его опустошила, меланхолично размышляя, а что буду делать, если меня «привяжут» ещё и к этому хмырю.

Вот будет Блодейне сюрприз, если её кровиночку отдадут за правителя кукольного королевства.

— Это всего лишь привязка, Скальде. К тому же временная, — снова осмелев, пожал плечами тальден.

Классический образчик средневекового мужчины. Сразу видно, женщина для него — существо второго сорта. Её можно привязать к себе чарами, потом, если чем-то не понравится, отвязать. А если уж совсем опостылеет, то и сослать куда подальше. Да и вообще, что тут такого — делить невест с родственником.

Шведская семья, ей-богу.

Волна недовольства прокатилась по всему залу. Придворным финт с двойным обручением тоже явно пришёлся не по душе.

— Не в моих привычках показывать гостям на дверь. Ты, Игрэйт, волен оставаться здесь, сколько угодно. Можешь наблюдать за отбором, но принимать участия в нём не будешь, — поставил на место оборзевшего родственничка Скальде.

— Но… — заикнулся было вельможный паршивец.

Герхильд повысил голос:

— Если какая-нибудь из выбывших эсселин придётся тебе по вкусу, можешь с ней обручиться. При условии согласия, её и её родителей. Но не раньше.

— Ваше Великолепие… — К наследнику в поклоне приблизился один из старейшин.

Будущий император остановил его решительным жестом и не терпящим возражений голосом отрубил:

— Я так решил. — После чего, поднявшись, направился к выходу из зала.

Зашуршали платья — это дамы стали опускаться в реверансах. Его Светлости тоже ничего не оставалось, кроме как пропустить кузена, так больше на него и не взглянувшего, и низко кланяться, прожигая спину Скальде полным злого бессилия взглядом.

— Лучше сними его, — шепнула мне на ухо Ариэлла.

— Что, прости? — Я встрепенулась. Проводила взглядом Лёшкину копию, и только когда князь и его свита скрылись за дверями тронного зала, посмотрела на девушку.

— Керис тебя минут десять глазами пожирает. Нечего дразнить других невест. Если, конечно, не хочешь нажить себе врагов и проблем.

Куда уж мне новые проблемы. Тут бы хоть с уже имеющимися разобраться. Последовав совету девушки, стащила с себя камзол, о котором напрочь забыла, и всучила его пробегавшему мимо слуге в ярко-синих лосинах с просьбой вернуть пиджачок законному владельцу.

Сама же с гудящей головой и мутными мыслями, не чуя под собой ног и не испросив разрешения у эссель Тьюлин, отправилась к себе в спальню.

Переваривать всё случившееся. Или хотя бы попытаться это сделать.

Глава 9

Скинув бархатные туфельки, Далива бесшумно пересекла комнату, чувствуя, как короткий жёсткий ворс ковров колет нежные ступни. Девушка двигалась не спеша, плавно покачивая бёдрами, на ходу расстёгивая платье и приспуская его с плеч. Изящным движением руки распустила волосы. Шёлковым водопадом они заструились по обнажённой спине, укрыли проглядывавшую сквозь тонкое кружево сорочки упругую, молочного цвета грудь.

— Ты чем-то расстроен? — Далива опустилась на колени перед тальденом, даже не шелохнувшимся при её появлении.

Последние несколько минут Скальде занимался тем, что сидел на кровати, бездумно глядя куда-то перед собой, и всё собирался снять с себя рубашку, уже распахнутую до пояса. Но вместо того чтобы наконец раздеться и сосредоточить своё внимание на замершей перед ним в соблазнительной позе красавице, наследник, кажется, даже не заметил её присутствия.

Далива обиженно закусила губу. Мягко приподнявшись, провела ладонями по мускулистым, твёрдым, точно высеченным из камня, ногам мага в плотно облегающих чёрных штанах, тонкими пальчиками пробежалась от колен к узким бёдрам, стремясь добраться до шнуровки на поясе, дабы ускорить процесс раздевания.

— Расстроен? — хмыкнул, опуская на неё взгляд, маг. — Да я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не свернуть кузену шею. Тагры его побери!

К неудовольствию графини д'Ольжи, стоило ей дразнящей лаской коснуться обнажённой груди тальдена, как по гладкой холодной коже, скрывавшей стальные мышцы, словно рябь по воде, пробежала тёмная вязь магического узора.

Далива ненавидела этот цвет, ведь он означал, что Скальде в гневе или раздражён, пусть по его отстранённому выражению лица этого и не было столь заметно. Даже без всяких рисунков, при каждом её прикосновении проявлявшихся на теле тальдена, из-за интимных отношений, что связывали их, Далива научилась угадывать его настроение. И вынуждена была признать, что в последнее время ей всё сложнее становилось влиять на наследника. Отвлекать его от мрачных мыслей, полностью отгоняя их хотя бы на время.

А ведь раньше для этого не требовалось и малейших усилий с её стороны.

Значит — сердце кольнули боль и обида, — Скальде начал к ней остывать.

— Старейшины просят, чтобы Игрэйт тоже участвовал в отборе?

— Не просят, — с усмешкой ответил Герхильд. — Требуют. Видимо, уже заранее записали меня в покойники и решили присмотреться к князю.

Ослабив пояс, перехватывавший бёдра мужчины, Далива стянула с него сапоги из мягкой дубленой кожи, после чего, перебравшись на кровать, устроилась за спиной у Скальде, чтобы уже вплотную заняться его рубашкой.

— Что думаешь об алианах? — Графиня не только надеялась отвлечь Его Великолепие от размышлений о тагровом кузене, который мало того, что уже испортил им вечер, так ещё и, кажется, вот-вот испоганит ночь. Её Сиятельству не терпелось узнать, какие девушки заинтересовали тальдена, а какие нет. — Уже появились фаворитки? — спросила шутливо.

— Пока нет, — прозвучал лишённый эмоциональной окраски голос, и эсселин д'Ольжи разочарованно вздохнула.

Скальде мягко убрал тонкую холёную ручку, поглаживавшую ему плечо. Поднявшись, взял со столика чеканные кубки и наполнил оба вином. Один протянул Даливе, явно неудовлетворённой столь скупым ответом, другой залпом осушил сам.

— И всё же, — не сдавалась девушка. Так как Скальде не хотел, чтобы его раздевали, пришлось заняться собой. Избавившись от платья, нарочито медленно Далива

стала стягивать с изящных ножек тонкие шёлковые чулки, с удовольствием отмечая, что на неё наконец начали реагировать. — Какие-то соображения у тебя уже должны были появиться.

Тальден не ответил, более поглощённый содержимым кубка, нежели своей собеседницей.

Её Сиятельство любила Скальде и несомненно желала ему счастья. Долгой жизни и процветания. Но и о себе, о своём будущем старалась не забывать. Все девять алиан откликались на силу будущего императора, а значит, любая из них могла стать его спасением. Его ари.

Но не всякая устраивала графиню.

Взять хотя бы старшую дочь князя Серых пустошей. Одного взгляда на черноволосую пигалицу было достаточно, чтобы понять: такая пойдёт на любые ухищрения, лишь бы избавиться от соперницы. К досаде Даливы, Герхильду девушка понравилась. За минувший вечер он удостоил Керис не одним и не двумя взглядами. Пристально следил за алианой, когда та танцевала, и явно получал удовольствие от созерцания изысканной красавицы.

Эсселин Гленду графиня тоже занесла в список «опасных» невест. Чувствовался в рыжеволосой виконтессе стержень, твёрдость характера. Такая не допустит присутствия любовницы при дворе. Никакая супруга, конечно, не сможет запретить императору иметь официальную фаворитку, но что-то подсказывало Даливе, что Скальде не будет за неё бороться.

Ледяным вообще не свойственно сражаться за любовь.

А вот Её Сиятельство так просто сдаваться не привыкла. Она ещё поборется и за своё место под холодным солнцем Сумеречных земель, и за сердце тальдена!

Далива делала ставку на кареглазку по имени Рианнон. Ну или на Майруэн. Они несомненно заслуживали протекции Её Сиятельства. Обе робкие, тихие, замкнутые. Ведомые. Майруэн, правда, побаивалась Скальде. Даже теперь, после привязки. Но ничего, со страхами этой мышки она уж как-нибудь разберётся.

Для себя Её Сиятельство решила, что во время испытаний будет всячески помогать обеим алианам.

А вот на дурочку Майлону даже не станет тратить своё время. Пусть девчонка и не казалась проблемной, но, увы, совершенно не пришлась по вкусу Герхильду. Да и эссель Тьюлин была от неё не в восторге. А значит, надолго в Ледяном Логе Майлона не задержится.

Как и та нахальная девчонка. Эта соплячка! Фьярра, кажется. Её Сиятельство, на какое-то мгновение выпав из образа искусительницы, пренебрежительно скривилась. Манеры у девчонки отвратительные. Никакого почтения. Ни к ней, фаворитке Его Великолепия, ни даже к наследнику. Скальде не любит дерзких. Уж он-то точно не станет терпеть выходки этой девки, быстро поставит выскочку на место. А графиня, если потребуется, с удовольствием тому поспособствует.

К остальным же алианам ещё следовало присмотреться.

Опрокинув в себя очередной кубок, в надежде, что хмель поможет притушить злость, Скальде приблизился к широкому ложу. На нём, окутанная шёлком простыней, лежала совершенной красоты девушка. Далива хорошо знала желания своего господина и как никто другой умела дарить удовольствие.

Тальден усмехнулся, вдруг подумав, а на что окажется способна его будущая жёнушка. Будет ли он по-прежнему нуждаться в своей искусной любовнице?

Мавена его особенно не впечатлила. Хотя что у них было — всего лишь одна брачная ночь.

— Иди ко мне, — севшим от желания голосом прошептал маг и потянул Даливу за руку, привлекая к себе нагую красавицу.

На мгновение, перед тем как он завладел её губами, перед внутренним взором Скальде мелькнула дрожащая от холода девушка в платье василькового цвета. Струящийся по фигурке шёлк подчёркивал каждый плавный изгиб такого хрупкого тела, окутанного серебристым сиянием. Фьярра острее всех откликалась на его магию.

Тальден тут же прогнал неожиданно возникший в сознании образ, твёрдо для себя решив, что уж этой чудачке его женой точно не стать.

Благо ему было из кого выбирать.

* * *

Шаг. За ним другой. Тяжёлая поступь раздаётся в тишине спальни, вытряхивая меня из забытья.

Я не вижу его, но знаю, что он здесь, рядом. Смотрит на меня, обнажая взглядом. Сердце в груди ускоряет свой ритм, и в унисон с ним звучит властный, полный ледяного спокойствия голос.

Он не просит, не предлагает.

Приказывает.

— Подойди.

Сминает волю и разжигает внутри запретные, неподвластные контролю разума желания. Покорная этому голосу, я откидываю одеяло.

— Разденься, — очередная команда, как будто я и не человек вовсе, а что-то вроде дрессированной собачонки.

Но вместо того чтобы возмутиться, послать нахала туда, куда уже не раз посылала, я готова исполнить любое его желание. Дрожь, вызванная не то страхом, не то предвкушением, волной пробегает по телу.

Я приподнимаюсь на постели. Робкое движение непослушных пальцев, и тонкий шёлк скользит по коже, покрывающейся мурашками. Молочной пеной стекает с плеч, обнажая грудь, кружевным облаком оседает у моих бёдер.

— Скорее, — торопит, приближаясь.

Тьма отступает, больше не скрадывая лицо, крепкую фигуру мага. Тальден протягивает мне руку, замирая у изножья кровати. Пламя в каминах медленно угасает, тусклыми бликами ложится на лицо Скальде. Я тону в его глазах, и чувствую, что одновременно и замерзаю, и воспламеняюсь под этим взглядом. Пристальным, жадным, опасным.

Я слышу его запах. Запах морозной ночи. Непроглядной и тёмной, как та, что плещется за окном. Не в силах бороться с искушением, оказываюсь с ним рядом. Сорочка светлой лужицей растекается по смятой простыне, а я, приподнявшись на коленях, падаю, растворяюсь в его объятиях.

Беспомощная, нагая и совершенно перед ним беззащитная отдаюсь во власть сильных рук, обжигающих губ и того пламени, что он во мне разжигает.

Каждой лаской, каждым малейшим прикосновением. В них нет нежности, одно нетерпение. Жажда. Всепоглощающее желание. Обладать мною здесь и сейчас. Сильно, до боли, он вжимает меня в себя, соприкасаясь со мною бёдрами.

Запрокинув голову, я позволяю себя целовать. Скользить губами по изгибу шеи, очерчивать ладонями контуры моего тела.

Невыносимо кружится голова. Мысли — вязкое месиво. Лишь одна болезненно точит разум — ощущение чьего-то присутствия. Вынырнув из сладостного забытья, в которое меня погружают поцелуи Герхильда, нахожу взглядом укрывшегося в глубине комнаты чужака.

На миг мелькнувшая среди туч луна выхватывает из темноты свидетеля моего безумства. Мне видится укор во взгляде, выражение презрения на таком знакомом и родном лице. Белая линия шрама, рассекающая висок надвое.

Мысли путаются, сложно понять, кто это — мой Лёша или незнакомец, повстре-

чавшийся мне на балу.

И тем не менее присутствие его отрезвляет. Меня как будто бросают в ледяную прорубь. Возбуждение, схлынув, превращается в отвращение. Отвращение к самой себе.

Пытаюсь оттолкнуть Скальде, вырваться из плена рук, но Его Великолепие слишком поглощён моим телом, чтобы услышать мольбы моей души. Глухо зарычав, точно раздразнённый хищник, он опрокидывает меня навзничь, вжимает в кровать. Зову на помощь, захлёбываясь собственным криком, мечусь под ним, тщетно пытаясь вырвать ноющие запястья из оков твёрдых пальцев и…

Понимаю, что пора просыпаться.

Подскочив на постели, выдохнула, с облегчением осознав, что это не безумная явь, а всего лишь безумный сон.

Вот ведь подстава! Только эротических видений и угрызений совести мне сейчас не хватало!

Какая же всё-таки… дерьмовая ситуация.

Перевернувшись на живот, накрыла голову подушкой, от души желая самой себе под ней задохнуться.

Ну ты, Аня, даёшь. И двух недель не прошло со дня свадьбы, а тебя уже посещают эротические фантазии, где твой законный муж (ну или его подобие) лишь сторонний наблюдатель. А главную роль исполняет драконье-мать его-великолепие.

Интересно, все алианы ночами просматривают сны с цензом 18+? Наверное, да. Это ведь магия. Привязка тагрова!

Как же я ненавижу этот мир! И себя с такими темпами скоро возненавижу. И тальдена, и чёртову ведьму.

Хотя какое там скоро! Блодейну я возненавидела с момента нашей первой встречи.

Не успела подумать о пучеглазой ведьме, как та материализовалась перед кроватью. Полупрозрачной дымкой просочилась сквозь балдахин, струящийся складками, и уселась со мною рядом.

Это что-то новенькое! Блодейна — призрак.

Кошмар в кошмаре — что ещё скажешь.

Наверное, подсознательно я желала этой бабе-яге смерти, но понимала, что даже после оной она от меня не отстанет. Будет продолжать преследовать во сне и наяву в качестве такого вот назойливого привидения.

Ущипнула себя, надеясь проснуться. Не помогло.

— Нам надо поговорить о завтрашнем испытании, — с места в карьер начала моя как бы наставница, даже не удосужившись поздороваться и извиниться за полуночное вторжение. А потом ещё и раздражённо крикнула: — Сейчас же прекрати себя щипать! Ещё не хватало, чтобы синяки остались!

— Боишься, попорчу твою драгоценную Фьяррочку? — разозлилась я и хорошенько так, от души ущипнула себя за запястье.

Ай, больно!

— Только попробуй, — осклабилась негодяйка. — Сразу домой отправишься. Соскребать с земли мужнины останки. Я тут подумала и решила, что в случае чего проще всего будет устроить… Как это у вас называется? Дорожное происшествие. А ещё у вас есть метро…

Какая же всё-таки мразь! Уже продумывает способы убийства моего мужа. Пока я тут… я… бессовестно изменяю ему во снах.

Безнадёжный случай.

— Не отправишь, я тебе здесь нужна, — буркнула.

— Если не перестанешь показывать свой норов — будешь не нужна, — отрезала

мегера. После чего, обдав меня холодом не хуже Герхильда, деловито продолжила: — В общем, о чём это я? Ах да, испытание. Слушай меня внимательно.

И я слушала. Слушала, всё больше офигевая. Нет, в том, что алианам придётся доказывать свою невинность, ничего удивительного не было. Тёмные времена и дикие нравы требовали определённых жертв со стороны девушек. К тому же только непорочная дева была способна в брачную ночь принять силу тальдена.

Меня смутило другое — сам процесс доказывания.

— То есть, чтобы понять, девственницы мы или нет, нас всех отправят чёрт-те куда…

— На Лазоревое озеро, — поправила Блодейна.

— Где разденут до нижнего белья…

— До сорочек.

Вот ведь дотошная.

— Посадят в лодки — и адью! Плывите, девочки, замерзайте.

Я понимала, что ничего не понимаю. Думала, нас поведут к какому-нибудь придворному магу-целителю. Лекарю там или, на худой конец, к травнице. Или кто тут у них за гинеколога.

— В Лазоревом озере обитает Хадааантис, — теряя остатки самообладания, проскрипело зубами фальшивое привидение.

Небось привыкла, что Фьярра у неё как шёлковая. В рот заглядывала и никогда не перечила.

А тут я нарисовалась.

— Маловато что-то «а»…

— Немедленно прекрати! — взвилась полупрозрачная гостья. — У нас не так много времени! Скоро за тобой придут.

Дабы препроводить в последний путь.

— Ладно. — Я взбила подушки и устроилась поудобнее, приготовившись к дальнейшему инструктажу. — Этот «хада-а-а» — он вообще кто? Или… что?

— Древний змей, впитавший в себя всю мудрость нашего мира. Его невозможно обмануть. Почти невозможно.

Хорошо хоть не человек-паук.

— Ужик? — спросила с надеждой и показала примерный размер гада плавучего, встречу с которым согласна будет выдержать моя и без того уже порядком подпорченная психика. Сантиметров двадцать, максимум — тридцать.

Блодейна покачала головой.

— Насколько большой? — сглотнула.

— Поменьше дракона будет, — типа успокоила меня ведьма и спешно продолжила: — Тело моей девочки чисто, Фьярры никогда не касался ни один мужчина. За это можешь не переживать. Но вот твоё сознание, — закончила многозначительно.

Может, лучше сразу признаться Его Великолепию, что я не невинная девственница?

Представила выражение лица тальдена, его возможную реакцию на мои откровения и решила, что нет, лучше всё-таки встреча со змеем.

— А этот ваш Хадааантис, он только мудростью питается? Никаких других гастрономических пристрастий не имеет? — Разыгравшееся воображение уже вовсю рисовало гигантскую анаконду, раззявившую надо мной пасть.

Божечки, как же не хочется умирать!

— Он не тронет тебя, если сделаешь всё, как скажу, — оставаясь верной самой себе, увильнула от прямого ответа Блодейна.

— И всё же, вдруг что-то пойдёт не так?

— А ты постарайся, чтобы всё пошло так!

Да уж, конструктивное у нас вышло общение.

Помимо того, что меня беспокоили возможные последствия вояжа по Лазоревому озеру, не давало покоя ещё кое-что.

— Нескромный вопрос: а как он будет нас проверять?

Хмыкнула. Змей-акушерка. Я думала, в этом мире меня уже ничем не удивить. Но, как оказалось, Адальфива, как заветная коробочка, была полна сюрпризов. Всё чаще здесь я ощущала себя Алисой, попавшей в Страну Чудес и объевшейся галлюциногенных печенек. Или то у неё пирожки волшебные были…

— Девушка, вступившая с мужчиной в добрачную связь, оказывается осквернённой, пятнает свои душу и тело. Хадааантис замечает каждое такое пятно. От него невозможно скрыть грех прелюбодеяния.

— Будем надеяться, что Фьярра действительно чиста. Как бутылочное стекло, — проворчала я.

— На что это ты намекаешь? — пошло пятнами одутловатое лицо ведьминого духа.

— Ни на что. Продолжайте. Вы что-то говорили про несовершенство моего сознания.

Объяснив, как можно обвести вокруг пальца даже древнего змея, и выдав уже не знаю какую по счёту страстную тираду о том, как надлежит алиане вести себя с Его Великолепием, Блодейна растаяла в воздухе. А я ещё долго лежала, не смыкая глаз, снова и снова прокручивая в голове дурацкий сон. Думала о мужчине в свите князя Темнодолья, так похожем на Лёшу, и об обитателе Лазоревого озера, с которым в скором времени должна буду повстречаться.

Глава 10

Когда забрезжил рассвет, явилась Мабли, чтобы подготовить меня к ритуальному испытанию. Сначала отправились в купальню, где девушка усердно растирала меня жёсткими мочалками. Пока кожа не стала красной, а у меня не кончилось терпение.

— Решила меня освежевать? Всё, достаточно. От того что ты елозишь губкой по моему телу, душа от этого чище не станет.

— Мне так боязно за вас, — в голосе девушки звучало искреннее волнение.

— Мне тоже за себя боязно, — призналась со вздохом, заворачиваясь в тёплое мягкое полотенце. — Ты когда-нибудь его видела?

Мабли покачала головой.

— Только легенды разные слышала. — Девушка прижала руки к груди и с патетичным надрывом воскликнула: — А если Хадааантис что-нибудь почувствует?! Вас же прогонят с позором!

Ну если только прогонят — это ещё полбеды. Главное, чтобы не сожрал и не задушил в объятиях. А прилюдное унижение я уж как-нибудь переживу.

Вот только в глаза Скальде, наверное, больше смотреть не смогу…

Я тут же разозлилась. На саму себя. Какое мне вообще дело до его глаз! До того, кто и что обо мне подумает! Тем более его замороженное вельможество. Детей мне с ним точно не крестить. И вообще, никакая я не прелюбодейка. В моей жизни был всего один мужчина.

Мой муж.

Мабли помогла мне одеться. Длинную до пят сорочку из льна скрыло зелёное полотняное платье простого покроя с чуть расклешёнными рукавами и такой же юбкой. Волосы тугим пучком увенчали затылок, от украшений и вовсе пришлось воздержаться. Служанка сказала, что всё равно на озере их велят снять.

Обувшись и набросив на плечи бархатную накидку с капюшоном, подбитую рыжим мехом, я в последний раз взглянула на себя в зеркало. Увидела отражавшуюся в нём бледную юную девушку, в глазах которой, как туча на ясное небо, набежала тень страха.

Мысленно пожелав себе удачи, покинула спальню, чтобы присоединиться к другим алианам.

Сначала нервы мои на прочность испытывала Блодейна, потом эстафету переняла эссель Тьюлин. Строила нас и в прямом, и в переносном смысле. Словно командир на плацу, вышагивала по внутреннему двору, очерченному портиком, колонны которого увивали всё те же цветы-убийцы, наутро собравшиеся в бутоны.

— Ваше сознание во время ритуала должно быть открытым, — сочным, как у оперной дивы, голосом вещала главнокомандующая, сметая с камня полами плаща снежную пыль.

Если я открою Хадааантису своё сознание, он точно обогатится новыми знаниями: словечками нецензурными всякими, которые в последнее время упрямо вертелись у меня на языке.

Одно из них едва не выскочило, когда из замка показалось Его хмурое Великолепие, минувшей ночью исполнившее главную роль в моём эксклюзивном фильме ужасов. Только бы этот хоррор не превратился в долгоиграющий сериал и не растянулся на бессчётное количество эпизодов. Этакую Санта-Барбару для взрослых.

Вовремя проглотив нецензурщину, что при виде Герхильда так и просилась наружу, поджала губы и, как и подобает алиане, робко потупила взгляд. Опускаясь в реверансе, убеждала себя, что нет ничего интересного в этом обломке обледеневшей скалы.

Подумаешь, плащик стального цвета с оторочкой из тёмного меха и серебряная перевязь через плечо ему чертовски идут. Вон князь Темнодолья, плетущийся за своим кузеном, тоже прихорошился: смоляные волосы прилизал, у брадобрея явно отметился. Весь такой из себя чистенький, гладенький, одет с иголочки — ан нет, не тянет его рассматривать.

А в сторону Герхильда глаза так и убегают. Я с этой привязкой скоро или окосею, или свихнусь. Вероятно, и то, и другое, а, возможно, ещё и третье — если меня змей сегодня не сожрёт, то это за него в скором времени сделает чувство вины.

Тальден поприветствовал эссель Тьюлин и нас, своих невест, мельком оглядев каждую. Даже по мне, замершей в конце шеренги, мазнул взглядом, хотя чувство было такое, словно поскрёб наждачкой.

Интересно, чего такой мрачный? Не выспался, поди. Я вот тоже не выспалась. Не потому что пришлось подниматься с первыми петухами, хотя и те, когда в комнату прошмыгнула Мабли, ещё досыпали в своих курятниках. Благодарить за бессонницу следовало Блодейну, Герхильда и мистера инкогнито, поджидавшего своего князя у карет, запряжённых фальвами.

Тихонько застонала. Только головокружительного полёта для полного счастья мне не хватало.

Эссель Тьюлин быстро распихала нас по экипажам. Я оказалась в одном с Ариэллой, Глендой и Майруэн. На последней лица не было. Вернее, было, конечно, но оно сейчас больше походило на гипсовую маску, на фоне которой ещё ярче смотрелись порозовевшие и припухшие губы — Майруэн их все искусала.

Рыжеволосая виконтесса казалась невозмутимой, сидела прямо, точно гигантский гвоздь проглотила, с царственным видом взирая в окно. Эсселин Талврин выглядела немного задумчивой, но беспокойства тоже не проявляла.

Поэтому мы с блондиночкой продолжили умирать от страха на пару. Не скажу точно, чего боялась Майруэн, но меня в данный момент напрягало то, что внизу не виднелось ни пяди земли. И даже горы поглотило вязкое марево облаков.

— Ну чего это вы? — наконец вытряхнула себя из задумчивости Ариэлла. Посмотрела сначала на свою белую как снег визави, а потом на, вероятно, уже зелёную меня, сидящую с нею рядом.

К чувству страха прибавилась тошнота. Вроде и не трясло совсем, но стоило лишь заглянуть в щёлочку между шторками, как на меня накатывала дурнота. Вестибулярка была в шоке от этого заоблачного полёта.

— Боитесь Его Премудрости?

Полагаю, это она о змее.

— Страшновато немного, — послышался тихий голосок Майруэн.

Гленда хмыкнула:

— Ерунда! Это не испытание даже, а так, формальность. Всего лишь дань традициям.

Я бы на месте Герхильда некоторые традиции уже бы давно упразднила.

— Мы все чисты, а потому бояться нечего. Опомниться не успеете, как уже будем лететь обратно, — поддержала огненную красавицу, ободряюще улыбнувшись, Ариэлла.

Но белокурую, кажется, её слова не успокоили. И меня, впрочем, тоже. У кое-кого ведь — не буду тыкать в себя пальцем — рыльце, как говорится, в пушку. Ну не было в моих жизненных планах блюсти себя для Герхильда! Оставалось надеяться, что хитрость Блодейны сработает.

Стук фальвовых копыт, казалось, дробивших промёрзшую землю, неожиданно придал мне уверенности. Наше путешествие к Лазоревому озеру подходило к концу. На земле мне однозначно было спокойнее. Отдёрнув штору, с интересом выглянула в

окно. Вереница экипажей, возглавляемая императорской каретой с эмблемой дракона, неслась по просёлочной дороге, разрезая промозглый утренний воздух. Сквозь молочную мглу и деревья, растопырившие во все стороны свои тёмные кривые ветви, проглядывала светлая гладь озера. Тусклые косые лучи восходящего солнца струились с небес, растекаясь по толще льда, в которую было облечено жилище древнего змея.

Идеальное место для катка. Жаль, я сюда прилетела не фигурным катанием заниматься, а обвести вокруг пальца доисторического червя.

Как бы ни хотелось задержаться в карете, тепло в которой поддерживалось при помощи всё той же магии, и поприсутствовать на заплыве невест в качестве зрителя и комментатора, пришлось покидать насиженное местечко.

Скальде, Игрэйт, лже-Лёша и ещё несколько незнакомцев стояли у сероватой кромки озера и о чём-то негромко переговаривались, глубокомысленно глядя в туманную даль. Чуть в стороне на берегу темнели лодки, своей вытянутой формой напомнившие мне гондолы.

Как сказала эссель Тьюлин, их доставили сюда заранее, чтобы ничто не задерживало начало ритуала.

И всё равно в сердце слабо тлела надежда, что Его Великолепие передумает проводить испытание. Змей наверняка впал в зимнюю спячку и банально не захочет выныривать на поверхность, чтобы с нами пообщаться. А мы не сможем поплыть.

Разве что нас пешими к нему отправят…

— Отойдите! — обернувшись, велел наследник, и алианы схлынули к каретам.

Мужчины тоже поспешили расступиться. На берегу остался только один молодец, по виду ровесник Герхильда — лет тридцати, от силы тридцати трёх. Такой же бугай в дорогом плаще.

«Маг», — поняла я, когда незнакомец простёр к озеру руки. А в следующую секунду, после его сотрясшего пространство грозного крика, по тускло поблёскивавшей ледяной глади прокатилась мощная огненная волна. За ней другая и третья, пока в небо не взвился удушливый пар. Лёд затрещал, распадаясь на сколы.

Лицо обдало жаром. Стало душно, захотелось стащить с себя накидку, платье, а за ним и сорочку, прильнувшую к вмиг покрывшемуся испариной телу.

До этого ледяной, а теперь обжигающий воздух напитывался влагой. В этой сауне у меня закружилась голова — не то от резкого перепада температуры, не то от волнения. Я вдруг поняла: ритуал состоится, что называется, при любой погоде, и повернуть назад, исчезнуть, сбежать не получится.

— Можете раздеться. — Оранжевые костерки, плясавшие над льдинами и постепенно гаснущие, отражались в серых холодных глазах Герхильда. Делали их ярче, но отнюдь не теплее.

Потянула за завязки платья и поймала взгляд тальдена, пробежавшийся по мне, а может, по стоявшей рядом Керис.

Вздрогнула, вспомнив властный, жёсткий приказ Скальде обнажиться, отданный мне во сне, и почувствовала, как дрожь сокрушительным цунами накрывает тело.

Пока мужчины дружно выталкивали лодки на воду, а его бездельничество чесал языком с эссель Тьюлин, алианы, дрожа от холода, покорно стаскивали с себя наряды. Помогали с раздеванием служанки, явившиеся на Лазоревое озеро вместе с нами.

Жаль, Мабли нет рядом. Я уже привыкла к тому, что эта девушка всегда под рукой. К тому же она единственная, не считая ведьмы-шантажистки, знала о моей тайне. Моральная поддержка сейчас бы не помешала.

А ещё чашечка горячего чая или лучше бокальчик глинтвейна. В идеале — кастрюля с обжигающе-пряным напитком да поварёшка в придачу. Я всегда была равнодушна к алкоголю, шампанским баловалась лишь по великим праздникам, да ко-

гда-никогда могла себе позволить за ужином пару глотков вина.

Но, наверное, настала пора пересмотреть свои привычки. Надо же как-то согреваться, успокаиваться, бороться со стрессами и неприятностями, которые в последнее время сыпались на меня, словно большие еловые шишки, и каждая больно била по голове.

Самым сложным было снять сапожки, а за ними чулки. Талый снег безбожно жёг босые ступни, словно в неприглядного вида месиво нарочно понатыкали колючек. Пламя над озером больше не полыхало; так, трепетало еле-еле, быстро угасая, и влага, осевшая на коже, казалось, того и гляди застынет ледяной коркой. Я не переставала стучать зубами и покрываться мурашками.

Ну почему Его Великолепию приспичило жениться в разгар зимы! Не мог подождать до лета.

— Пойдёмте, — приблизившись к нам, скомандовала эссель Тьюлин, и мы гуськом потянулись за ней к лодкам.

Обхватив плечи руками, я мысленно уговаривала себя расслабиться — вроде тогда будет не так холодно. Но нет, ощущение, что превращаюсь в эскимо, только без палочки, с каждой секундой усиливалось.

В длиннополых широких рубахах, простоволосые и неестественно бледные, алианы походили на привидения. Особенно Майруэн, лицо которой теперь казалось ещё белее, с лёгким сероватым оттенком. Полагаю, я выглядела не лучше.

Подойдя к своей «гондоле», увидела, что дно укрывает толстая меховая шкура. Что ж, хоть за это спасибо, лежать будет не так жёстко и, может быть, станет чуточку теплее. Вот бы ещё сверху такую же шкуру пушного зверя кинули.

Когда невесты угнездились в своих лодках — сложили руки на груди и замерли в позе а-ля покойники, эссель Тьюлин, устремив взгляд в небо, стремительно затягиваемое непроницаемой пеленой туч, прочистила горло и принялась пафосно голосить:

— Да пребудет со всеми нами Претёмная Праматерь и её воля! Пробуждая великого Хадааантиса, мы взываем к его мудрости, его силе и молим о его снисхождении к нам, простым смертным. От всевидящего ока Его Премудрости да не укроется ни одна ложь!

Не сможет гнилой плод принять в себя силу и благословение императорского рода. Только чистые телом и помыслами девы удостоятся чести называться невестами самого могущественного из тальденов! Только одна из них, достойнейшая из достойных, станет ари!

Вот с помыслами у меня были реальные проблемы. Да и вообще, тоже мне честь нашли. Я бы от неё с радостью отказалась, ещё бы и приплатила кому, лишь бы избавиться от этого «счастья» и вернуться домой. Майруэн, полагаю, тоже. Вон как её колотит. Ещё немного, и решу, что бедняжка — эпилептик. И Хелет заметно потряхивало, пока она укладывалась в лодку. Остальные алианы хоть и лезли из кожи вон, стараясь казаться спокойными, тоже были явно напуганы. Даже Гленда больше не строила из себя бесстрашную пофигистку.

Вместо того чтобы пытаться успокоиться, я продолжала себя накручивать. Какая же всё-таки несправедливость! Расчудесному нашему, значит, хвала, почёт и дифирамбы, даже несмотря на то, что уж он-то точно давно не мальчик. Почему Его Великолепие к змею не посылают?! А нас, не стесняясь, с подпорченными фруктами сравнивают и готовы предать анафеме за одну фривольную мыслишку.

Тогда по-хорошему мне не по озеру кататься надо, а сразу с камнем на шее в прорубь.

Закончив с напутственной речью, эссель Тьюлин присоединилась к наследнику и его кузену, которые за всё время, что мы здесь находились, даже пальцем не пошевелили. Другие «зрители» тем временем приблизились к лодкам. К каждой была при-

вязана толстая верёвка. Наверное, за них нас и будут тянуть назад к берегу, когда этот кошмар закончится. По крайней мере, вёсел в моём покачивающемся на воде транспорте видно не было.

Ох, кажется, меня опять начинает мутить.

Мне, можно сказать, повезло. Из девяти бравых молодцев мне достался… мой почти Лёша. Взявшись за резную голову дракона, украшавшую корму лодки, он не то ободряюще улыбнулся, не то иронично усмехнулся и сказал:

— Удачи. — После чего с силой оттолкнул ладью от берега.

Я лежала, парализованная страхом, глядя в одну точку перед собой: на точно такую же драконью с жутким оскалом морду, венчавшую нос лодки.

Вместе с нами, но только по небу, плыли грозовые тучи, концентрируясь в самом центре. Пространство вибрировало от пока ещё тихого гула приближавшейся грозы.

Мутная гладь подёрнулась рябью. Сильный ледяной ветер взвыл раненым зверем, он гнал нас к середине озера, заставляя расступаться льдины и вспенивая воду.

Господи! И как же тут не бояться!

В момент, когда из глубин озера гейзером выстрелила вода, жаль только, что холодная, и над глыбами льда показалась огромная змеиная голова, вся в изумрудных чешуйках, я поняла, что воспаление лёгких мне не грозит. Я до него банально не доживу, умру раньше от сердечного приступа. В лучшем случае просто поседею от ужаса.

Голову змея, имевшую «скромные» размеры автобуса, венчали наросты — что-то вроде короны. Когда Хадааантис открыл глаза, ослепившие нас своим золотом, в пронзительно-чёрном вытянутом зрачке древнего существа я прочла всё своё прошлое. А вот будущее в нём не просматривалось. Я вдруг с ужасом поняла, что у меня его вполне может и не быть.

Аня, ну же, соберись! С силой сжала кулаки, вонзившись ногтями в ладони — боль помогла прийти в чувство, и я принялась, как учила Блодейна… быстро-быстро называть числа. Вразброс, перескакивая с единицы на тысячи и обратно к десяти — и двузначным цифрам, даже дроби припомнила и таблицу умножения повторила. Шептала без запинки, помня наказ: не замолкать даже на долю секунды, тогда змей не сможет прочесть мои мысли.

Двадцать, девятьсот пять, шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть. Три с половиной.

Нолик.

Следом за головой из воды вынырнуло изумрудное с тёмными прожилками туловище, своими объёмами ничем не уступающее Пизанской башне. Окатив нас брызгами, отчего я и шкура подо мной тут же насквозь промокли, Его Премудрость приблизил свою морду к первой лодке. Кажется, в ней находилась Керис.

Удачи ей!

Несколько секунд, а может минут, янтарные глаза пристально смотрели на ту, что, больше чем уверена, оцепенела от ужаса. После чего гад озёрный подплыл к следующей претендентке на руку и сердце тальдена.

Только теперь я поняла, почему в имени обитателя Лазоревого озера столько «а». После близкого знакомства с Хадааантисом люди начинали заикаться.

Вторая невеста тоже родилась под счастливой звездой. Для неё испытание змеиным взглядом закончилось так же, как и для Керис: премудрый оставался спокоен, как удав, если к его змеючеству можно применить такое сравнение.

Я почувствовала себя чуточку уверенней. С ещё большим энтузиазмом принялась шептать числа, уже почти поверив в то, что всё у меня получится. Подумаешь, гадюка исполинская погипнотизирует пару минуток взглядом. Взгляд Его Великолепия в иные моменты пострашнее будет.

А потом настала очередь Майруэн.

Хадааантис нырнул под воду и в одно мгновение оказался возле её лодки, чуть не ткнувшись в ту своей мордой. И вдруг вздыбился, зашипел яростно. Раздулся как кобра, у которой раскрывается капюшон, ощетинившись тысячами чешуек. Не знаю, что в тот момент творилось с бедняжкой Майруэн, а я от страха не то что про числа позабыла. Впала в некое подобие комы.

Это-то и стало моей роковой ошибкой. Позабыв об алиане, тварь метнулась ко мне.

Глава 11

Минуту или две меня рассматривали с дотошным вниманием, словно под микроскопом. Его Премудрость явно оценивал выбор Его Великолепия, и он ему, этот выбор, определённо не нравился. Склонив голову набок, змей ввинчивался в меня парализующим взглядом, и что-то мне подсказывало, что по десятибалльной шкале Хадааантиса я не дотягиваю даже до слабой троечки.

Мало на меня дракон драконский фыркал и глаза закатывал. Если ещё и этот Змей Горыныч начнёт — за себя не ручаюсь.

Попытка отвлечься ни к чему не привела, и страх никуда не делся. Наоборот, продолжал заполнять меня, словно дрожжевое тесто кастрюлю. Того и гляди из ушей полезет.

Нетерпеливый удар хвостом по озёрной глади, и пенные брызги раскрылись веером. Алианы в лодках, которых обдало очередным капельным залпом, дружно пискнули, протестуя против холодного душа, а я судорожно сглотнула. Его змеючество был явно не в духе, и, боюсь, я себя слегка переоценила. В глазах Хадааантиса, презрительно сощурившихся, невеста номер девять уже и единицы не заслуживала.

Кстати, о цифрах. Раз уж не пошла арифметика, может, попробовать геометрию? Только начала вспоминать про пифагоровы штаны, как эта гигантская рептилия, ощетинившись, заплясала передо мной точно так же, как ранее перед Майруэн. Хадааантис яростно взвился к небу, и от движения его глистообразного тела мою лодку волной отбросило на несколько метров.

Жаль только, что не к берегу.

Кажется, я его реально раздраконила. Или в данном случае уместней будет сказать раззмеинила?

В считанные секунды монстр оказался рядом со мной. Раззявил пасть, обнажив в безумном оскале длинные и острые, как у саблезубого тигра, клыки, с которых совсем не эстетично капала слюна прямо на подол моей рубахи. Было гадко и жутко, а ещё до невозможного страшно.

Меня сковал такой ужас, что я даже забыла, как дышать. Чувствуя себя окаменелым ископаемым, смотрела на древнее чудище, растворяясь в золоте его глаз, таких же блестящих и круглых, как зеркальные диско шары восьмидесятых.

Слышала голос, властный и требовательный, заполняющий сознание:

«Ты здесь чужая. Назови себя!».

— Я… я — Аня, — заикаясь, представилась. Так и не поняла, ответила мысленно или вслух. Язык не поворачивался солгать змею, попытаться скрыть роковую правду. Под пристальным взглядом янтарных глаз чувствовала себя туго спелёнатым младенцем, беспомощным и беззащитным.

«Зачем выдаёшь себя за другую?!» — раздалось в голове яростное шипение, от которого у меня затряслись руки и поджилки, трусливо заклацали зубы, отчего с трудом удалось выронить:

— Ме… меня заставили.

«Покажи!» — распорядился Хадааантис и, прежде чем я успела хоть как-то отреагировать на очередное требование, больно ударившее по натянутым до предела нервам, змей принялся хозяйничать в моей голове.

Фрагменты недавнего прошлого, как в калейдоскопе, замелькали в памяти и отразились в золотой радужке Его Премудрости.

Счастливые и полные хлопот дни до свадьбы, торжественная роспись в загсе, венчание в церкви. А потом… помолвка на вершине горы с самым настоящим драконом и головокружительный полёт над пропастью. Мои растерянность и смятение. Гнев и паника, когда поняла, куда и зачем попала. Прибытие в Хрустальный город в каче-

стве фальшивой невесты.

Хадааантис явно смаковал каждый эпизод «короткометражного фильма», «снятого» в лучших традициях Болливуда.

«Не выдавай меня. Прошу…», — взмолилась.

Наверное, со стороны я выглядела жалко и глупо. Мокрая, напуганная, с глазами, блестящими от слёз, сжавшаяся в комок на дне лодки.

Хорошо, если всё-таки не сожрёт, а отпустит. А там уже… будь что будет.

«Я не раскрою твою тайну», — не сразу поняла тихий, прозвучавший где-то на задворках разума, ответ.

Даже когда Премудрый погрузился в воду и угрём скользнул под моей лодкой, заставив ту тревожно качнуться, ещё до конца не осознала, что пытка закончилась.

И, пока змей тестировал других девушек на чистоту помыслов и плоти, я лежала, не в силах пошевелиться. Просто глазела в небо, одна за другой низвергавшее дождевые капли, на сизые комья туч, то тут то там подсвечиваемые вспышками молний.

Не шелохнулась даже когда дёрнулась лодка, притягиваемая к берегу сильными руками мужчины, так похожего на моего мужа. Безвольно лежала, сломанной куклой, не чувствуя собственного тела.

Лишь когда кто-то потянул меня за руку, заставляя подняться, а потом набросил мне на плечи плащ, согретый теплом чужого тела, с усилием подняла голову и встретилась взглядом с зелёными глазами Лёшкиного двойника.

— Пей скорее, — хрипло шепнул мне мужчина и сунул в руки кружку с чем-то горячим и ароматным.

Чем — не спрашивала. Просто сделала несколько глотков, ощущая, как потихоньку согреваюсь и оживаю.

— Вот, так намного лучше, — улыбнулся знакомый незнакомец, имя которого я хотела бы узнать, но не отваживалась спросить. — Румянец тебе к лицу.

— Спасибо, — потупилась и услышала раздавшийся совсем близко испуганный крик.

Сжимая меж ладоней кружку с горячим питьём, поспешила к другим алианам, обступившим Майруэн. К ней стервятниками уже слетались маги и эссель Тьюлин.

Мокрая сорочка льнула к хрупкой фигурке дрожащей девушки, по щекам её, смешиваясь с озёрной водой, катились слёзы. Узоры, похожие на те, что проступали у меня на коже всякий раз, когда Герхильд до меня дотрагивался, сейчас покрывали кисти, шею и ступни Майруэн. Вот только они не сверкали серебром, а больше походили на выгоревшие мутно-зелёные татуировки.

— Прелюбодейка! — прошипела эссель Тьюлин и, брезгливо поморщившись, демонстративно сплюнула себе под ноги. То же самое проделали и другие мужчины.

Спрятав лицо в ладонях, Майруэн съёжилась и зарыдала.

Некоторые невесты, вроде Хелет и Ариэллы, смотрели на бедняжку с сочувствием. Другие, такие как Керис, пренебрежительно кривились. А кто-то и вовсе косился в её сторону с опаской, как будто Майруэн не невинности до брака лишилась, а была серийной убийцей.

Какие же они всё-таки все тут… средневековые.

Его Великолепие застыл каменным изваянием. И лицо у него тоже было каменным. С каким-то леденящим душу спокойствием, безразличием смотрел он на плачущую невесту. Теперь уже, кажется, бывшую. Хорошо хоть не плевался, беря пример со своей свиты. Скальде выглядел невозмутимым, но что-то мне подсказывало, что в душу его сейчас, как на шабаш, слетаются демоны.

— Уведите её. Пусть переоденется, — бросил он глухо и велел другим алианам: — Вы тоже скорее переодевайтесь. — После чего объявил громко: — Возвращаемся!

— Ваше Великолепие, — начала было эссель Тьюлин, недобро косясь на Майруэн,

которую, приобняв за плечи, уводила к каретам Ариэлла.

Но тальден её перебил:

— Отправьте девчонку домой сегодня же. А эсселин Сольвер, — почувствовала, как в спину мне ледяным осколком вонзается взгляд, — сразу по возвращении в замок пусть осмотрит эррол Хордис.

Хордис? Кто ещё такой этот Хордис?

Зря я обернулась. Меня чуть не сбило с ног волной глухой ярости, прокатившейся от Герхильда ко мне. Даже кружку от испуга в снег уронила, и как-то быстро согрелась в пламени драконьего гнева.

— Как будет угодно Вашему Великолепию, — раболепно поклонилась командирша и метнулась ко мне. Ощутимо впившись ногтями в локоть, потащила к каретам, шипя на ухо: — Если и ты ему соврала…

— Что, будет ещё проверка?

— Будет! Для тебя лично!

А всё так хорошо начиналось…

Обратная дорога в Хрустальный город прошла под девизом: «Скажешь слово — вышвырну из повозки!». Мне не повезло застрять в одной карете с эссель Тьюлин и зарёванной Майруэн. Попытка утешить бедняжку была мгновенно пресечена гневным окриком помалкивать и испепеляющим взглядом тусклых серых глаз с пучками морщин, которые собирались во внешних уголках, когда мадам хмурилась, то есть всегда.

Мысленно послав генеральшу в направлении, уже хорошо известном Герхильду и Блодейне, откинулась на мягкие подушки и прикрыла глаза. Но задремать не получилось. От всхлипов «помеченной» змеем алианы тоскливо сжималось сердце. И в голове, точно грызуны под половицей, копошились мысли о предстоящем эксклюзивном испытании, которое, если правильно поняла, будет проводить некий загадочный эррол Хордис.

Как же я завидовала другим невестам! Их сейчас вкусно покормят, потом спать уложат. Передо мной же будущее, как всегда, представало туманным, вроде тех седых облаков, что сейчас клубились под нами.

А всё Хадааантис! Поменьше бы демонстрировал мне свои идеально сохранившиеся за тысячелетия зубы да вытанцовывал перед лодкой. Спасибо, конечно, что проникся моей проблемой и не выдал, вот только наше затянувшееся общение, увы, не прошло незамеченным.

Печёнкой чую и всеми остальными органами своего многострадального тела — этот эррол Хордис из меня сейчас всю душу вытрясет.

К моему величайшему разочарованию и такой же немалой досаде, эссель Тьюлин не позволила мне «заглянуть на секундочку к себе попудрить носик». Другими словами, сходить по нужде — предлог, которым я надеялась воспользоваться, дабы увидеться с Мабли и расспросить её о незапланированной проверке.

— У лекаря свою нужду справишь, — не пошла на контакт бессердечная.

Велев Майруэн быстро идти собираться, а потом, не мешкая, выметаться из замка, зашагала по галерее, испещрённой узкими витражными окнами, сквозь которые проникал тусклый свет пасмурного дня. Разноцветные блики стелились по каменному полу мерцающим ковром, сотканным из причудливых узоров.

Оказавшись в узком затхлом коридорчике, конвоирша постучалась в дверь и, не размениваясь на приветствия, по-хозяйски её распахнула.

— Эррол Хордис, к вам эсселин Сольвер пришла!

Ещё бы сказала прибежала…

— Дева, — кивнула, соглашаясь.

В самом деле, не мужик ведь. Замерла, не зная, как поступить.

Пить или не пить?

— Раз дева, то почему медлишь? — раздался от двери сочащийся ядом голос Герхильда, этого драконистого великолепия.

Я вздрогнула и посмотрела на мага, гадая, когда это мы уже успели перейти на панибратское «ты».

Тальден стоял, расслабленно прислонившись к дверному косяку, с руками, скрещёнными на груди. Под тканью кипенно-белой рубашки вырисовывались стальные мышцы, бугрившиеся на плечах. Длинный камзол-безрукавка не скрывал, а скорее, подчёркивал контуры сильного тренированного мужского тела. Полагаю, у этого богато расшитого серебром аналога жилета имелось название, но мне оно было неведомо.

— Что-то не так, эсселин Сольвер? — снова перескочил на вежливое обращение ледышка, вот только голос его по-прежнему сквозил насмешкой, вежливости и уважения в нём и в помине не было.

Наверное, в своих мыслях Его Великолепие уже не раз успел сжечь меня на костре, как прелюбодейку. На пару с Майруэн.

— Боюсь отравиться, — призналась честно.

Если бы не лента, удерживавшая мышиного цвета волосы лекаря в тугом пучке на затылке, они бы у него наверняка встали дыбом, превратив голову эррола Хордиса в туловище хохлатого дикобраза.

Тальден помрачнел. Оторвавшись от стены, ринулся ко мне. Глаза — что две проруби. Лёд и маленькие чёрные дырочки посередине. А ведь ещё минуту назад они были безмятежно серыми.

Подвинув целителя, Скальде встал передо мной.

Зачем спрашивается?! Мне тут же стало жарко, невыносимо душно. До дурацкой обжигающей дрожи, прокатившейся по телу, и звёздочек в глазах.

Хорошо хоть не сердечек.

— Эррол Хордис должен был объяснить вам, что невинной девушке настойка гуантильи не принесёт вреда.

«А если просроченная?! Что тогда?!» — подумала в рифму и на свой страх и риск решила всё же разобраться.

— Невинной, — закусила губу, осторожно подбирая слова, — имеется в виду чистой и телом, и помыслами или достаточно только тела?

— А у вас какие-то проблемы с помыслами? — Ладони мага властно, по-хозяйски опустились на столешницу в паре сантиметров от моих чуть дрогнувших коленей.

Оказавшись в плену тальденовых рук, сжигаемая ледяным пламенем, что полыхало в глубине некогда прозрачных, а сейчас опасно потемневших глаз, я чувствовала себя сухой щепкой. А через каких-то пару мгновений и вовсе стану обуглившейся головёшкой.

Подумала так и разозлилась на саму себя за неспособность бороться с чёртовой привязкой. На Герхильда — за то, что провоцировал меня на откровенные мысли, на необдуманные поступки и слова. На эррола Хордиса — да просто за то, что крутился рядом!

Подавшись к магу, чтобы не думал, что испугалась, сказала вкрадчиво, выдохнула торопливо ему в губы, пока мозг снова не отключился:

— По-вашему, алиана до встречи с женихом не имеет права ни на какие чувства? Мы же не деревянные куклы и не можем приказать себе не влюбляться. Влечение, знаете ли, когда оно появляется, сильнее всех доводов рассудка.

Кстати, о влечении. Резко очерченные губы мага, которые я последние мгновения гипнотизировала жадным голодным взглядом (может, у эррола Хордиса найдётся лекарство от этого наваждения?), превратились в тонкую линию. Скальде помрачнел,

хотя куда уж больше. Он и так с утра ходил угрюмый и напоминал не ледяную, а гранитную серую глыбу. Гранитную с тонкой корочкой льда сверху.

— Значит, вы были влюблены, — констатировал с глубокомысленным видом.

— А если и так? Выпроводите меня из замка за недозволенные чувства к другому? Как Майруэн?

— Да, если не выпьете зелье, — жёсткий ответ и не менее жёсткий взгляд, под которым надо бы ёжиться, а не распаляться ещё больше.

Во всех смыслах этого слова.

— Вы не ответили на мой вопрос. — Я тоже умею быть настойчивой и жёсткой, когда захочу. Жаль, хотелка эта не всегда включается, по большей части барахлит.

— Вам станет плохо, только если вы не девственница.

Ох, Фьярра, надеюсь, в своё время ты не крутила шуры-муры с каким-нибудь симпатичным юношей из свиты папика.

Скальде смотрел на меня, не сводя испытывающего взгляда. Было такое чувство, что у меня на лбу отсвечивает красное пятнышко от снайперской винтовки с лазерным прицелом. И стоит только отказаться пить гуану или как её там называют, и меня нейтрализуют одним точным выстрелом ледяных глаз, а потом пустят в расход. Вон эррол Хордис тоже пожирает меня глазами. Небось уже прикидывает, что и куда будет расфасовывать.

Близость тальдена, то, как его руки почти что касались моих коленей, пусть наши конечности и разделяла плотная ткань платья, заставляла волноваться, нервничать, злиться… и желать, чтобы оказался ещё ближе.

Кажется, Его Великолепие понял, что со мной творится. Усмехнулся, дёрнув уголком губ, от которых не было сил оторваться, и выпрямился. Но убираться восвояси, хотя он здесь и так «восвоясях», не торопился. Всё ждал моего решения.

— Ваше здоровье! — Опрокинула в себя горькое пойло (бе, хуже полыни!) и, спрыгнув со стола, гордо задрала голову.

— Вина? — светясь от счастья, что всё так замечательно разрешилось, заискивающе предложил лекарь.

— Перебьюсь. Хочу чувствовать вкус унижения, через которое мне довелось пройти по милости господина Герхильда!

Глубоко вдохнула и выдохнула. Я контролирую себя, я смогу. Не стану кипятиться, ведь неровен час наговорю глупостей, о которых потом наверняка буду жалеть.

— Я могу быть свободна?

— Да, — бесстрастный ответ. — Но в ближайшие часы не оставайтесь одна, с вами постоянно должен кто-нибудь находиться. Ваша служанка, например.

— Доверите такое важное задание, как проверка невесты на непорочность, какой-то там служанке? — беря пример с тальдена, усмехнулась иронично. — Почему бы вам самому не остаться со мной и не удостовериться в моей невинности лично? Чтобы в будущем мне не пришлось глотать ещё какое-нибудь неизвестного происхождения пойло! — ляпнула, снова заводясь, и только потом поняла, насколько двусмысленно прозвучала брошенная сгоряча фраза.

Герхильд это тоже, кажется, понял, и в глубине стальных глаз я увидела пляшущих демонят.

Глава 12

Тальден не переставал задаваться вопросом: какого тагра он отправился к лекарю?! Там, на озере, ещё до того, как алианы вернулись на берег, по реакции Хадааантиса он всё понял. Понял, что обе невесты порочны. И Фьярра, и Майруэн.

Ожидаемо на теле светловолосой лгуньи проступило свидетельство её греха — обручальные узоры ржавчиной покрыли девчонку от пят до самой макушки.

С Майруэн всё было кончено.

И с Фьяррой должно было быть так же. Когда лодка с княжной Сольвер причалила к берегу, Скальде мысленно вычеркнул алиану из списка невест. И даже испытал нечто сродни облегчению, немного притушившему злость.

Последнее, что ему сейчас было нужно, — это проблемная невеста. Строптивая и дерзкая.

Видно, плохо её учили в детстве. Не привили ни манер, ни кротости, ни повиновения. У Скальде не было никакого желания взваливать на свои плечи заботу о её воспитании.

Намного проще было избавиться от Фьярры.

Так думал он, возвращаясь в Ледяной Лог. И потом, когда шёл галереями замка, рассеянно отвечая на приветствия подданных, а по большей части попросту никого не замечая, мыслями невольно возвращался к осмелившейся унизить его пигалице.

К ним обеим!

В кои-то веки привычная сдержанность изменила будущему императору. Внешне тальден оставался прежним, спокойно-невозмутимым, безразличным ко всем проявлениям бытия, но внутри него всё клокотало.

Майруэн хотя бы хватило смелости пройти испытание, не прибегая к хитрости. Признать свою ошибку. Что же касается Сольвер… С девчонкой явно было что-то не так. В противном случае Древний остался бы невозмутимым и абсолютно спокойным.

Странно, что испорченность алианы никак не проявилась внешне. Наверняка она нашла способ обмануть Хадааантиса при помощи чар. Оставалось выяснить, что это была за магия, и решить, как наказать мерзавку.

Раньше падших невест обнажёнными выставляли возле храма Претёмной Праматери на целый день. В любое время года, в любую погоду. Считалось, то, что было открыто одному мужчине, не законному супругу, имели право видеть все желающие. Скальде был против подобных зрелищ. Потому велел просто отправить Майруэн домой.

Что же касается Фьярры… Не признается, и он вполне может не сдержаться. Вспомнит о древней традиции и восстановит справедливость. Другим алианам тоже будет полезный урок: пропадёт желание хитрить и морочить голову будущему мужу.

Скальде едва не зарычал, ощутив новый прилив ярости, огнём пробежавшей по венам. Мысли о девчонке не желали убираться из головы. Хоть Фьярра, как выяснилось, была недостойна даже малой толики его внимания.

Тальден смутно помнил первую встречу со старшей дочерью князя Ритерха. В памяти сохранилось лишь бледное личико, которое побелело ещё больше, напрочь лишившись красок, когда он впервые наведался в Лунную долину, чтобы заявить свои права на алиану. Фьярра боялась его, как огня, и тем не менее покорилась воле родителя — согласилась стать невестой мага, а в будущем, быть может, и императрицей.

Хотя какая из неё императрица?

Точно жертвенный ягнёнок, тряслась во время обряда — проверки на сочетаемость. Вздрагивала, когда Скальде её касался. Ёжилась под его взглядом. И едва не разрыдалась, когда сущность её откликнулась на силу императорского рода. В тот са-

мый миг тонкие кисти, хрупкую шейку и плечи алианы овила серебряная вязь магического узора.

Прибыв в Лунную долину во второй раз, чтобы уже официально обручиться с княжеской дочерью, тальден увидел всю ту же трепещущую перед ним девочку. Даже привязка не притупляла страх.

Уже тогда он решил для себя, что в любом случае не выберет её в жёны. Скальде нужна была не просто ари, способная разделить с ним силу. Ему нужна была алиана, достойная императорской короны.

Дрожащий от страха ребёнок… Сумеречная империя заслуживает лучшей правительницы.

И вот этого ребёнка словно подменили. Бесследно исчез ягнёнок, непонятно куда подевалась кроткая овечка. Если раньше девчонка боялась этого союза, то теперь роль невесты её не пугала, а, скорее, злила. Да и сам жених, похоже, вызывал далеко не самые тёплые чувства. Не благоговейный трепет, а раздражение.

Что ж, в этом с эсселин Сольвер они были схожи. Его бесила её непокорность, а тратить время на укрощение строптивой Скальде не собирался.

Тальден даже не понял, как оказался на пороге лекарской лаборатории. Хордису он доверял, как самому себе, и мог положиться на его мнение. И тем не менее зачем-то пришёл к нему сам.

Чтобы увидеть, как девчонка артачится, не желая принимать зелье. Поведение алианы окончательно вывело мага из себя. Её промедление, её сомнения только утвердили его в правильности сделанных выводов.

— Что-то не так, эсселин Сольвер? — насилу погасив гнев, спросил с напускной невозмутимостью.

— Боюсь отравиться, — последовал обескураживающий ответ.

Рванулся к ней, желая не то наказать за обман, не то заставить признаться. А скорее, и то, и другое.

Но алиана не торопилась каяться. И пугаться тоже, видно, больше не думала. Вместо того чтобы объясниться и молить о прощении, пошла в наступление. Заявила не краснея, что влюблена в другого и совершенно не считает это зазорным.

— Влечение, знаете ли, когда оно появляется, сильнее всех доводов рассудка.

Другая на её месте сгорела бы со стыда, ляпнув подобное. Опустив взгляд, поспешила бы исчезнуть с глаз долой. Впрочем, другой бы и в голову не пришло вести себя столь вызывающе.

Первое, что прививают алианам с детства, — это покорность и почтение к мужчине.

Вместо того чтобы смутиться, как смутилась бы любая нормальная девушка, Сольвер гордо задрала подбородок. В чистых небесно-голубых глазах сверкнули молнии, вроде тех, что утром взрывались над озером. Фьярра смотрела на него, не отводя взгляда. Даже Далива себе такого не позволяла. И та терялась, тушевалась в его присутствии.

А эта каждым словом, каждым взглядом как будто вызов ему бросала.

«Интересно, какие отношения её связывали или связывают с тем мальчишкой, кем бы он ни был», — мелькнула непрошенная мысль. А с ней и желание найти паренька, и тогда…

Что тогда? Теперь уже Скальде злился на самого себя.

Наверное, Фьярра вылетела бы из замка тем же вечером, если бы вдруг не выпила зелье.

Странная, какая-то нелогичная девчонка. То боялась отравиться, а то вдруг залпом его проглотила.

Неужели всё-таки невинна?

Так или иначе следовало, чтобы кто-нибудь находился с ней. На случай, если всё же соврала. Если Сольвер не девственница, нужно будет, чтобы вовремя послали за лекарем. Следующие несколько часов станут для неё испытанием, и только Хордис сможет немного облегчить её страдания.

На просьбу держать при себе служанку алиана отреагировала… весьма необычным способом, дерзко предложив:

— Почему бы вам самому не остаться со мной и не удостовериться в моей невинности лично?

Ну ум Скальде приходила только одна возможная проверка. Странно было слышать столь двусмысленное заявление от юной девушки. Ещё почти ребёнка.

Впрочем, теперь уже Фьярра не казалась ему ребёнком.

Была бы здесь эссель Тьюлин, уже давно бы валялась в обмороке.

А он… Вдруг почувствовал, что теряет самообладание, которое не изменяло ему никогда, ни при каких обстоятельствах. Даже в общении с Игрэйтом. А тот был мастер вытрясать из кузена душу.

Схватив девчонку в охапку, притянул к себе и процедил в побледневшее личико, на котором алым пламенем румянца полыхало негодование:

— Если выяснится, что ты обманула змея, а значит, меня, если узнаю, что лжёшь мне… Я сам тебя раздену и потащу к городскому храму. А потом оставлю там без охраны.

Тальден уже скучал по тем временам, когда Сольвер боялась его и строила из себя немую безответную жертву.

Непонимание, а может, смятение, отразилось в широко распахнутых голубых глазах. Фьярра дёрнулась, словно руки мужчины причиняли ей нестерпимую боль. Скальде чувствовал, как в груди у девушки, ускоряя свой ритм, исступлённо забилось сердце. Опомнился лишь спустя несколько долгих секунд и поспешил разжать пальцы. Алиана резко отпрянула, едва не налетев на лекаря, ставшего невольным свидетелем странной сцены и теперь не знавшего, куда себя деть.

— Угрозы Вашего Великолепия предельно чётки и ясны, не оставляют полёта для фантазии. Приму их к сведению. А сейчас позвольте откланяться.

Интересно, у Ритерха все дочери такие… неправильные.

— Позволяю, — повторил почему-то её слово.

Стрельнув в мага полным обиды и злости взглядом, девчонка подхватила юбки и выскочила из лаборатории как ошпаренная.

— Может, ользанского? — подал голос Хордис, считавший хмельной напиток лучшей панацеей от любой напасти.

Жаль, вино не могло спасти будущего императора от безумия, уже настойчиво стучавшегося к нему в дверь.

* * *

В крыло, отведённое для невест, я не шла, а летела, мысленно, а может, вслух проклиная Герхильда. Наверное, всё-таки вслух, и допускаю, что громко, потому что лица попадавшихся мне навстречу придворных принимали совершенно одинаковое выражение: испуганно-ошеломлённое.

Ничего, ничего. Пусть знают, кого собираются посадить на трон и что я думаю об этом недоимператоре!

Что это Его Двинутое-На-Всю-Голову Великолепие собрался со мной делать? Раздеть? Самолично? А потом протащить меня нагишом по городу и выставить на всеобщее обозрение возле какого-то там храма?

Я же говорю — псих! Маньяк! Больной извращенец!

Теперь понимаю, почему сёстры Фьярры начинали испуганно блеять при одном лишь упоминании его имени. Да и в побеге самой Фьярры нет ничего удивительно-

го.

Я бы тоже, если б могла, отказалась от этого ненормального «счастья». Увы, крёстной-феи, обладающей магическим даром, способной вытряхнуть моё сознание из тела алианы, у меня не было.

В комнате под номером девять дежурила Мабли, больше смахивающая на призрак самой себя. Точно неупокоенная душа, металась она по спальне. От каминов, в которых ярилось пламя, как сейчас ярилась моя душа, неслась к кровати, чтобы расправить разложенное на ней платье, на подоле которого и так уже не виднелось ни одной складочки. Потом снова подбегала к окну, заламывала руки, вглядываясь в окутанные сумерками сады Ледяного Лога, просвечивавшие сквозь исполосованные дождём витражи, и всё что-то неразборчиво шептала. Лицо бледное, словно белковой маской обмазалась, глаза, наоборот, красные.

Кажется, меня уже заочно оплакивали.

— Ах, Ваша Утончённость, словами не передать, как сильно я за вас испугалась! — Поглощённая своими переживаниями, Мабли не сразу меня заметила. А когда заметила, кинулась ко мне, возбуждённо частя: — Все алианы вернулись ещё час назад! Я как узнала, что вас повели на дополнительное испытание, чуть с ума не сошла! Думала уже с эссель Блодейной связываться.

— Боже упаси! — перекрестилась я и принялась успокаивать впечатлительную нашу: — Со мной всё в порядке. Правда. По настоянию Его Великолепия меня отконвоировали к лекарю, пить настойку гуантильи. — Надо же! С первой попытки произнесла мудрёное слово. Ассимиляция идёт полным ходом. — Сказали, чтобы ты пока приглядела за мной. На случай, если мне станет плохо.

Хотя хуже, чем сейчас, будет навряд ли. За минувший день не раз ловила себя на мысли, а не покончить ли с этой трагикомедией. Как говорится, сбросить с плеч непосильный груз лжи, признавшись во всём Герхильду. Пусть бы сам разбирался с мошенницей, нагло подсунувшей ему фальшивую невесту.

Но после нашего «задушевного» общения в лаборатории эррола Хордиса, после низких угроз, адресованных беззащитной мне (мерзавец! Имеет власть и без зазрения совести ею пользуется!), желание откровенничать с Его Подлостью мгновенно улетучилось.

Мало ли, вдруг решит наказать меня с Блодейной за компанию. Каким-нибудь изощрённым способом, вроде прилюдного раздевания. Тело, конечно, не моё, дано мне во временное пользование, но светить им перед всеми жителями Хрустального города что-то не хочется.

Кое-как взяв себя в руки, решила, что отныне буду стараться держаться от этого отмороженного упыря подальше.

И так уже его стараниями чувствую себя обескровленной.

Мабли облегчённо выдохнула:

— А, ну если гуантилья, то ничего страшного. Я, конечно, с вами посижу. Но уже заранее знаю, что всё будет хорошо. Желаете пообедать?

Желаю устроить себе лоботомию, чтобы забыть обо всём, что случилось со мной этим кошмарным утром.

Смахнув с кровати нарядное, с серебряными аппликациями платье, без сил рухнула на перину, обняла подушку, намереваясь в ближайшие часы с ней не расставаться.

— Как повёл себя Хадааантис? Его Великолепие что-то заподозрил? Вас потому отправили к лекарю? Я слышала, одну алиану признали нечистой! — захлёбывалась словами служанка.

— Потом, всё потом, — устало зевнула я и, уже погружаясь в сладостную долгожданную дрёму, шёпотом приказала: — Разбудишь к ужину.

— Отдыхайте, Ваша Утончённость, — прекратила донимать вопросами Мабли. Заботливо накинула на меня край покрывала и опустила тяжёлый полог, впитавший в себя золотые отблески пламени.

Я свернулась калачиком под тяжёлой тканью и мгновенно провалилась в глубокий сон, в котором так нуждался мой истощённый потрясениями организм.

Проснулась, уже когда Ледяной Лог окутало фиолетовой дымкой вечера. Дождь больше не стучался в окна. Пелена, затянувшая небо, низвергала целые россыпи снега. Крупные комочки кружили в воздухе, выбеливая замок и его окрестности.

Может, пойти снеговика слепить, представляя на его месте Герхильда? Жуткого такого. С носом из подгнившей морковки, косоглазого и с клыками. Под клыки можно будет пустить те шампура, на которых нам вчера жарили сухарики. А потом я этими железяками изрешечу Его драконистое Великолепие. И голову ему каблуками растопчу.

С такими радужными мыслями я принялась готовиться к ужину, который, по словам Мабли, должен был пройти в спокойном общении с другими невестами. Без эсселя Тьюлин и вельможного тальдена.

Обрядив меня в то самое платье, что я ранее сбросила на пол, тёмно-красное, щедро украшенное серебристыми экзотическими цветами, служанка собиралась заняться моей причёской, но я попросила не тратить больше времени на прихорашивания и просто оставить волосы свободно струиться по плечам. Не терпелось присоединиться к подругам по несчастью, чтобы наконец-то наесться до отвала и расспросить их о Майруэн.

Бедняжка. Даже предположить боюсь, как отреагируют на скоропалительное и такое бесславное возвращение алианы её близкие. Наверняка потерять невинность до брака здесь считается позором и страшным грехом. Не важно — невеста тальдена ты или простая девушка без дара.

Мабли всё-таки не удержалась, собрала и сколола мне часть волос на затылке маленьким изящными гребнем, инкрустированным розовыми жемчужинами. И за щёки меня зачем-то пощипала. Хотела ещё губы «подсветить карминовой помадой».

Но я сказала:

— Баста! Я сейчас в обморок хлопнусь от голода. Перед кем мне там красоваться?

— Мало ли, вдруг по дороге кто повстречается, — пожала плечами девушка.

Накаркала.

Вырвавшись из рук порой такой раздражающе заботливой служанки, я поспешила навстречу головокружительным ароматам приготовленного с травами мяса. Даже настроение начало улучшаться.

Но ровно лишь до того момента, как из-за поворота неожиданно показался Герхильд. Замер на миг, просвечивая меня своим фирменным взглядом — отмороженно-мрачным, и стал не спеша надвигаться.

Я трусливо повернула обратно (мало ли, может, мне в дамскую комнату именно сейчас понадобилось), но не успела сделать и пары шагов, как в спину ударило, едва не сбив с ног:

— Эсселин Сольвер, сбегать от меня не обязательно. Я вас не съем.

А вот я его — запросто.

Если сейчас же не пустит меня к мясу…

Обернулась нехотя и едва не застонала, глядя на приближающегося ко мне мага. Внутри снова что-то предательски булькнуло, запузырилось и заклокотало. То самое непонятное чувство, что охватывало всякий раз, стоило тальдену оказаться рядом. Раздражающе, опасно близко. Чарами меня непреодолимо к нему тянуло, в то время как разум бился в истерике, напоминая, что я мужняя жена, и, вообще, меня от него воротит. Ведь воротит же? И мне злиться полагается на этого ледышку за утреннюю

нервотрёпку, а не растекаться у его ног лужицей подтаявшего на солнцепёке мороженого.

Сливочного, со вкусом клубники.

Отринув от себя мысли о клубничке, опустилась к вельможным стопам. Увы, приветствия наследника реверансом ещё никто не отменял.

— Ваше Высоче… лепие, — запнулась.

Его Высочелепие выразительно хмыкнуло, милостиво поднимая меня за руку.

Там, где тальден меня касался, кожу слегка покалывало, словно между нами пробегали электрические разряды. И снова я сияла, как новогодняя ёлка, а по щекам наверняка расползался румянец.

Убила бы мага, изобрётшего привязку.

— Добавлю это в уже имеющийся список ваших таких образных характеристик, — будничным тоном сообщил Герхильд.

Я зажмурилась, ругая себя последними словами. Заодно и ушастых придворных, ему настучавших.

Господи! А вдруг прикажет четвертовать или колесовать за нанесённое оскорбление! Или язык велит мне отрезать… Раз уж руки у них из-за каких-то паршивых цветов отрубают.

Мамочки…

В сознании, как по заказу, возникла жуткая картина: моя голова на шпиле самой высокой башни Ледяного Лога.

Следовало срочно спасать положение! Извиняться, каяться и божиться, что больше этого не повторится. Отныне я нема как рыба. И, если и буду вспоминать Его Великолепие незлым тихим словом, то только мысленно.

В крайнем случае, шёпотом перед сном вместо молитвы.

Потупилась и с самым кротким видом, на какой только была способна, произнесла:

— Прошу простить меня за мой недавний эмоциональный всплеск. Я была немного не в себе.

— Должен заметить, это ваше обычное состояние.

Неужели у нас проклюнулось чувство юмора? А я-то думала, там совсем всё тухло.

Проглотив насмешку, растянула губы в некоем подобии улыбки и попыталась вежливо проститься:

— Меня ждут другие эсселин.

Надеялась, обогнув Герхильда, смыться. Но он снова меня удержал. Хорошо хоть не прикосновением, на которые слишком остро реагировало моё тело, а произнесённой бесцветно фразой:

— Я пришёл узнать о вашем самочувствии.

Ах, вот, значит, для чего притащился. Проверить, жива я или уже окочурилась.

Вспыхнула, но, к счастью, вовремя заглушила в себе очередной атомный взрыв.

— Как видите, зелье эррола Хордиса на меня не подействовало.

— Но мне всё равно непонятна реакция змея. — Ещё один шаг, и вот он уже стоит ко мне вплотную. Я бы отступила, да только стена не резиновая.

Вздрогнула под цепким, ледяным взглядом, казалось, способным заморозить даже душу.

— Мне тоже непонятна. Но тем не менее я невинна. Плоть моя кристально чиста. Или, может, всё ещё сомневаетесь и желаете продолжить эксперименты? — Раздражение, приправленное голодом, всё-таки прорвалось наружу.

Скальде вглядывался в моё лицо, словно искал в моих чертах ответы, которые так жаждал получить. А мне от этого пронизывающего, холодного и вместе с тем обжигающего взгляда становилось откровенно не по себе. Как и от его близости, напом-

нившей о недавнем сумасшедшем сне.

— Я не экспериментирую на своих невестах.

— Значит, и перед храмом раздевать не будете? — уточнила на всякий случай и тут же пришла к выводу, что лучше сама себе язык откушу. Или организую всё той же себе ритуальное харакири.

Сразу после лоботомии.

— Перед храмом не буду, — ответил, гипнотизируя взглядом, в котором таилось серебряное пламя. На губах — столь редкая улыбка, появившаяся и сразу исчезнувшая.

А может, она мне и вовсе почудилась.

— Я, наверное, лучше пойду. Ужинать, — просочилась в щель между стеной каменной и стеной ледяной.

Может, Скальде и продолжил бы делиться со мной своими подозрениями и претензиями в мой адрес, но тут так удачно на горизонте нарисовалась Её Сиятельство фаворитка.

— Ваше Великолепие! — ринулась к нам, бойко стуча каблучками по каменному полу.

А я, присев в быстром реверансе, дёрнула в противоположную Даливе сторону и услышала брошенное мне вслед небрежное:

— Хорошего вечера, эсселин Сольвер.

Перед тем как покинуть коридор, обернулась, сама не знаю зачем, и увидела, как графиня, полностью завладев вниманием тальдена, о что-то жизнерадостно щебечет ему на ушко, увлекая за собой в полумрак коридора.

Глава 13

После испытания на Лазоревом озере прошло несколько дней. Я уже почти освоилась в замке, по крайней мере, больше не терялась в его каменных лабиринтах, в вереницах бесчисленных залов и галерей. Поближе познакомилась с алианами, а также со здешними традициями и порядками.

Вместе с Ариэллой и Глендой мы грустили о Майруэн, которая, перед тем как покинуть Ледяной Лог, поделилась с эсселин Талврин своей печальной историей любви. Оказывается, Майруэн никогда не мечтала стать императрицей. Единственным её желанием было выйти замуж за Никласа — младшего отпрыска какого-то там князя из мало кому известного и не очень древнего рода, не владеющего ни обширными землями, ни громкими титулами, ни богатствами. А главное, Никлас не был тальденом. И тем не менее наивная алиана не переставала надеяться и верить, что когда-нибудь станет ему женой.

А потом в замок юной наследницы нагрянул Герхильд со своим сногсшибательным предложением руки и сердца, и родители Майруэн, обрадованные свалившимся им на головы счастьем, не раздумывая согласились отдать наследнику на время или навсегда (уж как повезёт) свою единственную дочь.

Майруэн не хватило смелости признаться отцу в постыдной тайне, в том, что потеряла невинность, поддавшись сиюминутной слабости, и она отправилась в Ледяной Лог, а потом на Лазоревое озеро, больше уповая на «авось пронесёт», чем на милость Хадааантиса.

Не пронесло. Змей не захотел скрывать от будущего императора грех прелюбодеяния, и девушке пришлось с позором возвращаться домой. Надеюсь, отцу бедняжки достанет родительской мудрости и, напсиховавшись вволю, он не лишит дочь счастья, а согласится на её брак с тем парнем.

— Как же я её понимаю и как же я ей сочувствую, — прошептала Ариэлла, с тоской глядя куда-то вдаль, сквозь нас, словно мечтала подобно Майруэн вырваться из плена этого места и вернуться туда, где её тоже кто-то ждал.

А меня… Меня, наверное, и не ждут. Да и чего ждать, если я вроде как рядом. Интересно, почувствовал Лёша разницу между прежней и нынешней Аней? Как объяснил себе внезапные метаморфозы, произошедшие со мной?

Горько усмехнулась своим мыслям. Последнее, что может прийти ему в голову — это подозрение, что я застряла в другом мире в теле юной версии самой себя.

Ариэлла Талврин, как и Майруэн, не рвалась в императрицы. Да и Гленда равнодушно относилась к перспективе стать правительницей. А вот невесты вроде Керис, Хелет и Майлоны спали и видели себя на императорском троне. И если последней двигало слепое обожание, что испытывала она к наследнику, то Керис и Хелет больше мечтали разделить со Скальде власть, нежели его постель.

Мотивы и желания остальных невест пока что оставались для меня неясными. Да, впрочем, я ими особо и не интересовалась.

Пока шла подготовка к следующему испытанию, о котором эссель Тьюлин, партизанка, старательно умалчивала (наверняка опять придумают что-нибудь грандиозно-эпатажное), Его Великолепию вменялось каждый день одаривать невест своим вниманием. До меня пока очередь не дошла, чему я была сказочно рада. Видать, не рвался Герхильд познакомиться со мной поближе.

Что ж, и на том спасибо.

Жаль, пыточное рандеву рано или поздно всё равно состоится, избежать его не получится.

Как не получилось увильнуть от ритуальной проверки на сочетаемость с князем Темнодолья. На беду алиан, старейшины благоволили к Игрэйту и убедили, а может,

заставили Герхильда позволить кузену провести обряд.

Хорошо хоть Скальде настоял на том, чтобы не привязывали нас к Хентебесиру любовными чарами. Я и так не могла отделаться от ощущения, что у меня весь мозг проспиртован магией, и постоянно чувствовала себя под психологическим прессингом.

Испытывать искусственно вызванные чувства ещё к Игрэйту? На это я не согласилась бы даже под самыми страшными пытками.

Ритуал провели в храме Претёмной Праматери — роскошном здании из белого с серебряными прожилками камня. Внутреннее убранство святилища тоже впечатляло и поражало своей красотой. Стрельчатые своды утопали в полумраке. По витым колоннам струилось вечнозелёное растение с крупными нежно-розовыми цветами. Такими же розовыми, как и мрамор, которым были отделаны стены и пол храма.

В них отражалось пламя сотен свечей и я, вспыхнувшая, что сорвавшаяся с неба комета, едва наши с Игрэйтом руки переплелись.

Прискорбное окончание ритуала: мало того что тело Фьярры откликалось на магию Скальде, так ещё и к силе князя Темнодолья равнодушным не осталось.

Какая-то я универсальная алиана, и почему-то мне кажется, что это скорее плохо, чем хорошо.

Я видела, как разгорались узоры на телах других алиан. У кого-то серебряная вязь была почти неразличимой, блеклой, у кого-то проявлялась отчётливо-ярко. Я же, как назло, вся переливалась и искрилась, точно бенгальский огонь. Будто за руки меня держал не огненный, а ледяной дракон.

Как бы Фьярра не стала яблоком раздора для двоюродных братцев. А расхлёбывать-то придётся не Фьярре, а мне.

После ритуала князь Темнодолья развил бурную деятельность: стал проявлять ко мне повышенное, столь раздражающее внимание. Подкарауливал в коридорах, желая пообщаться. Косил в мою сторону плотоядным взглядом во время вечерних трапез. Будто там жрать больше было нечего.

Приглашал на танцы, зараза.

Несомненное достоинство Скальде — он не любил танцевать. И никогда не навязывался. Убедившись, что я чиста и невинна, аки агнец, перестал до меня докапываться.

В Игрэйте же я пока что видела целый букет из недостатков. Прилипучий, занудный и глуповат в придачу. А ещё его снедала зависть. Зависть к будущему императору. Не надо быть дипломированным психологом, чтобы понять: Хентебесир желал всего того, что было у Скальде. И, наверное, предложи ему кто поменяться с кузеном местами, не раздумывая бы согласился.

Единственное, что мне нравилось в князе Темнодолья — это его свита. Вернее, один её представитель — герцог Блейтиан Крейн. Двойник моего Лёши и глава личной охраны Его Липучества.

Вот с кем я была бы не против проводить время — так это с Крейном. Убеждала себя, что Блейтиан не мой муж и внешность — всего лишь оболочка, столь приятная моему взгляду, а под ней может скрываться что угодно. И тем не менее не думать о нём не могла. Просто не получалось. Невольно искала с ним встречи. Пока что, увы, безуспешно.

В общем, резюмируя, ситуация складывалась странная, можно сказать, нетипичная. Образовался любовный, не треугольник даже, а целый квадрат. Во время вечерних застолий и танцев Игрэйт поедал взглядом меня, Скальде его, а я украдкой любовалась герцогом.

Всегда таким невозмутимым, сдержанным и… притягательным. Притягательным для меня.

Глядя на Крейна, я как будто переносилась к Лёше. Домой, ко всему, что было мне дорого и привычно. Герцог был той нитью, что связывала мою нынешнюю и прошлую жизни.

Жизнь, по которой я безумно скучала и к которой мечтала вернуться.

— Эсселин Сольвер! — Не успев переступить порог Карминовой столовой, в которой проходили наши с алианами завтраки и обеды, эссель Тьюлин направилась ко мне.

Мадам заявлялась каждое утро: распахивала створки, громко стуча каблуками, пересекала зал и, окинув нас собственническим взглядом, словно мы были её личной коллекцией дорогих фарфоровых кукол, оглашала имя смертницы, с которой у месье Герхильда должно было состояться свидание.

И вот, кажется, явились по мою душу.

Отложив столовые приборы, я подняла на сваху глаза.

— Да?

— Сегодня, Фьярра, Его Великолепие встретится с вами. Вы уже наметили программу?

Угу, а заодно и завещание набросала. На случай, если не выживу после свидания. Я за пять минут общения со Скальде умудряюсь наговорить ему такого, что потом уже поздно язык прикусывать и рвать на себе волосы. А за несколько часов тет-атет… Боюсь, Фьярре будет просто не во что возвращаться. Меня сегодня же прикопают где-нибудь под припорошенным снегом кустиком и поминай как звали.

— Эсселин Сольвер, так что же вы придумали? — выдернула меня из мира мрачных раздумий генеральша.

Чтобы что-нибудь придумать, надо об этом как минимум иногда думать. А я о рандеву с Герхильдом вообще не вспоминала, не желая лишний раз портить себе нервы.

В отличие от других алиан, устраивавших несравненному нашему пафосные обеды и роскошные ужины с экзотическими яствами и обширной развлекательной программой, я даже смутно не представляла, чем и где мы с ним будем заниматься.

— Эсселин Сольвер…

— Прогулка, — ляпнула, лишь бы отвязалась. — Мне бы хотелось прогуляться с наследником по городу.

— Потрясающая идея! — язвительно прокомментировала Керис, едва не захлопав в ладоши. Вчера она развлекала тальдена тем, что целый день рисовала его портрет. Представляю, какую «радость» испытал Герхильд, часами позируя алиане. Жаль, обошлось без обнажёнки. Я бы многое отдала за возможность увидеть выражение лица мага в момент, когда Керис попросила бы его раздеться. — Его Великолепие наверняка оценит твою оригинальность.

Оценит или не оценит — плевать! Мне просто было интересно познакомиться с Хрустальным городом и его достопримечательностями. Что я там видела, только ратушу да храм их Претёмной матери. А так совмещу приятное с неприятным и совершенно неполезным или, скорее даже, бесполезным и вредным, но, увы, необходимым.

— Хорошо, я передам наследнику ваши пожелания, — не стала оспаривать эссель Тьюлин мой выбор свидания.

— И да! — окликнула я её, уже нацелившуюся на выход. — Попросите Его Великолепие одеться поскромнее. Мне бы не хотелось привлекать внимание горожан.

Обернувшись, эссель Тьюлин вскинула свои кустистые брови, выражая недоумение. Как ещё пальцем у виска не покрутила. Что-то проворчав себе под нос, наверняка снова посетовав на воспитание одной горе-алианы, отправилась к наследнику, передавать моё волеизъявление.

А я, попросив Керис перестать лыбиться, пока рот не перекосило, вернулась к пре-

рванному завтраку.

Беря пример с невест, которые уже отстрелялись, то есть счастливо пережили свидание с Герхильдом, мне следовало сразу после завтрака возвращаться к себе: купаться, наряжаться, драгоценностями обвешиваться. В общем, убить утро на всякие бесполезности.

Но такими глупостями я, понятное дело, заниматься не собиралась. Вчера, гуляя по замку, рассматривая картины в припыленных рамах и любопытства ради заглядывая в щёлочки забрал расставленных вдоль стен доспехов (признаюсь, жуть как хотелось познакомиться с каким-нибудь привидением; мир-то магический, а значит, призраки у них просто обязаны водиться), я случайно забрела в библиотеку.

И тут же чёрной завистью позавидовала Его Великолепию и его будущей царевне. То есть ари-императрице. Не то чтобы я была книгоманкой, но в это место влюбилась сразу. С первого, второго и сотого взгляда. Переступив порог волшебной комнаты, этакой шкатулки с сокровищами, я вдруг почувствовала себя Белль из сказки о Красавице и Чудовище.

Потрясающее место! Огромный зал, залитый холодным зимним солнцем, в лучах которого танцевали крошечные пылинки. За высокими эркерными окнами, поделёнными на квадраты светлой рамой, кружили снежинки, плавно опускаясь на убелённые дорожки парка и соскальзывая с ледяных, будто хрустальных, ветвей деревьев.

Я было ринулась к напольному глобусу, высотой в два моих роста — к нему вела небольшая деревянная лесенка с резными узорами, но потом заметила широкий письменный стол с инкрустациями из слоновой кости. В самом центре него красовалась раскрытая книга, над страницами которой мерцала, словно голограмма из фильма, объёмная картина — зелёная гуща леса, смыкавшаяся вокруг серебристой глади озера. А над ним, разливая по библиотеке трели, парили крошечные пестрокрылые птицы.

Перевернуть страницу я не решилась, побоялась, что сказочный мираж рассеется.

Стоило поднять взгляд, как закружилась голова, а дыхание снова перехватило от упоительного чувства детского восторга. Стены, которым, казалось, нет конца и края, представляли собой ломящиеся от книг стеллажи. Витые лестницы уводили на антресоли, поблёскивая золочёными перилами, обрамляли камин из серого камня. В тёмном зёве которого потрескивали поленья, пожираемые ненасытным пламенем.

Странно, что столь притягательное место пустовало. Ни единой души.

Что ж, мне же лучше. Увы, не успела я дотронуться до кожаных корешков, по которым вились интригующие названия: «История Сумеречной империи», «Хроники Перевоплощённых», «Древние: Ледяные и Огненные», как в библиотеке материализовалась Мабли. Пришлось помахать ручкой мечте устроиться с парой-тройкой книг в глубоком мягком кресле и, вслушиваясь в мелодию огня, погрузиться в чтение.

— Ваша Утончённость, вам нельзя здесь находиться, — с порога заявила служанка.

— Это почему же?

— Приказ эссель Блодейны, — стыдливо опустила глаза.

— Послушай, Мабли, — начала я вкрадчиво, борясь с желанием оттаскать служанку за волосы. Ну почему она перед чёртовой ведьмой так пресмыкается! — Того, что я успела узнать и прочитать в замке князя Ритерха, явно недостаточно, чтобы достойно сыграть роль Фьярры. Да меня могут подловить на любой мелочи! Взять хотя бы тот факт, что я даже не знаю, как алианы становятся алианами.

— А, ну это просто, — улыбнулась девушка, ненавязчиво пытаясь подцепить меня под руку и утащить в коридор. — В двенадцатилетнем возрасте все девочки из магических родов проходят особый ритуал, который и определяет, способны ли они в бу-

дущем принять силу тальдена. То же самое касается и ледяных, и огненных магов. Мальчиков испытывают ещё в раннем детстве, чтобы понять, способны ли они обращаться в драконов. Обычно даром перевоплощения Претёмная Праматерь наделяет первенца тальдена и алианы. Реже — их младших сыновей.

Терпение, Аня, только терпение.

— Это я к примеру сказала, — процедила, закипая. Выдохнув, продолжила: — Мабли, пойми, мне нужно больше читать, больше узнавать об этом мире. Чтобы не попасть впросак. Или тебе напомнить, что случилось на озере?

— Хорошо, я спрошу у эссель Блодейны, — сдалась заговорщица и жалобно так попросила: — А сейчас, пожалуйста, пойдёмте.

Не знаю, как Мабли связывалась с ведьмой, мобильных телефонов у них точно не было, но тем же вечером Блодейна дала добро. Только наказала «своим глазам и ушам» фильтровать выбираемую мной литературу. Видимо, боялась, как бы я не разузнала чего лишнего.

Именно это «лишнее» мне и нужно было как можно скорее разузнать.

По примеру мачехи бедной Золушки я велела Мабли как следует отутюжить к свиданию платье, подобрать под него скромные украшения и непременно раздобыть такой же парфюм, как у Гленды, иначе никуда я с Герхильдом не поеду. Запах так себе, слишком приторный и резкий, но надо же было чем-то занять служанку. Загрузив её работой, я помчалась в библиотеку.

Нахватала всякой мути о тальденах и алианах, о придворном этикете и даже мемуары давно усопшего императора зачем-то прихватила. Не забыла также о маленьком томике, в котором говорилось что-то о классификации магов Адальфивы.

Я уже знала, что тальдены делятся на колдунов Огненных и Ледяных. Но есть ведь и другие одарённые. Та же Блодейна, из чего она черпает силу? Наверняка имеются ей подобные. Чтобы нейтрализовать ведьму, мне прежде следовало понять, какой силой она обладает, так сказать, обозначить для себя диапазон её возможностей. И тогда уже думать, как быть: продолжать играться в алиану и покорно плыть по течению или поднять бунт против стервы.

Главное, не попасться с «запретной литературой» на глаза Мабли.

Только раскрыла заветный томик, как примчалась эта мерзавка. Якобы спросить, какие Её Утончённость изволит надеть на свидание перчатки: сафьяновые коричневые или светло-серые бархатные с меховой каёмкой.

К счастью, я успела запихнуть книгу в щель между спинкой кресла и сиденьем и схватила со столика, что стоял возле камина, одну из выбранных ранее книг. Те самые императорские мемуары. Раскрыла наугад посередине, а услышав вопрос про перчатки, с натянутой улыбкой сообщила:

— На твоё усмотрение. Главное, чтобы были тёплыми.

— О, — сунула свой длинный и чересчур любопытный нос в книгу эта Буратино, — решили начать с легенды об Арделии. Хороший выбор. Почитайте про неё обязательно. История, конечно, грустная, но такая лирическая. А песню Ллары — алианы, укравшей у Арделии её возлюбленного, я даже наизусть выучила! И всегда, когда её слышу, начинаю плакать.

— Обязательно почитаю, — заверила болтушку и проводила тяжёлым взглядом.

Мабли ушла. Я собиралась поменять книги, когда вспомнила, что уже слышала это имя. Арделия. Не в её ли честь названы бесценные чудо-цветики, за которые лишают конечностей?

Заинтригованная, стала шуршать страницами, ища начало грустной, лирической истории. Взгляд зацепился за строки стиха, должно быть, той самой песни Ллары, о которой говорила Мабли. Слова — бусины старинного ожерелья, рассыпавшиеся по пожелтевшей бумаге. Каждое — крик души влюблённой женщины.

Влюблённой безответно.
По праву выбора лишилась я всего,
По праву выбора живу воспоминаньями.
С тобой навек душой и сердцем, и желаньями,
В которых место для тебя лишь одного.
Ты видишь ту, что отражается в глазах,
Её рука с твоей соприкоснулась искрами!
И помыслы мои уже не станут чистыми…
Но как мне пережить отчаянный свой страх?
Любовь давно горчит в моей крови как яд,
И пусть взаимной стать не суждено ей никогда,
Я отдаю себя тебе на долгие года.
Пусть даже этому подарку ты не рад.
Я на коленях пред толпой и пред тобой,
И пред невестою твоей, пусть смотрит мир на нас…
Не отведу я и не спрячу глаз,
И буду спорить до последнего с судьбой!
Пусть не поймут меня родные, но любя
Я гордость по ветру свою пущу осколками.
И слёзы если будут, то недолгими.
Ты от меня отрёкся, но я выбрала тебя.

* * *

(автор стихотворения — Марина Эльденберт)

За спиной раздались тихие шаги, заставившие невольно вздрогнуть. Неужели Мабли вернулась? Или…

Я выпрямилась в кресле и обернулась.

Глава 14

— Не помешаю? — приветливо улыбнулась Ариэлла и опустилась на краешек соседнего кресла. Провела ладонями по серебристо-голубому плотному шёлку платья, расправляя несуществующие на юбке складки, и подняла на меня лучистые светло-карие глаза. — Я тут с Его Светлостью возле библиотеки столкнулась. Он искал тебя.

Вот ведь приклеился, как банный лист! Или, скорее, огрызок туалетной бумаги.

Эсселин Талврин была одной из трёх счастливиц, не откликнувшихся на силу тальдена, поэтому не представляла для князя Темнодолья ни малейшего интереса.

В отличие от несчастливой меня.

— Разве Игрэйту ещё не доложили, что я сегодня встречаюсь с Герхильдом? — проворчала, нервно перелистнув страницу и чуть не выдернув песню Ллары из книги.

— Кажется, он потому тебя и искал. Был недоволен, что у тебя свидание со Скальде.

Ничего себе! Это что ещё за собственнические замашки?!

— Волнуешься? — подалась вперёд Ариэлла, заговорщицки заглядывая мне в глаза. Только с ней и с Глендой у меня завязались непринуждённые дружеские отношения.

Правда, иногда даже наши безобидные разговоры ни о чём заводили меня в такие дебри, из которых я просто не знала, как выбраться. Мне катастрофически не хватало знаний об Адальфиве, что не могло укрыться от внимания алиан.

То, что все считали меня чудачкой, — не беда. Вот только не хотелось бы прослыть ещё и безмозглой дурочкой.

— А должна волноваться?

Юная княжна пожала плачами:

— Я волновалась. Хоть, признаюсь, проводить время с наследником мне понравилось. Думаю, кому-нибудь из нас он станет хорошим мужем. Если, конечно... — Девушка тряхнула каштановой копной, словно отгоняла от себя неприятные мысли, и поспешила сменить тему: — Что читаешь?

— Да так, историю какой-то там Арделии, — ответила я и тут же по вытянувшемуся от удивления лицу алианы поняла, что снова сморозила глупость.

— Какой-то там? Мы эту легенду впитываем с молоком матери! Это ведь часть нашей истории, Фьярра! Истории императорского рода. И ты, как возможная будущая императрица, просто обязана её знать!

Ариэлла — хорошая и приятная в общении девушка. Но порой бывает слишком дотошна. А ещё страх как любит поучать.

— Я рано потеряла матушку, а батюшка совершенно не занимался моим воспитанием, — не растерявшись, свалила всю вину за своё незнание на князя Ритерха.

Пусть думают, что Фьярра — необразованная провинциалка. Лунная долина — одно из самых удалённых княжеств Сумеречной империи. Откуда Ариэлле знать, чему нас там, деревенских алиан, учат в нашей сельской глубинке.

— Сочувствую, — смутилась подруга, а я аккуратно подтолкнула её к интересующей меня теме:

— Так что там за легенда?

Некогда мне их сказки читать. Пусть лучше Ариэлла по-быстрому всё объяснит и разжуёт, она это дело любит. А потом я под каким-нибудь предлогом избавлюсь от всезнайки и вернусь к «Классификации магов».

Княжна, казалось, только того и ждала. Оживилась, заулыбалась и принялась вдохновенно рассказывать:

— Это случилось более трёх веков назад. В тысяча сто девятом году, если мне не

изменяет память. Молодой император Валантен III искал ари. Ллара и Арделия обе стали его избранницами. Все были уверены, что Валантен выберет Ллару, ведь из явившихся на отбор невест она подходила ему лучше всех. Но император полюбил Арделию. Даже несмотря на то, что обручальный узор у неё был еле заметен, а значит, был риск, что она не сможет принять его силу.

Арделия ответила ему взаимностью, и Валантен объявил её своей наречённой и будущей ари. Но Ллара, страстно любившая тальдена, не захотела так просто сдаваться. Явилась на брачный пир и воспользовалась правом Йели.

«Что ещё за ёлки-палки?» — нервно подумала я, раздражаясь из-за того, что, чем больше узнавала, тем больше понимала, как много ещё мне предстоит узнать.

Вслух же осторожно поинтересовалась, надеясь, что эсселин Талврин, увлёкшись рассказом, не обратит внимания на очередной пробел в моих познаниях.

— Йели — это когда…

— …алиана, признанная идеально подходящей тальдену, оставляет за собой право выбора. Другими словами, не тальден выбирает алиану, а она его. — Девушка горько усмехнулась: — Право Йели — единственный из всех существовавших прежде и существующих ныне законов, который позволяет женщине решать, а мужчина не смеет пойти против её воли. Ллара стала первой и единственной алианой, отважившейся воспользоваться правом Йели. Свою любовь к Валантену и желание быть с ним она облекла в песню-признание.

Отчаянна дама. Заявиться на чужую свадьбу и прилюдно потребовать себе жениха, которому сто лет не нужна… Мне бы выкинуть такой финт не позволило чувство собственного достоинства. Да и какой смысл быть с тем, кому ты безразлична?

— И что, император безропотно произвёл рокировку? Я имею в виду, заменил одну невесту на другую. Даже не попытался бороться за своё счастье?

Ариэлла снисходительно улыбнулась:

— Валантен, как и Скальде, был Ледяным. Ледяные маги в большинстве своём вообще не способны любить, такова их природа. А если и испытывают чувства, особенно за них не держатся. А уж бороться… Да и не смог бы он нарушить древний закон. Старейшины бы не позволили.

— Да уж, грустная история.

— С трагическим концом, — тускло подхватила девушка. — В отличие от Валантена, Арделия не смогла так просто его забыть и отпустить. И жить тоже не захотела. Обезумев от горя, она убила себя прямо под окнами императорской спальни, в первую брачную ночь Ллары. На том месте, где пролилась кровь алианы, в годовщину её смерти на колючем бесплодном кустарнике распустились ледяные цветы. С тех пор они растут в садах Ледяного Лога, и даже летом, по ночам, раскрываются их бутоны.

Наверное, мне следовало посочувствовать алианам, но вместо этого я испытала злость и раздражение. Злость на двух влюблённых дурочек и пофигиста-правителя.

Если Скальде, как утверждает Ариэлла, пошёл в своего предка, то нафиг он вообще такой Фьярре нужен?! Тоже мне, сокровище хреново.

А Арделия — дура в квадрате! Убивать себя из-за какого-то отмороженного, который, не колеблясь, от неё отказался.

Ни в отчаянном поступке одной, ни в фатальном решении другой не было смысла.

Только глупые чувства.

— Думаешь, Ллара была счастлива со своим драгоценным императором?

Уловив в моём голосе нотки язвительности, Ариэлла хмыкнула:

— Очень в этом сомневаюсь. Валантен её не любил и наверняка считал виновной в смерти той, к которой испытывал хоть какие-то чувства. — Алина перевела дыха-

ние и печально завершила: — С тех пор и стали погибать ари, отторгая силу тальденов из императорского рода. Говорят, это проклятие Герхильдов. Потому я и не понимаю Хелет и Керис, которые так рвутся в правительницы. Ведь в итоге могут лишиться самого дорогого, что у них есть, — жизни.

Не сразу до меня дошёл смысл сказанного. А когда всё-таки дошёл, я чуть с кресла не выпрыгнула.

Наплевав на осторожность, впилась в алиану взглядом и потребовала:

— А вот отсюда, пожалуйста, поподробней!

Несколько секунд Ариэлла сидела, не шевелясь, прямая, словно вязальный крючок проглотила, и обескураженно хлопала ресницами.

— Хочешь сказать, ты и о сокрушительной силе императорского рода ничего не слышала? — наконец отмерла она. — Фьярра, такое ощущение, что ты к нам с неба свалилась!

Угу, свалилась. Или, если быть точной, меня к вам сюда «свалили». Толком ничего не объяснили и отправили на невестины смотрины.

Интересно, каким местом Блодейна придумывала свой план? Явно не головой. Разве что у неё там вместо мозгов труха. Ещё интересней, как скоро поймёт Ариэлла, а с ней и все остальные, что алиана номер восемь не просто девушка со странностями, а фальшивка, вырванная из другого мира. Засланный казачок, задача которого нагреть место императрицы для одной сопливой трусихи.

Раньше я считала, что Фьярра боялась Герхильда — мужик-то действительно своеобразный, с кучей тараканов в голове, жирных таких, откормленных. Впрочем, у кого их нет… Потому и сбежала из Адальфивы. Но всё оказалось намного прозаичней: хитропопой нашей просто отчаянно хотелось жить.

Вот и удрала на Землю, в медовый месяц с моим Лёшей.

Дальше шёл долгий «пип», заглушавший поток ненормативной лексики, хлынувшей из моего сознания.

— Я же говорю, отец мной не занимался. Няньки с мамками относились к своей работе спустя рукава. И вот результат: что выросло, то выросло. — Я с мольбой воззрилась на алиану, нервно кусая и без того уже искусанные в волнении губы. — Ариэлла, миленькая, пожалуйста, расскажи! Я хочу знать, на что подписалась!

— Нет, ты и вправду чудачка. — Девушка со вздохом поднялась. — Пойдём. Зачем рассказывать, если можно показать.

Увенчав императорскими мемуарами стопку книг, я последовала за подругой.

Пока спускались вниз, по лестнице, устланной тёмно-синим ковром, на котором золотой нитью были вытканы причудливые узоры, эсселин Талврин вслух размышляла:

— Может, князь Ритерх намеренно скрывал от тебя правду? Чтобы ты не боялась… А тут я! Влезла со своими откровениями. А лучше б, наверное, молчала!

— Ты бы предпочла оставаться в неведенье?

— Нет, — тихо ответила девушка, а потом ободряюще сжала мне руку. — Ладно, не расстраивайся раньше времени. Не все ари погибают, да и что-то мне подсказывает, что он не выберет ни тебя, ни меня. Он нас даже не замечает. — Толкнув тяжёлые, тёмного дерева двери, с внешней стороны окованные железом, Ариэлла обернулась и с наигранным весельем продолжила: — Говорят, Его Великолепие благоволит к Керис. Да и наша скромница Рианнон его явно заинтересовала. Я видела, как он поглядывал на неё вчера за ужином.

Я это тоже видела. Потому как сидела со скромницей рядом. А находиться в непосредственной близости к объекту императорских желаний-мечтаний не очень-то приятно: взгляд тальдена время от времени соскальзывал с Рианнон и цеплялся за меня. Ненадолго, правда, всего на пару мгновений. Но расслабленно предаваться

чревоугодию всё равно не получалось.

Царапнув по мне ледяным взглядом, Его Замороженность снова возвращался к любованию кареглазой красавицей. И так по кругу весь вечер.

Ходят слухи, Скальде нравятся такие, как Рианнон: смазливенькие и чтобы тише воды, ниже травы. Вон Керис перед ним из кожи вон лезет, строя из себя ангела. А так как я в воображении наследника стопудово предстаю чёртом в юбке, то мне, по идее, волноваться не о чем. И всё же…

Стоило подумать о Герхильде, как настроение, и без того паршивое, и вовсе провалилось под плинтус.

Выйдя из замка, прогретого пламенем каминов, мы сразу пожалели о том, что даже накидок с собой не захватили. Мороз будто только того и ждал: оголодавшим зверем набросился на нас и принялся безжалостно щипать за щёки, ледяными иглами колол плечи, дёргал за уши, отчего те сразу покраснели. Пальцы же вмиг онемели. Снежинки, вихрившиеся в воздухе, так и норовили прилипнуть к ресницам, слепили глаза.

— Уже бывала в парке? — громко стуча зубами, поинтересовалась Ариэлла.

— Пару раз, — обхватив плечи руками, ответила я, выдыхая густое облачко пара.

Брр, холодрыга-то какая. Наверное, зря прогулку по городу затеяла.

— Ледяные статуи наверняка видела…

— Прекрасных юных дев? Да, — кивнула, вздрагивая. Мы быстро отдалялись от замка, идя по дорожке, белой лентой стелившейся меж деревьев, сплетавших над нашими головами свои промёрзшие ветви. Надо будет попросить Мабли раздобыть для меня того животворного отвара, которым нас на озере отпаивали, иначе точно простужусь. — Очень красивые. Если бы не холод, я бы каждой по полдня любовалась. Совсем как живые.

— Так они и были живыми, — усмехнулась Ариэлла и чуть слышно сказала: — Ари, правившие Сумеречной империей одну короткую ночь.

Глава 15

Я чуть не подавилась воздухом. Сделала по инерции ещё несколько шагов и встала как вкопанная перед ледяной красавицей, чей скорбный взгляд был устремлён на узкую тропу, теряющуюся под разросшимся колючим кустарником. Цветы Арделии, днём закрывавшиеся в бутоны, змеями оплетали подножие статуи, цеплялись за стопы императрицы, безжалостно вонзая в неё свои шипы.

Ладони девушки перекрещивались на груди, как будто она защищала от всех своё сердце. А может, держалась за то, что так отчаянно болело.

Пару дней назад я долго рассматривала эту нежную и такую грустную прекрасную нимфу. Она ближе всех остальных находилась к замку. Чтобы добраться до других императриц, следовало попетлять по неприметным, бесчисленным стёжкам парка, рискуя в нём потеряться и тоже превратиться в статую. От холода.

Помню, искренне восхищалась работой неведомого скульптора, дивясь его таланту. Восторженным взглядом скользила по струящемуся фалдами платью, льнущему к стройным ногам юной красавицы. По шлейфу, искусно развевающемуся на ветру. По длинным волосам, отброшенным на спину незнакомки разбушевавшейся стихией. Любовалась идеальной красоты лицом.

Скульптура была совершенной, поразила моё воображение.

И вот выясняется, что никакая это не скульптура. А живая девушка. Вернее, она раньше была живой, но благодаря убийственной силе какого-то из императоров превратилась в бездушное изваяние.

— Они и летом такие, — вырвали меня из оцепенения пронизанные горечью слова алианы. — Как и цветы Арделии не тают, круглый год остаются ледяными. Эту девушку зовут… звали, — горькая усмешка, — Мавена, дочь герцога Корсена. Она стала ари Скальде, а после брачной ночи погибла. Её убила сила наследника.

— Очуметь… — Я перевела на Ариэллу потерянный взгляд и почувствовала, как в сердце искрами вспыхивает негодование. — И что, здесь так принято? Выставлять мёртвых императриц на всеобщее обозрение. Это в порядке вещей? Что, больше нечем было украсить парк?!

Претёмную вашу мать!

У потомков Валантена не только сердца ледяные, но и в голове вместо мозгов ледяное крошево. Больная императорская семейка! А дурочки вроде Керис ещё мечтают с ними породниться. Не терпится им увековечить свою красоту в виде такой вот неординарной скульптуры.

— Всё немного сложнее, Фьярра. Первую ари, превратившуюся в лёд, упокоили в императорском склепе. Вместе с остальными ушедшими за грань предками Герхильдов. А утром следующего дня Её Лучезарность обнаружили в саду. Их никто сюда не ставил. Они сами…

— Выставляются? — хлопая заиндевевшими ресницами, глупо брякнула я. Отпрянув от ледяной скульптуры, больше не казавшейся такой завораживающе прекрасной, всё ещё переваривая сногсшибательную информацию, пробормотала: — И что, на них просто махнули рукой? Пусть, мол, стоят девочки, раз им здесь так нравится. А Его Великолепие… часто здесь гуляет? Извращение какое-то — каждый раз, оказываясь в парке, видеть свою несостоявшуюся жену, которую сам же фактически и убил. Да и любоваться жёнами своих предков — тоже удовольствие ниже среднего.

Но я, конечно, не Герхильд. Может, ему в кайф такие променады.

Прямо ожившая сказка про Синюю бороду.

Ариэлла развела руками.

— Поговаривают, статуи пытались убрать. И не раз. Но они начинали… кричать.

Я поёжилась.

— В смысле кричать? Они же статуи.

— Мне почём знать? — нервно дёрнула плечами девушка и принялась ещё усерднее растирать их побелевшими ладонями.

Я же, узнав страшную правду, увидев возможные последствия связи с этим роковым ледяным красавцем — Скальде, даже о холоде позабыла.

— Я в Ледяном Логе, как и ты, впервые. Но если верить молве… — Ариэлла понизила голос до шёпота, хотя кроме мёртвой императрицы, неизвестно какой по счёту, нас больше никто не мог услышать. Вообще, раз уж статуи не желали убираться из замка, могли бы хоть какие-то таблички к ним приторочить, так сказать, для потомков. — Ледяные ари могут издавать звуки, чем-то напоминающие крик раненой птицы. Если им что-то не нравится.

Жуть какая.

— Это всё злые чары, довлеющие над родом Герхильдов. Их бремя и их проклятие.

Кстати, о проклятиях. Мне вот сейчас тоже очень хотелось кое-кого проклясть. Обрушить на голову ненавистной ведьмы самые страшные кары. Земные и небесные.

— Холодно. Лучше вернёмся в замок. — В последний раз оглянувшись на несостоявшуюся жену Его убийственного Великолепия, Ариэлла поспешила обратно.

Всю дорогу до императорского логова мы хранили молчание, нарушаемое лишь жалобным постаныванием ветра над нашими головами и скрипом снега у нас под ногами.

Возле покоев Ариэллы так же молча, угрюмые, подавленные, распрощались. Позабыв о том, что алиане надлежит перемещаться с достоинством, еле-еле передвигая ногами, я рванула к себе метеором. А ворвавшись в спальню, застала Мабли за занятием, которое ей так нравилось: девушка перебирала украшения, расфасованные по многочисленным резным ларцам и шкатулкам, выбирая, какие лучше подойдут к моему лавандового цвета наряду.

Для свиданки с маньяком.

— Немедленно свяжись с Блодейной! Живо! — налетела я на служанку, чуть не сбив её с ног.

От неожиданности Мабли аж подпрыгнула. Коротко вскрикнула. Сдёрнув с кровати платье, зачем-то прикрылась им, словно щитом.

Наверное, вид у меня был дикий. И взгляд шальной.

А ещё руки чесались и скрипели зубы: так хотелось что-нибудь разбить, расколотить. Или кого-нибудь укусить.

Мабли, например. Если сейчас же не перестанет изображать из себя пень с глазами!

— Но Ваша Уто…

— Хватит уже мне «утокать»! Если через минуту здесь не будет чёртовой ведьмы, Моя Утончённость отправится к наследнику и всё ему расскажет! — Я скрестила на груди руки. — Время пошло.

Тихонько ойкнув, Мабли пулей вылетела из спальни. Даже дверь за собой закрыть не потрудилась, так торопилась доложить о моём мятеже Блодейне.

К чести девушки должна отметить, исполняла приказы она оперативно. И минуты не прошло, как пространство в центре комнаты начало густеть, наливаясь сизым цветом, а потом разверзлось грозовой тучей с крошечными проблесками молний.

До появления её сволочности я стояла возле камина. Всё пытаясь согреться, подставляла жаркому пламени ладони. Но, кажется, тщетно. Меня продолжало знобить. Не то от холода, который больно жёг изнутри, не то от пережитого потрясения.

Было такое чувство, что я, ещё не успев стать ари, заледеневаю по примеру экс-жены Герхильда.

— Ну что случилось? — не размениваясь на приветствия, проворчала полупро-

зрачная стерва, и озаряемая всполохами воронка, точно нож масло прорезавшая воздух, схлопнулась у неё за спиной.

— Ничего не хочешь мне рассказать? Например, про ледяные скульптуры в саду Его Великолепия, — скрипнула я зубами, из последних сил сдерживаясь, чтобы не перейти на крик.

Истерический.

Меня по-прежнему колотило. Гнев, страх, напряжение кипели внутри, ища выход.

Блодейна поморщилась, словно заплесневелую краюху хлеба проглотила, и нехотя из себя выцедила:

— Что ж, рано или поздно ты бы всё равно узнала. Я всё же надеялась на «поздно». Но, видно, Мабли не доглядела.

Сжав руки в кулаки, рванулась к ведьме. Или, вернее, к её призрачной проекции.

— Я тебе уже говорила и повторю ещё раз! Для особо одарённых. Ни при каких! Ни. При. Каких. Обстоятельствах. — Шумно втянула в себя воздух и на выдохе выпалила: — Я не буду с ним спать! Слышишь?! Такого договора не было! Можешь меня убить прямо сейчас, но в одну койку с этим чешуйчатым маньяком я не лягу! Не лягу и точка!

— Это ты своей привязке скажи, — криво усмехнулась чародейка. — Небось сны шальные по ночам видишь. Про наследника.

Я вспыхнула. На какой-то миг в глазах потемнело, а когда окружающая картинка снова обрела чёткость, я поняла, что пытаюсь схватить ведьму за её рогатую шляпу и от всей души оттаскать за волосы. Но пальцы сжали лишь воздух.

Опомниться не успела, как Блодейна уже стояла в другом конце комнаты, противно скалясь.

Насмехаясь надо мной и моей беспомощностью.

На ум приходило только одно непристойное слово, характеризующее девушку лёгкого поведения, которое пристойным девушкам вроде меня произносить не стоило.

Но в подобной ситуации иных слов в голове просто не осталось.

— Откуда узнала?! — прорычала глухо.

— Милая, я ведь не вчера родилась. Прекрасно понимаю, как работает магическая привязка.

Как же это всё-таки гадко. Ладно я, девушка давно не невинная. Но другие-то алианы. Вон Бриаллен только-только исполнилось шестнадцать. И что, она тоже бессонницей мается из-за таких вот откровенно пошлых фантазий? А если не выйдет за Герхильда замуж? Каково будет узнать другому тальдену, который в будущем, возможно, выберет её себе в ари, что его юная супруга телом, может, и невинна, зато в своих снах уже согрешила не раз.

Ведь только одна — бедная, несчастная мученица, станет женой этому ядовитому пауку — ледяному магу.

А остальные за что страдают?! За красивые глаза Скальде?

Словно прочитав мои мысли, Блодейна сказала:

— Ты — не все алианы. Ты для него особенная. Тело Фьярры острее всех откликается на силу наследника, на его близость. Между вами зародилась связь, хочешь ты того или нет. И с каждым днём она будет только крепнуть, подпитываемая магией привязки. Да ты сама будешь мечтать, выражаясь твоими же словами, о том, чтобы прыгнуть к нему в койку. О ласке его будешь умолять. Засыпать и просыпаться с единственной мыслью — поскорее стать ари и разделить с ним брачное ложе.

Прямо сексозомби какое-то.

— Не дождёшься! — показала ведьме неприличный жест. Если хорошо знакома с Землёй, откуда нагло меня похитила, должна знать, что он означает. — Видела? Я

сделаю так, что в самые ближайшие дни вылечу с отбора. Не будет у Фьярры никакой свадьбы и никакой брачной ночи!

— А если так?

Пространство перед глазами вновь распахнулось, приподняв завесу, скрадывавшую картину иного мира. Сердце запнулось, пропустило удар, а потом снова заколотилось, быстро-быстро.

Среди сонма незнакомых людей, снующих по широкому тротуару, взгляд выхватил единственное значащее для меня лицо — лицо мужа. Лёшка, как всегда, опаздывал на работу, по привычке заглядывал в экран смартфона, проверяя чуть ли не каждую минуту время, и мчался к подземке.

Нежность, проклюнувшаяся в душе, смешалась с животным страхом, удавкой сдавившим горло. За мужем неотступно, никем не замечаемая, следовала тень, повторяя каждое его движение. Хорошо хоть хвоста и рогов жуть не имела, для полной эпичности момента.

Вот Лёша остановился на перекрёстке, нервно поглядывая то на красное пятно светофора, то на телефон. Не обращал внимания ни на безликую толпу, сомкнувшуюся вокруг него, ни на машины, пролетавшие мимо. Близко, опасно близко.

Не понял он, как так вышло: неведомая сила вытолкнула его на проезжую часть, прямо под колёса мчащегося, спешащего проскочить, пока ещё светофор мигает зелёным, автомобиля.

Крик застрял в горле. Я дёрнулась к мужу, не понимая, что никуда отсюда не уйду.

Не сразу осознала, что водитель спорткара не растерялся, резко ударил по тормозам. А эфемерная тварь, толкнувшая Лёшу под машину, одним резким рывком за шкирку затащила его обратно на тротуар.

Видение померкло так же внезапно, как и появилось. Я стояла, не в силах пошевелиться, слыша звон в ушах от сигнала спортивный машины и громкую брань водителя. Перед глазами застыло лицо Лёши. Он выглядел растерянным, но почти не напуганным.

Это потом придёт. Накроет его, как сейчас накатило на меня. Ужас от осознания трагедии, которая могла случиться.

По прихоти треклятой шантажистки.

— Я тоже повторюсь. Для особо одарённых, — послышался голос, хотя нет, шипение ядовитой змеи. — Хоть слово скажешь Герхильду — будут жертвы. Опорочишь честь рода Сольвер, попытавшись вылететь с отбора, — будут жертвы. Я слежу за тобой, Аня. Слежу за ним! Пройди испытания с честью, до самого конца. И только потом, если тальден предпочтёт тебе другую, возвратишься к своему Лёше. А Фьярра с почестями вернётся домой. Станет желанной невестой для самых знатных магов империи. Да что там империи! Познав, что она была невестой императора, одной из немногих достигла финала, к ней примчатся свататься даже из Рассветного королевства.

Меня затошнило от грандиозных планов Блодейны.

— А если он выберет меня?

— Станешь ари, — приговором прозвучали слова.

— Уйди… — бросила глухо, прикрывая глаза. Зажмурилась, сомкнув с силой веки, желая стереть из памяти перекошенное злорадством лицо ведьмы и жуткую тварь, кравшуюся за моим мужем. По сердцу, словно отравленным клинком, полоснула ненависть. Чувствуя, что теряю над собой контроль и больше не могу себя сдерживать, закричала: — Убирайся! Вон!!! Ненавижу тебя! Как же я тебя ненавижу!!!

В колдунью полетела ваза, первой подвернувшаяся под руку. За ней последовала шкатулка, полная украшений, разлетевшихся по полу. Даже тазу для умывания нашлось применение.

Где-то под кроватью ещё ночной горшок завалялся…

Жаль, ни один из снарядов не нашёл своей цели. Разве можно причинить боль воздуху…

— Пропсихуйся, поплачь, а потом начинай готовиться к свиданию, — напутствовала меня мегера. Подёрнувшись рябью, растворилась в недрах портала.

А я, раздавленная, опустошённая, скользнула на пол. Спрятав лицо в ладонях, зарыдала.

Горько и отчаянно.

Глава 16

Сложно сказать, сколько так просидела, сжавшись в комок и плача. Сначала навзрыд, кусая до крови губы. Потом, когда слёз уже почти не осталось — чуть слышно, жалобно поскуливая и тщетно глотая ртом воздух, которого всё не хватало.

Я задыхалась, как будто мне на шею накинули петлю и медленно, смакуя каждый момент моих страданий, её затягивали.

Но постепенно стала успокаиваться. Спустя несколько минут, а может, час тишину в комнате больше не нарушало ничего, кроме потрескивания огня в каминах да моих редких всхлипов.

Пребывая в некоем подобии транса, не сразу расслышала шорох шагов и шелестение юбок. Сквозь пелену, застлавшую глаза, различила знакомую хрупкую фигуру в сером полотняном платье и крылатом чепце. Опустившись передо мной на колени, Мабли протянула мне бокал тёмного стекла, наполненный чем-то ароматным и наверняка обжигающе горячим. Над золотой каймой стеклянного сосуда вился пар, расползаясь по комнате резким травяным запахом.

— Ваша Утончённость, ну не надо так. Зачем себя изводите?

— Это я себя извожу? — усмехнулась.

— Знаете же, что не отпустит. Пока не сделаете то, что ей нужно. Нате вот, выпейте. Поможет успокоиться. — Девушка попыталась всучить мне бокал, от которого я лишь отрешённо отмахнулась.

Сама не знаю, как справилась с искушением и не выплеснула горячий отвар в лицо блодейновской марионетки.

— Убери это. — Перебравшись поближе к камину, сплела пальцы на прижатых к груди коленях и бездумно уставилась на жёлто-оранжевые языки пламени, золотившие неровную кладку и облизывавшие ажурную, почерневшую от жара решётку.

Упрямства Мабли было не занимать, поэтому она пристроилось со мною рядом.

— Я вам не враг.

— Ты служишь ей, а значит, враг, — отозвалась вяло.

— Не ей. Фьярре. — Мабли замялась. Тяжело вздохнув, сказала: — Эсселин Сольвер — хорошая. Правда. Просто слабая очень. Безвольная. Она бы здесь и дня не продержалась. А вы не такая. Вы сильнее её, и я уверена, что со всем справитесь. Только не сдавайтесь.

Я неопределённо хмыкнула. Не было ни сил, ни желания поддерживать бестолковый разговор с этой новоиспечённой агитаторшей.

— Ваша Утончённость… Аня… Я правда желаю вам добра. О том, что задумала морканта, я узнала только, когда вы уже заняли место княжны. Очень переживаю. И за вас, и за неё.

— За неё, полагаю, больше. — Потянулась за кочергой, чтобы поворошить поленья, и огонь, зашипев искрами, снова заплясал в каминном зёве. — Раз тебя не смущает, что я могу погибнуть вместо твоей дорогой Фьяррочки. Заледенеть.

Мабли, теребившая складку на юбке, решительно тряхнула чепцом.

— Этого не случится. Уж поверьте. У Его Великолепия уже наметились фаворитки, и вас среди них нет. Не выберет он вас.

— А как же эта ваша пресловутая сочетаемость? — хлюпнула носом, покосившись на доморощенную предсказательницу. — Если верить магии, то мы с ним, то есть Фьярра с ним, я — боже упаси(!), что две чёртовы половинки.

— В случае наследника всё немного иначе. Одной сочетаемости мало. Нужны чувства. Мавена, говорят, ему идеально подходила. Но он её не любил. И вот что случилось, — потупилась грустно. — Вас он тоже…

— Не полюбит?

— Готова поспорить на два мешка золота, что нет!

Я невольно улыбнулась. Мабли обезоруживала своей искренностью и простотой. В конце концов, толку на неё злиться? Она ведь тоже человек подневольный. И, получается, предана не Блодейне, а Фьярре.

Невесть что, но всё же лучше, чем ничего.

Союзников у меня здесь нет. Мабли единственная в Ледяном Логе, кто знает о моей тайне. Можно и дальше, конечно, фыркать, злиться и обиженно на неё коситься. Но, наверное, будет лучше всё-таки с ней подружиться. Кто знает, какие плоды в будущем принесёт эта дружба.

Мабли обмолвилась о Блодейне, назвав её моркантой. Интересно, что это значит? Глядишь, и ещё чего получится из неё вытянуть. Ненавязчиво, постепенно.

А пока что сосредоточимся на новом незнакомом словечке.

— Так что говоришь это за настойка?

— Травяной сбор, — расцвела девушка. — Поможет успокоиться. И цвет лица улучшит. А то оно у вас всё красное да припухшее. А до встречи с Его Великолепием меньше часа осталось.

— Ладно, давай сюда свой сбор. — Я сделала несколько глотков тёплого, подслащенного мёдом напитка и почувствовала, как по телу разливается приятное тепло, а тиски, сдавившие горло, разжимаются.

Когда пробил мой час (очень надеюсь, что звёздный, а не смертный), час свидания с господином Айсбергом, я уже была собрана и абсолютно спокойна. Герхильд удавился бы от зависти, если бы увидел мою отмороженную физиономию, что в данный момент лицезрела я в зеркале.

Жаль, маска пофигиста надолго не задержалась на моём лице. Рассеялась, словно иллюзия, сменившись благодушной улыбкой, которую никак не удавалось стереть.

Наверняка Мабли немного приврала, назвав чудо-настойку обычным травяным сбором для успокаивания. Голову даю на отсечение (не свою, а Герхильда), в питьё был добавлен какой-то веселящий ингредиент. Настроение улучшалось. Причём подозрительно быстро. Даже мысли о драконистом Великолепии больше его не омрачали.

Но, наверное, так даже лучше. В противном случае не представляю, как бы пережила несколько часов в обществе наследника.

Весь свой непонятно откуда взявшийся позитив я решила направить на предстоящую экскурсию, дабы получить от прогулки по сказочному средневековому городу максимум удовольствия. Сколько себя помню, всегда была любознательной, обожала путешествия и новые открытия. И сейчас предвкушала приятное времяпровождение на улочках Хрустального города.

Что же до присутствия Скальде… Что ж, постараюсь воспринимать его всего лишь как одну из местных достопримечательностей.

Нет, определённо, забористая штучка. Надо будет разузнать, как называется настойка, и разжиться парой-тройкой бутылёчков. На случай, если меня опять рванёт.

Тальден оказался похвально пунктуален. Был первым, кого я увидела, выйдя из замка. Второй стала простая карета без каких-либо опознавательных гербов-знаков, запряжённая четверкой, хвала их Претёмной матери, нормальных, не крылатых лошадей. По случаю, что не придётся расставаться с землёй даже на несколько коротких минуток, я расщедрилась на улыбку.

Которую подарила лошадям. Не Герхильду.

Его же Великолепию достался от меня реверанс и слова благодарности:

— Спасибо, что вняли моему совету и оделись неброско. — Пробежалась взглядом по высокой фигуре мага в тёмном костюме, состоявшем из узких брюк, заправленных в высокие сапоги, и чёрного дублета, едва тронутого серебряным шитьём, цело-

мудренно прикрытым широким плащом на меху.

— Не могу сказать о вас то же самое, — на губах наследника мелькнула его коронная не то улыбка, не то усмешка.

— Это всё служанка, — вздохнула скорбно и подала мужчине руку, чтобы помог забраться в карету.

Я бы с этой задачей и сама неплохо справилась, но средневековые традиции обязывали.

Будь они неладны.

Вздрогнула, когда наши пальцы соприкоснулись (и плевать, что на мне и на нём перчатки, чувство такое, будто кожа к коже), и поспешила скрыться в экипаже.

Я уже говорила, что ненавижу привязку?

Герхильд устроился на сиденье напротив и отдал кучеру приказ трогаться. После чего принялся следить за тем, как я вынимаю из ушей массивные бриллиантовые серёжки-грозди, расстёгиваю ещё более массивное колье и стаскиваю с себя финтифлюшку налобную, кажется, именуемую фероньеркой.

Сформировав приличных размеров комок из серебра и драгоценных каменьев, искрящихся в лучах медленно плывущего к горизонту солнца, сосредоточенно огляделась, гадая, куда бы всю эту прелесть засунуть. Жаль, не додумалась захватить с собой какую-нибудь торбочку.

Может, попробовать утрамбовать в кошель тальдена, который Скальде носил на поясе? Но мешочек наследника, из тёмно-коричневой кожи на широком шнурке, и без того лопался от обилия в нём монет. А потому, не придумав ничего лучшего, просто запихнула украшения под бархатные подушки, стараясь не обращать внимания на то, как округляются глаза будущего правителя империи.

Выбранное для прогулки платье было довольно скромным, из бледно-лавандовой, даже не думавшей переливаться на свету ткани, и без украшений смотрелось совсем неброско. Ни тебе глубокого декольте, ни рукавов-метёлок. Оставалось только разобраться с произведением искусства у себя на голове — видела, молодые горожанки в основном ходили простоволосыми — и никто не отличит меня от местной простушки.

Подумав так, повыдёргивала из причёски усыпанные жемчужинами заколки и позволила волосам рассыпаться по плечам.

— Так-то лучше. — Прочтя недоумение на обычно таком невозмутимом лице тальдена, продолжила вводить его в курс дела: — Нарядила меня как куклу.

— А вы в кои-то веки решили проявить покладистость и позволили себя нарядить, — хмыкнул, ненавязчиво намекая, что я недостижимо далека от его идеала — кроткой овечки.

— О, вы не знаете Мабли. Иной раз лучше с ней не спорить. Сначала поступить по её. А потом, — выдержала паузу и с хитрой улыбкой добавила, — всё равно по-моему. Да и бедняжка так старалась, чтобы я вам понравилась. Мне просто не хотелось её расстраивать.

Удивление в глазах Скальде сменилось задумчивостью и… чем-то ещё. Тем, что заставило меня вздрогнуть. Сердце в груди отправилось в пляску — спасибо пристальному вниманию мага.

И в работе лёгких тоже начались какие-то сбои: я задержала дыхание.

Или оно само задержалось…

— Такой вы мне нравитесь гораздо больше, — обжёг словами и взглядом. — Не люблю лишнюю мишуру.

Чёрт.

В следующий раз все-все-все украшения на себя нацеплю!

Какое-то время ехали молча. Я то смотрела в окно, на добротные двух — и трёх-

этажные дома — мини-версии Ледяного Лога, отделённые друг от друга заснеженными садами, оградами из серого камня и коваными узорами ворот. То придирчиво разглядывала свои ногти или теребила уголок короткой бархатной накидки с горностаевой каёмкой. Подумывала даже пересчитать стежки на вышивке собственных сапог. Но от этого крайне важного и увлекательного занятия меня отвлёк Герхильд.

Хочешь не хочешь пришлось поднимать на тальдена взгляд, чтобы тут же почувствовать себя насекомым, замурованным в янтаре. Вот только вместо янтаря я угодила в лёд его глаз.

— Впервые в Хрустальном городе?

Впервые в этом мире.

— Да. Всю жизнь мечтала побывать в столице. — Как по мне, прозвучало вполне убедительно. Ещё и приправленное дурацкой улыбкой, которая никак не желала сходить с моего лица.

Ну, Мабли, получишь ты у меня за «успокаивающую» настойку!

Вместо того чтобы расслабиться и успокоиться, я чувствовала небывалый прилив бодрости. Прибавить к этому адреналин, который впрыскивался в кровь всякий раз, стоило тальдену оказаться рядом, и, боюсь, сегодня ночью уснуть не удастся.

Ощущение такое, будто за минувшее утро я приговорила не одну чашку эспрессо.

— С чего желаете начать? — продолжал допытываться Его Великолепие, вместо того чтобы в упор меня не замечать.

Тогда бы мне было намного комфортнее в его царском обществе.

— На ваше усмотрение.

Скальде мазнул по проплывавшему мимо нас городскому пейзажу безразличным взглядом.

— Здесь неподалёку есть неплохая таверна. Можем в ней пообедать.

И это называется экскурсия? Вот что значит мужик. Только и мысли о том, чтобы набить желудок. Мало что ли ему обедов-ужинов с другими алианами?

Лично у меня аппетита и в помине не было. Я и во время общественных застолий с трудом в себя что-то пропихивала — ну не умею расслабляться и есть в своё удовольствие под прицелом взглядов! А уж поглощать пищу, будучи «обласканной» ледяным вниманием Герхильда — боюсь, мне первая же косточка встанет поперёк горла.

— Может, лучше начнём с прогулки?

— Как вам будет угодно, — отозвался покладисто.

Хороший дракон.

Вскоре карета остановилась. Оказывается, даже на средневековых дорогах бывают заторы. Нас зажало меж двух домов, близко соседствовавших друг с другом. Светлые, будто пряничные, с маленькими окошками, расписанными морозцем, и красной черепицей, кое-где выбеленной пятнами снега и как будто горевшей под лучами холодного зимнего солнца.

Кажется, мы застряли неподалёку от ратуши. Это я поняла, выглянув в окно и увидев впереди две уже знакомые округлые башенки с конусообразными крышами. К обоим башням прилегали арки, в которые вливались шумные потоки горожан. Мимо нашего экипажа тоже то и дело кто-нибудь проходил. Отовсюду слышались смех и весёлые голоса.

— Сегодня какой-то праздник? — мельком посмотрела на тальдена и снова сделала вид, что поглощена созерцанием цветочного горшка, проглядывавшего сквозь ажурные занавески и посеребрённое инеем оконце.

Да, лучше буду пялиться на комнатное растение. От вида горшка у меня не кружится голова и сердце не рвётся сплясать канкан. Смотреть же на Скальде было противопоказано и крайне вредно. Потому что всякий раз, стоило встретиться с магом

взглядом, я теряла душевное равновесие.

— Первый день предновогодней ярмарки, если не ошибаюсь.

Супер! У них тоже празднуют Новый год и тоже устраивают ярмарки. А уж побывать на ярмарке средневековой — мечта любого туриста, тем более помешанного на истории. Я ни на чём таком помешана не была, но тоже вдруг захотела окунуться в старую-добрую сказку. Почувствовать себя этакой беззаботной Гердой. Тем более что Кай с ледяным сердцем у меня имелся.

Будет о чём рассказать детям.

Если, конечно, у меня эти самые дети появятся.

Мысленно одёрнула саму себя и приказала себе не думать о грустном, тем более в такой погожий, наполненный праздничной атмосферой день. Пусть начало его было ужасным, но окончание я никому не позволю испортить!

Даже ненавистной привязке!

Карета ползла по улочке со скоростью черепахи, доживавшей свой век.

— Мы здесь на целый час можем застрять. Давайте лучше пройдёмся.

И желательно по разным тротуарам, как говорится, мальчики налево, девочки направо. Правда, здесь и тротуаров-то не было. Одна чавкающая серо-буро-малиновая жижа, в которую благодаря многочисленным экипажам превратился некогда белый пушистый снег.

— Пешком? — совершенно искренне удивился тальден.

— А вы обычно гуляете в карете?

— Обычно я вообще не гуляю.

Какая же всё-таки скучная у правителей жизнь.

— Учиться никогда не поздно. Поверьте, гулять ногами совсем не сложно, — снова почувствовала, как уголки губ приподнимаются в улыбке.

И что же им неймётся!

Не то чтобы улыбаться было зазорно. Просто обычно надеешься получить в ответ такую же искреннюю, ну или вызванную веселящим напитком, улыбку. Но, похоже, губы Его Великолепия знали только один режим — «усмешка».

Эх, ледяная ты моя безнадёга.

Поняв, что сморозила глупость, пусть и в мыслях (нет, он, конечно, та ещё безнадёга, но точно не моя. И никогда моей не будет! Тьфу, тьфу и ещё тысячу раз тьфу!), рванула было на улицу со словами:

— Вам ещё может понравиться. Не захотите возвращаться в замок, — но Скальде удержал меня, накрыв мою руку своей.

Хмыкнул неопределённо, мол, прогулка — сомнительное удовольствие, и сказал:

— Постойте.

Стоило магу меня коснуться, как по коже от кисти до локтя бойко промаршировали мурашки.

Наследник стянул с себя перчатку. Подавшись вперёд, дотронулся до моего лица. Я зажмурилась, не понимая, что это он задумал. К чему все эти телячьи нежности? Лёгкое касание к подбородку, и кожа как будто покрылась ледяной коркой. Невидимой, но от того не менее осязаемой. В груди же огненным цветком распустилось пламя.

— Это чтобы нас уже наверняка не узнали.

Мысленно дав себе установку: не таять снежком на солнце и не превращаться в лужицу от малейшего прикосновения тальденовых пальцев, открыла глаза. На меня смотрел как будто совсем другой, незнакомый человек. И в то же время это был всё тот же Герхильд. Я видела всё те же черты лица: высокий лоб, разлёт тёмных широких бровей, упрямый волевой подбородок и губы, резко очерченные. Губы, которым сам бог велел прижаться к моим в умопомрачительном поцелуе и…

Вот блин.

— Эсселин Сольвер? — кашлянул наследник, развеивая окаянное наваждение.

Проглотила застрявший в горле комок и спросила:

— Вы что-то со мной сделали? — Холод на щеках по-прежнему ощущался.

— Создал иллюзию, чтобы сохранить наше с вами инкогнито. Или предпочитаете, чтобы на нас все пялились?

— Это вы у нас человек публичный, только себе бы иллюзию и создавали, — пробурчала, всё ещё ощущая его касание, как будто в том месте, где он до меня дотронулся, на кончике подбородка, пламенел ожог. — А я всего лишь скромная невеста. Одна из многих.

— Ошибаетесь, — тальден вернул перчатку на положенное ей место. — Каждую алиану здесь хорошо знают. И не только в лицо. Думаете, одни старейшины пристально следят за отбором?

— Вообще-то, я считала, за нами следите исключительно вы. Ну и эссель Тьюлин, конечно же. Куда ж без неё.

— Если бы всё было так просто, — всё-таки улыбнулся. Правда, улыбка эта вышла задумчивой и какой-то грустной. Отогнав от себя, по-видимому, не самые приятные мысли, будущий император на удивление благодушно предложил: — Ну что, на ярмарку?

— Читаете мои мысли! — Накинув на голову капюшон, я вышла из экипажа следом за Его замаскированным Великолепием.

Глава 17

Хоть задирай юбку, хоть не задирай — без толку. И минуты не прошло, как тяжёлый светлый подол ещё больше отяжелел, напитавшись влагой.

Всё, хана платью.

Впрочем, долго по этому поводу я не горевала. Очень скоро позабыла и о заляпанных грязью сапожках, и о юбке, частично поменявшей свой цвет. Как и о том, что я — всего лишь пленница в этом мире, оказавшаяся на поводу, что коза на привязи, у бессердечной колдуньи. Праздничный вихрь подхватил меня и унёс в самую гущу веселья. И Скальде ничего не оставалось, как унестись вместе со мной.

Площадь перед ратушей принарядилась по случаю грядущих праздников. Дома, смыкавшиеся полукругом, пестрели новенькими вывесками и старинными, точно глянцевыми, эмблемами. В волшебном вальсе кружили, искрясь серебром, снежинки, оседая на разноцветные фонарики. Те лениво покачивались на тонких шнурах, натянутых меж лотков с угощениями и всевозможными сувенирами. Сейчас эти фонарики не горели, но совсем скоро рыжее пламя заката смешается с первыми сумерками, и площадь раскрасится мириадами магических огней.

В воздухе витал ни с чем не сравнимый аромат сдобы, и я вдруг почувствовала, что не прочь отведать здешних лакомств. Желательно чего-нибудь горяченького. Потому как холод, даже несмотря на то, что вокруг сновали, согревая своим дыханием, люди, был очень даже ощутим. Наверное, предложение Герхильда заглянуть в таверну не такая уж плохая идея.

Хотя зачем нам таверна, когда и здесь можно подкрепиться!

У самой ратуши снова установили сцену. Только теперь по ней дефилировали не невесты Его Великолепия, а отплясывали, кривляясь, бродячие артисты. Толпа, обступившая подмостки, то и дело взрывалась громким, заразительным смехом.

Туда мы тоже обязательно доберёмся. Но прежде…

Я приблизилась к деревянному лотку. За ним стояла крупная, румяная от мороза женщина в сером суконном платье, дублёном жилете и длинном шерстяном платке, в который она куталась, пританцовывая от холода, и щедро одаривала светлыми, искренними улыбками всех, кто останавливался поглядеть на предлагаемый ею ассортимент угощений. А посмотреть было на что. У меня аж слюнки потекли от вида огромных пряников, имбирных и на меду, щедро политых глазурью. Румяных пирожков, леденцов на палочках в виде голубых, красных и оранжевых драконов.

— Не хотите себе дракончика? — обернулась к смирно стоявшему у меня за спиной Герхильду.

Как и всякий истинный мужик, Его Великолепие прохладно относился к такого рода времяпровождению. Впрочем, он ко всему и всем относился прохладно. Как-никак Ледяной.

Наверняка мыслями Скальде уже находился в той самой таверне, которую я решила обойти своим вниманием. Мне же, как всякой истинной женщине, было интересно всё, что меня окружало, и я намеревалась получить от прогулки по торговым рядам максимум удовольствия.

А Герхильд… Пусть страдает себе на здоровье.

И терпит.

— Пожалуй, от дракончика я воздержусь, — как и ожидала, отказался наследник. После чего великодушно добавил: — Но вы, Фьярра, себе ни в чём не отказывайте.

Ну хоть какое-то в этой ледышке обнаружилось достоинство.

Я уже намеревалась остановить свой выбор на имбирном прянике — улыбающемся человечке, растопырившем свои глазированные руки-ноги в разные стороны, когда заприметила стройные ряды фигурок, сделанных, должно быть, из марципана.

— Какие хорошенькие!

Фигурки эти изображали алиан. Всех, за исключением выбывшей из соревнований Майруэн. Не скажу, что сходство было фотографическим. У меня, например, почему-то нос вышел картошкой. Зато его компенсировала роскошная золотая грива. Интересно, что они используют в качестве красителей… А вот у Керис получились глаза навыкате. Даже без деревянных табличек с выжженными на них именами претенденток на императорские трон и сосульку-сердце я без проблем определила где какая невеста. С самого краю застланного белоснежной скатертью прилавка обнаружила шеренгу маленьких Герхильдов и, не раздумывая, взяла себе одно марципановое Великолепие.

Если тальден и удивился моему выбору, то виду не подал. Расплатился молча и кивнул на прощание улыбчивой торговке, пожелавшей нам приятного вечера.

С детства приученная делиться, я щедро предложила:

— Не хотите откусить себе голову? Нет? А вот я, пожалуй, её с удовольствием откушу. — Не откладывая дела в долгий ящик, тем более такого вкусного и приятного, принялась за угощение.

Бросая рассеянные взгляды на прилавки и топтавшихся возле них зевак, наследник с тенью улыбки поинтересовался:

— И чем же я перед вами так провинился, что вместо одной из соперниц вы решили закусить мной?

— Ваша голова больше, а значит, вкуснее. Тем более, вы это заслужили. Когда не поверили мне и Древнему и заставили меня выпить настойку гуантильи. А ещё те ваши угрозы… Было страшно и унизительно.

— Я не хотел задеть ваши чувства, эсселин Сольвер, — типа извинился дракон. — Но обязан был убедиться, что вы чисты.

После этих слов, произнесённых с присущим тальдену холодным безразличием, его марципановая версия лишилась правой руки и левой ноги.

Фигурка оказалась приторно-сладкой, и я стала озираться по сторонам, выискивая взглядом какого-нибудь доброго человека, торгующего напитками. Скальде понял меня без слов и направился к высокому чернобородому мужчине, зазывавшему всех желающих попробовать горячий напиток — глёрт. Вернулся спустя минуту, распрощавшись с одной монеткой, а взамен получив два бумажный стаканчика с обжигающей пряной жидкостью.

Глёрт пришёлся очень кстати. Не только потому, что меня мучила жажда. Мороз не щадил. Вовсю щипал щёки, колол кончики пальцев, умудряясь пробираться даже под тёплые перчатки. Было приятно погреть руки о стаканчик, а потом, сделав несколько глотков сладкого, ароматного вина, на пару мгновений почувствовать себя на вершине блаженства.

Которое тут же испортил Герхильд.

— Сто лет его не пил, — признался маг и вдруг ни с того ни с сего спросил: — Так как звали того юношу, в которого вы были влюблены?

Произнесено это было тихим, ничего не выражающим голосом, как будто Скальде и не ждал ответа. Но вот взгляд снова пронзал тысячами острых игл. Ещё одна фирменная особенность Его отмороженного Великолепия. Я бы её назвала — взгляд-потрошитель. Такой запросто не только в самую душу проникнет, но и вывернет тебя наизнанку. Не хуже ланцета вскроет всё что надо и не надо.

Вот и ходи после этого с ним на свидания… Провокационные вопросы, режущие взгляды. А мне, между прочим, и без того потрясений хватает. На все просто нервов банально не хватит.

Многие мужчины по природе своей собственники. А тальдены, если судить по Герхильду и Хентебесиру, — вообще отдельная песня.

— Эсселин Сольвер… — сощурил льдистые глаза маг, явно напрашиваясь на искренний и очень эмоциональный ответ.

«А почему решили, что была?!» — едва не бросила с вызовом, раздражённая не к месту проявленным любопытством. Вспомнив, кому собралась бросать этот самый вызов, благоразумно прикусила язык.

Врать Герхильду я не хотела. Не хватало ещё, чтобы поймал на лжи. Сказать правду, ясное дело, не могла, потому как даже смутно не представляла, какими окажутся последствия. Для меня.

Посему решила, что будет правильнее вообще ничего не говорить. Прилипла к первому попавшемуся лотку и, старательно изображая из себя восторженную дурочку, с придыханием воскликнула:

— Ах, смотрите, какая красота!

Возле прилавка крутились разряженные и разрумяненные девицы. Все в отороченных мехом новеньких накидках, разноцветных юбках, изящных сапожках на каблуках и с обязательными угощениями в руках. Потенциальные покупательницы весело переговаривались, разглядывая украшения, призывно поблёскивавшие в свете разгорающихся магических фонариков.

Чего здесь только не было! Глаза разбегались. Конечно, вся эта бижутерия и в подмётки не годилась драгоценностям, которыми наследник одарил Фьярру и других алиан. Разве могут гранатовые бусы сравниться с ожерельем из рубинов, искусно оплетённым серебром. Или вон то простенькое колечко с малахитом даже рядом не валялось с бриллиантовым перстнем на полпальца, что обнаружила я недавно в одной из наших с Фьяррой шкатулок.

И тем не менее эти украшения притягивали взгляд. В каждом чувствовалась частичка души мастера, любовь, с которой они создавались. Приятной наружности женщина, стоявшая по другую сторону прилавка, рассказывала о своих творениях с такой теплотой и нежностью, будто каждое для неё было вынянченным, выпестованным ребёнком.

Девушки слушали с живым интересом. И я бы тоже с удовольствием послушала историю создания изумительной броши из сердолика, точно алое солнышко сиявшей на раскрытой ладони мастерицы.

Если бы не дотошный Герхильд.

— Значит, не хотите отвечать.

— Не люблю делиться секретами.

— Секреты — роскошь, которую императрица не может себе позволить.

Обернувшись, окунулась в ледяную прорубь серых глаз.

Подавив в себе дрожь, с самым безмятежным видом сделала ответный выпад:

— А разве я уже успела стать императрицей?

Неожиданно холод исчез. В кои-то веки меня одарили вполне себе тёплой улыбкой.

— Выкрутились.

— Больше не будете допытываться?

— При желании я и сам могу всё узнать.

Прозвучало зловеще.

К счастью, Скальде не стал развивать щекотливую тему моей влюблённости. Переключился на нейтральное общение, проявив на сей раз обычное вежливое любопытство:

— Что-нибудь приглянулось?

Последние несколько секунд я рассматривала булавку с ажурной головкой, сплетённой из тончайших серебряных нитей и напоминавшей раскрытый бутон цветка. Ножку её перехватывали крошечные колечки, за которые цеплялись гранатовые

грозди из бусин-бисерин.

Такая булавка шикарно бы смотрелась на тёмном бархате моей накидки.

Скальде не был телепатом, по крайней мере, я на это очень надеялась, и тем не менее безошибочно угадал, на что его восьмая невеста положила глаз. Под завистливые вздохи «зрительниц», поглядывающих на моего спутника с таким же жадным интересом, с каким только что пялились на янтарные браслеты, распрощался ещё с несколькими монетами, ссыпав их в сложенную лодочкой ладонь мастерицы.

— Нет, нет, вы и так завалили меня подарками! — смутившись, запротестовала я.

Свидание всё больше походило на настоящее — никак не удавалось отделаться от этого дурацкого чувства. Как и от уколов совести, уже исцарапавшей мне всё сердце.

Мало того, что оно сбивается с ритма, когда он рядом. А вот когда так близко… И вовсе, глупое, замирает.

Не обращая внимания на слабые протесты своей зачарованной невесты, то бишь мои, тальден приколол булавку к бархату накидки. Казалось бы, ничего такого, всего лишь несколько мимолётных прикосновений к одежде. А у меня снова возникло ощущение, от которого предательски подогнулись коленки — что её между нами, этой самой одежды, нет и не было.

Боюсь, сегодня ночью опять не обойдётся без эротических кошмаров.

— Некоторые из ваших украшений я ещё даже не успела надеть, — промямлила, не решаясь поднять взгляд. Который, предатель, точно знала, непременно задержится на его губах.

А ведь я замужем. Единственный, кто мне нужен, — это мой такой уютный, тёплый и родной Лёша.

Кажется, я только что сравнила мужа с домашним халатом. Или любимыми тапочками.

И мне совсем не нужна эта вельможная сосулька!

Надо бы себе почаще об этом напоминать, пока из-за магии мозг окончательно не расплавился.

— Я заметил, что большую радость вы испытываете, их снимая, — припомнил мне эпизод в карете маг, не преминув заметить: — Вы довольно необычная девушка, эсселин Сольвер.

— Хотели сказать, странная? — не сумела сдержать улыбки. Кажется, та вышла немного застенчивой, и щёки наверняка раскрасило румянцем. Только теперь не от холода, а от жара, огненной волной прокатившемуся по всему телу.

К счастью, тальден вовремя отстранился, и мне повезло избежать теплового удара.

— Вы сняли с себя украшения, достойные принцессы, с таким видом, будто металл жёг вам кожу. И при этом выглядели совершенно к ним равнодушной.

Знал бы ты, что меня сейчас обжигает…

— А при виде дешёвых безделушек у вас глаза загорелись.

— Вот такая я неправильная алиана. Драгоценности великолепны. Правда. Но уж больно… холодны, я бы сказала. Ну прямо как вы, — не сумела отказать себе в удовольствии уколоть мага. — Надеюсь, вы не обидитесь на меня за такое сравнение.

— Ничуть, — хмыкнул Герхильд и не остался в долгу: — Предлагаю продолжить прогулку, пока вы не превратились в такую же, как я, ледышку.

Время от времени Скальде обращался ко мне с вопросами. К счастью, нейтральными, не вызывавшими у меня приступы паники. Интересовался моими детством, отрочеством и недавней юностью. Жизнью в Лунной долине. Впечатлениями от первых дней в Ледяном Логе.

Других невест он тоже об этом расспрашивал. То ли следовал протоколу, установленному старейшинами, то ли на добровольных началах пытался узнать нас получ-

ше.

Вот только мне совсем не хотелось, чтобы он меня узнавал. И узнавать его тоже не было никакого желания. Вернее, желание было, но только вызванное магией, и я ему как могла противилась.

Не хватало ещё, чтобы связь, вызванная чарами, усилилась после таких вот прогулок по ярмаркам. Запоздало подумалось, что лучше бы мы остались в замке и вместе скучно поужинали.

От очередного вопроса Его Великолепия меня отвлекло скромное столпотворение возле ярко-зелёного шатра. Под ним прятались мольберты, на которых красовались… портреты алиан. Жаль, выполненные не красками, простенькие, чёрно-белые. Но довольно приличные, сделанные на совесть.

С которой я в последнее время была не в ладах.

Возле мольбертов крутился щупленький мужичок, нахваливая зевакам свои работы.

— Вскоре одна из этих очаровательных эсселин станет нашей императрицей! Три портрета по цене двух! Купите все восемь и получите пятидесятипроцентную скидку! Только сегодня! Здесь и сейчас!

Видать, дела у художника шли не очень. Раскрытые кошёлки у его ног были полны свёрнутых в трубочки и перехваченных тесёмками листков. Народу нравилось разглядывать портреты, но приобретать пару-тройку, чтобы украсить ими стены своих жилищ зрители не спешили.

Другое дело марципановые фигурки. Ими можно любоваться, сколько влезет, а когда надоест — заварить чаю и с чистой совестью съесть. А что взять с картинки?

Во мне вдруг проснулось игривое настроение.

— Ваше Великолепие, а вы бы чей портрет у себя повесили? — покосилась на тальдена, силясь сдержать улыбку. — Керис или Рианнон?

Сама не знаю, зачем злючку и тихоню упомянула. Просто вдруг очень захотелось услышать его ответ.

Скальде, как это водится, меня разочаровал.

— Пока что я стараюсь сохранять нейтралитет, — не повёлся на провокацию. И непонятно, ответил серьёзно или снова меня поддел.

Выражение лица — железобетонное. Ну хоть бы какая-то эмоция промелькнула. Стоит тут, понимаешь ли, что ледяная глыба, заложив руки за спину и безразлично пялясь на картинки.

— Я бы на вашем месте прикупила себе Гленду, — не сдавалась я, решив во что бы то ни стало развести тальдена хоть на какое-то проявление эмоций. — Мне кажется, из неё получится шикарная императрица. Красива, умна, в любой ситуации держится как королева. Ещё бы корону дорисовать — и будет само совершенство.

— Вам так не хочется выходить за меня замуж, что готовы петь дифирамбы другим алианам? — усмехнулся Герхильд.

— Просто не хочется умирать, — слова сорвались с губ прежде, чем успела их осмыслить и затолкать в себя как можно глубже.

Закусила губу, исподлобья взглянула на тальдена. В глазах Скальде бушевала вьюга.

Вот, что называется, развела мужика на чувства.

Глава 18

То ли я вдруг странным образом уменьшилась в размерах, то ли Герхильд неожиданно подрос: навис надо мной всей своей мощью, заставив почувствовать себя мелкой и незначительной. Было такое ощущение, что стою перед отвесной скалой, с которой, казалось, оброни я ещё хотя бы слово, непременно сорвётся всё сметающая на своём пути лавина.

Меня так точно сметёт. И запросто под собой погребёт.

Стало в разы холоднее. Я обхватила себя руками, энергично потёрла плечи, чувствуя, как дрожь в теле с каждым мгновением нашего безмолвного противоборства только усиливается. И непонятно, какой из двух морозов был морознее: стужа, что властвовала в Хрустальном городе, или та, которая исходила от тальдена.

— Вы, эсселин Сольвер, вольны уехать из замка в любое время. Силой вас никто здесь держать не станет. — Позабыв о портретной выставке, наследник продолжил нашу теперь уже совсем не весёлую прогулку.

Я беззвучно хмыкнула, тщетно пытаясь приноровиться к его «прогулочному» шагу.

Вольна? Это ты Блодейне скажи и её гениальному плану, согласно которому я в вашем матримониальном спектакле играю роль козла отпущения.

И уж простите, что не рвусь подобно Керис превращаться в козла заледеневшего!

— Я исполняю волю отца, — отозвалась вяло.

А что ещё могла сказать? Правду? Страшно. Поблагодарить тальдена за «отпускаю на все четыре стороны» и на всех парах мчать в Лунную долину? Блодейна с меня там скальп снимет.

Или снова пихнёт под машину Лёшу.

Герхильд, явно позабывший о том, что гуляет не в одиночестве и что заставлять девушку за собой бегать, тем более бегать на каблуках, недостойно рыцаря-джентльмена, всё-таки решил обо мне вспомнить. Обернулся резко. Так, что я, по-прежнему находившаяся в арьергарде, чуть не врезалась ему в грудь. К счастью, в последний момент сумела затормозить, заодно и дыхание задержала и остановилась в паре сантиметров от Его мрачного Великолепия.

— Похвально, что вы чтите и слушаетесь своего отца. Но, — точно копьём, пригвоздил меня взглядом к присыпанной песком дорожке, — мне не нужна мученица. Мне. Нужна. Жена, — произнёс чётко, останавливаясь на каждом слове, будто разговаривал со слабоумной.

Уф, дракон драконский.

— Алиана, готовая послужить своей империи и, если потребуется, заплатить цену. Какой бы она ни была. Вы же, — жёсткая усмешка, — больше похожи не на верноподданную императора, а на жертвенного ягнёнка. И уже заранее себя оплакиваете.

Подался ко мне, опалив своими эмоциями. Или это у меня внутри, точно в котелке сказочной ведьмы, бурлило варево из самых разнообразных чувств. Всё смешалось. Моя злость, его раздражение. Наши дыхания… Потому что кое-кто наглый не желал разговаривать со мной на расстоянии вытянутой руки. И уже почти касался меня губами, испытывая на прочность не только моё терпение, но и нашу с ним чёртову привязку.

Привязка-то точно не порвётся. К сожалению. А вот у меня крышу сорвать может запросто.

Шёпот невесомым касанием скользнул по губам:

— Поэтому можете отправляться домой хоть сегодня. И даже если останетесь, — отстранившись, наотмашь хлестанул издёвкой, — не переживайте. Вы, эсселин Сольвер, здесь ничем не рискуете.

Ах вот, значит, как! Это так мы сохраняем нейтралитет? Невидимый котелок в груди взорвался, видать, в варево добавили какой-то лишний ингредиент.

Вроде капельки безумия. Мне бы радоваться, что я для этого гада напыщенного персона нон-грата. Что Мабли была права. Но вместо радости внутри всколыхнулась обида, а с ней появилось желание пройтись ногтями по вельможной физиономии тальдена.

Не знаю, в связующих чарах ли было дело, должно быть, в них, но меня сильно задели его слова. Или, скорее, то, как они были произнесены.

— Я не запятнаю честь рода, — выплюнула в ту самую бесстыжую физиономию, снова будто покрывшуюся ледяной коркой.

Вот ведь отморозок драконистый.

— Воля ваша. Оставайтесь, — бросил с таким видом, будто разговаривал с табуретом, который приобрёл в магазине подержанной мебели по скидке в девяносто девять процентов и теперь гадал, а на кой чёрт он ему вообще понадобился.

— Останусь. Даже не сомневайтесь.

В голове противно гудело. Вроде и понимала, что злюсь не я, а Фьярра. Аня бы облегчённо выдохнула и порадовалась такому результату. Тому, что участь увековечить себя в саду императорского замка обошла её стороной. Но из-за треклятого дурмана, в котором все эти дни пребывало моё сознание, сложно было отделить мои собственные чувства от навеянных магией.

— А теперь, раз вы всё-таки решили и дальше радовать нас своим присутствием, эсселин Сольвер, — куда же мы без насмешки, — давайте всё-таки поедим. Вы уже вся синяя.

— Показывайте дорогу, — буркнула и последовала за Герхильдом в таверну.

В тепло, в котором сейчас действительно нуждалось моё-не моё тело.

Хозяин «Старого друга» — таверны с весёленькой вывеской, изображавшей двух красноносых приятелей, задорно чокающихся кружками, не имел недостатка в клиентах. В просторном зале было не протолкнуться. За грубо сколоченными столами, громко переговариваясь и непрестанно гремя посудой, сидели бородатые мужчины, вроде тех, нарисованных, что красовались над входом в питейное заведение. Женщины тоже просматривались, но в меньшем количестве. В основном это были молоденькие юркие подавальщицы в красных юбках, белоснежных блузах под тёмными корсетами и остроконечных чепцах.

На антресолях, подняться на которые можно было по широким деревянным лестницам, темневшим в разных концах зала, тоже царило оживление. Безумно вкусно пахло приготовленным с пряностями мясом, горячим, с пылу с жару хлебом, солёными и сладкими пирогами, на которые я облизывалась, пока шла к единственному пустовавшему столу, находившемуся в приятном соседстве с затопленным камином.

Небольшое углубление в стене под самым потолком занимали музыканты. Неспешно перебирая струны лютен, они аккомпанировали русоволосой красавице, в песне рассказывавшей грустную историю любви обычной девушки к необычному мужчине — тальдену.

Чего не хватало — так это освещения. Масляные лампы, кованая люстра с оплавленными, а местами и вовсе догоревшими свечами, да камины из серого камня не могли осветить немалых размеров помещение. Всё вокруг утопало в густом полумраке, отчего приходилось двигаться почти наощупь.

Уронив себя на стул, застонала от блаженства, стягивая с онемевших от холода пальцев перчатки. Правда, под пристальным взглядом Герхильда провокационный звук пришлось затолкать обратно поглубже в лёгкие. Сцепила зубы от греха подальше и дальше уже наслаждалась жаром, пышущим из недр камина, молча.

Вот ни на секунду не даёт расслабиться.

Постепенно ледяной шар в груди таял, и настроение, испорченное Его Хамством, снова начало улучшаться.

Я бы с удовольствием и сапожки скинула, чтобы подставить свои усталые ножки ласковому пламени (чувство такое, будто полдня по битому стеклу босиком ходила), но потом решила, что для одного вечера потрясений для Скальде уже достаточно.

Не прошло и минуты, как перед нашим столом материализовалась улыбчивая служанка. Словно из пулемёта принялась строчить, озвучивая нехитрый ассортимент имевшихся в наличии кушаний. Тальден остановил свой выбор на тушёной крольчатине с травами и ячменём, я — на куске румяного пирога с дичью. А уж в выборе напитка — медового пива — наши вкусы совпали полностью. Приняв заказ, девушка пообещала мигом обернуться, и вскоре перед нами уже стояли две кружки ароматнейшего напитка. Такого же холодного, как и Его Великолепие, но из-за близости к источнику отопления, пламя в котором никак не желало угомониться, продолжало неистово облизывать почерневший камень, очень скоро мне стало жарко. Пришлось скинуть накидку.

Приставать с вопросами Ледяной больше не торопился. Видать, решил не тратить энергию на бесполезный ресурс, коим в будущем в любом случае не собирался воспользоваться. А я после нескольких глотков сладкого хмельного напитка чувствовала себя довольной, расслабленной и безмятежной. Послав наследника по уже привычному ему маршруту (жаль, что опять мысленно), вполуха вслушиваясь в слова очередной лирической баллады о неразделённой любви, вертела головой, с интересом изучая средневековую харчевню.

— Кого-то высматриваете? Может, позвать служанку? — снова примерил амплуа джентльмена Его Бессердечность.

Так как наш заказ уже принесли, то, по идее, высматривать мне было нечего.

— Ещё пива?

— Мне бы с этим справиться, — покосилась на глиняную посудину, которая вполне могла сойти за маленькое ведёрце, а потом с улыбкой — побочным эффектом пива, призналась: — Жду, когда начнётся драка.

Во всех прочитанных мною фэнтезийных романах попаданки, не успев переступить порог трактира, тут же оказывались в центре внимания, а потом и вспыхивавшего на ровном месте скандала. Вот только одаривать меня непристойными комплиментами и сальными взглядами и провоцировать Скальде на мордобитие пока что никто не спешил. А жаль. Я была бы вовсе не против, если бы великолепному нашему подсветили фингалами правый или левый глаз. А лучше, оба сразу.

Но на нас попросту никто не обращал внимания. И атмосфера в таверне, несмотря на шум голосов и разгорающиеся то тут то там споры, была вполне миролюбивой.

— Никогда не участвовали в трактирных драках?

— Не приходилось, — растерянно отозвался Герхильд. Очевидно, мне опять удалось выбить его из колеи своим любопытством. — А вы? — зачем-то спросил вполголоса.

Шутит или действительно интересуется?

— Увы, — вздохнула. — Только читала в книгах и видела в филь… В общем, о них слышала. Батюшка нас с сёстрами редко куда выпускал. Вся моя жизнь прошла за стенами родового замка.

Герхильд негромко хмыкнул, словно этим своим «хмыком» хотел сказать: «Оно и видно. Дикая». Немного помолчав, всё-таки вернулся к списку вопросов.

Непонятно только, зачем допрашивает, если я ему всё равно неинтересна. И снова, стоило так подумать, сердце неприятно царапнула обида.

После сытного позднего обеда или, скорее, раннего ужина, во время которого ни один из посетителей «Старого друга» не пожелал пересчитать собутыльнику зубы,

мы продолжили прогулку.

Его Великолепие почему-то не спешил закругляться. А я не решалась намекнуть, что небо уже давно в звёздах, пусть пока ещё бледных, приглушённых фиолетовой дымкой сумерек, и что по-хорошему нам пора возвращаться. Но лучше буду молчать, вдруг опять распсихуется.

Хорошо, что не заикнулась о возвращении в замок. Тёмная улочка, на которую мы свернули, выйдя из таверны, привела нас к площади, названной в честь её главной достопримечательности — храма богини, которой, как недавно узнала, поклонялись во всей Адальфиве. Только в каждом королевстве у Претёмной Праматери было своё имя.

После праздника живота моим глазам открылся самый настоящий праздник жизни. Я чуть не завизжала от восторга и вдруг почувствовала себя малолетним ребёнком, которому родители впервые разрешили покататься на карусели.

Карусель здесь, кстати, тоже имелась. Счастливая ребятня восседала на деревянных драконах, лошадях в султанах, белокрылых фальвах, искусно расписанных красками, а взрослые эту карусель, на радость детворе, раскручивали.

Но не детская забава привлекла моё внимание, а пусть и скромных размеров, но всё-таки каток. Самый настоящий, с малых лет так обожаемый мною каток! По которому скользили, иногда падая, визжа и хохоча, юноши и девушки. Вместе с ними, отражаясь в толще льда, танцевали отблески магических фонариков, гирлянды которых были протянуты над всею площадью.

— Пойдёмте! — Позабыв, что со мной ледышка Герхильд, а не обычный приятель, с которым можно весело провести время, я схватила Его Великолепие за руку и потащила к огороженной невысоким заборчиком площадке.

Не такие уж они здесь средневековые, оказывается.

Первая попытка подвести Скальде к объекту моей давней страсти окончилась провалом. Его будущее императорство упёрся как мул и больше не желал проявлять покладистость.

— Вы собрались кататься на этом? — с сомнением покосился на обувь доморощенных фигуристов. К сапогам крепились деревянные бруски, из которых торчали заточенные металлические полоски.

Конечно, так себе коньки. Но попробовать всё же стоило. Ни за что не откажу себе в этом удовольствии!

— Да. И вы будете кататься вместе со мной.

Мне показалось, или на лице тальдена действительно отобразилась эмоция? Растерянность? Неуверенность? Интересно…

— Да ладно вам! Всесильный маг, дракон, без пяти минут император — и не умеет на коньках кататься?

Не смешите мои тапочки.

— Это бестолковое развлечение, — попытался отмазаться тальден.

Не вышло. Это он ещё, видно, не понял, с кем связался. А может, уже догадывается…

— Развлечения в большинстве своём все бестолковые. Но от этого не менее приятные. Пойдёмте скорее! Иначе расскажу всем в замке, что вы коньков испугались!

— Теперь вы меня ещё и шантажируете, — упрекнул, на сей раз уже точно шутливо. Об этом свидетельствовала проступившая на губах мага тень улыбки.

— Я и так в вашем списке фавориток первая с конца. Терять мне всё равно нечего.

Разве что только саму себя… Но об этом я тогда ещё даже не догадывалась.

Катался Его Великолепие… ну скажем, сносно. В смысле, не растянулся на льду после первого же скольжения. Я тоже, должна признать, не сразу наловчилась стоять на импровизированных коньках, как небо и земля отличавшихся от тех, на которых

с детства меня учила кататься мама. Правда, в отличие от Герхильда, освоилась быстро и спустя какое-то время уже беззаботно кружила по площади, получая от этого процесса ни с чем не сравнимое удовольствие. Если бы ещё не приходилось постоянно оглядываться, чтобы проверить, как там Скальде.

Притормозив, привычно обернулась.

Опять свалился.

Пришлось возвращаться. Описав круг почёта возле Его Неуклюжести, остановилась и протянула наследнику руку, победоносно глядя на него сверху вниз.

— Приятно, когда мужчина оказывается у твоих ног. А вы-то небось привыкли к наоборот.

Фыркнул.

— Вы же безвылазно сидели в родительском замке. Где научились так хорошо кататься? Этой забаве от силы пару лет.

Вот ведь дотошный.

— Лунная долина, конечно, та ещё глушь. Но о катке мы всё же наслышаны. Одно из немногих наших развлечений в зимнее время. — Надеюсь, проверять не станет. Вздрогнула, когда сильные мужские пальцы сжали мои, и потянула тальдена вверх. — Давайте лучше вместе кататься. А то мне уже жалко вашу зад… В общем, не хотелось бы, чтобы вы опять падали.

— Кто, напомните, занимался вашим воспитанием?

— Эссель Блодейна. Все претензии к ней.

И это было чистейшей правдой.

В паре со мной Герхильд заметно расслабился и вскоре уже двигался по льду вполне уверенно, точно гигантских размеров крыльями разрезая своим плащом морозный, весь в снежинках воздух. Вот только стоило мне попытаться его отпустить, как Скальде принимался сжимать мою руку ещё усерднее, не оставляя мне даже малюсенького шанса на освобождение.

Символичное вышло катание.

Мне-то, конечно, несложно помочь человеку и послужить для него опорой. Если б ещё от близости дракона не кружило голову и жар не приливал к щекам, груди и всему остальному.

Зато больше даже не вспоминала о холоде. Наоборот, очень скоро нам обоим стало жарко. И моя накидка вместе с плащом тальдена перекочевали на ограждение, а мы продолжили, выражаясь словами наследника, по-бестолковому развлекаться.

В какой-то момент нас нагло подрезала парочка подростков, в упор не замечавших других катающихся. В попытке избежать столкновения тальден резко затормозил. Не удержал равновесия и полетел вниз, увлекая меня за собой.

Взвизгнув, замолотила руками в воздухе. Тщетно. Мир перед глазами перевернулся. Я всё-таки упала, бесславно приземлившись магу на грудь. Вскинула голову, чтобы отстраниться, но замерла, в один миг утратив контроль над собственным телом. И разум тоже больше меня не слушался. Словно зачарованная смотрела в глаза Герхильда, ловя в них своё отражение.

Серые, как предгрозовое небо. Стремительно темнеющее.

— Не ушиблись? — прошептал хрипло.

— Повезло упасть на вас, — ответила также тихо, а потом зачем-то брякнула: — У вас довольно удобная для приземления грудь.

— Рад это слышать, эсселин Сольвер. Хоть в чём-то я сумел вам угодить.

Секунду или две мы гипнотизировали друг друга взглядами. А потом я не выдержала, прыснула, и мы оба рассмеялись. Что было странно, непривычно и… немного пугающе.

Смеющийся, весёлый Ледяной? Не порядок.

Теперь уже Скальде помогал мне подняться, соблазняя сладкими, обжаренными с пряностями лесными орешками, которые он раньше заприметил на площади перед ратушей.

— Нашли-таки, чем выманить меня с катка.

— Можем остаться, — с невозмутимым видом пожал плечами тальден, будто действительно был готов хоть ночь напролёт упражняться в фигурном катании.

Но я сразу почувствовала подвох. И тот не заставил себя ждать.

— Только при одном условии: если вы и дальше будете так же очаровательно краснеть и смущаться, падая на меня.

Я вспыхнула. Краснеть и смущаться? А вот фиг тебе!

Проклятье, Аня! Первая с конца, первая с конца. Ты же об этом мечтала.

А не о том, чтобы после одного несчастного свидания превратиться в первую, мать его, с начала!

— Орешки — звучит замечательно, — выцедила из себя, злясь на Его Издевательство, бессовестно воспользовавшегося моей слабостью, только чтобы поскорее покончить с катанием.

Дракон-манипулятор.

Пришлось успокаиваться и утешаться орешками, которые и правда оказались безумно вкусными. Горячими, ароматными. А есть их, сидя на скамейке неподалёку от сцены, на которой бродячая труппа давала очередное представление, было вдвойне приятно.

Жаль, нам мало что было видно из-за толпившихся у подмостков зрителей. Увлёкшись игрой артистов, я старательно тянула шею и не сразу расслышала слова Скальде. А когда до меня дошёл смысл сказанного, вздрогнула и недоумённо покосилась на мага.

— Вижу, вы отчаянно боретесь с привязкой, и мне жаль, эсселин Сольвер, что вам приходится проходить через испытание магией. Всем алианам. Могу себе представить, каково это.

Вряд ли. Для этого надо уметь чувствовать хотя бы что-то.

Вслух же сказала:

— Если честно, я её уже ненавижу, — поморщилась, как будто мне зуб только что прострелило. — С ней я — не я. Да и вам, разве оно надо? Не хотели бы, чтобы одна из невест, постепенно вас узнавая, начала испытывать к вам искреннее чувство? А не навеянное магией тагр знает что.

Отправив в рот очередной орешек, тальден передёрнул плечами:

— Я такой же заложник традиций, как и вы, эсселин Сольвер. Думаете, мне приятно видеть, как, оказываясь со мною рядом, алианы превращаются в безвольных, ведомых кукол?

— А разве не приятно? — хмыкнула. — Почему бы тогда не отказаться от привязки?

Теперь настала очередь Скальде коситься на меня с недоумением. Я тут же прикусила язык, поняв, что снова ляпнула что-то не то. А всё из-за пробелов в знаниях здешней истории и традиций.

— Хоть вам и внушают с детства, что в будущем вы станете жёнами тальденов, многие страшатся отбора, свадьбы и, особенно, брачной ночи. Того, что не смогут принять силу мужа. Наши предки считали, что магия способствует сближению жениха и невесты. Когда помолвка разрывается, развеиваются и чары. В случае с ари привязка уходит постепенно, уже после брачного ритуала.

О времена, о нравы.

Чем больше узнавала о законах этого немного с приветом мира, тем больше сочувствовала алианам. Не повезло им родиться особенными. Ужас какой-то — выйти

замуж, будучи насильно влюблённой. А потом проснуться в один не прекрасный день и понять, что муж тебе безразличен. Или того хуже — противен.

— И всё равно, несправедливо это, — скомкала бумажный рожок, совсем недавно полный орешков, благополучно перекочевавших ко мне в желудок, и сжала промасленную бумагу в кулаке. — Мало того что не мы выбираем, а выбирают нас, так ещё и при этом находимся под постоянным воздействием магии. Потому что так решили какие-то там предки! Пусть это и временное воздействие, но всё же. Это… противоестественно.

Некоторое время тальден молчал, и я уже решила, что ему наскучил разговор о привязке.

А потом последовал провокационный вопрос:

— То есть хотите играть по-честному?

— По-честному? Пфф… Я об этом даже не мечтаю. Уже успела понять, что мои желания здесь всем до лампочки. Вы даже представить себе не можете, каково это — терять контроль над собственным разумом.

— Отчего же, представляю, — маг усмехнулся. Как мне показалось, с оттенком горечи. Поднявшись, неожиданно попросил: — Отдайте булавку.

— Не успели подарить, а уже забираете. — Рука сама потянулась к украшению, в которое я влюбилась с первого взгляда. Накрыла его ладонью, интуитивно желая защитить от постороннего посягательства.

Но Скальде оказался настойчив.

— Так надо, — ответил загадочно. Экспроприировав у меня подарок, протянул руку со словами: — Уже поздно, пора возвращаться.

Стоило представить, как переступаю порог спальни, и на плечи мигом навалилась усталость. Тяжеленным таким камнем. С трудом поднялась на ноги. Зевнула, прикрыв рот ладонью, и последовала за тальденом к переулку, в котором нас дожидался извозчик.

Только возле шатра с портретами задержались на минутку, чтобы приобрести чёрно-белую красоту.

— Девочкам будет приятно, — пояснила, забирая у осчастливленного нами художника кошёлку с семью бумажными свёртками.

— И ещё вон тот заверните, — небрежно махнул рукой Его Великолепие на… моё изображение. — Портрет алианы со взглядом бунтарки.

— Эсселин Сольвер — настоящая красавица, — похвалил выбор мага торговец.

А я нервно покосилась на транжиру, поинтересовавшись:

— Сожжёте в камине?

Скальде одарил художника ещё несколькими монетами.

— Повешу над кроватью.

Наверное, для метания дротиков.

И снова я не поняла, шутит он или говорит серьёзно.

Глава 19

Весь день Его Светлость не находил себе места. От завладевших им чувств — этой гремучей, опасной смеси, готовой рвануть в любое мгновенье, тальдену хотелось на стенку лезть. Крушить всё вокруг, рычать, изрыгать пламя.

Но единственное, что мог он себе позволить, будучи гостем в императорском замке, — это срываться на слугах и, запершись у себя, исходить злостью. Которая, как и зависть, уже давно засели в его голове. А теперь ещё к этому неразлучному тандему прибавился яд ревности, отравивший тальдену сердце.

Это чувство — острое как кинжал, болезненное как кровоточащая рана, — было Игрэйту в новинку, и он не собирался и дальше нести на себе столь неприятное бремя.

Уступить алиану Герхильду? Сдаться?

Ни за что на свете!

Пламя ярости полыхнуло в груди с новой силой. Глухо зарычав, князь Темнодолья обрушился кулаками на ни в чём не повинный стол. Кубок дорогого файларсского стекла, до краёв наполненный вином, запрыгал на толстой гранёной ножке. Не выдержав очередного удара, перевернулся, забрызгав чернильно-ягодным напитком пестротканый, постланный у камина ковёр.

Не полегчало. Из груди тальдена вырвался гортанный звук, больше похожий на раскат грома. Посильнее сцепив зубы, Игрэйт в сердцах смёл кубок с графином, искусно декорированным серебром, на пол. В пушистом ворсе ковра теперь тускло поблёскивали осколки.

Как же ему сейчас хотелось обернуться в дракона! Дать волю огненной силе, обжигавшей внутренности. Поджарить парочку стражников тагрового кузена. А лучше — самого Герхильда! Изрыгать пламя до тех пор, пока от извечного соперника не останется даже горстки пепла!

Истинный Огненный — Игрэйт был вспыльчив, скор на принятие решений, зачастую необдуманных. Опрометчивых. Не обуздан в своих желаниях. Легко впадал в самое настоящее исступление и мог взбеситься даже из-за незначительной неурядицы.

Узнав о том, что у эсселин Сольвер должно состояться свидание, тальден всё утро пытался её разыскать, чтобы… Игрэйт и сам не знал, что скажет чужой невесте. Как предотвратит треклятую встречу. Понимал, что при всём своём желании не сумеет помешать им видеться. Пока Фьярра — законная невеста наследника, он, князь Темнодолья, не имел на неё прав.

Хентебесиру не везло. Он так и не сумел разыскать девчонку. Та будто сквозь землю провалилась, а может, намеренно его избегала, и это предположение ещё больше взбесило мага.

Фьярра заинтересовала его сразу. Ещё там, на озере. Было трудно отвести взгляд от хрупкой, озябшей фигурки, когда алиана, насквозь промокшая, выходила из лодки. Его Светлость не мог налюбоваться соблазнительными очертаниями тонкого девичьего стана и только и думал о том, как согрел бы её в своих пламенных объятиях.

А уж после ритуала в храме, когда выяснилось, что эсселин Сольвер для него — идеальная пара, князь решил во что бы то ни стало сделать её своей.

Желание обладать ею мучило, истязало. Сводило с ума, туманило разум. А то, как она себя с ним вела… Сама о том не подозревая, ещё больше распаляла его своей холодностью. Безразличием. Как и всякий тальден, Игрэйт был охотником. Фьярра — желанной добычей. Было в ней что-то дикое, что-то дерзкое, необузданное, пусть она и пыталась скрыть настоящую себя под маской напускной кротости, притворного послушания.

Закрывая глаза, тальден видел, как покрывает поцелуями её юное, не знавшее мужской ласки тело. Как алиана стонет, выгибаясь под ним. Покорная, податливая. Готовая ночь напролёт ублажать своего хозяина.

Из последних сил боролся маг с искушением похитить девушку, пленившую его разум, и связать себя с нею узами брака. Тогда ни отец Фьярры, ни Скальде ничего не смогут поделать. От опрометчивого поступка останавливало лишь осознание того, что последствия будут необратимы. Старейшины благоволят к нему, Герхильд скрепя сердце терпит. Ни одна алиана, даже эта, не стоила того, чтобы отказываться из-за неё от заветной мечты — править Сумеречной империей.

Игрэйт усмехнулся. Но это не значило, что он подарит её Герхильду.

Просто следовало быть хитрее. Обуздать чувства, укротить страсть и сделать так, чтобы Скальде сам от неё отрёкся.

Добровольно.

Хоть это будет и непросто. Игрэйт вырос с кузеном, воспитывался вместе с ним в стенах Поднебесной академии, где сопливых мальчишек, способных обращаться в драконов, превращали в воинов. За годы, проведённые бок о бок со Скальде, молодой князь успел неплохо его изучить. И знал, что за привычной холодностью, безразличием, скрывается интерес.

Это подтверждали бросаемые украдкой на Фьярру взгляды. Мимолётные, тут же обращавшиеся к другим алианам. Кажется, Герхильд врал не только старейшинам, придворным. Но и себя тоже зачем-то обманывал.

Эсселин Сольвер удалось зацепить ледяного мага. А потому для Игрэйта Хентебесира эта девушка была вдвойне желанной.

Его Светлость жаждал иметь всё то, что принадлежало Скальде. Мечтал владеть его землями, распоряжаться судьбами его подданных.

А главное — его голубоглазой невестой.

Как можно скорее сделать её своей собственностью.

Тем более что Фьярра больше всех подходила Герхильду, а значит, если дело дойдёт до свадьбы, был риск, что она сможет принять силу наследника.

Этого князь Темнодолья допустить не мог. По замыслу Игрэйта, Скальде ждала незавидная участь — сойти с ума и отправиться в склеп, гнить вместе с предками.

Ну а что касается Фьярры…

— Слишком уж ты лакомый, сладкий кусочек, девочка. Герхильду ты не достанешься. Только мне.

Тальден не заметил, как начал говорить вслух. Не услышал ни короткий стук в дверь, ни стремительные шаги вошедшего. Вздрогнул, лишь когда кто-то кашлянул, намеренно громко, прервав ход мыслей правителя.

Игрэйт резко обернулся.

— Вызывали, Ваша Светлость? — Глава личной охраны князя — Блейтиан Крейн почтительно поклонился.

Тальден кивнул, пристально разглядывая своего телохранителя. Свою тень, правую руку, главного советчика и исполнителя. Блейтиану князь доверял, как самому себе. Маг служил при дворе Темнодолья уже более десяти лет, был слепо верен своему правителю. Без лишних вопросов выполнял любые поручения.

Это он помог отыскать Игрэйту дорогу к позабытому людьми храму Леуэллы. Это он принёс в жертву снежному духу невесту князя, когда пришло время расплачиваться за помощь с первой женой Скальде.

У самого Игрэйта рука не поднялась перерезать горло своей избраннице. Но рука Крейна не дрогнула. И слёзы юной девушки его не разжалобили.

Несомненно, в Блейтиане Крейне — одном из самых могущественных магов Темнодолья, бесстрашном воине, имелось немало достоинств. По крайней мере, так счи-

тал Его Светлость. Но самое главное, главное в сложившейся ситуации, — Блейтиан нравился женщинам.

Не желая ходить вокруг да около, князь сказал:

— Мне нужно, чтобы ты сблизился с одной из алиан. Эсселин Сольвер, княжной Лунной долины, старшей дочерью князя Ритерха. Она должна увлечься тобой. Не влюбиться, конечно же. Так, лишь на время потерять голову. Чтобы об этом узнали все в Ледяном Логе.

Ни один мускул не дрогнул на лице воина. Если он и удивился необычной просьбе правителя, то виду не подал.

Вновь поклонился и обронил без тени эмоций:

— Будет сделано, Ваша Светлость.

Когда за начальником княжеской стражи захлопнулась дверь, Игрэйт приблизился к окну. Толкнув мозаичные створки, устремил мрачный, тяжёлый взгляд на ворота, ожидая появление кареты.

Им уже давно следовало вернуться! Герхильду и его невесте.

Князь попытался притушить внезапную вспышку гнева, напомнив себе, что очень скоро невеста эта станет бывшей. Скальде — гордец, каких поискать. Как только Фьярра окажется опороченной, Ледяной, не раздумывая, выставит её из замка.

Даже не станет разбираться.

И тогда уже — Его Светлость, предвкушая скорую победу, усмехнулся — алиане ничего не останется, как принять покровительство огненного мага.

Единственное, о чём я мечтала после богатого на события и переживания дня, — это доплестись до собственной спальни, стащить с себя одежду, всучить Мабли украшения и, утонув в мягкой перине, начать считать барашков. Впрочем, в последнем не было необходимости. Судя по количеству зевков, что по пути в замок пытались выскочить из моего рта, я на первом же баране и усну.

Раздеваться начала ещё в коридоре, сразу после прощального реверанса Его Великолепию. Надеюсь, Скальде не имеет вредной привычки оглядываться. А если всё-таки имеет, тогда, боюсь, я порадовала его ещё и бесплатным стриптизом в своём исполнении. Хотя, конечно, мне далеко до непревзойдённой Шарлиз Терон, на ходу сексапильно обнажившейся в рекламе всемирно известного парфюма. Я совсем не сексапильно запуталась в накидке. Ругаясь сквозь зубы, долго скакала на одной ноге, пытаясь стянуть с другой сапог, будто сросшийся со стопой. С горем пополам доскакала-таки до своей комнаты и ввалилась в неё на радость Мабли, волоча за собой по полу накидку.

— Ваша Утончённость! Ну наконец-то вернулись! Я уже начала волноваться!

— Ты всегда волнуешься. — Больше не сдерживая себя, широко и громко зевнула. — Всё, я спать.

— Но…

— Вопросы завтра.

— Как скажете, — покорно согласилась девушка и помогла мне переодеться.

Даже если бы я вдруг загорелась желанием посплетничать, не сумела бы поделиться с нею своими впечатлениями о минувшем вечере. Язык не слушался, глаза слипались. Видя, что нахожусь в недееспособном состоянии, Мабли откинула одеяло, взбила подушки и, дождавшись, когда я бревном рухну на кровать, погасила свечи.

— Спите, Ваша Лучезарность. Отдыхайте. Пусть Претёмная Праматерь оберегает ваш безмятежный сон.

Уснула я сразу, стоило голове коснуться подушки. А наутро готова была предъявить местной властительнице целый список претензий. Морфей из неё вышел никудышный.

Всю ночь, всю тагрову ночь я металась в постели, не способная вырваться из пле-

на жуткого сна. Главную роль в котором, по традиции, исполнял Герхильд.

И я.

Свечкой плавившаяся в его руках на смятых, сбитых простынях. Дугой выгибавшаяся от каждого бесстыдного прикосновения. От жадных поцелуев, клеймом обжигавших мне кожу. Как в бреду снова и снова повторяла его имя. Сначала шёпотом, сбивающимся до хрипа, потом — выкрикивая, выталкивая из себя вместе со стонами всё нарастающего удовольствия.

Жаркими волнами накрывающего нас обоих.

Одурманенная ласками, захмелевшая от поцелуев, от наслаждения, что дарило мне каждое его движение, не сразу почувствовала, не сразу поняла, как пламя, охватившее наши тела, превратилось в такой же обжигающий холод.

Я замерзала в его объятиях, покрываясь ледяной коркой. От кончиков пальцев, вдруг больно заколовших, до самой макушки. Ядовитыми змеями холод полз по обнажённой коже, оплетая меня, проникая всё глубже. Инеем оседая на губах, ещё совсем недавно пылавших от поцелуев. Сковывая мне сердце.

Превращая меня в статую изо льда…

— Мамочки! — Я села на постели. Взгляд скользнул на грудь, часто вздымавшуюся под кружевом сорочки, переместился на мелко дрожащие руки. Несмело пошевелила пальцами и облегчённо выдохнула.

В спальне было прохладно: камины давно погасли. Но всё же не настолько холодно, чтобы стать ледяным экспонатом.

— Ваша Лучезарность, — в проёме приоткрывшейся двери показалось сияющее улыбкой лицо служанки в привычном обрамлении из белоснежного крахмального чепца, — хорошо, что уже проснулись. Я вам завтрак принесла.

— Привет, Мабли, — с трудом заставила себя подняться.

Босая пересекла комнату и рухнула в кресло возле камина, в котором служанка, не успев войти, старательно поворошила кочергой угли. После чего подбросила в огонь пару поленьев, а я поджала под себя ноги, пытаясь согреть заледеневшие ступни, и потянулась к кружке парного молока. С наслаждением отпила немного, отправив в рот подрумяненное пирожное. Тоже ещё тёплое. За ним последовало другое, после чего я принялась грызть медовый пряник, рассеянно наблюдая за девушкой, занявшейся растопкой второго камина.

— Мабли, всё забываю спросить, а зачем вообще нужны отборы? Разве недостаточно обряда сочетаемости? Сходил в храм, проверил, светится ли твоя избранница, словно переевшая фосфора, и там же, не теряя времени, обвенчался.

— Всё не так просто, — поднимаясь с колен, покачала головой девушка.

— У вас хоть что-то бывает просто?

Мабли отряхнула юбку и засеменила к сундуку чёрного дерева. Откинув тяжёлую, исчерченную бронзовыми полосами крышку, с головой нырнула в гигантский кофр, подбирая мне платье на день грядущий.

— Тальден и алиана могут подходить друг другу в магическом плане, но при этом быть совершенно разными, как день и ночь. Далёкими друг от друга, как земля и небо. Не чувствовать друг друга, как…

— Я поняла, — прервала очередное лирическое сравнение и вернула девушку в интересующее меня русло. — То есть, получается, отбор нужен, чтобы свести риск отторжения силы к минимуму. А если это всё же произойдёт? Что тогда? В случае с Герхильдами всё ясно. Бедная ари попросту превращается в лёд. — Перед глазами встала картина ночного безумства, которую я поспешила спрятать в шкатулке своих не самых приятных воспоминаний. Этаком ящике Пандоры. Сглотнув осевший в горле комок, проговорила: — Если, допустим, алиана переспит с нормальным тальденом — и не красней так(!), давай называть вещи своими именами, — и сила мужа к ней всё

равно не прицепится, дракону ведь по логике придётся искать себе новую жену, так? Для передачи потомкам своего бесценного наследия. А что станет с женой забракованной?

Остановив выбор на платье из пурпурного шёлка с серебряной отделкой и рукавами-метёлками, Мабли тяжело вздохнула, явно не получая от этого разговора никакого удовольствия.

— Она становится элири — отверженной.

Алианы, ари, элири — столько названий для несчастных юных дев, характеризующих разную степень их «несчастности».

— И?

Очередной вздох и тихие слова, которые Мабли с усилием вытолкала из себя:

— А дальше уже всё зависит от супруга элири. Она может либо вернуться в родительский дом, если он её отпустит, и, возможно даже, в будущем снова выйти замуж. Не за тальдена, конечно, а за…

— Того, кто согласится взять в жёны бракованную, лишённую невинности алиану. Полагаю, шансы обзавестись семьёй у такой девушки невелики. С вашими-то допотопными взглядами.

— Либо останется при супруге в качестве… — Мабли замялась, густо покраснев, и рванула к кровати, лишь бы на меня не смотреть.

— Рабыни, — догадалась я.

Усмехнулась горько. Взгляд остановился на последнем выжившем пирожном, которое тут же исчезло у меня во рту: лишняя глюкоза сейчас не помешает.

Даже не знаю, что хуже: превратиться в лёд или в бесправное дополнение к не в меру одарённому мужику, которому то ли ты не подошла, то ли он тебе не подошёл.

А в итоге при любом раскладе страдает алиана.

Нда. Как говаривала Алиса: всё чудесатее и чудесатее…

— Эссель Блодейна, она ведь тоже… — вдруг ни с того ни с сего разоткровенничалась Мабли, перестав встряхивать одеяло.

Я чуть не подавилась воздушной сдобой и едва не выплюнула ту обратно вместе с восклицанием:

— Блодейна — алиана?!

— Была. Вышла замуж за герцога из соседнего королевства, а после брачной ночи выяснилось, что силу мужа она не приняла. К счастью, тальден отпустил её, не стал удерживать. Хотя у них в Рассветном королевстве это в порядке вещей: превращать несостоявшихся жён в рабынь, — скривилась сплетница, словно кусок протухшего мяса проглотила. Гордо задрав подбородок, заявила: — Это у нас здесь редко какая элири становится наложницей. Наши маги благородны.

— Да уж, святоши.

— Эссель Блодейна так и не вышла замуж повторно. Поступила в услужение к князю Ритерху и воспитывала его дочерей после смерти княгини. Своих детей у эссель не было, их заменили Фьярра и её сёстры. Теперь понимаете, почему она так тревожится за эсселин Сольвер.

— Ну и дела, — протянула я, переваривая откровения служанки. — Блодейна участвовала в отборе, — хмыкнула. — Сложно представить её кроткой ланью, преданно заглядывающей в глаза жениху.

Может, потому и превратилась в такую стерву. Не сложилась собственная личная жизнь, вот и портит жизни другим. Так сказать, чтобы взять моральный реванш.

Я закусила губу, гадая, спрашивать или не спрашивать. Болтать Мабли любила и явно считала себя непревзойдённой рассказчицей. Похоже, мне-таки удалось её разговорить, и сейчас у неё как раз то самое, благоприятное для задушевной беседы настроение. Как бы только не спугнуть её своим любопытством.

Ладно, была не была! Попробую — а там видно будет.

— Значит, Блодейна была алианой. А вчера ты назвала её моркантой. Это что-то означает?

К моей немалой досаде, вопрос так и остался без ответа. В комнатушке, гордо именуемой будуаром, а своими скромными размерами больше смахивающей на прихожую, раздались шаги. Судя по тому, как тяжело ступал вошедший, неожиданным гостем был мужчина.

Напряжённый взгляд служанки скользнул по мне, развалившейся в кресле в одной полупрозрачной сорочке.

— Не выходите, — рванула Мабли к двери, растерянно бормоча: — Кто бы это мог быть? Так рано.

Вернулась спустя пару минут. Лицо бледное с пятнами румянца, словно свеклой всё утро щёки натирала. Виски блестят от испарины. В глазах тоже что-то искрится. Не то напуганная, не то растерянная. А скорее, всё вместе.

— Там… там Его Великолепие. Хочет вас.

— Ничем не могу помочь.

Вот зачем спрашивается притащился, когда у нас с Мабли завязался такой многообещающий разговор!

— Я не то имела в виду, — ещё больше покраснела скромница, поняв двусмысленность обронённой ею фразы. — Наследник желает с вами говорить. Скорее! Мне нужно вас одеть. Его Великолепие не любит ждать.

Я тоже много чего не люблю. Например, непрошенных гостей. Особенно тех, с которыми… хм, тесно общалась ночь напролёт. А теперь сгораю со стыда и ругаю себя последними словами. И видеть его после такого-то сна меня совершенно не тянет!

Но не выставлять же его вельможество за дверь. Поскрипев от досады зубами, принялась собираться.

Тальден пытался понять, что на него нашло. Что спровоцировало этот приступ никому не нужного благородства. Снять чары с алианы, острее всех откликающейся на его силу? Собственными руками разорвать ту незримую нить чувств, пусть и навеянных магией, что связывала его с девушкой. Возможно, с единственным шансом на спасение. Для него и для всего императорского рода.

Если на нём род Герхильдов прервётся, трон унаследует Игрэйт. И тогда этим землям, народу Сумеречной империи останется только посочувствовать.

Скальде рассеянно скользил взглядом по склонявшимся в поклонах слугам, приступавшим к работе ещё затемно. Кивал на приветствия редких придворных, сонно, точно сомнамбулы, слонявшихся по просыпающемуся замку. Невольно ускоряя шаг, будто влекомый неведомой силой, шёл по коридору, в котором вчера закончилось самое необычное свидание с самой необычной невестой.

Странная девочка. Занятная. Порой смешная. Непонятная.

Загадка.

В первую встречу, в Лунной долине, эсселин Сольвер не вызвала у него ничего, кроме жалости. Во вторую, когда заключалась помолвка, он испытал по отношению к ней то же самое. Разве что к состраданию прибавилось ещё и раздражение. Тальден не понимал, зачем силой заставлять дочь обручаться с человеком, которого она так боится. До дрожи в коленях, до сбивчивого, невнятного шёпота, больше похожего на блеянье приговорённой к закланию овечки. До слёз, что стояли в широко распахнутых от страха глазах во время священного ритуала — проверки на сочетаемость. Когда он держал в своей руке её дрожащую, холодную ладонь, а она кусала губы, из последних сил сдерживая рыдания.

Наследник был зол на Фьярру за это проявление слабости, за трусость — самое постыдное чувство. Зол на себя, ведь это из-за него она страдала. Зол на её отца, поже-

лавшего рискнуть жизнью собственного ребёнка в надежде породниться с императорским родом.

Скальде даже подумывал отказаться от невесты. Но чтобы не оскорбить чувства князя Ритерха, сдержался, решив для себя, что Фьярра, каким бы ярким ни был обручальный узор — свидетельство их сочетаемости, одной из первых покинет Ледяной Лог. Пусть не после испытания на невинность, но после следующих проверок точно.

И вот должен был состояться второй этап отбора, а он уже был не уверен, готов ли её отпустить.

Жалеть юную княжну больше не получалось. Ну не вызывала она жалости! Интерес — да. Иногда раздражение. За то, что так любила дерзить. Без страха смотрела ему в глаза, каждым взглядом бросая вызов. Не смущалась говорить искренне, прямо. Хоть свободомыслие не приветствовалось и не поощрялось. И было не свойственно алианам, да и вообще девушкам её возраста.

Было в ней что-то неправильное, нелогичное и вместе с тем интригующе-притягательное. Что-то, что лишало его привычного равнодушия. Покоя. Заставляло думать о дерзкой невесте, вместо того чтобы сосредоточиться на других алианах, искренне желавших его внимания.

На Керис, Хелет и Рианнон. Майлоне в конце концов. Последние дни Его Великолепие честно пытался ими увлечься. Хотя бы одной из них. Заставить себя почувствовать хоть что-то. Ведь у этих девушек обручальный узор тоже проявился достаточно ярко.

Подавали также надежды Гленда и Ариэлла.

Все они могли похвастаться идеальным воспитанием, манерами, красотой. А главное — выгодно отличались от Фьярры послушанием.

И, в отличие от эсселин Сольвер — этой маленькой бунтарки с мятежным взглядом и такими соблазнительными сочными губами, которые за вчерашний вечер в мыслях он не раз успел попробовать на вкус, — другие алианы не мечтали вернуться к безымянному возлюбленному.

Какому-то сопливому мальчишке, которого эта вертихвостка и не думала забывать. И как могла боролась с привязкой. Столь ей отвратительной.

А значит, он поступает правильно, отпуская её.

Сейчас освободит от чар, а после останется только наблюдать, как Фьярра провалит одно из испытаний. С её нежеланием выходить замуж это наступит скоро.

Дождавшись, когда эсселин Сольвер соберётся и соизволит его принять, тальден переступил порог спальни. Чтобы встретиться с алианой взглядом. И понять…

Что ему не хочется её отпускать.

Глава 20

Молчание затянулось, превратившись в долгие секунды ожидания, которые напряжённо отсчитывало моё бедное сердечко. Я чувствовала взгляд тальдена: холодный, как все айсберги Арктики, и вместе с тем обжигающий. Плавящий меня, словно сосульку, непонятно каким образом очутившуюся в знойной пустыне. Хотя из нас двоих сосулькой был Герхильд, а я, скорее, становилась искрой бенгальского огня.

В его присутствии, под его взглядом.

Машинально поправила рукав платья, всё норовивший сползти с плеча. Зачем-то пригладила волосы, после сна напоминавшие развороченное птичье гнездо, которое нам с Мабли за несколько несчастных минут так и не удалось превратить в послушную шелковистую волну. Огляделась украдкой. Наверное, искала служанку, которой уже давно и след простыл, а на самом деле просто старательно избегала встречаться с незваным гостем взглядом.

Лучше мёрзнуть в остывшей за ночь комнате, нежели снова сгорать в невидимом пламени, что охватывало меня всякий раз, стоило оказаться в плену его глаз.

— Ваше Великолепие. — Вспомнив, как следует приветствовать это ледяное искушение, опустилась в уже ставшем привычным реверансе.

Начинаю привыкать к здешним порядкам?

Вот гадство.

— Чем обязана такой чести? — исподлобья взглянула на мага. Вся внутренне напряглась, когда он двинулся ко мне.

Легко коснулся рукава моего платья, разрешая этим жестом подняться. На какой-то миг наши пальцы соприкоснулись, и магическая вязь на кистях, будто только того и ждала, снова замерцала.

Напоминая, что нахожусь я в теле-клетке, идеально подходящем этому мужчине. И что тело это — подлый предатель — ни в какую не желает сговариваться с моим разумом.

— Я хотел…

— Да, Мабли что-то об этом рассказывала…

И снова тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в каминах. Моим дыханием, мне самой кажущимся оглушительным.

Интересно, долго ещё на ковёр придётся пялиться, разглядывая синие, бордовые и приглушённо-жёлтые завитки тканого узора? Пока Его Великолепие соизволит выродить своё желание. Надеюсь, что они у нас всё-таки разные. И его — достаточное приличное. Никак не связанное с провокационными картинами, всю ночь терзавшими моё сознание.

Оттого и смотреть на него не получается. Устав таращиться в пол, устремила взгляд на плечо тальдена, подумав отстранённо, что все придворные как придворные — в камзолы яркие обряжаются. А этот то в чёрном, то в сером. Сейчас вот в тёмно-коричневом, едва тронутом золотым шитьём. Из мягкого бархата, под которым прячется шёлк сорочки. А под ней…

Ууу, дурацкий Герхильд! И зачем только пришёл!

Словно прочитав мои мысли, тальден всё-таки закончил начатую им чёрт знает когда фразу:

— …вернуть вам булавку.

— Булавку? — даже не сразу поняла, о чём это он. Успела позабыть о вчерашнем подарке, поглощённая вчерашне-сегодняшним сном.

Пересилив себя, посмотрела на мага, рискуя потеряться в серебристой вьюге его глаз, и спросила с нервной улыбкой:

— А зачем забирали?

По губам тальдена тоже что-то скользнуло. Ещё не улыбка, но что-то очень на неё похожее.

Похвально, эволюционируем.

— Чтобы избавить вас от привязки. Вы же об этом мечтали.

— Эмм… я-а-а-а… — звуки никак не желали складываться во внятные слова, а мысли, шустрыми змейками закопошившиеся в голове, — обретать чёткость.

Вздрогнула, когда он взял меня за руку, мимолётным движением большого пальца огладив запястье.

— Будет немного неприятно. — Перевернув кверху ладонь в ореоле серебристого сияния, Скальде уколол мне мизинец булавкой, обмакнув самый кончик иглы в алой капле, проступившей на подушечке пальца. — Больно?

— Терпимо. — Отправила мизинец в рот, когда тальден перестал удерживать меня за руку.

Но отстраняться не спешил, продолжая испытывать на прочность мою выдержку и мои нервы. Самолично украсил невесту брошью, закрепив подарок на ажурной тесьме, обрамлявшей вырез платья. Вроде бы и скромный, но сейчас вдруг показавшийся мне до неприличия откровенным. Не скрывающим, а наоборот, подчёркивающим всё то, что благовоспитанным девицам, вроде Фьярры, надлежало целомудренно прятать.

— А кровь зачем нужна? — кашлянула, стараясь избавиться от предательской хрипоты в голосе.

— Чтобы настроить артефакт на вас. В любых других руках — это просто обычная безделушка. Для вас же, эсселин Сольвер, — лекарство от столь ненавистного вам «недуга».

Я вспомнила, как дышать, когда пальцы наследника соскользнули с узорчатого обрамления платья. Мерцание на коже тут же померкло.

Отодвинулась на шаг, чтобы увеличить разделявшее нас расстояние, и спросила, всё ещё не веря вдруг привалившему счастью:

— И как скоро начнёт действовать?

— В течение нескольких часов. Голова может немного кружиться и болеть. Старайтесь сегодня быть на свежем воздухе, хоть погода и не располагает к долгим прогулкам. Но в саду вам будет лучше.

— И что… я больше не буду, — запнулась, подбирая слова, — с ума сходить?

— Если ваши чувства — результат привязки, то не будете, — иронично ответствовали мне.

Понятное дело, привязки. Даже в этом не сомневаюсь. И он пусть не сомневается! А то ишь как самодовольно ухмыляется.

Скальде прошёлся по комнате, обводя её рассеянным взглядом. То ли понял, что со мной творится из-за его близости и намеренно увеличил расстояние между нами, то ли дракону, которого теперь язык не поворачивался назвать драконским, после такого-то презента(!), было любопытно, в каких условиях проживает одна из его избранниц.

— Подавлять чары артефакт сможет, только когда будет при вас, — обернувшись, продолжил инструктаж. — Носите его, не снимая. Чтобы лишний раз не мучиться головной болью. Ну и, конечно же, не рассказывайте другим алианам. Иначе старейшины могут забрать булавку.

— Никому не скажу! — воскликнула порывисто. — И ни за что, ни за что с ней не расстанусь!

Даже ночью. Разве что только купаясь, буду снимать ненадолго, чтобы ненароком не потерять свой талисман. Буду с ним неразлучна, лишь бы во сне больше не му-

читься и снова чувствовать себя собой.

Скальде чему-то усмехнулся. Не то задумчиво, не то грустно. Кивнув на прощание, стремительно направился к выходу. То ли куда-то торопился, то ли не желал убивать на общение со мной ни единой лишней секунды.

— Ваше Великолепие, с чего такая поблажка? — спросила, не сдержавшись.

Неужто пожалел? А может, просто решил поставить на мне крест? Сам ведь говорил, что я для него — бракованный товар.

Второе предположение неприятно задело.

Уф! Когда же уже рассеется эта привязка?!

— Вы похожи на зверька, чахнущего в клетке. А я рядом с вами чувствую себя живодёром.

Может, я всё ещё сплю или брежу? Кто бы мог подумать, что Его ледяное Великолепие умеет чувствовать и испытывать угрызения совести.

— Остальные алианы спокойно реагируют на чары. Им эту мысль — быть привязанными к жениху — внушали в детства. Но вы и здесь сумели выделиться, эсселин Сольвер. Видимо, князь Ритерх и правда не занимался вашим воспитанием. — Приняв отстранённо-невозмутимый вид, Скальде мазнул по мне взглядом. Как будто осколком льда, к счастью, тупой его стороной, по щеке провёл. — Теперь, Фьярра, у вас больше нет поводов страдать.

— А у вас? Выглядите… хм, подавленным, — вырвалось помимо воли.

Ещё немного и решу, что намеренно пытаюсь его удержать.

— Очередное свидание, — уныло пояснил Герхильд.

— А, тогда понятно. И… с кем же?

Вот что это со мной? Мне вообще должно быть параллельно, где и с кем он проводит время. С алианой какой или с этой своей выпендрёжницей-фавориткой.

Рыжей, бесстыжей стервой.

— С эсселин Фройлин.

С Майлоной, значит. Выдохнула облегчённо, почувствовав, как тело расслабляется, а душа — радуется. Чему — непонятно. Наверное, избавлению от привязки.

Да, точно этому.

Скоро, уже скоро я стану собой! Помучаюсь мигренью пару-тройку часов и буду как новенькая. Точно заново рождённая.

— Не забывайте, эсселин Сольвер, отдых и свежий воздух.

— Спасибо, — поблагодарила Его щедрое Великолепие, опускаясь в реверансе и смиренно опуская взгляд — награда тальдену за моё «освобождение».

А когда выпрямилась, о визите Герхильда напоминали лишь булавка и пламя румянца на щеках.

И пяти минут не прошло после ухода Ледяного, как в спальне нарисовалась Мабли, полная решимости вытрясти из меня мельчайшие подробности нашего с драконом разговора. Адреса, пароли, явки. То ли для Блодейны старалась, то ли просто грызло любопытство.

Прилипла, что жвачка к тракторной подошве — не отодрать. И, пока заплетала мне волосы в тугие косы, ловко вплетая в них фиалкового цвета ленты, не переставала канючить и капать на нервы.

Кап-кап, кап-кап.

— Может, тебе дословно воспроизвести каждую реплику и, чтобы в лицах?

— Ой, было бы здорово! — радостно захлопала тыльной стороной щётки по ладони наивная.

— Губу закатай, — спустила её с небес на землю.

Из того, что служанка ужом вокруг меня вилась, пытаясь приподнять завесу будоражащей её воображение тайны, я сделала приятный для себя вывод: Мабли не под-

слушивала. А значит, ни сном ни духом не ведает об отмене привязки.

Я, понятное дело, исповедоваться ей не собиралась. Но про булавку рассказала, с безразличным видом заявив, что эта безделушка с ярмарки — подарок тальдена, который он забыл мне вчера вручить. Вот и явился с утра пораньше, чтобы исправить упущение.

— О, вы непременно должны носить её, не снимая! Хотя бы первые дни. Чтобы не обидеть наследника. — Глаза девушки азартно сверкнули, а в голосе отчётливо зазвучали нотки превосходства, будто это она назло всем невестам уединялась в спальне с Герхильдом. — Другие алианы, если узнают, с ума сойдут от зависти!

— Другие не узнают, — жёстко парировала я, в упор глядя на Мабли, отражавшуюся в зеркале, оправленном в золото и разноцветную эмаль. — Незачем разжигать в них зависть. Хочешь, чтобы за мной следили с утра до вечера и запоминали каждую мою ошибку? Или того хуже — какую-нибудь подлянку устроили. Вроде слабительного в чай или испорченного крема для тела, после которого вся кожа покроется прыщами или бородавками. Что тогда будем делать?

Не уверена, что Мабли поняла каждое моё слово, но речью в целом прониклась и впечатлилась.

Присела в быстром реверансе и, пристыженно потупив взгляд, проговорила:

— Простите, Ваша Утончённость. Вы, конечно же, правы. Всё так! Обещаю, что буду молчать.

— Вот и хорошо. А теперь снова завтракать!

Из-за всех этих эмоциональных американских горок у меня разыгрался ну прямо-таки драконский аппетит. Несчастный пряник и пару пирожных мой желудок уже успел давно переварить и теперь требовал продолжения банкета.

Собрав с кушетки, что стояла в изножье кровати, подарки для сестёр по несчастью, отправилась в Карминовую столовую навстречу головокружительным ароматам.

Настроение было… странным. Я вроде и радовалась за себя и одновременно тревожилась из-за снятия привязки. Не верила, ведь, по обычаю, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Неужели такой благородный? Ради невесты, которая ему и даром не нужна (его же были слова) решил попрать вековые традиции?

Что-то тут нечисто. Или это у меня уже разыгрывается паранойя. Боязнь, что мне снова коварно подставят подножку.

Эх, Герхильд, когда же я уже наконец перестану о тебе думать и вернусь мыслями к мужу! Счастливо женатому… на другой. И плевать, что тело моё. Меня-то с ним нет. Я здесь! Угрызениями совести, между прочим, мучаюсь. В перерывах между порнокошмарами. А Лёшка небось наслаждается медовым месяцем.

Тьфу ты! Нет, прости, милый, но о тебе я пока что думать не буду. Иначе у меня голова треснет, как переспевшая тыква. И сердце тоже всё покроется шрамами-трещинами.

От ревности.

В столовую входила под гробовое молчание и скрестившиеся на мне, точно острые клинки шпаг, взгляды.

— А я к вам с подарками, — улыбнулась заискивающе, надеясь, что удастся отвлечь алиан портретами.

Куда там. Обступили меня, точно церберы: Керис, Майлона, Рианнон, Бриаллен и Хелет, и давай гавкать.

— И где это ты вчера с ним пропадала? — пошла в наступление первая невеста — негласный лидер шайки Герхильдовых фанаток.

— Его Великолепие с утра к тебе заходил? Зачем? — а это уже тявкала эсселин

Фройлин.

Нет, в этом замке тайны долго не живут.

— Мужчина — и в спальне незамужней девицы! Фьярра, зачем ты его впустила?! — сливаясь цветом лица со своим жемчужным нарядом, пристыдила меня Хелет.

— Не твоё дело, не твоё дело и тоже не твоё дело, — ответила каждой по очереди и, распихав дознавательниц локтями, ринулась к столу, за которым преспокойно завтракали Гленда и Ариэлла. Тем было без разницы, чем мы вчера со Скальде занимались, и что он забыл у меня в спальне. — Ну так что, картинки разбирать будем? Или пустим на растопку каминов? А ты, Майлона, вообще, лучше бы к свиданию готовилась, чем на меня фыркала.

— Что, я сегодня? — едва не задохнулась от восторга девушка.

Кажется, я опередила эссель Тьюлин и испортила алиане сюрприз. Впрочем, Майлона по этому поводу ничуть не расстроилась. Наоборот, окрылённая приятной для неё новостью, помчалась к себе наводить красоту и упаковываться в нарядное платье.

— Откуда узнала? — проворчала Керис, продолжая, точно лазером, прожигать меня взглядом.

Знаю, следовало сдержаться, проглотить остроту, но я поддалась искушению и брякнула:

— Его Великолепие нашептал. Вам косточки перемывал в перерывах между признаньями в любви.

Алиана побагровела, заскрипела зубами. Даже кулаки зачем-то сжала, хоть драться с ней я точно не собиралась.

Тем более из-за Герхильда. Много чести.

Всучив Керис свёрнутый трубочкой рисунок с её физиономией, поспешила ретироваться в другой конец залы. Пока алиану не рвануло, и меня не заляпало ядовитой желчью. Отвернувшись от исходящей злобой и ревностью девицы, принялась раздавать портреты остальным невестам.

— Выдаёшь желаемое за действительное? — не унималась задира. — Да он тебя в упор не замечает! На насекомое — и то больше внимание обращают. Ты не нужна ему, слышишь? Не. Ну. Жна!

— Говорят, мысли материальны. Почаще повторяй про себя эту мантру — авось не останешься за бортом.

Как же она меня порой выводит.

Вместо того чтобы снова что-то ответить, непременно язвительное и едкое, алиана недоумённо захлопала ресницами.

Всё время забываю, что они меня не понимают.

Я лишь махнула рукой, мол, чёрт с тобой. Делать мне больше нечего, как участвовать в глупых склоках. Благо эссель Тьюлин прервала затеянное Керис выяснение отношений. Проинформировав, что завтра нас снова будут испытывать, только не уточнив, где и как, сваха важно удалилась. Наверное, отправилась инструктировать Майлону. А я, сделав пару глотков горячего травяного отвара, поспешила убраться из столовой от греха подальше.

Разболелась голова. То ли из-за стычки с Керис, то ли обещанная Его Великолепием мигрень пришла. Заскочив к себе за перчатками и накидкой, порадовалась, что Мабли не крутится рядом, и помчалась в библиотеку за книгой по классификации магов, которую вчера так и не просмотрела. После чего, следуя совету Герхильда, отправилась в парк.

Попробую почитать. Если станет холодно, пройдусь немного. Ближе познакомлюсь с ледяными ари. С одной стороны, было боязно и даже жутко бродить среди ста-

туй, некогда являвшихся живыми людьми. С другой — хотелось увидеть каждую. Понять, сколько их, жертв губительной силы Герхильдов.

Тропинка, серебристой лентой стелившаяся меж деревьев и обнажённых кустарников, припыленных снегом, привела меня к беседке с ажурным, будто кружевным, куполом. Сметя со скамейки снежную крошку, раскрыла книгу на первой странице, предвкушая спокойные минуты наедине с собой и магами Адальфивы.

Так, что тут у нас? Меня интересовали исключительно морканты. Надеюсь, чтобы понять, что из себя представляет Блодейна, не придётся перелопачивать всю библиотеку.

Жизни не хватит все хранящиеся в ней книги перечитать.

Голова снова закружилась. Я зажмурилась, надеясь, что, когда открою глаза, дымка перед глазами рассеется. Глубоко вдохнув морозный, щиплющий кожу и обжигающий лёгкие воздух, медленно разомкнула веки. Взгляд упёрся в чёрные мужские сапоги до колен, обхватывавшие широкие икры. Двинулась дальше, медленно поднимаясь по складкам плаща. Задержалась на руке в перчатке — сильные пальцы, будто лаская, скользили по крашеному дереву перил. Дыхание резко перехватило. От волнения, дрожью прокатившегося по телу.

Я сидела, не в силах пошевелиться. Только и сумела, что приподнять голову, вскинуть взгляд и услышать:

— Эсселин Сольвер. — Голос звучал, обволакивая мягчайшим бархатом. Согревая теплом, будоража лёгкой хрипотцой. У Лёши её не было, но…

На какой-то миг почудилось, что это действительно он. Пусть немного другой, но всё равно… мой. Родной.

Стражник Игрэйта поднялся по ступеням в беседку. Поклонился, беря меня за руку. Губами касаясь самых кончиков пальцев. Обжигая.

— Кажется, я ещё не имел удовольствия быть вам представленным. Герцог Блейтиан Крейн. Или просто мужчина, ослеплённый и покорённый вашей красотой.

Меня бросило в жар. От комплимента, который не ожидала услышать. Да ещё и получить его от человека, от которого следовало держаться подальше. Дабы лишний раз себя не искушать.

И тем не менее, несмотря на все доводы рассудка, я стремилась получше узнать Блейтиана Крейна. Все эти дни задавалась вопросом: какой он? Есть ли в нём что-то от моего Лёши. Кроме тёмных карих, точно горький шоколад, глаз и длинных, на зависть всем девицам, ресниц. Широких скул, идеально-прямого, даже без намёка на горбинку носа. Русых волос. Которые Крейн носил, как и Скальде, собранными в хвост. У Лёшки же они короткие, жёсткие и непослушные. После сна часто смешно топорщатся ёжиком.

Интересно, Фьярра их тоже приглаживает за завтраком ладонью? Как я, пока пьёт кофе. Готовит ли ему тосты с яичницей — его любимые. Или теперь в семье Воронцовых-Королёвых произошла рокировка, и на кухне заправляет Лёша? Завтраки нашей принцессе-неженке в постель таскает.

В постель… Гр-р-р…

Не сразу прорезался голос. А когда ко мне всё же вернулся дар речи, и я собиралась выдать что-нибудь эдакое, остроумное, Блейтиан меня опередил.

— Не хотел вас смутить. Просто увидел одну и решил воспользоваться возможностью, представиться. Но если я вам помешал, больше не буду докучать и пойду знакомиться с парком дальше.

Следовало его отпустить. Пожелать приятной прогулки, перекрыть себе поток мыслей о муже и его двойнике и сосредоточиться на единственно сейчас важном — на книге. Но вместо этого я как ужаленная подскочила с лавки и сбежала по ступеням следом за Крейном.

— Не против компании?

— Почту за честь, — расшаркался герцог.

Какие же они все тут галантные.

— Что читаете? — снова заполнил неловкую паузу Блейтиан.

Мы шли рядом, плечом к плечу, потому что на узкой тропке было не разгуляться. Оставляя на выпавшем за ночь снегу следы, которые постепенно терялись под белоснежной, струившейся с небес пылью. Было туманно и сыро. В воздухе водили хороводы снежинки, так и норовя прилипнуть к ресницам, слезами таяли на щеках и выбеливали мою накидку.

— О магах Адальфивы. Ничего такого.

— Необычное для юной девушки чтиво, — вскинул брови герцог.

— Не всё же любовными романами зачитываться, — послала ему улыбку.

— Разрешите взглянуть? — протянул руку. Пролистав книгу, поспешил её захлопнуть, пока страницы не намокли, запорошённые липким снегом. — Любите историю?

— Считаю, что знания лишними не бывают. Полезны как для саморазвития, так и для самопознания. Тем более что времени свободного у меня навалом. — Мысленно отругав себя за неумение вести светские беседы, поправилась: — Я хотела сказать, много. Очень много. А здесь, в Ледяном Логе, такая богатая библиотека.

— Тогда вам должны понравиться «Древние: Ледяные и Огненные» и «Забытые легенды Адальфивы». Оба труда написаны Ферселом Торном. Очень советую.

— Обязательно почитаю. Спасибо.

Первое название показалось знакомым, кажется, эта книга уже попадалась мне на глаза. Сделала себе пометку в памяти: обязательно познакомиться с обоими манускриптами.

Блейтиан вернул мне книгу и замедлил шаг: мы приближались к одной из заледеневших правительниц.

— Правда, они жуткие, — сказал хрипло, внимательно оглядывая раскинувшую руки, точно в полёте крылья, ледяную царицу.

— Я бы назвала их жутко-прекрасными. Ведь действительно красивые. Но как вспомню, что когда-то были живыми…

Мой собеседник, на которого я боялась смотреть и вместе с тем украдкой, помимо воли, всё поглядывала в его сторону, приблизился к статуе. Коснулся тонкой талии алианы, плавно очерчивая пальцами покатое бедро, скользя по складкам льнущего к ногам платья.

Проговорил с тихой усмешкой:

— Вы правы. Идеальная, холодная красота. — А обернувшись, пристально посмотрел мне в глаза. — Я бы не хотел, чтобы вы стали одной из них.

— Я не… — запнулась, не в силах закончить фразу.

Вокруг яростно мельтешили снежинки. Или это у меня в сознании что-то мельтешило, отчего стало казаться, что ледяная ари задвигалась.

И Блейтиан тоже пришёл в движение. В одно мгновение оказался рядом, взял меня за руки… Ан нет, уже за талию.

Обнял, жарко шепча на ухо, обжигая своим дыханием:

— Фьярра, вам плохо? Что с вами?

Ноги как будто стали ватными, пересохли губы. Безумная круговерть продолжалась. Сводила с ума и ослепляла. Смешивались краски. Лицо герцога стало размытым. Шёпот неразличимым. Прикосновения — слишком интимными.

Опасными.

Или, может, мне всё почудилось. Померещились и девушки в зелёной и алой юбках, яркими колоколами выглядывавших из-под отороченных мехом накидок. Это

ведь Керис сегодня в кровавом наряде щеголяла… А «зелёной» была Бриаллен.

— Пожалуйста, отпустите, — взмолилась, пытаясь отстраниться.

Не получилось.

Руки не слушались. Путались мысли. И алианы, мелькнувшие среди заснеженных кустов Арделии, в какой-то момент исчезли.

Оставалось надеяться, что они мне просто привиделись. Как и поцелуй Крейна, точно клеймо, докрасна раскалённое, опаливший висок.

Глава 21

— Ваше Великолепие, что прикажете делать? Велеть ей собирать вещи и уезжать? — Эссель Тьюлин задыхалась от быстрой ходьбы, тщетно пытаясь приноровиться к широкому шагу тальдена.

Высокий головной убор, пикой устремлявшийся к каменным сводам замка, покачивался на голове женщины в такт её движениям. То и дело приходилось переходить на бег, иначе бы не поспела за наследником.

Во взгляде которого властвовала тьма. Лицо же напоминало высеченную изо льда маску.

Эссель Тьюлин уже успела пожалеть о том, что рассказала о происшествии повелителю. Следовало сначала самой во всём разобраться и поговорить с девчонкой. Несмотря на то, что распорядительница отбора была зла на Фьярру, где-то в глубине души она сочувствовала алиане. И теперь боялась даже предположить, как поступит с ветреной невестой будущий император.

Ему хватило и одной предательницы.

«Не стоило мне торопиться», — ругала себя придворная дама. За спешку и за то, что имела неосмотрительность потревожить Его Великолепие во время собрания старейшин.

Подстёгиваемая злостью на Фьярру, эссель Тьюлин влетела в Зал советов и тут же почувствовала на себе ледяные взгляды магов, вмиг остудившие её пыл. Пятясь и кланяясь, надеялась удалиться, но вместо этого, будто дёргаемая за невидимые нити марионетка, приблизилась к тальдену, жестом подозвавшему её к себе. Склонившись перед повелителем, запинаясь, шёпотом рассказала о случившемся.

А Его Великолепие, выслушав… молча поднялся и вышел.

Виданое ли это дело! Прерывать собрание с первыми магами империи из-за какой-то соплячки!

Старейшины зашептались, растерянно переглядываясь. Опустившись перед недоумевающими магами в почтительном реверансе, эссель Тьюлин помчалась за правителем.

«Ох, глупая я, глупая, — мысленно причитала она. — Нужно было подождать. Не беспокоить его. Придумать, как сообщить поделикатнее».

А княжна ещё глупее! Так непростительно ошибиться. Где это видано — средь бела дня флиртовать с мужчиной! Да ещё и позволить себя поцеловать!

Немыслимо!!!

Минуя арку, соединявшую крытую галерею с округлым помещением, из которого лучами расходились несколько коридоров, ведущих в покои невест, распорядительнице отбора пришлось пригнуться, дабы не задеть энненом низкий свод.

— Ваше Великолепие, нет необходимости идти за ней. Я сама с ней поговорю. Пожалуйста, подождите!

Несмелому оклику всё же удалось проникнуть в сознание мага. Поняв, что за ним по пятам следует придворная сводница, Скальде остановился и, развернувшись, глухо повелел:

— Оставайтесь здесь. А лучше — идите займитесь чем-нибудь полезным.

— Но Ваше Великолепие, — побелела женщина, становясь похожей на привидение. — Вам нельзя к ней! Ни в коем случае нельзя. Только прикажите, и её приведут к вам. Но чтобы вот так, в спальню к незамужней девушке…

— Будьте здесь, — оставив без внимания причитания свахи, безразлично бросил Герхильд.

Тихий, едва различимый приказ был отдан с таким видом и таким тоном, что эссель Тьюлин как будто примёрзла к полу. И рада была бы сдвинуться с места, чтобы

последовать за Ледяным в святая святых — опочивальню невинной девы, да только никак не получалось пошевелиться. Так и осталась стоять, провожая тальдена взглядом и мысленно желая дуре-невесте удачи.

— Значит, теперь их только семь, — попрощалась с пустоголовой кокеткой скорбным вздохом и сокрушённо добавила: — А ведь хорошая могла бы получиться пара.

Дверь с грохотом распахнулась, явив моему затуманенному взору Его Зверство. По-другому и не назовёшь. У маньяка, какого-нибудь потрошителя, и то поласковее взгляд будет. Сейчас в стальных глазах Герхильда очень гармонично сочетались лёд и пламя.

Интересно, что произойдёт раньше: по примеру невезучих ари я заледенею или превращусь в головёшку? Наверное, сначала второе, а потом первое.

Рассыплюсь угольками, покрытыми узорами изморози. А что, должно быть красиво.

— Выйди! — гаркнул на Мабли, битые пять минут пытавшейся сцедить мне в рот дрянь сомнительного происхождения. Якобы жаропонижающую.

Служанка ошибочно решила, что у меня поднялась температура, вот и стало дурно. Я отбрыкивалась от зелья, потому что знала: не в температуре дело. Всему виной булавка и чары, превратившие мою голову в боксёрскую грушу. Или в мячик для пинг-понга. В общем, было ощущение, что по ней кто-то бил очень долго и очень сильно. Неважно, ракеткой или кулаком.

Мабли не осмелилась возразить Его Властности, хоть было видно, что оставляет она нас наедине скрепя сердце. У меня в груди тоже что-то скрипело, и весьма болезненно, а ладони становились влажными. От хищных, рычащих ноток, отчётливо прозвучавших в голосе мага, указавшего служанке на дверь, хотелось заползти под кровать. Ну или хотя бы под одеяло.

Накрыться им с головой и уши заткнуть.

Жаль, это не поможет избавиться от Скальде.

И тем не менее, не способная выдержать его пронизывающего взгляда (такое ощущение, что пересчитывает мне им все рёбра и им же вскрывает черепную коробку), трусливо зажмурилась.

Услышала, как захлопнулась дверь — это слиняла Мабли. Счастливица! А потом тишину разбили на осколки тяжёлые шаги Герхильда. И моё присутствие духа тоже рассыпалось жалким крошевом. Пока тальден приближался, я чувствовала, как нервы завязываются в бантики и морские узлы. Некоторые, не выдержав напряжения, лопались. От страха.

— Посмотри на меня!

Уже даже на «ты»? Плохи дела.

— Посмотри! — Грозный рык, от которого в окнах то ли почудилось, то ли и правда задрожали стёкла, а шкатулки на туалетном столике аж запрыгали.

Лицо опалили дыхание и властный шёпот:

— Фьярра, открой глаза.

Тальден был близко. Пугающе близко. Ледяные пальцы больно сжали мне подбородок, заставляя приподнять голову. Я мысленно простонала и исполнила приказ.

Чтобы тут же почувствовать себя бабочкой, трепыхающейся в предсмертной агонии, замурованной в расплавленном, стремительно застывающем олове драконьих глаз.

Она боялась его. Тряслась, будто в приступе лихорадки. А может, её действительно лихорадило… Кожа была обжигающе горячей, виски блестели от испарины. Губы, которых не смели касаться никакие другие губы — именно эта мысль занозой засела в сознании — порозовели, вызывающе припухли. То ли сама их искусала, то ли за неё это сделал Крейн.

Крейн… Тьма внутри разрасталась, ядовитыми щупальцами впиваясь в сердце.

Кто бы мог подумать, что разрыв привязки окажется для неё настолько болезненным. Вместо неприятного, но вполне терпимого головокружения сильный жар и непролитые слёзы в широко открытых глазах. Как будто девчонка, сама того не осознавая, боролась с наложенными на булавку чарами. Не разумом, чувствами цеплялась за возникшую между ними связь.

Бред. Если алиана с чем и сражалась с момента заключения помолвки, так только с ненавистной ей привязкой. Мечтала ведь сбросить с себя оковы магии. А теперь что, сама за них хватается, тем самым обрекая себя на страдания?

Как же с ней всё-таки сложно! Настоящая головоломка.

Или она трясётся из-за угрызений совести? Испугалась последствий своего безрассудства? Зверь внутри заворочался, рыкнул раздражённо, и девчонка, будто почуяв заточённого в человеческую плоть хищника, сжалась в комок. Тряхнула головой, пытаясь избавиться от неприятного ей прикосновения.

А от Крейна, говорят, не отбрыкивалась.

Схватив девушку за запястье, тальден притянул её к себе. Можно было бы и пообходительней, поласковее, если бы не охватившее обычно холодный рассудок пламя гнева. Скальде внимательно посмотрел алиане в глаза, подёрнутые пеленой слёз. Тёмный зрачок — зеркало, отражавшее его обратившееся в камень лицо — почти закрыл собой кристально-голубую радужку.

— Я не хотела… Он сам меня обнял. Честное-пречестное. Мне так плохо, — захныкала, словно маленький ребёнок.

И зачем только с ней связался? Хотел поступить благородно. К таграм благородство!

Обуздав эмоции, уже готовые прорвать ледяную броню, в которую он привык себя облачать, маг подхватил слабо упирающуюся невесту на руки. Хрупкое, горячее тело, казалось, было легче воздуха.

— Что вы делаете? — испуганно взвизгнула строптивица.

— Исправляю свою ошибку.

Зачем-то ногами задрыгала — ни минуты не может без протеста — и даже ударила его ладонью по груди.

— Пустите!

Хотя ударила — громко сказано. В младенце и то силы больше. Вспомнив, у кого находится на руках, благоразумно притихла.

Жаль, ненадолго.

— Ошибку исправляете — в смысле, собрались меня отсюда выбросить? Во двор или сначала подниметесь на самую высокую башню?

— Лучше не искушайте.

— Не буду. — Снова умолкла и принялась украдкой озираться, робко поглядывая на придворных, которым именно в этот час приспичило шляться по замку.

Перешёптывания, любопытные взгляды встречали их, назойливо липли к ним, тащились за ними следом. У некоторых в глазах читались ревность и обида: алианы тоже вышли посмотреть на бесплатное представление.

Где-то в толпе мелькнула рыжая копна Даливы. Скальде мысленно выругался, предчувствуя непростой разговор с графиней. Он нуждался в любовнице, нуждался в её теле, на время вбиравшем в себя крупицы способной свести его с ума силы. Пусть и ненадолго, но связь с д'Ольжи приносила облегчение. Оттягивала роковой момент, когда он уже будет не властен над собственным рассудком.

Если ему повезёт и он получит свою ари, Даливе придётся исчезнуть из его жизни. Вот только Скальде порой начинало казаться, что у Её Сиятельства на собственное будущее были другие планы.

Просторный зал, полнившийся жужжанием голосов, сменился пустынной галереей, серой, с единственным ярким акцентом — витражными окнами.

— Так куда вы меня несёте? — подало голос ходячее недоразумение.

Впрочем, в данный момент недоразумение это удобно устроилось у него на руках.

Алиана почти перестала дрожать. Заметно успокоилась и больше не смотрела на Скальде глазами перепуганной лани.

— Туда, куда вас должен был отвести герцог, вместо того чтобы целоваться с вами в парке, — к лекарю.

— Для протокола хочу отметить, что смутно помню, что там на самом деле произошло и имел ли место быть злосчастный поцелуй, о котором вам наябедничали. А если и был, то это герцог со мной целовался, а не я с ним.

— А разве есть разница?

— Ещё какая! — фыркнула девушка, обхватывая его шею руками. — Вот если я сейчас возьму и поцелую вас, это же не будет означать, что вы были согласны со мной целоваться и хотели того же самого. Значит, получится, виноватым окажетесь не вы, а я.

Скальде даже смутно не представлял, чего на самом деле хотела алиана. В своих же желаниях он уже успел разобраться, хоть всё ещё не понимал, откуда они могли взяться. Например, сейчас он был не против запечатать эти чувственные, сладкие губы тем самым поцелуем, о котором она только что ему говорила. Крепче прижать к себе хрупкое, юное тело — вместилище такой строптивой души. Хотелось и дальше чувствовать, как девушка касается его плеч своими маленькими, тёплыми ладошками. Вдыхать запах её нежной, сейчас такой горячей кожи. Цветочный, тёплый, медово-солнечный.

Фьярра в сознании Герхильда ассоциировалась с чем-то светлым, ясным и совершенно непонятным. Таким же непонятным, как и некоторые её слова и фразы. Лампочка, протокол… Что вообще это значит и где она могла подобное подцепить?

— Выгоните с отбора? — прервал ход мыслей мага очередной обескураживающий вопрос.

— А вам бы этого хотелось?

— Нет.

— Отчего ж так?

— Честь рода и всё такое.

— Всё такое? — Мужчина чуть слышно хмыкнул. Нет, ну какая из неё императрица!

— Я не могу подвести отца! — выпалила фразу, казалось, заученную наизусть.

— Помню, вы об этом говорили.

— А с герцогом… — замялась, демонстративно закусив губу. То ли намеренно, то ли неосознанно испытывала на прочность его выдержку. — Такого больше не повторится. Клянусь!

— Не повторится, — согласился невозмутимо.

— Вы что-то с ним сделаете? — снова нервно задёргала ногами девушка.

— Сделаю, если не перестанете о нём говорить.

— Всё, умолкаю.

— Мало верится. Вы не умеете молчать.

— А вы… вы… — задохнулась не то от обиды, не то от возмущения и, багровея, выпалила: — Несносная ледышка! Вот вы кто!

— Не перестаю удивляться образности вашего мышления. — Толкнув плечом дверь, ведущую в святая святых — лабораторию эррола Хордиса, Скальде огляделся, гадая, куда бы пристроить свою невесомую ношу.

— Что-то случилось? — бросился к ним лекарь, с тревогой поглядывая на девушку,

которая за время «прогулки» по замку немного пришла в себя. По крайней мере, больше не дрожала; правда, зрачок всё так же закрывал ясную радужку и было видно, что из-за действия чар алиана ведёт себя немного странно.

Впрочем, это было обычное её состояние.

— Магическое недомогание. — Обогнув заставленный разномастными склянками стол, Скальде направился к креслу, темневшему у затопленного камина.

— Кто-нибудь из невест постарался? — всполошился целитель.

— Нет, я, — мрачно бросил наследник и предупредил: — Но ты об этом никому не скажешь. — Усадив невесту в кресло, наклонился, чтобы отцепить брошку.

С лица алианы схлынули краски. Снова задрожав, она накрыла украшение ладонью и прошептала, глядя на тальдена молящим взглядом:

— Не забирайте. Пожалуйста.

— Заберу и сразу верну, — пообещал маг. Прочтя всё тот же немой протест в широко распахнутых глазах, с улыбкой сказал: — Честное-пречестное.

Узкая ладошка соскользнула с груди. Девушка откинулась на спинку кресла, вздохнула тихонько, устало следя за пальцами тальдена, боровшимися с застёжкой украшения. От кожи её по-прежнему исходил жар, черты лица, снова побелевшего, болезненно заострились. Из-за мерцания, вызванного прикосновениями жениха, Фьярра ещё больше походила на светящегося в полумраке призрака.

Такая же хрупкая, невесомая, почти прозрачная.

Скальде уже собирался отойти, чтобы позволить лекарю осмотреть девушку, когда та вдруг ни с того ни с сего удержала его за руку и недоумённо выговорила:

— Оу, не замечала раньше у вас татуировки. Она что-нибудь означает?

Мужчина резко отстранился, едва не налетев на топтавшегося у него за спиной целителя. Впился глазами в свои широкие кисти, успев заметить на одной из них тающий узор стального цвета.

Проступивший на коже в том самом месте, где теплом отпечаталось прикосновение невесты.

Глава 22

Остаток дня я провела в постели, восстанавливая силы сном. К счастью, на сей раз обошлось без провокационных видений про меня и Герхильда. Если даже что-то и снилось, то я ничего не запомнила. А проснувшись, первым делом проверила, на месте ли булавка. Выдохнула облегчённо, ощутив гранатовую крошку бусин под пальцами и свитый из серебряных нитей диковинный цветок. Значит, не обманул.

Вернул.

Сев на постели, поморщилась от нового приступа боли, никак не желавшей благополучно кануть в прошлое. Было такое чувство, будто у меня под кожей в районе висков засели крошечные оловянные солдатики, которые методично, ни на секунду не останавливаясь, молотили по своим лилипутским барабанам микроскопическими молоточками.

Бум-бум, бум-бум, бум-бум.

Никому не пожелаю такой мигрени. Разве что только Блодейне… Мерзопакостное ощущение.

В окнах проглядывали фрагменты закатного неба, розовато-фиолетового, подсвеченного бледным золотом уплывающего за горизонт солнца. Комната, освещённая лишь пламенем каминов, тонула в благостном полумраке. Сейчас мои глаза были не способны воспринимать яркие цвета. Только тени, только приглушённые краски угасающего дня.

Дня, который почти не сохранился в моей памяти.

Разговор с Его Великолепием, состоявшийся в лаборатории эррола Хордиса, удалось вспомнить с попытки эдак пятой. Если не со всей десятой. Воспоминания походили на вязкое, осклизлое месиво. По-другому и не назовёшь. Слеплялись в комки, из которых лишь неимоверным усилием сумела извлечь неясные образы и обрывки диалогов.

Если верить тальдену, я подсознательно не желала расставаться с привязкой, отсюда и дикая головная боль, жар и, кажется, разжижжение мозгов. Иначе почему никак не получается вспомнить, что со мной, чёрт побери, происходило!

Для полного счастья не хватало только амнезии.

По теории Герхильда, его чары должны были нейтрализовать любовную хмарь, но я всё утро цеплялась за привязку и упрямо отказывалась расставаться с фальшивыми чувствами.

Бред какой-то. Чистейшей воды бред.

Чушь! Пурга! Галиматья! Чтобы я и сама лезла в магический аркан, за другой конец которого меня будет удерживать Его Несравненность?

Да кем он вообще себя возомнил? Решил, что после одного несчастного свидания я забуду о муже, о доме и обо всём, что мне дорого, и посвящу всю себя ему? Этому сугробу с кубиками льда вместо глаз.

Да ни фига!

Сто лет он мне нужен. А я ему. У него, между прочим, есть любовница. Фря конопатая. А может, и не одна.

И вообще, дурацкое было у нас свидание. Мне оно совсем не понравилось. И Скальде мне тоже совершенно точно не нравится!

Не чувствуй я себя сейчас овощем, приготовленным в скороварке, непременно отправилась бы на поиски тальдена, дабы выяснить немедля, подействовала ли его чудо-булавка. Обещал ведь, что любовные чары в любом случае развеются. Хочу я того или нет.

А я очень хотела. И что бы там Герхильд себе ни навыдумывал, не собиралась держаться за опостылевшую привязку.

Попытка придать Фьярриному телу вертикальное положение ни к чему не привела. Стоило чуть приподняться на постели, как комната поплыла перед глазами, и я с тяжёлым вздохом рухнула обратно в объятия одеяла. Натянув его до самого подбородка, продолжила мозговой штурм, гадая, что было до того, как эррол Хордис влил в меня одну из своих сомнительных на вид и на вкус микстур. Запах, кстати, тоже был не очень. Зато после лекарской настойки в голове просветлело, и чёрная дыра в сознании начала уменьшаться.

Не сразу сообразила, как попала к лекарю. Прямиком из парка? Нет, помню, сидела в спальне и дрожала. А потом нарисовался Скальде. Злющий, мрачный. В глазах — звериная ярость, на лице, как обычно, — ледяное забрало. Думала, прибьёт за прогулку с герцогом. Но вместо этого тальден подхватил меня на руки и понёс к лекарю.

При воспоминании о том, как именно пропутешествовала к эрролу Хордису, к щекам прилил жар, а сердце, дурное, пустилось в пляс. То ли температура снова подскочила, то ли слабая плоть по-прежнему вот так непонятно реагировала на мысли о Герхильде.

Определённо, думать о драконе не только неправильно, но ещё и вредно и нервозатратно. Поэтому лучше вообще о нём не вспоминать.

Пока пыталась выставить из своих мыслей Его Льдистость, а заодно понять, что же всё-таки произошло между мной и Блейтианом Крейном, в комнату вошла Мабли. Вернее, как вошла — понуро вплыла, словно неупокоенная душа, только что вернувшаяся с похорон некогда принадлежавшего ей тела. В руках девушка держала поднос с миской, над которой вилась тонкая струйка пара, на лицо же навесила обычно несвойственное ей скорбное выражение.

— Чего такая бледная? За меня беспокоишься? Так я в порядке. Выспалась, отдохнула. Подумаешь, небольшое отравление.

Это была версия для всех любопытствующих. Мол, вина плохого на ярмарке выпила, несвежим пряником закусила — и вот результат: я вынуждена поститься.

И почему нельзя было сказать, что у меня просто простуда…

— Не в порядке, — покачала головой девушка, ставя мне на колени поднос с горячим, но совсем не аппетитным на вид бульоном. В жидкости — не золотистой, блестящей от жира, как я люблю, а уныло-зеленоватой — плавали колечки лука и веточка сельдерея или чего-то очень на него похожего. Ни тебе сухариков, ни даже кусочка хлеба.

Мабли шмыгнула носом, вздохнула сокрушённо, комкая полотняную юбку горчичного цвета, незатейливо отделанную светлой тесьмой.

— Из-за герцога Крейна страдаешь? — Я прикрыла глаза, настраиваясь на непростой разговор.

Если честно, думала, что первой, кого увижу, когда проснусь, — будет призрачная проекция негодующей Блодейны, явившейся вправлять мне мозги. Но раз её здесь нет, значит, ведьма ещё не в курсе, что Блейтиан — двойник Лёши. И хорошо бы, чтобы так оставалось и дальше. Я просто буду держаться от лжемужа подальше, как делала до сегодняшнего утра.

Пока у меня не случилось помутнение рассудка и я не решила прогуляться с красавчиком по парку. Посмотрела на статуи на свою голову.

— А что с герцогом? — рассеянно отозвалась Мабли.

— Эмм… ничего. Рассказывай, что опять стряслось.

Мне повезло, служанка не стала зацикливаться на Крейне. Видимо, сейчас перед ней стояла куда более насущная и большая по масштабам проблема. А значит, и передо мной.

Я отставила в сторону поднос.

— Мабли, что случилось?

— Стало известно, каким будет следующее испытание, — ответила девушка тихо.

— И?

— Боюсь, Аня, вы его не пройдёте.

Не Фьярра, не Ваша Утончённость, а просто Аня… Значит, дело действительно дрянь.

— И что же такого грандиозного и трудно выполнимого для нас приготовили на сей раз?

Главное, чтобы не в гости к доисторической анаконде или ещё к какой гигантских размеров живности. А всё остальное, так уж и быть, переживу.

— Этого испытания не должно было быть. Вернее, их уже давно не проводили. Но, видно, старейшины настояли, — оставаясь верной самой себе, принялась ходить вокруг да около служанка. Отчего я нервно заёрзала на постели, чувствуя, как сердце ускоряет свой ритм. — Или Его Великолепие так решил. Ведь, может статься, другого шанса обзавестись ари у него не будет.

— Мабли…

— Это ведь скольких магов придётся задействовать. Столько силы… Жертвоприношения совершить. А у нас-то призывать души умерших вообще-то не принято. Это во времена Древних маги творили, что хотели, всякие непотребства безнаказанно совершали. А сейчас… Вдруг Претёмная Праматерь на нас за это прогневается? — Девушка что-то неразборчиво пробормотала и осенила себя божественным знаком, кажется, символизировавшим защиту от всякого зла, — закорючка, что-то вроде зигзага, прочерченного в воздухе ото лба до груди.

— Мабли!

Никаких нервов на неё не хватит.

Видя, что я уже на грани и вот-вот взорвусь, и тогда запросто могу ей миску с бульоном на голову натянуть — получится такой оригинальный головной убор, глиняный котелок, — служанка взволнованно проговорила:

— Они хотят испросить благословения предков! Чтобы души прежних правительниц Сумеречной империи, всех ари династии Герхильдов, начиная от Её Лучезарности императрицы Ллары и до ушедшей за грань два года назад императрицы Эноры, матери наследника, одобрили или, наоборот, отвергли отобранных Его Великолепием невест.

Отобранных Его Великолепием… Поморщилась, вдруг ощутив себя пуделем, которого отправляли на выставку собак, где строгое и пристрастное жюри в лице разбуженных магами призраков будет выяснять, достаточно ли алианы породисты и хороши для их вельможного отпрыска.

— Встреча с покойницами. Охренеть. — На этом мой словарный запас иссяк, и следующие минуты я просто сидела, потерянно глядя вдаль. На перевёрнутую чашу неба, за время нашего разговора успевшего стать насыщенно-фиолетовым.

Проследив за моим понурым взглядом, Мабли поспешила зажечь свечи в изголовье кровати, развеяв густившийся вокруг полумрак. Вот только у меня на душе по-прежнему оставалось тревожно и сумрачно и не было такой свечи, что могла бы прогнать ночь, наступившую после слов девушки.

— Думаешь, они могут догадаться, что Фьярра не Фьярра? То есть я не она. Ну, в общем, ты меня поняла.

Поджав губы, Мабли беспомощно развела руками, мол, кто их, покойников, знает. А я разозлилась. На неё, на Блодейну, на трусиху Фьярру, за которую тут отдуваюсь.

— Какие же вы всё-таки дилетантки! Кто обещал помогать, а? Провести меня через все испытания. И где эта ваша хвалёная помощь? От вас никакой пользы! Скорее дождёшься молока от козла, чем от вас поддержки!

Девушка театрально заломила руки, заскулила жалобно:

— Ваша Утончённость, Аня, ну я ведь не знала, что морканта призовёт вашу душу в тело Фьярры!

— Помню, ты говорила: не виноватая я, она сама. Но мне-то от этого не легче! Понимаешь? Не. Лег-че. Что станет со мной, если духи догадаются, что перед ними самозванка?

Мабли ещё больше побледнела, если такое вообще возможно. Громко хлюпнула носом и снова собиралась развести руками, но замерла, скукожившись, пригвождённая к постели моим мрачным взглядом.

Хорошо, если просто исключат. Не просто хорошо — отлично! Тогда я с чистой совестью возвращусь в Лунную долину, а оттуда, если, конечно, ведьма не соврала, отправлюсь домой. Наконец-то распрощаюсь с этим чокнутым миром.

Но что, если призрачные ари доложат Герхильду, что одна из его невест — фальшивка? Он меня за невинную прогулку с герцогом (почти невинную) чуть не порвал в клочья. А что со мной сделают за обман?

Не факт, что экс-ари возьмут пример с Хадааантиса и тоже пожалеют. Это змею по большому счёту пофиг, кто на ком женится. Здесь же замешаны личные интересы. Наверняка бабушки-прабабушки желают своей кровиночке счастья. А тут я. Ни разу в него не влюблённая, да ещё и ненастоящая алиана.

Сердце протестующе ударилось о рёбра. Пришлось мысленно повторить себе с пару десятков раз, что я ни в кого не влюблена.

Кроме Лёши, конечно.

— Как я узнаю, забраковали меня покойницы или нет?

— Раньше было так: спустя день-два после испытания на ладони алианы проступала метка. Если сияло солнце, это означало, что предки жениха осветили девушку своим благословением. Перекрестье линий — она нежеланна в семье тальдена.

Понятно, ставили на невесте крест в прямом смысле слова.

— Разве мнение предков может как-то повлиять на этот ваш мудрёный процесс передачи силы?

— Конечно. Тальден ведь делится со своей ари родовой магией, что досталась ему от матери. А та получила её от своего мужа.

Прямо какой-то раздел имущества при отсутствии брачного договора.

Войдя во вкус, Мабли бойко говорила:

— Если прежние правительницы посчитают невесту неугодной, шансы принять и удержать в себе силу мужа у алианы уменьшатся в разы. Согласитесь, лучше узнать, что предки вас невзлюбили до свадьбы, чем после брачной ночи. Ведь в случае наследника от выбора императрицы будет зависеть не только его жизнь, но и жизнь его избранницы. — Мабли глотнула воздуха и на выдохе продолжила: — Да и вообще, во всём должна быть гармония. Передача силы — процесс деликатный. Это не только физическая близость между тальденом и алианой. Это единение душ. Слияние влюблённых сердец. Смешение помыслов, соприкосновение плоти.

Опять её понесло. Ей бы в какие-нибудь трубадуры податься, честное слово.

Не догадываясь о моих мыслях, девушка с упоением частила:

— Нерушимая связь двух родов. Поэтому благословение предков бесценно. Ведь ушедшим за грань открыто то, что скрыто от нас, простых смертных.

— Плохо, что открыто, — мрачно подытожила я, уже заранее предчувствуя, что раскусят они меня, как пересушенный орех.

— Я поговорю с эссель Блодейной. Может, что посоветует.

— Опять накажет повторять числа? — Я скептически фыркнула. — В прошлый раз от её совета толку не было от слова «совсем».

— И всё равно я спрошу, — упёрлась рогом девушка. Поднявшись, водрузила мне

обратно на колени поднос, проронив: — Лучше поешьте. Силы вам завтра понадобятся.

Я машинально отправила в рот ложку остывшего бульона, даже не почувствовав его вкус. И пока ела, уныло размышляла о грядущей встрече с многочисленной роднёй Герхильда.

Обычно знакомство с родителями (живыми) предшествует помолвке. Но у этих тальденов всё не как у людей.

Даже боюсь предположить, как на меня прореагируют его предки.

Глава 23

Её Сиятельство графиня д'Ольжи расхаживала по комнате, то и дело бросая взгляд на тяжёлую столешницу, что удерживали на своих головах отлитые из бронзы трёхглазые кошки, ильтиорры, — мифические существа, которым, по преданию, было открыто прошлое, настоящее и будущее. Сейчас Даливе как никогда хотелось стать такой кошкой, приподнять завесу времени и хотя бы одним глазком увидеть картины грядущего.

Что уготовила ей судьба? Останется ли она здесь, в Ледяном Логе, или будет вынуждена покинуть императорские чертоги сразу после свадьбы наследника. Пока что Скальде нуждался в ней. Но как сделать так, чтобы она и дальше была ему необходима и интересна? Как привязать его к себе? Если не навсегда, то на долгие годы уж точно. Чтобы он желал её завтра и спустя время точно так же, как в их первую жаркую ночь любви.

Чуть слышно потрескивали поленья в каминах, мягко шелестел шлейф платья, сшитого из амарантового цвета ткани, ниспадавшей крупными фалдами.

Палец графини, овитый ажурным колечком, прочертил невидимую полосу по столешнице, разделённой на квадраты, белые и золотые. Её Сиятельство обводила невесомыми касаниями шахматные фигуры. Каждая — произведение искусства, изящное сочетание благородных металлов, инкрустированных зелёной и красной яшмой.

Последние несколько минут Далива занималась тем, что переставляла их с места на место, играя в одну ей ведомую игру. Восемь фигур: одна королева, две ладьи, остальные — пешки. Каждая в воображении фаворитки символизировала ту или иную невесту.

Неизменной королевой, возглавлявшей выстроенные клином фигуры, оставалась Рианнон. По мнению графини, алиана лучше всех подходила будущему правителю. Красива, в меру умна, восприимчива к его силе. Но самым ценным её достоинством несомненно являлась кротость. Рианнон была мягкой, как только что приготовленная для лепки глина. Хоть кувшин из неё лепи, хоть горшок.

Такую императрицу желали видеть на троне старейшины. О такой супруге для Скальде мечтала Далива. Главное, чтобы сумела принять в себя силу Герхильдов и рожала императору наследников. Большего от неё и не требовалось.

Графине не составило труда подружиться с девушкой, предложить ей свои поддержку и покровительство, которые юная, неискушённая невеста с благодарностью приняла. Это Её Сиятельство помогла алиане устроить идеальное первое общение с тальденом — романтический ужин, закончившийся глубоким вечером, а после — долгая прогулка по парку под звёздным небом.

Казалось, Его Великолепию алиана понравилась. По крайней мере, он часто на неё заглядывался. На радость своей фаворитке, теперь ломавшей голову над тем, как бы подогреть интерес наследника. Чтобы возжелал Рианнон и всерьёз ею увлёкся.

Графиня мазнула взглядом по следующим за королевой фигурам. Нахмурилась, оглядывая одну, а затем другую. Ладьи, Гленда и Ариэлла, были достойными, опасными соперницами. Не то чтобы рвались в императрицы… Но им благоволили старейшины и непрестанно пела дифирамбы эссель Тьюлин, к которой тальден, к досаде своей фаворитки, прислушивался. Не раз Скальде отмечал ум, доброту, великодушие и рассудительность девушек. Качества, что желал видеть в своей избраннице.

В каждой чувствовалась порода. Стержень. Такие не потерпят при муже любовницу.

Остальные алианы — пешки, не стоящие внимания. Ни её, Даливы, ни уж тем более Герхильда. Бриаллен — ни рыба, ни мясо. Бесхребетная — это плюс, конечно. Но за время отбора так и не сумела зацепить наследника. Майлона — гусыня, слепо

влюблённая в тальдена (такой и привязки не надо), но совершенно ему неинтересная. Керис, поначалу вызывавшая опасения, на поверку оказалась вздорной, небольшого ума девицей. Алиана из кожи вон лезла, пытаясь предстать перед Его Великолепием ангелом. Не переставала демонстрировать свои лучшие качества, в основном фальшивые, не замечая, что порой нимб предательски сползал с головы.

Подушечкой указательного пальца Её Сиятельство задумчиво обвела следующую фигурку. Хелет. Тёмная лошадка. Всегда себе на уме, очень замкнутая. Вроде бы и тихоня, покладистая, но было в ней что-то неправильное. Какая-то червоточина, которую Далива скорее ощущала подсознательно, нежели замечала. С такой лучше не связываться. За всё время, что девушка провела в замке, графиня так и не сумела разгадать её помыслов и желаний.

И последняя… Фьярра. Беспардонная нахалка! Единственная, кому хватало глупости и наглости дерзить фаворитке императора. Неслыханное хамство! Её Сиятельство в сердцах схватила последнюю стоявшую на столе фигурку, крепко сжала в кулаке, будто мечтала, что та под давлением пальцев превратится в песок. Холод металла смешался с жаром ладони.

— Мерзкая девчонка! — воскликнула д'Ольжи, чувствуя, как злость пробирается дальше. От руки к груди, больно обжигая в том месте, где учащённо билось сердце, и выше, неприятно обдавая ядовитым пламенем щёки.

Придворные её боготворили. Невесты остерегались. Понимали, что значит она для Скальде. А эта… Мерзавка и хамка.

Не зря девица Сольвер ей сразу не понравилась. И ведь Герхильда она тоже раздражала. Своими манерами, своими словами, своими действиями. Наследник избегал общения с ней, не обращал на неё внимания. Так, может, иногда рассеянно на неё поглядывал, изредка удостаивал безразличным взглядом. А вчера… пропал с выскочкой до позднего вечера. И что самое удивительное, возвратившись в замок, не позвал, как обычно, к себе фаворитку. Молодая женщина досадливо поморщилась. Она как дура прождала приглашения весь вечер, маялась до глубокой ночи, пока не уснула, сморённая усталостью и тревогой.

Не желая провести ещё один вечер в муках ожидания и неизвестности, Её Сиятельство решила не сидеть сложа руки, а действовать. Весь день готовилась к встрече с тальденом, превращая себя в роковую искусительницу, перед которой не способен устоять ни один мужчина. А потом сама к нему пошла. Благо положение фаворитки давало ей право являться в покои наследника в любое время и без его на то позволения. Далива намеревалась остаться со Скальде до утра. Напомнить ему, что их связывало. Как сильно она ему нужна. Что только она одна способна доставить ему удовольствие, которого Скальде не получит ни от какой другой женщины. Её Сиятельство знала толк в любви и всякий раз дарила тальдену ни с чем не сравнимое наслаждение.

Ни одна из этих неопытных малолетних соплячек не сможет с ней сравниться.

Ход мыслей графини прервал звук распахнувшейся двери. Далива принялась усердно кусать губы, чтобы те порозовели и соблазнительно припухли. Вернув на место пешку, обернулась, улыбаясь одной из своих самых обольстительных улыбок. Плавно качнула бёдрами, подаваясь тальдену навстречу. При виде любовницы статуей застывшему на пороге.

— Что ты здесь делаешь? — Сталь в голосе, стужа в глазах. Прежде так часто, когда она была рядом, темневших от страсти. А теперь прозрачных, что талая вода.

Ставшая таковой изо льда, растопленного не её солнцем.

— Тебя жду.

Несколько лёгких шагов, приглушаемых ворсом ковра, и Её Сиятельство приникла к тальдену, скользнула ладонями по широким, будто высеченным из камня, пле-

чам. Коснулась губами плотно сжатых губ. Обычно таких обжигающих, сводящих с ума, от прикосновений которых всякий раз кружилась голова, а ныне совершенно холодных. Как будто поцеловала бездушный мрамор или осколок льда.

Скальде не ответил на поцелуй. Мягко отстранив от себя девушку, прошёл вглубь комнаты. На каминной полке багровел, пленяя своим содержимым, графин с вином.

Терпкий напиток заструился в кубок, едва не хлынув за золотую кайму. Тальден сделал глоток, за ним другой, не спеша оборачиваться к растерянной любовнице, надеявшейся на более тёплый приём.

Далива обиженно поджала губы. Ей вина не предложили. То ли Его Великолепие слишком крепко задумался о чём-то своём, вот и позабыл о гостеприимстве, то ли… Не рассчитывал на общество фаворитки.

Проглотив обиду, от которой нестерпимо горчило на языке, Её Сиятельство изобразила очередную улыбку. На сей раз кроткую, трогательно-невинную, способную растопить даже ледяное сердце. Но, может — вдруг закралось подозрение — сердца у Скальде и вовсе не было.

Далива не спеша заходила по комнате, больше не приближаясь к магу, но при этом оставаясь в его поле зрения. Пусть оценит, как красиво струятся её медовые локоны по обнажённой спине и покатым плечам, в бликах пламени отливая благородным золотом. Как маняще поблёскивает кулон из рубина в ложбинке грудей. Приятная пышность, соблазнительная округлость которых не раз пленяли взор будущего императора. Ему нравилось ласкать её, воспламеняясь от стонов удовольствия, что девушка никогда не сдерживала. Нравилось согревать теплом своих губ розовые горошины сосков, обжигать жарким дыханием нежную плоть.

Куда до неё этим тощим, угловатым псевдокрасавицам, только и умеющим что краснеть и блеять в присутствии тальдена! Главное, сделать так, чтобы и Скальде это понял.

— Как прошло свидание с эсселин Фройлин?

— Прошло. К счастью, — подливая в чеканный кубок вина, устало отозвался Герхильд, с едва уловимой усмешкой добавив: — Думал, никогда не закончится.

Графиня удовлетворённо кивнула своим мыслям. Она неплохо изучила вкусы тальдена и, как и предполагала, Майлона Скальде была совершенно неинтересна.

Ну а что касается другой его невесты…

Слова сорвались с губ прежде, чем графиня успела их осмыслить и заглотнуть обратно, вместе с прорвавшейся наружу ревностью.

— А что же эсселин Сольвер? Я слышала, ей стало плохо. Хватит ли ей сил пройти завтрашнее испытание?

— Фьярре уже лучше.

Фьярре…

Опустошив кубок, тальден прошёл мимо графини, не удостоив её даже взглядом. Опустился на край широкого ложа, спрятанного под тяжёлым балдахином.

— Ты был в её покоях, — больше не сдерживаясь, попеняла наследнику д'Ольжи.

— Ей стало плохо.

— Нёс на руках к лекарю, — выпав на время из образа искусительницы, продолжала с упрёком говорить девушка. — Разве в замке мало слуг, которые могут и должны заботиться об алианах? Разве некому было препроводить её к эрролу Хордису? А лучше, вызвать лекаря к ней.

Даливе всё-таки удалось привлечь внимание мага. Вот только она тут же об этом пожалела, почувствовав, как замерзает под его пристальным, холодным и таким чужим взглядом. Как будто видела перед собой незнакомца.

— Я обязан оказывать невестам внимание. — Лицо мужчины исказилось усмешкой. — Ты же вместе со старейшинами мне все уши прожужжала этим отбором. А те-

перь что, против моей женитьбы?

— Вовсе нет. Знаешь же, почему настаивала. Скальде, я люблю тебя, — с грустью проговорила девушка, опускаясь на колени перед тальденом. Привычно, как делала это не раз, хотела помочь ему раздеться. Взялась за отворот сапога, шепча ласково: — Беспокоюсь о тебе. О твоём… о нашем будущем.

— Нашем? — ещё одна усмешка.

Ядовитой иглой обида пронзила сердце. Насилу совладав со столь неприятным чувством, Далива приподнялась на коленях, подаваясь к наследнику. Игриво прошлась подушечками пальцев по шнуровке брюк, искушающе касаясь мужской плоти через плотную ткань одежды. Охнула приглушённо, почувствовав, как запястье заныло от боли под захватом жёстких, холодных пальцев.

Будто ледяные кандалы на неё надел.

— Не сегодня.

Прикосновение кожи к коже, пусть и болезненное, но будоражащее, как прежде. Графиня тихонько вскрикнула, отдёрнув руку. Не от боли, от удивления и охватившего её смятения. Попробовала вздохнуть — тщетно. Как будто в комнате воздуха больше не было. Захлопала ресницами, быстро-быстро, стараясь прогнать дурацкую пелену, застлавшую глаза. Наверняка это из-за неё, из-за того, что что-то затуманило взор, не смогла она разглядеть магическую вязь, что проступала на коже тальдена при каждом их соприкосновении.

Они были вместе уже два года, связанные не только плотской любовью. За время их отношений сформировалась и иная связь: душевная, эмоциональная. Отражаемая магическим рисунком. Всякий раз, когда Далива касалась мага, тело его реагировало на её прикосновения.

Но сейчас даже тени узора заметно не было.

— Не сегодня? — севшим от волнения голосом переспросила девушка и порывисто воскликнула: — Скальде, я нужна тебе! Ты не сможешь долго без меня обходиться!

— Не сегодня, — упрямо повторил маг и добавил спустя короткое мгновенье: — Нет желания, — приговором прозвучали слова.

— Значит ли это, что я должна уйти? — прошептала графиня чуть слышно.

— Можешь остаться, — безразлично отозвался Герхильд. Наклонившись к девушке, прижался к бархатным губам мимолётным примиряющим поцелуем, таким же холодным, как и тот, которым её поприветствовал.

А потом поднялся, так больше и не взглянув на фаворитку.

— Куда ты?

— Прогуляться.

— Но…

— Доброй ночи, Далива.

Не прошло и нескольких секунд, как створки сомкнулись за спиной наследника.

Поздно ночью, когда я балансировала на канате реальности, готовая вот-вот сорваться в пропасть, полную тревожных снов, перед кроватью нарисовалась Блодейна. Явилась, как обычно, неожиданно, едва не напугав до полусмерти. В груди тревожно ёкнуло сердце, с губ сорвался звук, чем-то похожий на мышиный писк.

Я подтянула повыше одеяло, мечтая накрыться им с головой, лишь бы не видеть нависшую надо мной белёсым маревом стерву, притащившуюся понаставлять и проводить меня в последний путь. Нет, про скорую и несомненно бесславную кончину ничего сказано не было, но по полупрозрачному лицу ведьмы, на котором явственно отпечаталась тревога, по плотно сжатым губам и глазам, невыразительным и каким-то потухшим, я поняла, что всё: мне трындец. И завтрашний день в Ледяном Логе станет для меня последним.

Главное, чтобы не стал последним в моей короткой жизни.

— Этого испытания не должно было быть, — слово в слово повторила морканта фразу, что несколькими часами ранее озвучила Мабли.

— Ну так, может, вернёшь по-быстрому сюда свою Фьярру, чтобы почтенные эксари не заметили подлога и не пустили меня в расход? — предложила, на мой взгляд, вполне приемлемую и разумную альтернативу.

Согласитесь, лучше домой, хотя бы на несколько часов, чем знакомиться с почившими чёрт знает когда правительницами.

— По-быстрому перенести душу из одного мира в другой не получится, — безжалостно подрезала мне крылья надежды шантажистка. — И вообще, хватит болтать! Ложись спать. Завтрашнее испытание будет в разы сложнее встречи с Его Премудростью.

— Спасибо, что просветила! — огрызнулась я. — И за советы, которых не было, тоже, в кавычках, спасибо!

— Аня, я не знаю, что тебе посоветовать, — устало вздохнула ведьма. — Главное, что бы ни случилось, сохраняй спокойствие. А я буду молиться за тебя Претёмной Праматери.

— Ну раз не знаешь, значит, сгинь, нечистая, — буркнула, отворачиваясь от бесполезного псевдопривидения, и таки накрылась одеялом.

Не хочу её видеть! И слышать тоже не хочу! Стало до противного обидно. Так что даже слёзы на глазах выступили. Свою кровиночку утруждать, значит, не желаем. Пусть и дальше сидит себе в безопасности, в тёплом гнёздышке нашей с Лёшей квартиры. Окружённая заботой и любовью чужого мужа.

Моего мужа.

А мной рискнуть — всегда пожалуйста.

Ну так если правда раскроется, я молчать не стану. Сразу всё расскажу. Если уж на плаху, то только с Блодейной в паре.

Зря так подумала. Ведьма обладала поразительной способностью угадывать мои мысли. А может, умела их читать. Кто его знает, какими талантами обладают эти загадочные морканты.

— И смотри мне там, помалкивай, — наказала строго, словно отчитывала нашкодившего котёнка, нагадившего в её любимую туфлю. — Иначе…

— Помню: достанется Лёше. — Мысленно послала командиршу в дальние дали. Очень надеюсь, что она и это услышала.

Незаметно в комнату возвратилась тишина, нарушаемая лишь моим неровным дыханием, шмыганьем носа и печальными вздохами. Никогда мне не было так себя жалко и так за себя обидно.

Вот где справедливость? Почему я всё время должна отдуваться за бессовестную эгоистку, с которой даже не знакома?! Как же надоело чувствовать себя марионеткой, постоянно дёргаемой за ниточки этой гадкой кукловодшей!

Обернувшись, увидела, что ведьмы и след простыл. Обняв подушку, горько всхлипнула. Смахнула слёзы, зажмурилась, с твёрдым намереньем сейчас же уснуть и теша себя мечтой, что проснусь в родной, такой любимой спаленке. Под боком у мужа и без мыслей о всяких крылатых айсбергах.

— …Ваша Утончённость, Ваша Утончённость, просыпайтесь, — тормошила меня за плечо Мабли. — Пора собираться.

Кажется, только-только уснула и вот нужно вставать, готовиться к судному дню.

— Как себя чувствуете?

— Как не выспавшееся бревно. — Я со стоном села на кровати.

Нет, чувствовала себя вполне прилично. Голова больше не кружилась и виски не кололо тысячами игл. Но спать хотелось неимоверно.

— Заснули с брошкой? — От мисс Глазастость не укрылось приколотое к кружеву

сорочки зачарованное украшение.

— Ты же сама просила с ней не расставаться, дабы цитирую: «Не обидеть наследника».

— Ну ночью-то можно и расстаться, — глубокомысленно изрекла девушка.

— Не умничай, — посоветовала всезнайке и спросила, силясь подавить зевок: — Чего так рано?

Интересно, кому так не терпится: мёртвым или живым?

Лучи восходящего солнца только начали окрашивать комнату в розовые тона, бликами скользили по стенам, путаясь в вышивке гобеленов.

— Не знаю. Сказали, через полчаса выезжаем.

Хорошо хоть не вылетаем.

Мабли помогла мне облачиться в светлое с завышенной талией платье, по подолу расшитое жемчугом. Заплела волосы в толстые косы, скрутив их в модные здесь валики. Как по мне, немного смешная причёска, зато под волосами уши не мёрзнут. Далее шёл замысловатый головной убор, тоже щедро усыпанный жемчужинами и увенчанный серебряным полумесяцем. По мановению руки девушки моё лицо окутало невесомой вуалью. Тёмная широкая накидка и бархатные перчатки довершали образ невесты Его Великолепия.

В данный момент самой несчастной из всех его избранниц.

Несмотря на то, что Мабли знала своё дело и уложилась в каких-то четверть часа, превратив меня из пугала, всклоченного и заспанного, в бледнолицего ангела, в холл я спустилась последней. Остальные алианы, немного перевозбуждённые, взволнованные из-за предстоящей встречи с покойницами, разбившись на группки, о чём-то негромко переговаривались.

Его Великолепие тоже поднялся ни свет ни заря, дабы препроводить нас к своим вельможным родственницам. Именно его холодный, пронизывающий, как будто проникающий в меня и сквозь меня взгляд я ощущала на себе всё то время, пока спускалась по лестнице, покрываясь инеем и леденея.

Удивительно, как ногу не подвернула и кубарем не покатилась по ступеням, ведь не менее пристально, а ещё зло и с явной долей ревности, на меня смотрела Керис. Добавить к этому плотоядный интерес драконьей липучки по имени Игрэйт, привычно крутившейся возле кузена, а в довершение ко всему Крейна, которого заметила среди стражников Их Светлости и Великолепия, и можно смело делать вывод, что это самое паршивое утро из всех, что довелось мне пережить на Адальфиве.

Простучав каблуками по ступеням, я опустилась пред ясными драконьими очами в глубоком реверансе. Почувствовала, как сердце — нет, не пускается вскачь, как это было раньше, от его близости, в его присутствии, — но всё равно предательски замедляет свой ритм, почти переставая биться.

А потом и вовсе замирает, когда моего слуха достигает глубокий, чуть хрипловатый, обволакивающий разум голос:

— Доброе утро, эсселин Сольвер.

То ли Герхильд меня обманул и толку мне от этой булавки, как лысому от расчёски. То ли… О втором «то ли» я категорически запрещала себе думать.

Князь Темнодолья тоже что-то говорил. Кажется. Я вроде бы слышала его голос — настырное жужжание мухи. И алианы, не замолкая, приглушённо шептались. А в моём сознании, наслаиваясь на этот ненужный гомон, по-прежнему отголосками звучало приветствие Скальде.

Вот ведь дурацкое наваждение.

— Ну наконец-то! — И не думала церемониться со мной эссель Тьюлин. Нетерпеливо дёрнула меня за локоть, заставляя покончить с реверансом, прогоняя истому, предательски охватившую тело.

Тоже дурацкое. И я глупая. Боюсь поднять голову, чтобы снова не угодить в ловушку холодных глаз, и вместе с тем хочу его увидеть. Не украдкой, из-под опущенных ресниц, как сейчас. А чтобы глаза в глаза, чувствуя, как становится жарко от его льда.

Точно наваждение.

Это раньше я могла себя оправдывать, сваливая всё на привязку. А теперь? Кого ругать теперь? Только саму себя.

А ведь рядом Крейн — мужнин двойник. Как ни странно, живой и вполне себе невредимый. Но его отчего-то не тянуло отыскать взглядом, задержаться на мужественном лице на секунду или две.

— Пойдёмте скорее. Дорога предстоит длинная, — ворчливо проговорила эссель Тьюлин, и алианы гуськом последовали за ней и молчаливыми мужчинами.

Глава 24

Моим надеждам на наземное путешествие не суждено было сбыться. Пришлось переносить воздушное, нервно царапая ногтями бархатную обивку сиденья. Кусать в волнении губы и отчаянно молиться всем богам, местным и иномирным, о благополучном исходе этого головокружительного (и тошнотворного) полёта.

Из-за плохой погоды кареты болтало из стороны в сторону, будто прохудившиеся лодки в море в самый разгар шторма. С каждым новым толчком казалось, что вот сейчас мы «пойдём ко дну», другими словами, рухнем в туманную неизвестность. Только покинув одну зону турбулентности, мы тут же ныряли в следующую.

Я чувствовала себя куриным яйцом, чьё содержимое взбивали миксером. Долго так, до получения воздушной пенки. Наверное, цветом лица я походила на эту самую пенку. Сидевшая напротив Керис выглядела не лучше, такая же бледная, с болезненной синевой под глазами и на плотно сжатых губах. А вот Гленда и Ариэлла могли похвастаться ярко выраженным зеленоватым оттенком.

Словно заезженная пластинка, я, не переставая, мысленно возносила молитвы Претёмной Праматери, в Рассветном королевстве именуемой Ясноликой, и даже Древних, вроде Хадааантиса, не забыла упомянуть. Прибавила также к списку небожителей, которых умоляла о защите, православных и католических святых, Будду, Кришну и всех, кто мог уместиться в моей голове. Отчаянно просила каждого и всю компанию вместе позволить мне ещё хотя бы немножечко пожить.

Вот будет дело, если даже не познакомлюсь с Герхильдовыми родственницами. Разобьюсь, не заработав себе ни солнышка, ни крестика.

Разве что только надгробного.

Брр…

Карету тряхнуло с яростной силой. Я подалась вперёд, едва не размазав по сиденью свою «любимую» алиану. Лишь чудом не впечаталась в Керис, потому что новый толчок опрокинул меня обратно. Мёртвой хваткой вцепилась в стёжку обивки и замерла, зажмурившись. А потом почувствовала, как Ариэлла мягко накрыла мою руку своей. Её ладонь была тёплой, и, наверное, только это ободряющее прикосновение спасло моё бедное сердечко от инфаркта.

— Не бойся, уже почти прилетели, — раздался у самого уха вкрадчивый голос императорской невесты.

— Откуда знаешь? — с трудом выронила я.

Было страшно открывать глаза, страшно говорить. Я даже дышать боялась. Казалось, от одного неосторожного движенья эта злосчастная колымага разобьётся вдребезги, и я снова, как на помолвке, ухну в пропасть. Не факт, что Скальде успеет обернуться в дракона и всех нас спасёт.

Ему-то небось ни капельки не боязно. Уж он-то точно ничем не рискует и чувствует себя в полёте как рыба в воде. А нас потащили по такой паршивой погоде к чёрту на кулички.

Как бы не пришлось покойницам со стажем встречаться с только что преставившимися. А благодарить за это следовало Его Драконство.

Надеюсь, ему сейчас сильно икается.

— Мне кажется, призывать души ари будут на руинах Лабиринта смерти, — не сразу в сознание, полное животрепещущих картин крушения аэроэкипажей, проник ответ Ариэллы.

— Лаби… чего? — уже готовая капитулировать в обморок, промямлила я.

Смерти? Как символично.

— Скажешь тоже! — недоверчиво фыркнула Керис, нервно сдёргивая с пальцев, а потом надевая обратно перчатку. И так на протяжении всего полёта. — Это ведь свя-

щенное место.

— Вот именно. Насыщенное магией Древних. Сил наших магов вряд ли хватит провести ритуал призыва. А если почерпнут силу из святой земли, может и получиться, — рассуждала в своей излюбленной поучительной манере девушка.

— Да не рискнут они. Не станут осквернять одно из самых старых святилищ, — покачала головой мадмуазель Стерва. — Даже ради наследника.

— Гляньте-ка туда, — подала голос молчавшая до сих пор Гленда, которую тоже сильно мутило.

Девушка смотрела в окно. И мы с Керис, преодолев страх, отдёрнули штору и прилипли к подёрнутому изморозью стеклу.

Фальвы постепенно снижались. Сквозь редеющие клубы тумана всё отчётливее проступали развалины. Тёмный орнамент стен, припорошенных снегом, сплошь изрезал необъятных размеров пустошь. Казалось, лабиринту нет конца и края. Куда ни посмотри — всюду бесконечный узор из камня, уводящий к центру этого жуткого капкана. Мы уже были достаточно близко, и мне удалось разглядеть возвышавшуюся в центре лабиринта пирамиду, пик которой венчал круг, что-то вроде солнца, с лучами, загнутыми на концах.

— Что я говорила? — победоносно улыбнулась Ариэлла, будто только что выиграла в лотерею пару миллионов евро. — Как раз только ради наследника они на это и пойдут.

— Сумасшедшие, — пробормотала княжна Серых пустошей.

И в кои-то веки я была согласна с Керис. Мало того, что меня от одной мысли о знакомстве с мёртвыми ари начинало потряхивать, так ещё и созерцание места встречи ввергало в панику.

Я-то думала, что всё случится в пределах Хрустального города. В каком-нибудь красивом храме, напоенном ароматами благовоний. А ещё лучше, в тёплой и такой уютной атмосфере «Старого друга». Выпили бы с покойницами на брудершафт по кружке медового пива, закусили. Поболтали о том, о сём: о жизни, о шансах наследника и его несчастной избранницы выжить и разошлись бы с миром каждый по своим мирам.

Но нет, этим чокнутым подавай хлеба и зрелищ! Лабиринт смерти. Уже и не знаю, кто я: гладиатор или невеста.

И почему нельзя было призвать бывших ари в трактир…

— Откуда такое название? — шепнула Ариэлле на ухо. — Лабиринт смерти.

Полагаю, Фьярра, как и всякая жительница Сумеречной империи, была о нём наслышана, должна была быть знакома с историей создания этого музея ужасов и с тем, для чего он в прошлом предназначался. Но вот псевдо-Фьярра терялась в догадках. Очень и очень пугающих. Я должна знать наверняка, какие непотребства здесь совершались, прежде чем окажусь в ловушке полуразрушенных стен.

Ариэлла, как обычно, удостоила меня настороженно-недоумевающим взглядом, который я привычно проигнорировала (не до того сейчас было), и так же тихо проговорила:

— Здесь Древним приносили в дар живых, взамен получая от них силу и благословения.

— Ягнят, овечек, телят? — дрожа, словно в лихорадке, хотя в карете было тепло, если не сказать жарко, проклацала я зубами.

— Людей, — одними губами прошептала девушка. — Духам нравилось играть со своими жертвами. Сводить с ума, загонять до полусмерти, и только потом… убивать. Лабиринт был их любимым местом обитания.

Жуть, жуть, жуть!

Не хочу я туда! Не пойду!!!

— Оттого и земля здесь священная, полная великой силы, — спокойная как удав, проронила Гленда. — Ею боги щедро одаривали смертных в обмен на жертвы.

А ещё на земле этой не было ни единого деревца, ни даже захудалого кустика. Только чёрная, будто вся прогнившая, почва с грязными пятнами снега и бесконечные стены, покрытые узорами трещин.

Показавшимися мне мистическими и зловещими. Такими же зловещими, как и всё в этом мрачном месте.

Ещё каких-то полчаса назад я молила высшие силы о скорейшем приземлении и грезила о том, как выползу из кареты, осяду на землю, зароюсь пальцами в мокрый снег и буду наслаждаться ощущением твёрдой почвы. Под ногами, под задним местом, под руками и, вообще, буду касаться её всем, чем только можно. И плевать, что обо мне подумают алианы и Герхильд.

Первые уже давно решили, что княжна Лунной долины если и не ку-ку, то уверенно к тому движется. Ну а что касается Его Морозейшества… Мне должно быть без разницы его мнение.

Пусть тоже считает меня немножко с приветом. Авось тогда будет держаться от невесты номер восемь подальше. Потому что мне, несмотря на долгие сеансы самовнушения и строгие выговоры самой себе, держаться подальше от Скальде не хотелось.

А вот поближе — другое дело.

Я снова на себя прикрикнула, велев дурной же себе сфокусироваться на смертельном лабиринте. А зачинщика всего этого беспредела хотя бы на некоторое время выставить из собственных сумбурных мыслей.

Если честно, теперь я была не против ещё немного полетать. Стерпела бы и морскую болезнь, и страх высоты. Лишь бы держаться подальше от хитросплетений каменных стен. Мощные, неприступные, в разы выше тех, что опоясывали Ледяной Лог, тёмным пологом они протягивались от земли к небу. Казалось, стоит вступить в лабиринт, и стены эти безжалостно сомкнутся над головой, замуровав меня заживо.

Ох, чувствую, после сегодняшнего испытания в моём анамнезе будет значиться и боязнь замкнутого пространства.

— Этому святилищу уже несколько тысяч лет, — с придыханием проговорила Ариэлла, явно пребывавшая в благоговейном экстазе от этого места, и следом за мной сошла со ступеньки кареты.

А я поёжилась. Не то от страха, дикой кошкой точившего когти о мою многострадальную душу. Не то от холода. В пустошах было, как на Северном полюсе. Колючий ветер пробирался под накидку, играл тяжёлыми складками и загонял снежинки в меховую опушку. Бессовестно дёргал меня за головной убор, наверняка мечтая сорвать его или хотя бы украсть для себя венчавший эту жемчужную прелесть серебряный полумесяц. Вместе с морозным воздухом дружно кусал меня за щёки, заставлял коченеть пальцы под тонким бархатом перчаток.

Чудненько. Если не умру от ужаса, то имею все шансы здесь окочуриться. А если не добьёт отвратительная погода, эту задачу вполне могут взять на себя ари. И даже если повезёт не скончаться от сердечного приступа, холода или после знакомства с роднёй Ледяного, ещё ведь предстоит долгий путь обратно. Полный потрясений и тряски.

В общем, как понимаю, при любом раскладе — долго мне не прожить.

Фальвы приземлились у самого лабиринта — возле ворот высотой в три Герхильдовых роста.

Пока Скальде, Игрэйт и остальные маги о чём-то сосредоточенно переговаривались у входа в эту гигантскую комнату страха, эссель Тьюлин поила нас согревающими отварами и привычно наставляла:

— В лабиринт вы будете входить по очереди. Не останавливайтесь, идите вперёд и ничего не бойтесь. Каждый закуток, каждый камень был тщательно осмотрен магами, здесь вы в полной безопасности. И Их Лучезарностей тоже не пугайтесь. Они, конечно, могут быть не в духе из-за того, что их потревожили. Но зла вам не причинят. А уж если вы им понравитесь, одарят благословением на всю оставшуюся жизнь. Сами понимаете, удостоиться милости столь могущественного колдовского рода — большая честь.

Алианы воспрянули духом. Стали переглядываться, заговорщицки перешёптываться, делясь друг с другом эмоциями с ушка на ушко. Наверняка каждая была уверена, что именно ей посчастливится и удастся произвести на экс-императриц хорошее впечатление.

А вот я не была столь оптимистично настроена. Бродить в одиночестве по заброшенным развалинам, где высшие силы, пусть и в далёком прошлом, охотились на людей? А если какой Древний решил задержаться на бренной земле, прикорнул на пару-тройку столетий, а мы своим появлением его разбудим? Злого и голодного. Мне совсем не улыбалось стать героиней реалити-шоу «Остаться в живых» и улепётывать от разошедшегося духа. Тем более что на каблуках далеко не убежишь.

— А вы с нами не пойдёте? — подняла на распорядительницу отбора полный затаённой надежды взгляд.

— Никто с вами не пойдёт, — обломала мне эту самую надежду эссель Тьюлин. — Всё, что скажут вам ари, предназначено только для ваших ушей. Нам откроется лишь результат — знак, что после испытания проступит у каждой из вас на ладони.

Значит, будут за стенами отсиживаться. Везунчики.

С одной стороны, конечно, хорошо, что беседа с покойницами пройдёт тет-а-тет, и, если меня и раскроют, то никто этого не услышит. С другой — что, если ари, воспылав гневом, решат самолично поквитаться с самозванкой, а рядом никого, кто бы мог защитить, не будет?

Я шумно сглотнула, тщетно пытаясь протолкнуть в себя застрявший в горле едкий комок страха и невыплаканных слёз. Даже живительный горячий настой не помогал согреться, успокоиться и расслабиться.

— А как мы найдём обратную дорогу из лабиринта? — озвучила злободневный вопрос Хелет.

— На каждой из вас будет кольцо-артефакт. Оно и приведёт вас к выходу, — раздался за спиной голос тальдена. Который, голос, забравшись под платье и даже под нижнюю сорочку, мурашками, опасной дрожью пробежал по обнажённой коже.

Алианы, потупившись, слаженно опустились в реверансах. Я тоже присела, каждой клеточкой своего тела ощущая замершего позади мага.

Раньше не замечала, а теперь вдруг бросилось в глаза, как начинали алеть щёки девушек при появлении Герхильда. Как губы их растягивались в застенчивых улыбках и ресницы трепетали, оттеняя светлую кожу. Было непривычно наблюдать за действием привязки, так сказать, на трезвую голову. Неужели я точно так же по-глупому улыбалась и словно дура кокетливо моргала глазами?

Хорошо хоть сейчас владею собой и своим разумом. Щёки у меня не пылают, губы не разъезжаются в улыбке и колени предательски не подрагивают, как бывало раньше. Ну а то что внутри диким цветком распускается пламя, обжигая грудь, раскалённой лавой стекая к низу живота, так то, должно быть, нервное.

Да, определённо, это ненормальное влечение развилось на почве стресса.

— Если понадобится помощь, просто сожмите артефакт в кулаке, и вас сразу найдут.

— Можно уже начинать сжимать? — слетело с дрогнувших губ.

— Вы здесь в безопасности, эсселин Сольвер, — смерил меня ироничным взглядом

Герхильд.

Ещё и веселится, изверг.

В глазах мага бегущей строкой читалась насмешка, мол, какая из этой трусихи правительница империи.

— Никто вас не обидит. Не украдёт и не съест.

Успокаивал Его Великолепие отвратительно. Ведь если вспомнил про «съест», значит, прецеденты имелись.

— Но если что-то из этого всё же со мной случится, знайте, вы не приглашены на мои поминки.

Ощутив себя под перекрёстным прицелом взглядов, поняла, что опять ляпнула лишнее. И так всегда, стоило только занервничать. А нервничала я в этом мире постоянно.

Да и как тут не волноваться, стоя перед входом в забытое людьми и богами место, в нескольких сантиметрах от драконочеловека, оказывающего на меня какое-то гипнотическое воздействие.

Дурман в голове рассеялся, когда в сознание ворвались громкие голоса магов, на которые наслаивался зловещий скрежет расползающихся в стороны металлических створок.

Бывшее пристанище Древних встретило нас холодом, сумраком и леденящей душу мглой, хлынувшей из распахнутых ворот.

Когда с наставлениями было покончено, нам всем выдали по артефакту. Колечко из чернёного серебра как влитое село на безымянный палец. Стоило металлу соприкоснуться с кожей, как по украшению, будто рябь по воде, побежали искры, зажигая каждый выгравированный на кольце символ.

Засмотревшись на игру света, золотыми бликами касавшегося кисти, я не сразу заметила, что к магам, продолжавшим с упоением читать заклинания, подвели телёнка. А услышав жалобное мычание животного, неуклюже переступавшего с ноги на ногу, поспешила скрыться в карете, понимая, что прихватили его с собой не в качестве болельщика.

Я всегда любила зверушек, больших и маленьких. Поэтому десятой дорогой обходила цирки и зоопарки, не способная вынести вида животных в клетках, предпочитая и вовсе на них не смотреть. А вот мимо дворняжки с голодными грустными глазами, наоборот, пройти не могла, тут же бежала в магазин за чем-нибудь вкусненьким для «беспризорника». Своего последнего кота тоже на улице подобрала.

Интересно, как там без меня Котений Котеньевич? Раньше, когда был помельче, мы его ласково называли Котей. Но с тех пор как возмужал и стал напоминать тигра в мини-формате — такой же рыжий-бесстыжий, с тёмными продольными полосками по всей немалых объёмов туше — все к нему обращаются не иначе как Кот или уважительно по имени отчеству.

Покупает ли ему Фьярра его любимую куриную печень? Вредную, конечно, но иногда ведь можно побаловать любимого питомца.

А вот стал ли он любимым для неё… Как и мой Лёшка.

Вздохнула грустно, пытаясь понять, ревную ли до сих пор. По идее, при мысли об этой воровке чужих мужей и, собственно, самом муже сердце должно скакать галопом. А вот не скачет, стучит себе ровно. Я бы даже сказала как-то отстранённо.

Наверное, правы мама с бабушкой: женщины в нашем роду действительно прокляты. Раз стоит только выйти замуж, и всё, конец лав-стори. Раньше я в это не верила, но после знакомства с Адальфивой была вынуждена пересмотреть свои жизненные убеждения.

Я сидела в карете всё то время, пока маги приносили в жертву невинное существо и призывали в лабиринт души умерших. Алианы стояли неподалёку, совершенно

спокойные, я бы даже сказала безразличные к смерти животного. Наверное, для них жертвоприношение в порядке вещей. Мне же многие здешние обычаи казались дикими, страшными и отвратительными.

— Княжна, вы что здесь, уснули? — вырвала меня из мира мрачных раздумий эссель Тьюлин, несколько раз ударив кулаком по изрисованному морозными узорами стеклу. Скомандовала резко, словно я была не невестой, представительницей древнего дворянского рода, а новобранцем, призванным на войну: — Скорее за мной! Будете входить в лабиринт третьей.

Жаль, что не минус первой, то есть не входить в него вообще.

Подобрав юбки, я покинула карету и поплелась за распорядительницей отбора, чувствуя себя ещё одним жертвенным телёнком. На магов и туда, где снег окрасился багровым, старалась не смотреть.

— Лучше бы Герхильду пустили кровь, — бормотала себе под нос, следя за тем, как в туманном зёве лабиринта исчезает первая невеста — Гленда.

— А ему и пустили, — услышав моё ворчание, сказала Майлона, переминавшаяся с ноги на ногу в попытке согреться. — Ты что не следила за призывом? Это же было так интересно! Только Его Великолепие жаль немного. Резать ладони, должно быть, очень больно. Но иначе бы, без крови потомка, покойные ари не откликнулись на наш призыв.

— Не больнее, чем когда тебе перерезают глотку, — буркнула я, невольно посмотрев в ту сторону, где лежало мёртвое, истекающее кровью животное.

Тёмная, почти чёрная — под ней таял снег, а у меня внутри от этого зрелища, наоборот, всё холодело. Почувствовав, как к горлу подступает терпкий комок, отвернулась и услышала собственное имя.

— Эсселин Фьярра-Мадерика Сольвер, вы следующая! — приговором прозвучали слова.

Я последовала к воротам, провожаемая дюжиной взглядов. Один из них то заставлял покрываться испариной и провоцировал учащённое сердцебиение, то морозил меня с ног до головы. Сейчас я чувствовала его как никогда остро, всем своим естеством. И даже когда туман за спиной сомкнулся, скрыв меня от наблюдателей этого безумства, продолжала ощущать тальдена. Каждым сантиметром кожи, каждым своим волоском. Будто Ледяной по пятам следовал за мной.

Впрочем, мысли о Герхильде очень скоро добровольно покинули моё сознание. Стоило мне очутиться в ловушке пугающей мглы, как стало не до сердечных или чёрт его знает каких там переживаний. Чем дальше оказывалась от входа в лабиринт, тем больше густела хмарь перед глазами, становясь почти непроницаемой. Словно где-то на небесах опрокинули огромную кастрюлю с молочным киселём, и теперь он разливался по промёрзшей земле, стекал с обледенелых стен.

От промозглого воздуха першило в горле, а от неспособности видеть дальше собственного носа тревожно ныло в груди. Я вздрагивала от малейшего шороха. Даже от звучания своих же шагов и собственного дыхания, с хрипом вырывающегося из лёгких.

Казалось, это вовсе не я дышу, а кто-то или что-то, что идёт по моему следу. Крадётся, с каждым шагом становясь всё ближе к своей поживе, то бишь ко мне.

Надеялась услышать голоса других алиан, а лучше — повстречать одну из них и дальше уже идти вместе. Желательно взявшись за руки. Сейчас бы я обрадовалась даже Керис.

Но меня окружали лишь вздымающиеся к небесам стены и карабкающийся по шероховатому камню туман. Лишь однажды впереди, у излома лабиринта, мелькнула чья-то облачённая в светлое фигура. Может быть, Ариэлла? Это на ней было горностаевое манто.

Или мне просто почудилось…

И тем не менее ускорила шаг, крикнула:

— Подожди!

А в следующую секунду почувствовала себя ари, не пережившей брачную ночь и превратившейся в ледяную статую. Беспомощную и неподвижную.

Когда чьи-то жёсткие пальцы сомкнулись на моём плече.

Глава 25

Мгновения счастья быстротечны. Иные же, вот как эти, кажутся бесконечными. Тянутся, будто резиновые, не желая становиться прошлым. А с ними и нервы натягиваются до предела, готовые в любой момент лопнуть, словно изношенные гитарные струны.

Я стояла, забыв, как дышать. И двигаться тоже разучилась. Казалось, замерла не только я, вдруг утратив способность управлять своим-чужим телом, но и мир вокруг, и даже само время застыли, будто замурованные в невидимом янтаре.

Из оцепенения, которое вот-вот должно было закончиться спасительным обмороком, меня вывел голос. Словно где-то поблизости зашелестела сухая листва, потревоженная порывом ветра. У меня тоже что-то зашелестело, вернее, зашевелилось — волосы на голове. Если бы не жемчужный шедевр, её венчавший, уверена, встали бы дыбом.

Ну а что касается цвета, чует моё сердце, быть мне отныне платиновой блондинкой.

— Куда это ты так рванула, милочка? А с нами пообщаться?

Узнав вчера об испытании, я настраивалась на встречу с призраками. С этакими бесплотными созданиями, что-то вроде маскировавшейся под фантома Блодейны. Но ари, коварно подкравшаяся сзади, а теперь, будто по мановению волшебной палочки, внезапно возникшая передо мной и преградившая мне дорогу, не была прозрачной. Разве что только какой-то неяркой, я бы даже сказала сероватой. Будто персонаж из ретро-фильма, с помощью неведомой силы переместившийся в мой ужастик.

И уж точно покойную императрицу нельзя было назвать бестелесной. Кожу до сих пор покалывало от острых, совсем не эфемерных ноготков, даже сквозь плотную ткань накидки больно жаливших мне плечо.

— Молодёжь — что с них взять? Вечно куда-то торопятся. Всю жизнь, вместо того чтобы ею наслаждаться, спешат. Вот в моё время…

Вопить-кричать сил не осталось, но слабенький писк всё же прорвался наружу, когда из замшелой кладки послышался ещё один голос, с явными ностальгическими нотками. Мелкие камни посыпались на землю, стена разверзлась, выпуская из своих недр ещё одну покойницу. Тоже блеклую, будто вырезанная из раскраски фигура, которой так и не коснулись кисть или карандаши ребёнка.

— Опять за старое, Тириль. Ну сколько можно! — закатила глаза ари с пугающе длинными, хищно загнутыми ногтями. Наверное, со дня смерти отращивает. — Никому нет дела до твоего времени. И до тебя, между прочим, тоже.

Её Лучезарность номер два и не думала обижаться. Отмахнулась от ворчливой родственницы, как от назойливой мухи, противно жужжащей над ухом, и принялась заинтересованно меня осматривать. Словно я была музейным экспонатом, и сейчас покойница оценивала мастерство создавшего меня скульптора.

— И эта такая же. Кожа да кости. Где они вообще их понабирали? — подключилась третья ари. — Выброшенные на берег рыбёшки и те будут поживее этих дохлячек.

Сама ты дохлая. Дохлее некуда.

Я вздрогнула, уже почти без страха, видимо, организму надоело вырабатывать адреналин или во мне этого гормона и вовсе больше не осталось. Туман, ковром стелившийся по земле, схлынул, открыв моим глазам третью оценщицу.

Покойницы были далеко не молоды, но ещё не утратили своей былой красоты. То ли умерли преждевременно, то ли постеснялись явиться юным алианам в своих истинных обличьях, в коих покинули этот мир. В уголках глаз — строгих, испытывающих — едва различимые морщинки. И проблески седины в тусклых, идеально уло-

женных волосах.

Держались ари, как и подобает истинным императрицам. Прямые, словно по шесту проглотили, с задранными кверху подбородками и высокомерными взглядами. Такими же холоднющими, как у Скальде. Сразу видно, родственнички.

А ещё в глазах вельможных арбитров проскальзывало пренебрежение. Видать, первое впечатление обо мне сложилось так себе.

Ари щеголяли в роскошных платьях, будто сотканных из тумана. Он же тончайшим кружевом оплетал тонкие, словно вырезанные из слоновой кости руки правительниц, драгоценными тиарами украшал причёски.

— А мне та румяная и чернобровая понравилась. И имя у неё красивое. Звучное. Майлона, — певуче проговорила первая покойница. — Фигуристая, статная, здоровьем так и пышет. Сразу видно, что сильная, и сыновей Скальде крепких подарит. Не то что эта. Болезная. — Острый ноготь беспардонно ткнулся мне в живот. — Вот где у неё там ребёночек поместится? А вылезать-то как будет?

Пока она говорила, я из последних сил боролась с желанием прикрыть руками всё, что пониже талии. Вот ведь какие придирчивые. Мы ещё даже не познакомились, а они уже раскритиковали меня в пух и прах.

— Майлона трусовата, — не согласилась с родственницей третья дама, скривившись так, будто только что червяка прожевала.

Хотя, может, для этой нечисти червяки — как раз самое то, любимое лакомство, деликатес.

— Ты всегда, Фэльма, очень придирчива и предвзята. Мы с ней ещё даже не пообщались.

— Она только в лабиринт вошла, — поддакнула ворчунье самая благодушная из ари. Тириль, кажется.

— Потому что одного здоровья мало, — назидательно парировала Фэльма и велела, обращаясь ко мне: — Ну-ка, дорогуша, покрутись. Давай, давай, живее! Нам ещё пятерых после тебя осматривать.

Как будто корову себе на ярмарке выбирают.

Я покорно потопталась на месте, оборачиваясь вокруг своей оси, а ари, пренебрежительно отозвавшаяся о Майлоне (да и я ей, кажется, не пришлась по душе) с глубокомысленным видом озвучила свой вердикт:

— Н-да, действительно какая-то квёлая.

Стало обидно. Очень и очень сильно. Не то чтобы я мечтала их поразить. Наоборот, надеялась оказаться в числе забракованных кандидаток. Но, согласитесь, мало приятного в том, что тебя при тебе же сравнивают с дохлой рыбой и брезгливо морщатся. Будто я не красивая юная девушка, а утопленная в прошлогодней луже калоша.

— Разве вас позвали оценивать наши внешние данные? Так с этим и живые вполне могут справиться. — Каюсь, не сдержалась. Надо же было самой за себя заступиться, раз уж больше некому.

— Ну хотя бы не немая, — расщедрилась на некое подобие улыбки третья Лучезарность.

А та, что с длинными ногтями, имени которой я так пока и не узнала, мрачно заметила:

— Наглая. Уж лучше бы была немой.

— Значит, не понравилась, — подвела я итог, обращаясь в большей степени к самой себе, нежели к бледнолицым и бледнотелым царицам.

Незаметно для себя самой я успокоилась. Почти. Экс-правительницы не выглядели устрашающе. Высокомерные — этого у них не отнять. И, наверное, немного раздражённые. Может, потому что их разбудили, не предупредив заранее. Но в целом

вполне нормальные. Заинтересованные больше в моей внешней оболочке, нежели в моей душе.

— Поставите крестик? — попросила заискивающе, едва не прибавив жалобно-тоскливое: «ну пожалуйста, миленькие».

— Не хочешь замуж за нашего мальчика? — по-детски надулась Тириль, чем-то напоминавшая мне фею-крёстную Спящей красавицы из одноимённого диснеевского мультфильма. Ту, что была пухленькой и суетливой, и очень походила на великовозрастного ребёнка.

— Не то чтобы не хочу… Просто… — выдохнула, собираясь с мыслями, и осторожно продолжила: — Меня пугает перспектива провести вечность в замороженном состоянии. Я тоже трусиха, ещё трусливее Майлоны, уж поверьте, и очень не хочу для себя такого финала.

Всё, пусть ставят на мне крест, на моей ладони в смысле — он станет моим обратным билетом на Землю.

Ари подозрительно притихли и теперь не сводили с меня суровых, пытливых взглядов, став похожими на трёхглавого Змея Горыныча. Только бы огнём за такие откровения не стали плеваться.

— Ты сильнее всех откликаешься на его силу, девочка, — покачала головой Её Лучезарность Фэльма. — Я чувствую это. С нашей стороны было бы глупо пренебречь такой невестой.

Приехали.

И зачем тогда нужно было распинаться, не жалея эпитетов и расписывая в красках, какая я вся тут неправильная и неподходящая?

Так и хотелось крикнуть, что это не я, а тело Фьяррино откликается. А мне вообще на вашего Герхильда не хочется откликаться. И чувствовать его так остро, и душой, и плотью, и, вообще, всем, чем только можно, не желаю. Вернее, желаю, но я себе это строго-настрого запрещаю.

В общем, не надо мне вашего солнца! Крест хочу! Большой и жирный. Чтобы всем стало ясно, что я — не героиня его романа.

А он не мой герой.

Он мой самый-самый нелюбимый дракон!

Все эти мысли в одно мгновение пронеслись у меня в голове, сформировавшись в робкие, с надеждой произнесённые слова:

— Лучше я потом за другого тальдена замуж пойду. Не за проклятого.

Ари возмущённо ахнули, запыхтели, наливаясь серым цветом, вместо положенного красного. А я зажмурилась, запоздало попеняв самой себе за то, что была такой самонадеянной. Не стоило рассчитывать на счастливое освобождение и милость давно почивших предков Герхильда.

Как бы не решили проучить своенравную алиану, нос воротящую от их пра-пра… внука, и не наказали меня за опрометчивые слова.

— А сама-то ты кто? — как гром среди ясного (нет, уже грозового) неба раздался резкий, опасный, как радиоактивная вспышка, голос. Голос, заставивший меня вспомнить о прежних страхах и неприятно поёжиться. — Проклятая ты. И душа у тебя странная. Тёмная. Чужая.

Прикосновение к лицу, требовательное, побуждающее открыть глаза. Чтобы уколоться о лёд, сверкнувший во взгляде замершего передо мной существа.

Назвать маячившую передо мной особу женщиной, пусть и покойной, язык не поворачивался. Я бы скорее сравнила её со змееволосым чудовищем, Медузой Горгоной. Туман, обрамлявший красивое, но искажённое злобой лицо, казался живым. Колыхался и трепетал, короной сплетаясь над головой Её Лучезарности, напоминая копошащихся ядовитых змей.

Ядовитым был и её взгляд, пробиравший до мозга костей.

Под ним я как будто окаменела. Единственное, на что хватило сил — это на невнятное возражение, прозвучавшее как комариный писк:

— Я не проклятая.

— Душа у тебя запятнана. Чуждой, инородной магией. Весь род твой гнилой. Такой, как ты, не место среди невест наследника.

А я, собственно, о чём?

Не знаю, что там насчёт души — зачесалось всё тело. Стало зудеть неимоверно, словно я не мылась с рождения. Хотелось содрать с себя одежду вместе с кожей, с чёртовым проклятием. Вместе с дыханием этой нечисти, опалявшим лицо, и её словами, ожёгшими раскалённым клеймом.

Всё-таки прокляла нас, Королёвых, та безымянная ведьма, обрекая быть несчастными в браке. И теперь её злые чары, которых прежде не ощущала, душили, подавляли. Невидимой занозой застряли в груди.

— Уж кто бы говорил, Ллара! — взметнулся до фальцета незнакомый голос.

Ему вторил другой, который я тоже слышала впервые в жизни:

— Это из-за тебя все мужчины нашей семьи обречены быть безумцами и убийцами!

Шокированная, раздавленная откровениями покойницы, я не сразу заметила, что к нашей «тёплой» компании присоединилась ещё пара-тройка ари. А может, их было больше… Перед глазами мелькали лица, в ушах звенело от гула голосов.

Правительницы кружили вокруг меня пчелиным роем, что-то бормоча, непрестанно жужжа, трогая и даже… принюхиваясь. Может, гадают, съедобная ли я? Раз не подошла Скальде, то почему бы не закусить забракованным товаром.

Не пропадать же добру зря.

— Не из-за меня! — обиженно вскрикнула ари со змеиной причёской, и туман у неё на голове пришёл в ещё большее возбуждение. — А из-за дурочки Арделии, нагло «самоубившейся» в моём саду. Это всё она! Я же просто боролась за свою любовь!

— За трон ты боролась, жадная до власти стерва!

— Не забывай, с кем разговариваешь, Фэльма! — почти в рифму, чеканя слова, парировала печально известная Ллара.

Та самая, что, воспользовавшись правом Йели, явилась на брачный пир и украла у Арделии её возлюбленного жениха.

На какое-то время обо мне и о моей запачканной, иномирной душе все забыли, увлёкшись выяснением отношений. Почтенные ари были прямолинейны, не стеснялись в выражениях и не отказывали себе в удовольствии облаять соседку справа или слева. Оскорбления пушечными снарядами летали в воздухе, попадая то в одну, то в другую покойницу, а у меня от некоторых словечек уши сворачивались трубочками.

Если честно, я так и не поняла, разоблачили нас с Блодейной или все претензии Ллары были исключительно к моему семейному проклятию. Не желая испытывать судьбу и дальше, осторожно, шаг за шагом, я отступала, мечтая под шумок смыться. А они уже потом пусть сами решают, одарить ли меня солнышком или черкануть на ладони крестик.

Громкий хлопок в ладоши, эхом прокатившийся по хитросплетениям каменных переходов, поглотил все остальные звуки. Ари, словно горничные, застуканные за распитием хозяйских вин, покаянно опустили головы. Расступились, бесшумно прильнув к стене, освобождая дорогу ещё одной представительнице династии Герхильдов.

Правительница величаво подплыла ко мне и Лларе, которая, вспомнив, для чего здесь все собрались, снова принялась сверлить меня злющим-презлющим взглядом. В то время как от новоприбывшей мне достались лёгкий кивок головы и улыбка.

Немного грустная, сделавшая её нежные черты лица ещё более трогательно-притягательными.

— Значит, не пойдёшь замуж за моего сына?

Мне поплохело. В вопросе ари слышалась угроза.

Оскорблённая, задетая за живое родительница — что может быть хуже? Сразу стало не до Ллары, недовольно пыхтящей рядом. Сейчас большие опасения вызывала императрица Энора. Некоторые, улыбаясь, играючи, расправляются со своими неприятелями. Вдруг она из таких.

Слова застряли в горле вместе с воздухом. Покойница долго всматривалась в моё лицо, наверное, пыталась отыскать в моих чертах ответ на заданный вопрос.

А потом, горько усмехнувшись, нарушила тягостную тишину:

— Что ж, мне понятны твои опасения. Я в своё время тоже боялась.

— Это Скальде следует её опасаться, — не преминула вставить свои пять копеек воровка чужих женихов — Ллара. — Ей здесь не место, и душа у неё гнилая!

Вот ведь склочная баба. Не удивительно, что император Валантен предпочёл ей другую. Прилипла, как банный лист, к моей душе. Других, как оказалось, не особо заботило, что я здесь — инородное создание. Но Лларе как будто вожжа под хвост попала.

Её Лучезарность, что одним небрежным хлопком навела порядок в рядах императриц, невесомым касанием прошлась по моей приколотой к накидке булавке, оттенённой гранатовой крошкой, словно капли крови застывшей у меня на груди.

— Я чувствую магию сына. Это его подарок?

Кивнула в ответ, не способная оторваться от изучения длинных мысков своих сапог. Знаю, глупо, но в присутствии этой ари я чувствовала себя неловко. Из-за того, что отрекалась от её сына. Хотя Энора меня, кажется, поняла и вроде бы совсем не злится. И тем не менее смотреть в глаза императрице было стыдно.

— Что же он означает? — мягко поинтересовалась женщина.

А я мысленно застонала, понимая, что не могу не признаться, и примерно предполагая, какой окажется реакция этой мёртвой банды.

В ушах звучал похоронный марш, пока я выжимала, словно крем из кондитерского мешка, из себя слова:

— Брошь блокирует действие любовной привязки.

Что тут началось… Покойницы громко заохали, заахали. Стали друг с другом переглядываться, а потом все дружно вонзились в меня, точно иглами, возмущёнными взглядами и принялись негодовать.

— Немыслимо!

— Непостижимо!

— Ужасно и отвратительно!

— Разве можно так бессовестно попирать древние традиции?!

— Что я говорила?! А? — Это снова Ллара, никак не желающая угомониться. — Гнать надо в три шеи такую алиану! Подальше от нашего мальчика. Видно же, что околдовала его, лишь бы выйти замуж и стать императрицей! Пусть не приближается к Скальде! Надежде и опоре нашего рода!

Сколько же пафоса, злости и яда. Как бы сама им не отравилась, змеючка подколодная.

— Тише. — Лёгкий взмах руки, будто дирижёр провёл в воздухе палочкой, и звон голосов растворился в клубившемся вокруг тумане. Задумчиво оглядев меня с ног до головы, Энора обернулась к притихшим родственницам. — Смею напомнить, дамы, решается судьба моего сына, и последнее слово будет за мной.

То тут, то там раздавались недовольные шепотки, но какие-то вялые, едва различимые. В конце концов ари признали, что право казнить меня или миловать остаёт-

ся за матерью Ледяного. Ей и решать, что станет со мной в недалёком будущем.

Одна Ллара считала себя уполномоченной вершить нашими с Герхильдом судьбами.

— Только не говори, что отпустишь её с благословением! — раздражённо закатила гадюка глаза. — Видно же, что девчонка порченная. Ты и сама, Энора, это чувствуешь и знаешь, что я права. Среди алиан есть девушки куда более достойные.

— Я понимаю твои опасения, Ллара, — невозмутимо кивнула императрица, добавив всё так же вкрадчиво: — А ещё я хорошо знаю своего сына. Не пошёл бы Скальде против священных традиций ради девушки, которая ему безразлична. Так что дадим алиане шанс. — Её Лучезарность глянула на меня и закончила с хитрой улыбкой: — Им и зарождающемуся между ними чувству.

Справедливое замечание, что нет между нами никакого чувства, так, разве что только немного химии, озвучить я не успела. Лица императриц, их призрачные одежды смазались, растворяясь в окутавшем лабиринт тумане, пока не слились с завесой мглы. Теперь, когда всё было позади, совсем не казавшейся мне зловещей и опасной. Она больше походила на кремовую пенку сливок в чашке капучино.

Голоса мёртвых императриц звучали всё тише, эхом играя в недрах лабиринта. И только один голос, Ллары, — горький, как настойка полыни — продолжал назойливо капать мне на мозги.

— Не нужна ему такая жена. И империи проклятая не нужна. Лучше от неё избавиться. Тёмная у неё душа. Тёмная. Гнилая…

Испытывая смешанные чувства — облегчение от того, что проверка на «профпригодность» наконец закончилась, и грусть напополам с… радостью (нет, я точно чокнутая) от того, что ещё один этап отбора успешно пройден, я поспешила к выходу из этого каменного мешка.

Значит, быть мне и дальше гостьей в Ледяном Логе. Или Ллара всё-таки сумеет переубедить мать наследника, и меня отправят в путь-дорогу? Всё, запрещаю себе об этом думать! Лучше дождусь, когда на руке проявится символ.

А сейчас бегом к выходу! Не терпится вырваться из этого туманного капкана и подняться в небо. Я даже тряске рада буду. Лишь бы как можно скорее покинуть Лабиринт смерти и окружающие его такие же мёртвые земли.

Стянув перчатку, улыбнулась, рассматривая мерцавшее на безымянном пальце колечко. Оно приятно согревало кожу, подсказывая, куда следует поворачивать. Я не знала наверняка, но чувствовала, что движусь в правильном направлении. Не останавливалась на развилках, не замедляла шага перед очередным изломом стены.

И не переставала улыбаться, твердя себе мысленно, что вот-вот увижу раскрытые настежь ворота. И магов, и эссель Тьюлин, и Его Отмороженность с Его Липучеством.

— Мяу…

Запнулась, прислушиваясь. Нет, должно быть померещилось. Откуда здесь взяться животному, тем более котёнку, к которым питала особую слабость.

— Мяу, мя-я-яу-у-у… — прозвучало жалобно, тоскливо, заставив сердце в груди съёжиться, будто абрикос, высушенный до состояния кураги.

— Я точно брежу.

Наверное, не следовало останавливаться и сворачивать в тёмный рукав прохода, противоположный тому, к которому влекло меня магией колечка. Но я не могла остаться равнодушной и бросить на произвол судьбы маленького котёнка.

«А вдруг ловушка?» — будто птица в клетке, билась в сознании здравая мысль. И тут же, её заглушая, всё ближе раздавалось жалобное мяуканье наверняка изголодавшегося, замерзающего зверька.

Эссель Тьюлин утверждала, что маги облазили лабиринт вдоль и поперёк. Что нам здесь нечего бояться. И тем не менее я стянула с пальца колечко, готовая в слу-

чае опасности сжать украшение в кулаке.

— Мяу, — будто ножом по сердцу.

Я шла, едва не срываясь на бег, до рези в глазах всматриваясь в клубы тумана, путающиеся под ногами. Не знаю, как не пропустила, не прошла мимо жавшегося у стены крошечного, жалобно пищащего комочка.

— Бедненький ты мой. — Присела, чтобы подобрать зеленоглазую сиротку. — И как только здесь очутился? Иди ко мне, будем греться.

Котёнок выгнулся дугой, шерсть вздыбилась, и с неё на обледенелую землю, ярко сверкая, посыпались… самые настоящие снежинки. Я хотела его успокоить, погладить по снежной (в прямом смысле этого слова) холке, но животное, испугавшись, больно цапнуло меня за ладонь. На коже гранатовыми бусинами выступили капли крови.

— Я не обижу тебя. Я…

Не сумела закончить фразу. Язык вдруг перестал слушаться, стал ватным. Накатила усталость. Как будто лет сто не спала. Прижалась лбом к стене. В глазах темнело. Исчез и котёнок, и бугристая кладка. И холод, исходивший от векового камня, вдруг перестал ощущаться. Не знаю, сжала или только попыталась сомкнуть вокруг колечка ослабшие пальцы.

Веки налились свинцовой тяжестью. Последнее, что успело выхватить из сгущавшейся вокруг тьмы сознание, — это шум мощных, гигантских крыльев, обдавших меня ледяными потоками ветра. Земля дрогнула, закачались стены. С усилием повернула голову, чтобы успеть утонуть в серебре драконьих глаз, поймать в вытянутых в нитку зрачках собственное отражение и отчаянно пожелать, чтобы это было моё чудовище.

А не какой-нибудь разбуженный и не учтённый магами житель лабиринта.

Глава 26

Следующий день начался с сюрпризов. Первым, и самым приятным, стало моё пробуждение в Ледяном Логе. Я была жива и почти невредима. Слабость и тошнота — последствия яда кьёрда, той мелочи кусаче-пузатой, не в счёт. И светлая, смоченная в чём-то весьма пахучем повязка, перетягивавшая укушенную руку, меня не смутила и не напугала. Боли я не чувствовала, разве что лёгкий зуд.

Второй сюрприз вызвал противоречивые чувства — левая ладонь сияла так, что приходилось жмуриться и прятать руку под одеялом. Всё-таки заработала я своё солнце, желанно-нежеланное, и теперь не знала, что делать с этим подарком судьбы, с собой и со Скальде.

А ещё с оставленным на Земле мужем, при мысли о котором хотелось головой о стенку биться. Авось тогда из неё (из головы, а не из стены) выветрится вся эта любовно-хмельная дурь.

— Только посмотрите, какое оно красивое, ваше солнышко! — сияла Мабли как то самое солнышко. Счастливо кружила по комнате, пританцовывая. Поправляла мне одеяло, заботливо взбивала подушки и всё частила, не замолкая ни на секунду: — Не терпится узнать, что там проявилось у других алиан. Сколько невест, интересно, покинут замок? Сейчас позавтракаете, и я пойду всё разузнаю.

Мабли торопилась отправиться на разведку, но приходилось исполнять наказ эррола Хордиса: дождаться, когда хозяйка проснётся, дабы накормить её, то бишь меня, уже остывшим бульоном.

Опять бульоном…

— Можешь идти. Я всё равно пока не голодна. А если проголодаюсь, сама поем. Не маленькая.

Стоило только взглянуть на желтовато-сероватую бурду с утопленными в ней крупно порубленными листьями капусты, как желудок начал громко и негодующе протестовать против такого гастрономического эксклюзива.

— Это из-за яда кьёрда у вас аппетита нет, — пристраиваясь рядом и ставя мне на колени поднос с овощной отравой, пояснила Мабли. — Эррол Хордис сказал, вам нужно побольше кушать, чтобы силы скорей вернулись. Даже если и не хочется.

— Мне даже смотреть на еду тошно, — пожаловалась я. Сделав над собой усилие, всё-таки проглотила первую ложку бульона. За ней, с горем пополам, удалось отправить в путешествие по пищеводу вторую. А на третьей я не выдержала и сказала: — Баста.

Мои вкусовые рецепторы явно взбунтовались. Бульон казался то кислым, то чересчур солёным, а то и вовсе горьковато-терпким, будто эспрессо, разбавленное настойкой полыни. Хлеб с хрустящей, рыже-золотой корочкой тоже не пришёлся мне по вкусу. С трудом протолкнула в себя один несчастный кусок.

— Будем считать, что я на диете.

Что такое «диета» Мабли наверняка не поняла, но уточнять не стала, поглощённая мыслями о том, кто из алиан какой получил в лабиринте подарок от покойных ари.

Удовлетворившись тем, что я хоть немного поела, девушка переставила поднос на прикроватный столик. Но прощаться почему-то не спешила.

Вместо того чтобы мчать всё выведывать и вынюхивать, мечтательно прикрыла глаза и с самым одухотворённым видом проговорила:

— А Его Великолепие как за вас переживал! Так переживал… Это ведь он вчера вас спас, маги бы точно вовремя не поспели.

Значит, всё-таки это было моё чудовище.

То есть, конечно же, не моё, а самое что ни на есть чужое. Очень надеюсь, что ста-

рые склочницы не сильно проредили наши дружные невестины ряды, и у меня ещё остались соперницы. Одна из которых вскоре станет лучезарной императрицей. А когда-нибудь в будущем (если, конечно, сумеет выжить после интима с Герхильдом), удостоится чести, правда, весьма сомнительной, присоединиться к этой призрачной шайке.

— С утра пораньше, как только рассвело, слугу прислал справиться о вашем самочувствии, — продолжала отчитываться-сплетничать служанка. — А вчера вечером заглядывал сам лично. Но я не пустила, — заявила важно, высоко задирая голову. — А то взял моду, — стопудово у меня словечко стащила, — заявляться к вам в спальню. Совсем не беспокоится о вашей репутации!

Почувствовала, как уголки губ сами собой тянутся кверху. О репутации, может, и не беспокоится, а вот о моём здоровье…

Да что же это такое! Аня, ты — безнадёжный, абсолютно клинический случай.

От очередного выговора самой себе меня отвлекла Мабли.

— Расскажите, как всё прошло. — Девушка поудобней устроилась на кровати, настраиваясь на долгий и обстоятельный рассказ. — Они догадались, что вы… ну, того.

Главное, что я уже догадалась, что я того. Чувствую то, что не должна чувствовать, и даже не представляю, что с этим делать.

Служанка смотрела на меня таким жалобным, молящим взглядом, что я не выдержала: описала в нескольких словах своё знакомство с бывшими императрицами, опустив историю с проклятием Королёвых. Всё-таки мы с Мабли не закадычные подружки, чтобы делиться друг с другом сокровенным, и будет лучше соблюдать субординацию: я хозяйка, она служанка. Или, скорее, пленница и надзирательница.

— Выходит, это Ллара пыталась от вас избавиться, — с тяжёлым вздохом подытожила слушательница.

— Думаешь, она?

Девушка уверенно кивнула.

— Снежные кошки в тех краях не водятся. И уж никак новорождённый детёныш кьёрда не мог оказаться в Лабиринте смерти. Магией его туда перенесли. Сильными чарами. А раз, говорите, лабиринт исследовали перед началом испытания, значит, малыш попал туда уже после проверки.

Логично. Неужели я и моя душа настолько не понравились Лларе, что она не побрезговала попыткой убийства? Страшная женщина. Хорошо, что мёртвая.

Наверное, у меня в мозгах рылась, выискивала мои слабости. Или действовала наобум? Телепортировала в лабиринт первое, что пришло в голову — детёныша какого-то там кьёрда.

Я поёжилась, ощутив на своём лице ледяное, мёртвое дыхание ари, как будто она снова была рядом, и спросила тихо:

— Что оно вообще такое, этот кьёрд? Котёнок казался таким безобидным. Выглядел, кроха, несчастным и беззащитным.

Мабли негромко хмыкнула.

— Этот, как вы выразились, кроха в будущем мог бы вырасти до размеров пони.

— Мог бы?

Девушка бойко затараторила, будто пересказывала главу из учебника по зоологии:

— Кьёрды — дикие снежные кошки, обитают в горах, на неприступных вершинах. С наступлением тепла спускаются со своим выводком в долины и леса, чтобы учить тех охоте. В былые времена, пока прадед Его Великолепия, император Родриг, не издал указ о запрете охоты на кьёрдов, звероловы выслеживали этих животных. Взрослых особей убивали — знать щедро платила за их шкуры. Из меха дикой кошки дамы шили себе красивейшие муфты и манто, оторачивали им накидки.

Жуть жуткая. У меня никогда не было ни дублёнки, ни шубы. Жили мы с мамой скромно и прекрасно обходились пуховиками и куртками. А когда Лёшка раскошелился мне ко дню рождения на норковый полушубок, я его чуть из дома не выгнала вместе с этим самым полушубком. Увы, вернуть подарок в магазин не получилось, и он осел в шкафу моей свекрови.

Или правильней будет называть Елену Вениаминовну Фьярриной свекровью? Уф, не буду сейчас об этом думать.

В Адальфиве мне пришлось скрепя сердце изменить своим принципам последовательницы «Гринписа» и носить то, во что вменялось наряжаться алиане, княжеской дочери. Накидок и меховых пелерин у Фьярры бессчётное множество. Без них в такую холодрыгу из замка и носа не высунуть.

— А детёнышей кьёрдов ловили и продавали магам, — тем временем, не догадываясь о моих унылых мыслях, рассказывала Мабли.

Я встрепенулась:

— Но если эти снежные кошки и даже котята ядовиты, разве не опасно держать при себе такого питомца? Пусть бы жили себе в своих горах. А то цапнет тебя такая лапа, играючи, и всё — ты труп. В лучшем случае, как я, мучаешься тошнотой и мигренью.

Расправляя на юбке невидимые складки, Мабли покачала головой и продолжила предаваться своему излюбленному занятию, другими словами, чесать языком:

— Выпрыскивать яд кьёрд способен всего раз в жизни — в момент смертельной опасности и наивысшего страха. Укус взрослой снежной кошки наверняка убьёт, да и яд малыша, если вовремя не принять противоядие, тоже может оказаться смертельно опасным.

Получается, я его сильно напугала. Да и как такой крохе было не напугаться? Его наверняка отняли у матери или кто у этих кьёрдов занимается потомством. Перенесли чёрт знает куда, а тут я, вся такая большая и непонятная, пытаюсь взять его на руки. Вот он с перепугу и цапнул меня. Защищался как мог, бедняжка.

— Это хорошо, что магам удалось приостановить действие яда до вашего возвращения в замок, а здесь уже эррол Хордис завершил лечение. Я за вас так сильно переживала! Ночью глаз не сомкнула, — причитала, нервно кусая губы, Мабли. — В старину говорили, что только сильные телом и духом способны выжить после укуса кьёрда. У нас даже пословица про них есть: ядовит, как кьёрд. Вы, Аня, очень сильная и очень везучая.

Сомнительное утверждение. Была бы сильной и везучей, меня бы уже давно здесь не было.

Некоторое время я молчала, прокручивая в уме слова служанки, а потом, подняв на неё глаза, поинтересовалась:

— И всё же, зачем магам кьёрды? В качестве оружия? Так если травят всего раз в жизни, какой от них толк?

— Взрослые снежные кошки и без яда очень опасны. Для врагов. А вот для своих хозяев они надёжнее любой охраны. Да ещё и преданы до последнего вздоха. Детёнышей кьёрдов и приручали с помощью их же яда. — Заметив мой недоумённый взгляд, Мабли без особого энтузиазма сказала: — Вроде бы после укуса у кьёрда и им укушенного возникает неразрывная эмоциональная, ментальная и душевная связь. Честно говоря, это всё, что мне известно о снежных кошках. Я не очень-то разбираюсь во всех этих связях и привязках. Лучше потом у эррола Хордиса спросите.

Девушка явно торопилась закончить вдруг ставший обременительным для неё разговор. Но я удержала Мабли за руку, велев остаться, и продолжила расспрашивать об этих необычных созданиях, с шерсти которых, сверкая и искрясь, сыпались снежинки.

Неудивительно, что здешним модницам нравилось щеголять в таких вот снежно-волшебных шубках. Вот только слишком высокую приходилось платить за них цену — жизни животных.

От Мабли я узнала, что в прошлом маги, сознательно идя на риск, заставляли маленьких кьёрдов себя кусать, при помощи чар вызывая в них сильнейший страх. После этого котёнок привязывался к своему хозяину до конца жизни. Вырастая, становился его надёжным охранником и защитой.

Оказывается, снежное создание способно учуять, когда хозяину грозит опасность. Жаль только, что после смерти своего господина животное тоже умирает. Из-за разрыва привязки, без которой, если уж привязался к кому-то душою, кьёрд не мог существовать.

— А если маг по какой-нибудь причине отказывался от своего воспитанника?

— То же самое, — потупившись, промямлила служанка. — Привязка разрывалась, и животное умирало. — Вздохнув, снова принялась частить: — Потому император Родриг и запретил охоту на кьёрдов. Снежные кошки вымирали. Охотники за бесценными шкурами безжалостно истребляли целые стаи, маги ставили на кьёрдах эксперименты, привязывая к себе их потомство и пытаясь отыскать действенное лекарство от яда. К счастью, нашли. Иначе бы вас могли и не спасти.

Должно быть, во времена Ллары противоядие ещё изобретено не было, вот она и была уверена, что я с большей долей вероятности отброшу коньки.

— Это что же получается, у меня появился домашний питомец? — Я огляделась, но нигде не обнаружила бело-снежного, то есть белого и снежного, зверёныша. — И где же он, мой кьёрдик?

Мабли посерела лицом.

— Только не говори, что вы его там оставили, — ужаснулась я, хватаясь за сердце, усиленно таранившее грудную клетку. — Замерзать и умирать от голода? Изверги!

А может, его Скальде просто-напросто схомячил? Клацнул разок своей драконьей пастью — и всё, нету кьёрдика.

— Не оставили. — Глаза девушки забегали из стороны в сторону с такой скоростью, будто решили сыграть в догонялки. Только не понятно, от кого убегали и где собрались прятаться. — Его тоже привезли в замок.

— Ну тогда где он? — спросила, закипая.

Никакого терпения на неё не хватит.

— Вы только не нервничайте сильно, ладно? — плаксиво протянула служанка, пятясь к выходу. — Поймите, так было нужно.

— Мабли, — глухо прорычала я, переползая к изножью кровати. От каждого малейшего движения перед глазами мутнело, и одна Мабли так и норовила превратиться в три несносных служанки.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, девушка взволнованно затарахтела:

— Когда вернётся Фьярра, кьёрд наверняка её не примет. Не признает своей хозяйкой! Вот я и сказала…

И снова пауза.

В иные моменты хочется придушить интриганку.

— Мабли!

— Сказала, что вы решили не оставлять его себе. Разорвать привязку. Утром проснулись, решили и… снова заснули.

— Я тебя сейчас придушу! Придушу и порву! На молекулы разложу! — Не думала, что умею воспроизводить звуки, так похожие на шипение растревоженной змеи.

Мабли тоже так не думала. А потому испуганно вздрогнула и заныла:

— Ваша Утончённость, Аня, Анечка!

Подхалимка.

— Кьёрд ведь не может прожить без своего хозяина. Умирает долго и мучительно. Вот Его Великолепие и решил, что, раз он вам не нужен, будет лучше усыпить котёнка. Чтоб не мучился. Он ничего не почувствует. Честно-честно!

— Зато ты у меня сейчас почувствуешь! Ох, как почувствуешь… — Внутри от злости уже взрывались петарды и перед глазами сверкали, ослепляя, звёздочки и квадратики.

Собрав в кулак все силы, что ещё оставались во Фьяррином теле, я стекла с постели. Вообще, собиралась вскочить, воинственно и стремительно, но каждое движение давалось с огромным усилием. Было такое ощущение, будто двигаюсь, как в замедленной киносъёмке.

— И когда же Его чёртово Великолепие принял столь «гуманное» для моего котика решение? Чтоб вас всех!

Молчит.

— Отвечай по-хорошему. — На всякий случай ухватилась за витую колонну балдахина. Тело, будто многотонный якорь, непреодолимо тянуло к постланному перед кроватью ковру.

— Около часа назад, — всхлипнула живодёрка. Заметив, что оглядываюсь в поисках одежды, и окончательно обнаглев, встала передо мной, преградив дорогу. — Ну куда же вы пойдёте в таком состоянии? Аня!

Хотела оттолкнуть негодяйку — не вышло. Так только, осторожно её подвинула, хоть Мабли бережного отношения к бесстыжей себе не заслужила!

Ни платья, ни длиннополой накидки в поле зрения так и не попало. Опять эта чистюля всё по сундукам распихала. Если отправлюсь в путешествие по замку в одной ночной сорочке — придворных удар хватит. А впрочем… В таком состоянии я буду одеваться до Второго пришествия.

А следовало спешить.

Скинув на пол одеяло, кое-как завернулась в простыню и белёсым призраком поплыла к выходу.

По плану должна была бежать, но слабость, резко усилившаяся, стоило подняться с кровати, давала о себе знать. Ещё и Мабли ни в какую не хотела меня отпускать, упёрлась бараном (как бы ещё не начала бодаться) и всё тянула на себя край моей импровизированной тоги.

— Аня, подумайте, что вы творите. Эссель Блодейна будет недовольна. Очень недовольна! Да и вообще, нельзя вам показываться на людях в таком виде! Это же бесстыдство, такое бесстыдство!

— Плевать на эссель Блодейну. Я в любом случае пойду. С простынёй или без. Выбирай. — Обернувшись, угрожающе сощурилась. — А ещё скажу Герхильду, что ты меня обокрала и потребую себе новую служанку. Как у вас тут наказывают за воровство?

То ли вид у меня был совершенно безумный, а потому устрашающий, то ли подействовала угроза — Мабли разжала пальцы.

Пискнула приглушённо:

— Всё равно не успеете.

— Не успею, тебе же хуже будет, — мрачно бросила я.

Толкнув створки, показавшиеся необычайно тяжёлыми, будто сделанные из монолита, потащилась по коридору, волоча за собой отвоёванный у Мабли «шлейф» и на всякий случай придерживаясь рукой за шероховатый камень стены. Пол неприятно холодил босые ступни; колол кожу, будто шла по бутылочному стеклу. Но не возвращаться же за обувью.

В замке, как всегда, было полно народу. Кучковались придворные, сбиваясь в мелкие шайки и целые банды. Перешёптывались алианы, провожая меня ошеломлён-

ными взглядами. Свидетельницей моего эпатажного появления в кулуарах императорской резиденции стала и эссель Тьюлин. Кажется, это её грузное тело, прежде издав пафосное: «Ах, какой кошмар!», с глухим стуком распростёрлось на полу.

К счастью, меня никто не пытался остановить. Некоторые, самые впечатлительные, даже наоборот, шарахались в стороны. А стражники и лакеи в ярко-зелёных лосинах услужливо открывали двери мрачному привидению — невесте наследника.

Выбитая из колеи всем случившимся, напуганная и разозлённая, я не подумала спросить у Мабли, куда забрали кьёрда. Увы, на обратную дорогу в спальню меня бы попросту не хватило. А потому отправилась прямиком к Хордису, решив, что если бедолагу и будут усыплять, то только в его лаборатории.

Главное, чтобы уже не усыпили…

Дверь в лекарскую подсобку оказалась не заперта. Сквозь гул, стремительно заполнявший сознание, прорвались голоса: вкрадчивый целителя и ничего не выражающий Скальде. Этого негодяя, вот так легко решившегося на убийство невинного зверька.

Ещё один живодёр.

Соскребя по закуточкам своего многострадального тела последние силы, толкнула дверь, сощурилась грозно (Его Великолепие, конечно, не Мабли, но вдруг прокатит) и воинственно выпалила:

— Где мой кот?!

Выражение лица Скальде, этой ледяной глыбы, при моём появлении почти не изменилось. Герхильд только лениво дёрнул бровями, давая понять, что всё-таки удивился. В той степени, в какой вообще был способен испытывать удивление или любое другое чувство.

А вот эррол Хордис, в отличие от этого эмоционального жмота, выглядел поживее. Когда я вплыла в его фитотерапевтическое царство, придерживаясь одной рукой за стену, а другой за простыню, целитель вскрикнул от неожиданности и от неё же вздрогнул, уронив на пол какую-то мензурку с ультрамариновой жидкостью.

А может, моего внешнего вида так испугался? Я, конечно, спросонья далеко не красавица, да и яд, полагаю, меня не сделал краше, но чтоб вопить в присутствии дамы…

Вот оно, средневековое воспитание.

Челюсть у бедолаги отвисла аж до самого пола, по которому растеклась синяя лужица, а в ней, пронзённые косыми лучами холодного зимнего солнца, поблёскивали осколки стекла.

Неужели эту дрянь они приготовили для моего Снежка?

Ироды и супостаты.

«Если что, — подумала грозно, — воспользуюсь простынёй на манер удавки».

— Эсселин Сольвер, что вы здесь делаете? — первым из ступора вышел Хордис.

— Кота ищу, — терпеливо пояснила я. Вот ведь, какие непонятливые.

— Вы не должны были покидать свои покои. Ни в коем случае! Я же наказал вашей служанке, чтобы даже с постели не вставали! — не возмутился, всполошился лекарь. — Тем более… Тем более ходили вот такой… вот так по замку. — Покраснел, став похожим на брошенного в кипяток рака.

— Вы хотели сказать, в простыне?

Герхильд, вместо того чтобы прекратить этот бестолковый разговор и наконец сказать мне, что они, изверги, сделали с кьёрдом, молча смотрел на меня. Точнее, смотрел целитель, сначала изумлённо округлив глаза, потом сконфуженно их отводя. В то время как глаза этого подмороженного наглеца бесстыдно стягивали с меня мою «тогу». Неторопливо так, смакуя каждое мгновение этого воображаемого стриптиза.

Пока плелась коридорами замка, мёрзла, дрожала. Сейчас же чувствовала, что начинаю сгорать под этим взглядом, словно брошенная в полыхающий костёр ветка.

Я огляделась, вернее, попыталась это сделать через вуаль из мглы, наброшенную на глаза. Но кьёрда, как назло, нигде видно не было. Повсюду склянки, мутные колбы, припыленные стопки книг. И всё это, подёрнутое туманом, танцевало и расплывалось у меня перед глазами.

— Эсселин Сольвер, я так полагаю, у вас украли все платья? — снизошёл Его Драконство до контакта. Жёсткий взгляд, в котором серебрится пламя. Не гнева, не раздражения — чего-то более нехорошего и опасного. — И вы поэтому решили отправиться на поиски своего кота в чём мать родила.

— Мать меня в простыне не рожала, — справедливости ради заметила я, чувствовавшая себя сейчас так, будто прямиком из бани голышом нырнула в сугроб.

Да там и осталась, замерзать под коловшим льдом взглядом.

Подумаешь, не совсем одетой прошлась по замку. Нашёл повод психовать.

— Странно, что вас благословили мои предки, — ещё больше помрачнел Герхильд, больно полоснув по сердцу словами. Что самым острым, ядовитым кинжалом.

Расстроился, что прошла испытание?

— Хотите, можете сами поставить крест. — Наверное, не стоило давать волю чувствам. Но я дала.

Быстро, насколько позволяла слабость и жутко неудобное псевдоплатье, складки которого настырно путались у меня под ногами, приблизилась к тальдену. Протянула ему ладонь, сиявшую волшебной меткой.

— Вы же маг, можете исправить ошибку своей родни. Давайте уже, не тяните. Раз так не терпится от меня избавиться.

— Не дерзите мне, Фьярра, — опасно сощурился Скальде, оказавшись рядом. Так близко, что и эррол Хордис, и окружающая обстановка, да и весь мир перестали существовать. Подавшись ко мне, прошептал, опалив дыханием, угрозой-обещанием, которую я, будто пребывавшая во хмелю, уловила в его словах: — Могу ведь и наказать.

Меня бросило в жар. От его голоса, от потемневшего взгляда. От него по телу волнами растекалась лава, томительными напряжением концентрируясь внизу живота.

Совсем близко слышалось чьё-то назойливое покашливание, и я даже не сразу поняла, что нас в лаборатории по-прежнему трое. А не только он и я, словно глупый Икар летящая на солнце, в моём случае солнце ледяное. Хоть и знала прекрасно, что потом будет больно. Сгорать и падать. Разбиваясь насмерть.

Наверное, у меня подскочила температура. Иначе откуда все эти бредовые мысли и чувства? И близость Герхильда снова превращает меня в безумную, заболевшую им. Этой неизвестной, неизлечимой болезнью.

Предательски дрогнули коленки. Опомниться не успела, как оказалась в кольце сильных рук. Теперь уже сиял не только знак на ладони. Сверкала магическая вязь на плечах, с которых медленно сползала простыня. А с нею и кружевная тесёмка, заменяющая сорочке рукав.

Скальде обнимал меня, крепко и вместе с тем мягко, щедро делясь своей силой и нежностью. Я не спешила отстраняться, повторяя самой себе, успокаивая на время притихшую совесть, что я так слаба, так больна и могу в любой момент шлёпнуться в обморок. Так что пусть ещё подержит меня, не отпускает. Хотя бы немножко.

А лучше «множко».

— Ещё долго старейшины будут припоминать мне эту вашу выходку, княжна. — И голос больше не колол сталью. Обволакивал лёгкой будоражащей хрипотцой, как будто привязывая меня к своему хозяину невидимой магической тесьмой.

— Значит, мнения старейшин испугались.

— Не в старейшинах дело. Вы — не бесплатное представление, Фьярра, чтобы все на вас пялились.

Не сдержала разочарованного вздоха, когда тальден отстранился, а в следующее мгновение тёмный бархат мужского кафтана, от которого исходил едва уловимый горьковато-травяной запах, лёг на мои плечи.

— Так намного лучше. В следующий раз, если вам снова взбредёт в голову отправиться на прогулку полуголой, мне придётся заморозить всех своих подданных.

— Мест в саду не хватит, — хихикнула я, в глубине души радуясь, что буря миновала, и я, кажется, прощена. Подняв на мага глаза, с самым невинным видом пообещала: — Следующего раза не будет. Честное алианское. — Не сдержавшись, облизнула вдруг ставшие сухими, такими горячими губы. Его — были так близко, почти касались моих. Почти…

— Кхе-кхе! — снова закашлялся эррол Хордис, да так громко, будто поперхнулся одной из своих подозрительных настоек. — Эсселин Сольвер, вам, кажется, был нужен ваш кьёрд.

Действительно, нужен.

«Ох, прости меня, глупую, бедняжечка, — спохватилась я, отстраняясь от Скальде и мысленно себя ругая: — Опять рядом с ним недожаренной глазуньей растеклась».

— То, что сказала Мабли — неправда. Я не отказывалась от него.

Боялась услышать самое худшее — котёнок уснул и больше никогда не проснётся. Но вместо страшных слов услышала робкое «мяу» и последовавшее за этим довольное «мурк».

Поглощённая Скальде, не заметила, когда в руках эррола Хордиса оказался кьёрд. Малыш млел, жмурясь от удовольствия, позволяя лекарю чесать себя за ухом. От каждого движения длинных, как у пианиста, пальцев целителя белоснежная шёрстка котёнка начинала сверкать, и с неё серебристой пыльцой осыпались на пол снежинки.

— Значит, вы его не усыпили, — выдохнула облегчённо. От сердца сразу отлегло.

Благодарно улыбнувшись мужчинам, несмело протянула руку к своему новоиспечённому питомцу, не без оснований опасаясь снова быть укушенной.

— Не бойтесь, — ответил добродушной улыбкой на мою улыбку лекарь. — Он больше никогда не сделает вам больно. Просто не сможет.

Кьёрд не выглядел напуганным. Не шипел и даже не думал скалиться. Наоборот, заурчал ещё громче и принялся ластиться к моей ладони, тереться о неё своей маленькой мордочкой.

— Я заметил, ваша служанка любит принимать решения за вас, — нарушил идиллию хозяин Ледяного Лога.

И непонятно, то ли хотел поддеть, то ли просто констатировал очевидное.

— Да, Мабли слишком многое себе позволяет. Пора это прекращать.

Забрать котёнка мне не дали. Даже на руках мелочь не позволили подержать — остановил Скальде.

— Пойдёмте, эсселин Сольвер. Ещё раз шокируем придворных. Кьёрда принесут вам позже, когда эррол Хордис его осмотрит.

Я послушно кивнула, понимая, что у меня даже на то, чтобы удержать такую кроху на руках, скорее всего, сил сейчас не хватит. Попрощалась с лекарем, извинившись за то, что нарушила постельный режим.

Когда за нами захлопнулась дверь, Скальде обернулся и сказал:

— Вы без булавки. Постарайтесь всё же носить её не снимая. От таких эмоциональных скачков может быть только хуже.

Растерянно оглядела простыню, белевшую под длинным мужским кафтаном, от

которого по-прежнему одуряюще пахло им.

Действительно, нет булавки. Вот, значит, почему меня снова так колбасит. Аж разум мутится. Впрочем, и с булавкой со мной тоже творилось что-то странное.

Не такое безумное, но не менее опасное.

И с каждым днём всё сложнее становилось игнорировать, обманывая себя, эти чувства.

Глава 27

— Просыпайся. А-у-у-у… Какая же вы всё-таки соня, Ваша Светлость. Просыпайся, мой огненный дракончик. Я здесь всю ночь торчать не буду. А если не проснёшься, могу и не сдержаться: возьму и поцелую, — журчал совсем близко, словно капель по весне, нежный, ласкающий слух голос.

Знакомый голос.

Поцелует?!

Игрэйт резко сел на постели, едва не завопив во всю силу лёгких. Огляделся нервно, чувствуя, как сорочка неприятно липнет к коже и виски становятся мокрыми от испарины. Поцелуй снежного духа, Леуэллы, был смертельным. За несколько коротких мгновений превращал в лёд. А ему, Огненному, совсем не хотелось закончить свои дни ледяной статуей, украшающей семейный склеп.

Снежная дева сидела, удобно устроившись на широком столе, закинув ногу на ногу и кокетливо поигрывая хрустальной туфелькой, так и норовящей соскользнуть с изящной ступни. Фривольное платье с глубоким вырезом поблёскивало во тьме спальни, будто сотканное из невесомых крупинок льда. Струилось по светлой коже, серебристым мерцанием обтекая силуэт Древней, подчёркивая каждый изгиб её совершенного тела.

— Давно не заглядывал в гости, — обиженно поджала белые с оттенком синевы губы искусительница. — Я соскучилась. По твоим молитвам. И подношениям. — Хитро поведя точёным плечиком, взмахнула веером длинных белёсых ресниц.

Князь Темнодолья поёжился от холода, царившего в комнате. Камины давно погасли, обугленные поленья припорошил снег. Морозными узорами, словно редчайшей материей, были затканы стены, пол и даже потолок. Сосульки, словно хрустальные украшения, свисали с канделябров и кованой люстры. Вино в графине превратилось в кровавого цвета льдину.

Как и всякий Огненный, Игрэйт ненавидел стужу, плохо переносил мороз. Считал дни до окончания зимы и мечтал о том, как реки растаявшего снега потекут по улицам городов, туманная пелена перестанет закрывать небо, и под лучами весеннего солнца оживёт природа.

В древности его предки поклонялись созданиям огня, потому в жилах князя Темнодолья и текла огненная магия. Игрэйт бы предпочёл призвать в мир живых духа своей стихии, а не эту снежную строптивицу. Но только лишь такие, как Леуэлла, способны были обращать людей в лёд одним своим смертоносным прикосновением.

Именно благодаря снежной деве прежняя супруга Скальде покоилась в садах Ледяного Лога, пока наследник мучился раскаяньем, считая себя повинным в смерти Мавены.

— Я тут прогулялась по замку, послушала, о чём болтает народ. — Зимняя красавица, само олицетворение древней магии, выдержала паузу и лукаво продолжила: — Оказывается, у Его Великолепия среди невест наметилась фаворитка. Некая девица Сольвер. Интересная штучка. И душа у неё наверняка вкусная. Ну и плоть, конечно, тоже. Та твоя наречённая, алиана, была лакомым кусочком. И эта, уверена, будет не хуже, — хищно осклабилась Древняя, уже представлявшая, как полакомится смертной и станет в разы сильнее. — В силу постоянной жёсткой диеты и отсутствия жертвоприношений от вас, глупых смертных, я, конечно, не привередничаю. Всё сгодится. Но алианы — это как изысканный деликатес.

Игрэйт побелел от страха и гнева.

— Не смей её трогать! Слышишь?! Я тебе запрещаю, Леуэлла! Фьярра — моя! Только попробуй её коснуться — сразу попрощаешься с этим миром!

— Запрещаю, запрещаю, — перекривляла князя снежная дева. — Вот плохо, что за-

прещаешь. — Принялась перечислять, загибая унизанные драгоценными перстнями пальцы: — Девчонка откликается на силу Герхильда — раз. Явно ему небезразлична — это два. Да ещё к тому же её одобрили его предки. В общем, у нашей Фьярры есть все шансы на победу. И что тогда? — Серебристой дымкой Леуэлла подплыла к мужчине и, скользнув ему за спину, дразняще зашептала на ухо: — Не видать тебе Сумеречного престола, милый.

Лицо князя Темнодолья искривилось в гримасе злости, зависти, раздражения. Тальдена обуревали самые разнообразные эмоции. Эта девчонка… Странная, но такая манящая. Ставшая ещё более желанной теперь, когда её хотел Скальде. Когда её благословили покойные ари.

Всем, чем владел или желал завладеть Герхильд, тут же заболевал и Игрэйт Хентебесир. Фьярра не стала исключением. Она была нужна ему и с каждым днём становилась всё нужнее.

Его Светлость убеждал себя не торопиться, набраться терпения. Тем слаще и ярче будет победа. Но как же сложно видеть её каждый день и даже не сметь к ней прикоснуться!

— Я ведь помочь хочу, — не сдавалась снежная дева.

— У меня уже есть помощник, — отстраняясь от Древней, буркнул Игрэйт. — Твоя помощь понадобится потом, после того как Скальде женится.

— А если он выберет Фьярру?

— Не выберет, — решительно отрезал Хентебесир.

— Откуда такая уверенность?

— Я же сказал, мне помогут.

— Если ты про свою верную собачонку Крейна, то от него, как оказалось, мало толку, — презрительно фыркнула Леуэлла.

— У меня есть и другие союзники. Вернее, скоро появятся, — важно сообщил Его Светлость.

Перед внутренним взором тальдена возникла прелестная графиня д'Ольжи. Яркая, точно солнце. С волосами, что чистое золото. Красавица, каких поискать.

А главное, слепо влюблённая в Скальде. Ну или в положение, которое она здесь занимала.

Хищница. Настоящая львица. В Даливе д'Ольжи успешно сочетались ум, красота и хитрость.

Такая не упустит своего и сделает всё, лишь бы и дальше оставаться желанной фавориткой.

Тальден довольно усмехнулся своим мыслям. Фьярра для Даливы что кость в горле. Или вскорости таковой станет. Досадным препятствием, которое, объединившись с князем Темнодолья, Её Сиятельство легко устранит. Вместе они сделают так, чтобы Скальде отрёкся от алианы.

И тогда, отвергнутая наследником, девица Сольвер станет его.

Только его.

Вплоть до самого празднования Нового года эррол Хордис посадил меня под домашний арест. Строго-настрого наказал не покидать спальню и, по-хорошему, даже не расставаться с кроватью. Разве что только по какой-нибудь крайне важной нужде. Вроде сходить в дамскую комнату «припудрить носик» или немного освежиться в бассейне.

На случай, если Его Великолепие решит нежданно-негаданно нагрянуть в покои невесты, как делал это раньше, доводя эссель Тьюлин до инфаркта и инсульта вместе взятых. Которые эта лицедейка успешно симулировала при каждом удобном случае.

Даже на больничном алиане надлежало быть при параде, дабы жених не застал её, плесневеющей под одеялом.

Вот только что-то этот самый жених не спешил появляться. Не пришёл ни на следующей день, ни через два. И даже на третьи сутки не осчастливил своим вельможным вниманием. Только пару раз присылал слугу справиться о самочувствии эсселин Сольвер и через него же желал ей, то бишь мне, скорейшего выздоровления.

В общем, просто проявлял банальную вежливость.

Не то чтобы я ждала его… Вернее, не ждала совсем! Так только, изредка (по сто раз в день) поглядывала на дверь.

Слабость, вызванная укусом кьёрда, всё ещё ощущалась. Поэтому я не роптала, послушно валялась в кровати, одну за другой глотая горькие настойки, которые эррол Хордис приносил мне лично. Сопровождаемый эссель Тьюлин, так пекущейся о моей репутации. Вернее, о её жалких останках.

Наверное, если бы не благословение умерших ари, старейшины сами бы наградили меня «почётным» крестом забракованной кандидатки и вежливо попросили бы из замка. Ни один из первых магов империи не желал видеть в правительницах девицу, полуголой разгуливающую по замку и как магнитом притягивающую к себе неприятности.

Впрочем, последняя, кьёрд, очень быстро из неприятности превратилась в приятность, радовавшую меня каждый день. Своей умилительной мордашкой, шаловливым характером, любовью, искренней и бескорыстной, которую мой питомец щедро мне дарил.

После второго испытания из гонки за сердце наследника выбыла… всего одна алиана. Бриаллен. Ходили слухи, что всё те же старейшины остались недовольны таким результатом. Надеялись, отсеется хотя бы половина невест, и из благословенной правительницами четвёрки можно будет по-быстрому выбрать призёршу. Ан нет. Не вышло, как ожидали.

Все эти новости я, замурованная в собственной спальне, замумифицированная простынями в кровати, узнала не от Мабли. Мы с ней теперь, мягко говоря, не ладим и практически не разговариваем. Только по делу. А дел в последнее время у Мабли стало невпроворот.

В воспитательных целях и чтобы проучить интриганку, я превратилась в капризную, привередливую и самую вредную хозяйку. Худший кошмар любой служанки. Теперь Мабли работала, не покладая рук, исполняя любой, даже самый абсурдный мой каприз. То в город смотайся и принеси то, сама не знаю что. То камины почисть. И чтоб непременно до блеска.

Перешей платье. Вернее, нет! Быстро переделай всё обратно. И неважно, что на дворе ночь, а у тебя все пальцы исколоты в кровь. Напёрстком пользоваться надо.

Это есть я не буду — живо унеси! Взамен принеси то, то и то. А если на кухне не найдётся этого самого «того», пропеллер на свои вторые девяносто и бегом обратно в город.

Не заставляла только разве что горох отделять от крупы.

Не скажу, что мне была в кайф роль злобной мачехи разнесчастной Золушки, но Мабли должна была понести наказание. За то, что по её милости чуть не погиб мой кьёрд.

Можно было, конечно, не изгаляться и просто отправить служанку обратно в замок к папику. Но где гарантия, что Блодейна не пришлёт ко мне нового надсмотрщика и похуже Мабли? Или обзаведётся шпионом в Ледяном Логе. А может, и не одним.

Как говорится, держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Да и из двух зол следует выбирать меньшее.

В данный момент надутое, как бурундук, и ёжиком пыхтящее от обиды.

— Я, между прочим, и слова не сказала эссель Блодейне о кьёрде. Молчу на свой страх и риск. А вы со мной вот так обращаетесь, — пожаловалась Несмеяна, склады-

вая в сундук дважды перешитое по моему приказу платье.

— Ждёшь от меня благодарности? — хмыкнула я, переворачивая страницу наиинтереснейшей книги о самых необычных созданиях Адальфивы. Улыбнувшись, погладила свернувшегося клубочком у меня под боком котёнка, в который раз напомнив себе, какую участь готовила ему Мабли.

Малыш зевнул и сладко потянулся. Возможно, когда-нибудь Снежок и вымахает до размеров пони и станет для меня защитником. А пока что он легко умещался в ладони. Много спал, много ел, любил погонять по полу мои колечки, которые вытаскивал из раскрытых шкатулок, подцепляя те коготком. И за мышами не забывал охотиться. Но чаще всё-таки они за ним. Те, что были покрупнее и позлее.

— Не благодарности — понимания. Разве я недостаточно наказана? Хотя бы больше не заставляйте меня делать никому не нужную работу, — насуплено пробормотала служанка, поднимаясь с колен.

Обернулась, чтобы уколоть меня очередным укоризненным взглядом.

— Я подумаю, — хмуро пообещала я. Помешкав, всё-таки выдавила из себя: — А пока что сбегай-ка в лавку к госпоже Сольс. У неё самые вкусные медовые пирожные во всей столице. Прямо тают во рту. Лучшее лекарство от хандры в холодный зимний вечер.

— Вы же меня только утром в город посылали, — расстроившись, хлюпнула носом Мабли. — За ежевичной наливкой, помните? Сегодня ведь так холодно и так метёт. Куда я в такую погоду отправлюсь!

За окном парили, водя хороводы, крупные хлопья снега. Он падал весь прошлый вечер и всю ночь. И сегодня после обеда из молочной пелены, затянувшей небо, будто крупа из продырявленного мешка, снова посыпалась белая крошка, грозясь превратить ледяные статуи в выбеленном снегом саду в гигантские сугробы.

В душе, словно та самая мышка, с которыми так любил поиграться Снежок, заскреблось чувство, от которого вот уже несколько дней мне не было спасенья — жалость.

Сделав над собой усилие, обронила сухо:

— Я ведь тебя не за подснежниками в лес посылаю. Оденься потеплее. Да и не пешком же в город тебе идти. Вечером ко мне заглянет Ариэлла, хочу, чтобы она тоже попробовала эти пирожные.

— Как вам будет угодно, Ваша Утончённость, — обиженно буркнула девушка и мрачной тучкой поплыла к выходу. Желая отвести душу, демонстративно хлопнула дверью, а я, почесав снежного лентяя за ушком, попыталась сосредоточиться на книге.

Не тут-то было. Зацепившись мыслями за Ариэллу, я незаметно переключилась на Гленду. Обычно они навещали меня вместе, делились свежими сплетнями, развлекали болтовнёй ни о чём, а главное, таскали мне из библиотеки книги. По магии, по истории мира.

Но сегодня рыжеволосой алиане было не до посиделок с подругами. Сегодня она встречается с Герхильдом. Свидания пошли по второму кругу. Правда, до меня пока что очередь не дошла. А может, и вовсе не дойдёт. Я ведь вроде как больна и не могу ни с кем видеться.

Наверное, это и к лучшему. Да, однозначно, к лучшему…

Так вот, Гленда. Очень хорошая девушка. И императрицей наверняка станет замечательной. Не просто замечательной — идеальной! Всё при ней. Внешность — на зависть всем придворным красавицам. Лицо как у фарфоровой куколки. Фигура — на зависть мне, обделённой пышным бюстом.

В принципе обделённой бюстом.

Я уже не говорю про волосы, огненной пелериной окутывающие плечи девушки.

Его Великолепию ведь нравятся рыжие.

Гр-р-р…

Характер — слегка нордический. Гленда очень сдержанная. Немногословна и улыбается редко. Но если уж улыбается, то искренне, от души, и эта улыбка делает её ещё красивее.

По-моему, именно такая жена и нужна Скальде. Получится этакая идеальная сладко-ледяная парочка.

Двойное «гр-р-р».

Нет, я вовсе его не ревную. А то, что настроение сегодня не очень, так то, наверное, из-за погоды. За стенами замка холодно, серо, уныло. Ну прямо как у меня на душе. И чем ближе подкрадывался знаменательный для Гленды вечер, тем унылее становился мой.

Интересно, где будут свиданничать? В замке или с выездом?

Даже булавка не спасала. Действовала так-сяк. Как лёгкое жаропонижающее при сильнейшей любовной лихорадке.

Просроченное, кажется.

Приказав себе не забивать голову глупостями, а Герхильд как раз-таки и был самой большой глупостью в моей жизни, я вернулась к книгам. На чтение которых Мабли, дабы вернуть себе моё расположение, теперь смотрела сквозь пальцы. Другими словами, не пыталась фильтровать литературу, и я, пользуясь возможностью и тем, что делать всё равно больше нечего, глотала один том за другим, всё глубже погружаясь в предания и мифы этого странного мира — Адальфивы.

Именно благодаря здешним кладезям знаний я наконец-то узнала о том, кто такие морканты. За появление на свет божий этих не в меру одарённых ведьм, как и за рождение драконов — Хранителей мира во всём мире, а также за алиан и Перевоплощённых следовало сказать спасибо Древним. Духам, что издавна населяли эти земли.

Сколько их было — история умалчивает. Но из того, что уже успела прочитать, сделала для себя вывод, что дофига и больше. Духи огня, духи воды, делившиеся в свою очередь на озёрных, морских и бог ещё знает каких. Властители лесов, хозяева пустынь, владыки гор и повелители вулканов. Воплощения воздушной стихии, обитавшие в поднебесье, а также создания холода и вечной тьмы — снежные духи.

Последние в этих краях были в особом почёте, потому среди тальденов Сумеречной империи так много ледяных драконов. А вот в Рассветном королевстве и соседствующих с ним государствах чаще всего можно встретить огненных.

Об иных Древних почти не вспоминали, в честь других — самых могущественных или, проще говоря, пользовавшихся у народа особой популярностью, возводили храмы: в самых крупных городах, на вершинах гор, посреди морей на безымянных островах.

Предки нынешних магов не просто поклонялись Древним. Дабы почтить своих всесильных властителей, они приносили им жертвы в обмен на силу.

Духи, не подпитываемые людскими молитвами и новыми жертвоприношениями, погибали. Те же, которым удалось собрать вокруг себя толпы фанатиков, жирели и крепли с годами. А это значило, что становились сильнее и маги, им поклонявшиеся.

Что-то вроде естественного отбора. Этакая жуткая, кровавая эволюция.

Самыми крутыми считались магические роды, поклонявшиеся огненным и снежным созданиям. И всё бы хорошо, да только аппетиты Древних росли, а простой люд, служивший им подкормкой, всё громче роптал, недовольный таким укладом.

Последней каплей, переполнившей чашу людского терпения, стало появление Перевоплощённых.

Позволю себе небольшое лирическое отступление. Тут, как мне кажется, автор ис-

торического труда с громким названием «Закат эпохи Древних» слямзил идею из земных мифов. Уж не знаю, как он про них проведал, но о распутных богах, принимавших человеческий облик, дабы закрутить роман со смертными девами, писали ещё древние греки.

Божества Адальфивы от земных богов недалеко ушли. Тоже стали крутить шуры-муры с первыми красавицами подведомственного им мира. В итоге получались не дети, а чёрт знает что. Потомство Древних обладало незаурядными магическими способностями. Увы, у своих одарённых предков они взяли не только особые силы, но и переняли их скверне привычки: жестокость и жажду крови.

В общем, психи из них получились ещё те. Без совести, жалости и нравственных принципов. Короче, без тормозов.

Подстрекаемые своими верховными родителями (или тараканами, что с рождения множились в их задуренных магией головах), потомки Древних стали проводить премерзкие обряды перерождения. Убивали обычных магов и, напившись их крови (вампиры недоделанные), становились ещё более могущественными и являли собой странные существа. Видела я в книге одну картинку. Очень ею впечатлилась. Вроде ещё не животное, но уже и не человек.

Жадный до людских страданий монстр. Ненасытный и безжалостный.

Тогда-то до глав самых сильных магических родов Адальфивы, в жилах которых текла огненная и ледяная магия, наконец дошло, что они сотворили нечто ужасное, столетиями поклоняясь обнаглевшим духам. Из-за которых, из-за их безумного выводка, целые города и селения исчезали с лица земли.

Узнав о Перевоплощённых, я ещё долго оставалась под впечатлением от всех тех ужасов, что они творили. Теперь я понимала, почему старейшины пошли на ритуальное самоубийство. Своими жизнями они расплачивались за ошибки предков. Умерев и передав свою силу достойнейшим юношам Адальфивы, ставшим первыми драконами, они подарили этим землям шанс на спасение. Возможность построить мир без жестоких духов и их уродливого потомства.

После кровопролитной войны с Перевоплощёнными многие храмы Древних были разрушены, а те, что уцелели, вроде Лабиринта смерти, на веки вечные запечатаны магией тальденов.

От духов отрекались все дружно и навсегда. Без поклонений и жертвоприношений злобные создания были обречены на погибель. Выжили единицы, так сказать, самые безобидные и полезные. Вроде Хадааантиса — Его Премудрости, к которому сильные мира сего, да и простые смертные, время от времени обращаются за советом. Ну и в качестве провидца-гинеколога он, как оказалось, тоже пользуется немалым спросом.

Благо мой старый знакомец неплохо обходится и без жертв, довольствуется только молитвами и рыбёшками, что водятся в его озере, в котором живёт уже чёрт знает сколько тысяч лет.

Я, правда, так пока и не поняла, откуда в итоге взялась Претёмная Праматерь, она же Ясноликая, она же Сияющая, и что такого особенного эта богиня сделала для Адальфивы, что все её чтут до сих пор. Но, думаю, и до этого секрета со временем докопаюсь.

А пока что вернусь-ка лучше к злободневной проблеме — к моркантам. Вернее, к алианам, как и тальдены, тоже появившимся в результате тех давних печальных событий.

Если верить всем прочитанным мною книгам, женщины не могут быть магами. Вот мужчины — всегда пожалуйста. Налицо дискриминация по половому признаку. Хоть в семье дворян, хоть среди крестьян может родиться одарённый мальчик.

Тальдены считаются самыми могущественными колдунами Адальфивы, потому

как каждый несёт в себе силу целого рода. Маги попроще черпают её из природы. Кто-то тяготеет к земле, а значит, его предки поклонялись земным духам. Кто-то берёт магию из водной или воздушной стихий. Источников, откуда можно позаимствовать толику волшебства, в этом мире хоть отбавляй.

Ну а прекрасный пол, обычные женщины — как утверждают учёные мужи, наваявшие проштудированные мною книги, — просто не способны удержать в себе магическую силу. В отличие от женщин необычных — ари, которые, как известно, забирают часть силы у мужа в первую брачную ночь. И носят её в себе, пока не настаёт время передать магию рода первенцу, мальчику, во время родов.

Но случается так, что магия, хранившаяся в ари, может проявиться и в её дочери. Если только дочь эта не простая, а, как говорится, золотая — ну то есть тоже будущая алиана, да ещё и непременно из близняшек-двойняшек. Выношенная вместе с потенциальным тальденом.

Таких одарённых девочек и называют моркантами. Они попросту присваивают предназначенную братьям силу, ещё находясь в утробе матери. Не всегда сестра забирает силу у брата. Но если уж такое случается, то выясняется это не сразу. А в двенадцатилетнем возрасте, когда девочек и мальчиков из магических родов начинают испытывать, дабы выявить среди них одарённых.

По степени могущества среднестатистическая морканта ничем не уступает среднестатистическому тальдену, разве что в дракона не превращается. А так всё при ней. Магия бурлит в крови, и такие, как я, для таких, как Блодейна, — ничтожные марионетки, с которыми не жалко расстаться, когда отпадёт в них надобность.

Интересно, как у эссель ведьмы отношения с братом, по её милости, вместо того чтобы стать драконом, ставшим никем?

Морканты — создания уникальные, можно сказать, эксклюзивные экземпляры. На рынке невест они даже ещё более ценные, чем алианы. Считается, что от союза тальдена и морканты рождаются супердети.

Представляю, как обломалась Блодейна, когда не сумела принять силу мужа и была вынуждена ни с чем возвратиться домой. Ни тебе титула ари, ни дракона-супруга, ни детей. Осталось только одно утешение — магия, древняя, всемогущая, украденная у родного брата.

Конечно, нехорошо злорадствовать, но я ей вот ни капельки не сочувствую.

Скорее, можно снова начинать сочувствовать самой себе. «Повезло» нарваться на суперодарённую колдунью, равную по силе тому же Скальде. А может даже, во многом его превосходящую. Ведь чем старше маг, тем он могущественнее. А Герхильд по сравнению с ней ещё зелёный пацан. Сколько ему стукнуло? Лет тридцать, не больше.

Блодейна же дама, так сказать, в самом соку. Это тебе не древние склочницы, мающиеся от скуки и готовые сыграть в крестики-солнышки. Такая запросто может поставить крест, в прямом смысле слова, на мне, Лёше и моей семье.

Крест на всей нашей жизни.

Глава 28

От тревожных мыслей меня отвлёк стук в дверь. Снежок сладко потянулся, растопырив маленькие, но уже довольно острые коготки. Широко зевнув, спрыгнул с кровати и потрусил выяснять, кто же это вдруг к нам пожаловал. Я, в отличие от своего воспитанника, с постели не спрыгнула, а сползла, чувствуя уже ставшее привычным головокружение и ломоту во всём теле.

То ли надо побольше двигаться, чтобы мышцы не затекали. То ли наоборот — поменьше, как велит эррол Хордис, дабы скорее поправиться.

— А я к вам с дарами, — лучезарно улыбнулась Ариэлла, протягивая мне две толстые книги в роскошных кожаных переплётах, да ещё и с золочёными заклёпками-замочками.

Ух какие тяжёлые.

Опустившись на корточки, алиана что-то быстренько сунула под нос теревшемуся о её ноги кьёрду. Понять, что же ему опять перепало, я не успела. Лакомство было проглочено в одно мгновение, и дальше уже тишину комнаты нарушало только сосредоточенное хрумканье.

— Разбалуете вы так его. — Оставив книги на прикроватном столике, я вернулась к подруге.

— Ну а как такого кроху не баловать, — ласково погладила котёнка по холке девушка, ставшая ему кем-то вроде любимой крёстной, почти что феи, всегда являвшейся с вкусными гостинцами.

— Гленда даже на полчасика не заглянет? Уже вовсю готовится к свиданию?

Вот что со мной такое?! Язык откусить себе, что ли. Хотя дело ведь не в языке, а в моей дурной голове. Или в сердце. Уж не знаю, какой орган или часть тела отвечают за одолевшее меня умопомрачение.

Благо алиана не придала моему вопросу значения. Кивнула, пристраиваясь на наше любимое место.

Уселась на толстой шкуре, разостланной у камина, и сказала:

— Гленда решила, несмотря на плохую погоду, съездить с Его Великолепием в город. Все следуют твоему примеру, — подмигнула мне хитро.

А я попыталась растянуть губы в улыбке, хоть и не уверена, что у меня это получилось.

И кто их просил превращать меня в законодательницу романтической моды? Теперь все взяли в привычку кататься со Скальде по городу. Вот только сомневаюсь, что Его Великолепие в восторге от таких променадов. Та же Ариэлла рассказывала, что обычно после свиданий на свежем воздухе тальден возвращался в замок угрюмым и мрачным. Настоящим букой.

Хотя, как по мне, это его естественное состояние.

Мне даже икалось несколько вечеров. Небось в том, что теперь должен выгуливать невест, меня обвиняет. И вспоминает. Незлым тихим словом.

Впрочем, пусть тоже немножечко пострадает. Всё равно прогулки с невестами ни в какое сравнение не идут с тем же моционом по Лабиринту смерти или катанием в лодке по заледеневшему озеру.

— А ты уже решила, где будешь с ним встречаться?

Ариэлла неопределённо пожала плечами.

— Честно говоря, ещё даже не думала.

Устроившись рядом с подругой, увлечённо рассказывавшей о том, как сегодня за обедом Керис погрызлась с Майлоной, опять же на почве ревности к нашему венценосному дракону, я всё гадала, как бы ненавязчиво задать Ариэлле вопрос, вот уже который день не дававший мне покоя.

В итоге никакой светлой идеи мою затуманенную странной хмарью голову не посетило. Пришлось спрашивать прямо, тем самым обнажая перед девушкой свои чувства:

— Скажи, а вот когда ты со Скальде, у тебя появляется такое ощущение… ну будто земля уходит из-под ног. Сердце не колотится? А руки? — Я взволнованно сглотнула. — Руки не становятся влажными? Только чур не смейся! — воскликнула нервно, предвосхищая вполне ожидаемую реакцию. — Я просто пытаюсь понять, что со мной.

Ариэлла понятливо хмыкнула:

— Когда он рядом, я, конечно, ощущаю действие привязки. Волнуюсь, смущаюсь. Но равновесия точно не теряю. Мне кажется, — она замолчала, а заметив, что я ёрзаю от нетерпения, мягко продолжила: — Мне кажется, это другое.

— Другое — что же?

Наш задушевный разговор, который чёрт дёрнул меня начать, прервало появление Мабли, вернувшейся с моим заказом.

Поблагодарив девушку за то, что обернулась так быстро, и попросив в ближайшее время нас не беспокоить, я перетащила графинчик с ежевичной наливкой, приобретённой давеча Мабли в «Старом друге», поближе к камину.

По правде говоря, мне эта наливка и даром была не нужна. Но ведь надо же чем-то занимать досуг своенравной служанки. А раз уж всё равно купили, не стоит пропадать добру. Тем более что всё, что успела попробовать в этом трактире, — пальчики оближешь. Не знаю, применимо ли данное выражение ко всякого рода напиткам или только к твёрдой пище.

Наверное, не стоило затевать разговор о Герхильде. Да и вообще, мне уже давно не семнадцать, чтобы клянчить советы у подруги и надеяться, что та объяснит, что со мной происходит. Я уже большая девочка и сама должна всё понимать.

А вот не понимаю!

Вернее, не хочу понимать.

Мабли надолго в комнате не задержалась. Водрузив на стол блюдо с пирожными, аромат которых дразнил обоняние и настойчиво советовал попробовать медовое лакомство, молча направилась к выходу, не забывая при этом независимо задирать подбородок. Когда за страдалицей закрылась дверь, я плеснула наливки в стеклянные кубки (увы, рюмок в спальне отродясь не водилось) и подала один Ариэлле.

— Возвращаясь к Скальде… — Сделав небольшой глоток, алиана потянулась за угощением.

— Забудь, — отмахнулась я и попыталась спрыгнуть с щекотливой темы. — Глупости всё это. Давай лучше о чём-нибудь другом поговорим.

Губ Ариэллы едва коснулась улыбка. Грустная, я бы даже сказала тоскливая.

— Возвращаясь к нашим глупостям… — повторила упрямо, после чего с теплотой в голосе добавила: — Мне знакомо чувство, которое ты испытываешь. Очень даже знакомо. — Взгляд девушки скользил по кубку, пальцы рассеянно очерчивали каёмку, искусно овитую стеклянными побегами; нежно поглаживали витую ножку.

— Расскажешь? — Следя за сменой эмоций, будто узоры в калейдоскопе, мелькавших на лице подруги, я пошла по второму кругу: подлила наливки себе, потом ей. И снова себе.

Хмельной напиток оказался очень сладким, крепость почти не ощущалась. Поначалу. Жаль, что не сразу поняла, насколько он коварный, и, слушая исповедь алианы, беспечно делала глоток за глотком.

— Я ведь уже была обручена. До помолвки с Его Великолепием, — делилась сокровенным императорская невеста. — С тальденом из Рассветного королевства. После проверки на сочетаемость Хильдебальд сразу сделал мне предложение.

— А как же отбор? Война за драконье сердце с другими невестами.

Ещё одна грустная улыбка и смущённый взгляд, устремлённый на высокий графин прозрачного стекла, в бликах пламени казавшийся сделанным из янтаря. Волшебная жидкость в нём, будто вобравшая в себя всё сияние солнца (наверное, потому оно, изредка выползая из-за туч, напоминало несъедобную лепёшку), испарялась быстрее утренней росы в жаркий день.

— Моему милому Хильдебальду были не нужны другие невесты. Я была его избранницей и должна была стать его ари. Вот с кем у меня и земля из-под ног уходила, и голова кружилась, даже без всяких привязок. От счастья, что он рядом. Со мной.

— А потом?

Ариэлла грустно усмехнулась. Пальцы девушки слегка подрагивали, и, чтобы скрыть своё волнение, княжна Талврин поставила бокал на пол и принялась мять вышивку на юбке — распустившиеся на тёмно-синей ткани серебряные цветы.

— А потом наш замок посетил наследник и пожелал сделать меня своей невестой. Родители посчитали, что я более достойна короны императрицы, нежели титула герцогини и возлюбленной огненного дракона. Почему-то они уверены, что Герхильд в меня непременно влюбится, я сумею принять его силу и стану счастливой правительницей. Счастливой, — очередная горькая усмешка и тихий вздох. — Помолвку с Хильдебальдом расторгли, и вот я здесь, — закончила она понуро. Оставив в покое ни в чём не повинную юбку, продолжила цедить ежевичную настойку и мучить первое, так и недоеденное пирожное.

Которые лично я не щадила, уничтожала одно за другим.

— Почти как у Майруэн, — сказала сочувственно.

Ариэлла тряхнула головой и горячо зачастила:

— Вовсе нет! Мой жених был тальденом. Одним из первых магов Рассветного королевства. А главное, он меня любил. А я его. Всей душою, всем сердцем. Родители знали об этом. Видели. — Всхлипнула и, отвернувшись, украдкой стёрла скользнувшую по щеке слезу. — Из-за связи, что между нами возникла, из-за того, что нас так друг к другу влекло, у Хильдебальда проявилась таэрин. Однажды во время танцев на праздничном пиру, когда он взял меня за руку. Это все видели. Не знаю, какое ещё нужно было отцу доказательство, что я нужна герцогу. А он нужен мне.

— Таэрин? — зацепилась я за незнакомое слово, рискуя уже, наверное, в сотый раз нарваться на Ариэллин настороженно-недоумённый взгляд.

Но алиана, поглощённая своими переживаниями, лишь только грустно кивнула:

— Узор, что появляется на коже тальдена при соприкосновении с девушкой, которая ему небезразлична. С которой у него возникла связь. Эмоциональная, душевная. Своего рода отклик на неё, можно сказать.

Странно, что я в тот момент не ослепла. Перед глазами яркой, пронзительной вспышкой возникло воспоминание, что до сих пор было похоронено где-то в глубинах моего сознания: лаборатория эррола Хордиса, и я, находящаяся в полубреду, хватаюсь за Скальде, чтобы в следующее мгновенье увидеть витиеватый узор, проявившийся у него на руке.

Таэрин?

Невозможно.

Или всё-таки…

Жидкость, плескавшаяся на дне кубка, приторной сладостью обволокла горло. Сердце в груди стучало как шальное. Мне нужно было успокоиться, собраться с мыслями. Чему спиртово-ягодная продукция «Старого друга» явно не способствовала. Не сразу заметила, что в дверях нарисовалась Мабли. Запыхавшаяся, взволнованная и какая-то… нечёткая.

— Ваша Утончённость, там… — позабыв о том, что смертельно на меня обижена и

не желает со мной разговаривать, лепетала девушка. — Там Его Великолепие… К вам пришёл. Настаивает, чтобы я его впустила.

— Ну так впускай. В чём проблема? — рассеянно отозвалась я, всё ещё пребывавшая под впечатлением от шокирующего открытия.

Или от наливки, которая вдруг так коварно ударила в голову. Совсем не вовремя. Совсем.

Вот почему я не люблю алкоголь. Никогда не знаешь, когда он подставит тебе подножку.

— Я, наверное, лучше потом, после ужина загляну, — успела шепнуть мне Ариэлла, прежде чем на пороге в тёмном багровом плаще и с золотой перевязью через плечо, возник тальден.

Лицо — непроницаемое, взгляд — привычно-ледяной. Но мне вдруг снова стало жарко, и лёгкая шаль, укрывавшая плечи, с тихим шуршанием соскользнула на пол.

Алиана смущённо потупилась, поклонилась и поспешила ретироваться следом за Мабли.

Спохватившись, что хоть я и у себя в спальне, но всё же стоит соблюдать субординацию, я тоже поднялась. Дабы опуститься в глубоком реверансе.

А получив дозволение расслабиться, не придумала ничего лучшего, чем заполнить неловкую паузу, брякнув:

— Не желаете отведать наливочки? Ежевичной.

Внизу его ждала невеста, чтобы вместе отправиться на прогулку. Сообщив о том, что алиана уже готова, слуга почтительно поклонился и бесшумно скрылся за дверью.

Скальде оторвал усталый взгляд от вороха бумаг, белевших на столе. Указы, отчёты, донесения, бесчисленные челобитные. Рутинная работа, что помогала отвлечься.

Не думать.

О графине д'Ольжи, не оставлявшей попыток воскресить чувства. Чувства, которых, возможно, никогда не было. Была привязанность. Потребность. В ней, в её теле, как в живом сосуде, в который можно было при необходимости сбросить часть бурлившей в его жилах силы.

Лишь малую её толику, иначе был риск навредить девушке. Потому рядом с любовницей приходилось постоянно себя контролировать, сдерживаться, опасаясь причинить ей боль.

И тем не менее близость с фавориткой и ей подобными дарила облегчение. Ненадолго укрощала магию, яростно жёгшую его изнутри, ядом растекавшуюся по венам и порой так коварно игравшую с его сознанием.

Близость эта была ему необходима, но не доставляла того удовольствия, которое якобы могла подарить только ари. То самое воспетое трубадурами упоительное чувство единения, что возникает между тальденом и алианой.

Вот только такие, как он, не способны чувствовать и не умеют любить. Скальде задумчиво усмехнулся. Предания — ложь. Брачную ночь с его первой ари едва ли можно было назвать упоительной. Скорее, самой обычной.

Мавена откликалась на его силу, но была ему безразлична. Ни одна из алиан, участвовавших в том отборе, не смогла пробудить в нём чувства. Их лица, имена — забылись, стёрлись, исчезли навсегда под завесой прошлого.

Тяжело откинувшись на спинку кресла, Скальде прикрыл глаза. Пламя свечей неровными бликами касалось его усталого, с заострившимися чертами лица; золотыми кляксами ложилось на листы, затемнённые размашистыми, поставленными твёрдой рукой росчерками.

Рутинная работа помогала отвлечься.

Не думать о безумии, что неотступно следовало за ним. Зловещим шёпотом про-

никало в разум, воплощалось в неясные образы, кравшиеся за ним по пятам. Тальден чувствовал, как с каждым днём магия в нём всё крепнет. Захлёстывает его, переполняет.

Душит своей мощью.

Особенно теперь, когда Далива перестала быть для него спасением. Пусть и временным, но всё-таки избавлением. Наверное, эту ночь ему следовало провести с ней, отправиться к любовнице сразу же по возвращении с очередной прогулки.

И прошлую ночь, и все ночи до неё графиня должна была находиться в его постели. Чтобы отсрочить момент, когда он окончательно утратит над собой контроль и превратится в безумца. Момент, о котором вот уже столько лет мечтал Игрэйт.

Но вместо того чтобы приглашать любовницу к себе, Скальде запирался в кабинете, до самого рассвета просматривая бессчётные жалобы и прошения, вникая и пытаясь разрешить бесконечные тяжбы.

Рутинная работа помогала отвлечься.

Не думать о девочке с ясными голубыми глазами, оказавшейся опасней любой, самой сильной родовой магии. Фьярра тоже умела сводить с ума. Из невесты, от которой вскорости надеялся избавиться, незаметно превратилась в ту, что должна была быть рядом всегда.

Набросив на плечи плащ, тальден уже собирался покинуть кабинет, когда неожиданный шорох заставил его замереть на месте. Размытая тень, сорвавшись откуда-то сверху, поползла по стене, соскользнула на пол, стремительно разрастаясь, разбрасывая по сторонам свои когтистые кривые лапы. Закрывая собой мебель и даже блеклые белёсые точки — заглядывавшие в окна звёзды.

Скальде зажмурился, с силой сжав кулаки, так, что хрустнули костяшки пальцев, а потом резко открыл глаза. Просторная комната стала прежней — выдержанная в приглушённых бордовых тонах, освещаемая пламенем каминов. Тени не было, и никакой голос не нашёптывал ему о том, что пора выпустить из клетки слабого человеческого тела зверя, с рождения живущего в нём.

Дать наконец волю древней родовой силе.

Тальден заспешил по коридору. К девушке, что ждала его. К приятной в общении красавице — одной из любимиц эссель Тьюлин. К той, которой старейшины не уставали петь дифирамбы. У Гленды у первой зажглось на ладони солнце — благословение покойных ари.

Скальде вдруг поймал себя на мысли, что единственный знак, что-то для него значивший, появления которого он ждал, и подсознательно боялся, что так его и не увидит, — было солнце, засверкавшее на руке Фьярры.

Она осталась в замке, она была рядом. Хоть его к ней и не подпускали. Эссель Тьюлин делала всё возможное и невозможное, чтобы соблюсти приличия. Сторожевым псом, злобным цербером дневала и ночевала возле покоев невесты. Пускала к ней только лекаря, да и то лично сопровождая бедолагу Хордиса к девушке.

А ему, наследнику, и вовсе было запрещено появляться у алианы. В вопросах следования традициям эссель Тьюлин была непоколебима.

К удивлению тальдена, последней не оказалось в просторной галерее, что вела в покои юной княжны. Вместо себя распорядительница отбора оставила дежурить служанку, которая при виде наследника побледнела и промямлила что-то насчёт того, что Его Великолепию не следует здесь быть.

Не обратив внимания на лепет «храброй стражницы», Скальде направился по сумеречной галерее, гадая, почему, вместо того чтобы спуститься к Гленде, наверняка уже его заждавшейся, он тащится к Фьярре.

Зачем? Чтобы справиться о её самочувствии? Так об этом ему ежедневно докладывают лекарь и прислуга. Расспросить девушку о том, кому из покойных ари и чем

она не угодила, раз ей подбросили ядовитого кьёрда? Но всё сказанное умершими должно было оставаться между ними и алианой. Он не имел права допрашивать Фьярру.

Увидеть её? Но последнего ему уже давно стало мало. Мало было просто смотреть на неё, мельком ли пробегая по такой манящей фигурке взглядом, или прямо, не в силах отвести от неё глаз. Тем самым только ещё больше дразня себя и распаляя.

Как мальчишка он мечтал о её губах, которые так хотелось целовать. Исступлённо, жадно, вбирая в себя её дыхание, нежный шёпот и стоны, робкие, едва различимые, которых она сама будет смущаться и которые будет не в силах сдержать.

— Ваше Великолепие — с ужасом выдохнула ещё одна блюстительница порядка, Мабли, кажется, и несмело проговорила: — вам нельзя к Её Утончённости.

— У себя в замке мне везде можно. — Тальден боролся с желанием просто подвинуть служанку и войти.

— Мне было велено вас не пускать.

— Она моя невеста. Отойди, — теряя терпение, рыкнул Герхильд.

Девушка испуганно вздрогнула. Пролепетав что-то насчёт того, что предупредит княжну, скрылась за ведущей в спальню дверью.

Чтобы вернуться спустя минуту и с явной неохотой пробубнить:

— Её Утончённость готова вас принять.

«А если бы даже не была готова, всё равно бы приняла», — мысленно закончил тальден, уже не способный повернуть обратно. Уйти. Зная, что она здесь, рядом. Всего в нескольких шагах от него.

Мимо прошмыгнула одна из невест. Которая — не заметил. Попросту не обратил на неё внимания. И сразу же о ней позабыл, увидев девушку, сидящую у камина. Алиана мягко поднялась. Немного взволнованная, явно смущённая. С распущенными светлыми волосами, струящимися непокорной волной. С блестящими глазами и в такого же цвета — лазоревого, ясного — платье. Нежный шёлк дразняще льнул к округлым бёдрам, соблазнительно обтекал тонкую талию и часто вздымающуюся грудь.

Девушка опустилась в реверансе, смиренно склонив и голову, и даже взгляд кротко потупила.

«Это уже что-то новое», — мелькнуло в мыслях у тальдена, прежде чем он разрешил невесте подняться.

Алиана грациозно выпрямилась и вдруг неожиданно, лукаво улыбнувшись, предложила:

— Не желаете отведать наливочки? Ежевичной.

Он желал. Но только не наливки.

Глава 29

Тальден застыл, словно заледеневший. И я вместе с ним. Замерла напротив, не в силах пошевелиться, чувствуя себя под пристальным взглядом серых сумрачных глаз тающей сосулькой или потёкшим мороженым. А попробуй тут не растаять и не растечься сладкой лужицей, когда температура тела внезапно подскакивает до наивысшей отметки. Как будто только что вокруг меня простирались айсберги, и вот уже я посреди знойной пустыни. Стою на гребне высокого бархана, безжалостно обдуваемая знойными ветрами.

И так всегда, стоит ему оказаться рядом. С ним то невозможно холодно, то невыносимо жарко. Странный коктейль из самых невероятных ощущений. Гремучая, опасная смесь.

От неё голова кружится сильнее, чем от любой, даже самой крепкой наливки. И дышать получается с переменным успехом, а сердце и вовсе сходит с ума. Сбивается с ритма и стучит так громко, так часто, словно какой-то обезумевший дикарь, забравшись ко мне в грудную клетку, от всей души колотит по нему, ошибочно приняв моё бедное сердечко за ритуальный тамбурин.

— Нет? — всё-таки прорезался голос, показавшийся мне каким-то чужим, незнакомым. А ещё в нём, в предателе, отчётливо слышались взволнованные нотки. — Ну и зря. Наливка очень вкусная.

И, зараза такая, шибучая. Вон уже даже кажется, будто глаза дракона затягиваются тьмой, скрывающей стальную радужку. Хищной, опасной и… как ни странно, такой манящей.

— Эррол Хордис прописал? — Перестав изображать статую, возведённую в честь великолепного себя, тальден двинулся в мою сторону.

Непонятно, опять иронизирует или спрашивает на полном серьёзе. Хотя мало ли, может, у них действительно принято лечить занедуживших алиан спиртными напитками.

— Я сама себе прописала, — сказала, отступая.

Я ведь по-прежнему мужняя жена, хоть в браке и нескольких часов не пробыла. Поэтому нужно держать себя в руках. Отступать, отступать и ещё раз отступать! Не поддаваться действию загадочных чар, завладевших моим сознанием.

— Возможно, это сомнительный комплимент, но болезнь вам к лицу, — не останавливался коварный, привнося в мой маленький уютный мирок, в мою спальню — оазис покоя, хаос.

Вот зачем спрашивается пришёл? Зачем смотрит, не сводя глаз, разжигая во мне самый настоящий пожар. Одним своим присутствием превращая кровь в венах в раскалённую лаву. Лёшка тоже бывало одаривал меня страстными взглядами. Но от них никогда ноги не подкашивались, не становилось так жарко. Настолько, что хочется нырнуть в ледяную прорубь или на крайний случай распахнуть форточку и сигануть в ближайший сугроб.

— Сейчас ты другая. Хочу всегда видеть тебя такой, — не просьба, приказ, отданный тихим низким голосом, от которого мурашки бегут по коже.

Герхильд приближался, я продолжала пятиться.

От него, от себя. От сумасшедших чувств, что он во мне пробуждал.

— Такой — в смысле больной и на последнем издыхании?

— Настоящей. Не наряженной, как кукла. Без всяких причёсок. С распущенными волосами. У вас очень красивые волосы, Фьярра. — Локон, на миг оказавшийся в плену его пальцев, вобравший в себя тепло его кожи, скользнул мне на оголённое плечо, и тело будто пронзило электрическим разрядом. Я вздрогнула и услышала хриплый шёпот: — Вам идут простые, без всяких украшений платья.

— На мне ваш подарок.

— Вижу, — обронил мрачно. — Надеюсь, вы им довольны.

Не особо, потому как от булавки никакого толку.

Делиться наболевшим я, понятное дело, не стала. Вместо этого, снова попятившись, сказала:

— Вы же вроде как на свидание собирались.

— Свидание подождёт.

Отступать больше было некуда, Скальде припёр меня к стенке. В прямом смысле слова. Вернее, к гобелену, в который я вжалась всем телом. Иначе бы пришлось вжиматься в тальдена, вдруг ни с того ни с сего решившего взять штурмом и так уже готовую пасть крепость.

Взять… Какое волнующее слово.

Неожиданное наступление Герхильда заставляло нервничать и, не переставая, кусать губы. С которых Его непонятное Великолепие не сводил глаз, будто клеймил своим обычно таким холодным, а сейчас опасно потемневшим, обжигающим взглядом.

— Вы что-то хотели?

— Хотел. И хочу сейчас, — ещё одно не менее волнующее словечко. Лёгким касанием пальцев тальден приподнял моё лицо за подбородок. Я заглянула ему в глаза, рискуя потеряться в этой серой буре навсегда. — Хочу поцеловать вас, — просто поставил перед фактом.

Я шумно сглотнула. Ну ладно я под наливкой, мне простительно немножко сходить с ума. А он, стесняюсь спросить, под чем?

— Разве это не противоречит правилам отбора?

— Разве вы не из тех, кто любит нарушать правила? — ответный выпад, и ладонь медленно, лаская, опускается мне на шею. Пальцы, чуть щекоча, перебирают волосы на затылке. Ещё немного и я, взяв пример со Снежка, зажмурюсь и начну мурлыкать как кошка. Только не снежная — огненная.

— А вы? — шепчу.

Неосознанно тянусь к нему. К своему вельможному жениху, вместо ежевичной наливки пожелавшему «продегустировать» мои губы. Искусанные, приоткрытые покорно, опаляемые горячим дыханием. Которое, смешавшись с моим, на короткий миг превратилось в одно на двоих.

А потом…

— Ваша Утончённость! — раздался громкий вопль из смежной со спальней комнаты. — Ваша Утончённость, к вам тут эссель Тьюлин!

Убью гадину. Не Мабли, конечно, так вовремя меня предупредившую. Служанке маленький плюсик в карму. А вот вредную сваху, примчавшуюся блюсти мою честь и не позволить ещё больше понизиться уровню моей нравственности, пусть за это черти вечно жарят на сковороде!

Как ни странно, несмотря на всё выпитое, среагировала я быстро. Даже быстрее Скальде, не спешившего выпускать меня из объятий. Ему-то, впрочем, чего волноваться и торопиться. Из нас двоих это ведь не он невинная юная дева, которой строго-настрого запрещено принимать жениха у себя в спальне. Да ещё и оставаться с ним тет-а-тет. Да ещё и, умирая от страсти, с ним целоваться.

Оттолкнув от себя мага, птицей подлетела к камину, кулем рухнула на мягкую шкуру. Дрожащими пальцами подцепив шаль, натянула её на плечи. Замерла, чувствуя, как губы, едва почувствовавшие прикосновение его губ, пылают. А с ними и щёки и что-то в груди, какой-то огненный шар, разрастаясь, неудовлетворённым желанием сжигает меня изнутри.

В то время как Его драконистое Великолепие, буквально вытряхнувший из меня душу своим неожиданным появлением и этим своим безапелляционным «хочу», вы-

глядел спокойным и совершенно невозмутимым.

Чёртова ледяная глыба.

В дверях нарисовалась красная, как помидор, эссель Тьюлин. Почтенная дама тяжело дышала (явно бежала сюда, спотыкаясь и падая) и очень напоминала готовящийся отчалить от пристани пароход. Казалось, у неё из ушей и из ноздрей тоже вот-вот пар повалит.

— Вы что-то говорили про последнее издыхание, эсселин Сольвер. Вам настолько плохо? — успешно делая вид, будто явился сюда исключительно чтобы справиться о моём здоровье, ни за чем большим, вежливо поинтересовался тальден и стрельнул в кьёрда недобрым взглядом.

Обиженно мяукнув, котёнок поспешил спрятаться под кроватью. Только про хвост доморощенный маскировщик забыл, и теперь тот нервно подметал прикроватный коврик, выглядывая из-под тёмной бахромы покрывала.

— Мне уже намного лучше, Ваше Великолепие, — поспешила отвести удар от своего питомца и взгляд на всякий случай тоже отвела. — Это я просто так сказала, ведь эррол Хордис утверждает, что после укуса кьёрда положено серьёзно болеть как минимум дней десять.

— Рад, что вы так быстро поправляетесь, — дежурно отозвался Герхильд, прежде чем эссель Тьюлин громко зачастила:

— Ваше Великолепие, а я вас повсюду ищу! — растянула губы в фальшивой, кислой, как перебродившее вино, улыбке. — У вас ведь сегодня свидание, не забыли? Невеста ждёт.

— Вашими стараниями, эссель Тьюлин, даже если захочу, не сумею забыть, — мрачно покосился на неё наследник.

— Тогда прошу, — поклонилась так пекущаяся о моей репутации сваха, ненавязчиво указывая дракону на дверь.

Но вместо двери тальден направился ко мне. Пришлось подниматься, хоть ноги не держали, и кутаться в шаль, как в спасительную броню.

— Эсселин Сольвер, я надеюсь завтрашний вечер провести с вами, — во всеуслышание заявил Скальде, спровоцировав внутри меня очередное цунами вселенского масштаба.

У меня тут за пару минут, проведённых с ним, чуть сознание не помутилось. А если за целый вечер…

— Но эсселин Сольвер ещё очень слаба, — багровея, осмелилась вякнуть императорская сводница.

— Поэтому, чтобы эсселин Сольвер не утруждала себя сборами, свидание проведём здесь, в её покоях.

— Но… А? — опешила распорядительница и лишь спустя несколько бесконечно долгих секунд сумела из себя выдавить: — Но ведь так же нельзя!

— Эсселин Сольвер, вы не против? — расшаркался напоследок истребитель моих нервов, полностью проигнорировав стенания придворной дамы.

— Я-а-а… — Я тоже пребывала в шоке, а потому ничего более вразумительного сказать не смогла.

Но Его Великолепию и этого оказалось достаточно. Посчитав моё мычание выражением радости по случаю грядущего свидания и абсолютного с ним согласия, маг невозмутимо резюмировал:

— Что ж, тогда завтра ужинаем вместе. Доброго вечера, эсселин Сольвер.

— Э-э-э… я-а-а… — попрощалась с ним как могла.

Благо эссель Тьюлин не стала задерживаться. Помчалась за наследником, что-то горячо ему втолковывая. Мабли покрутилась немного в спальне, но видя, что я продолжаю пребывать в прострации и в ближайшее время возвращаться из неё не соби-

раюсь, а значит, ничем интересным её не подпитаю, тоже ушла.

Подхватив на руки кьёрда, уже успевшего выбраться из своего укрытия, я плюхнулась с ним на кровать, прижала к груди вырывающегося зверька и прошептала:

— Попала я, Снежок. Причём попала по-крупному и со всех фронтов.

Сразу после завтрака Её Сиятельство отправилась на прогулку. Не потому, что хотела полюбоваться красотами заснувшей природы; Далива бежала из замка, мечтая оказаться как можно дальше от стен, за которыми завистники и недоброжелатели не переставали злословить в её адрес.

Погружённая в мрачные раздумья, графиня бродила по парку, укрытому пушистым, выпавшим за ночь снегом. Рассеянно касалась заледеневших, будто хрустальных, веток деревьев, доверительно склонявшихся к ней. Обращала свой задумчивый взор на ту или иную ледяную скульптуру, и тогда на прекрасное лицо молодой женщины набегала тень беспокойства. Снова и снова Её Сиятельство возвращалась мыслями к Скальде. Думала о его будущей избраннице, место которой в своих дерзких мечтах уже давно отвела юной красавице Рианнон.

— А ведь казалось, он всерьёз ею увлёкся. А потом… Когда же всё пошло не так? — задавалась вопросом молодая женщина, с тоской вспоминая о таэрин, которая больше не проявлялась, когда они с тальденом соприкасались.

Впрочем, в последнее время её лишили даже этой незначительной привилегии. Изредка, когда случай сталкивал их вместе, наследник приветствовал фаворитку, почтительно брал Даливу за руку, чтобы одарить её мимолётной лаской — лёгким поцелуем касался самых кончиков пальцев. Дежурное проявление внимания к даме, занимавшей особое положение при императорском дворе.

И тем не менее, несмотря на то, что на людях отношение тальдена к ней не изменилось, для всех было очевидно: будущий император охладел к своей фаворитке.

Далива злилась, ловя на себе насмешливые взгляды, коими её встречали и провожали каждый день. Будто ядовитые кинжалы метали ей в спину, и каждый норовил попасть прямо в сердце. Злилась, слыша доносящиеся со всех сторон пренебрежительные перешёптывания и смешки. А ведь ещё совсем недавно, стоило Её Сиятельству показаться среди придворных, как те принимались раболепно кланяться, приветствуя её, будто свою правительницу. Мужчины неустанно воспевали её красоту. Женщины ей тайно завидовали и стремились быть во всём на неё похожими.

А теперь эти мегеры, так мечтавшие попасть в подруги императорской фаворитки, мечтают совсем о другом: занять её место! Отбор закончится нескоро, и наследник не сможет долго обходиться без любовницы.

Каждая из придворных красавиц теперь метила в любимицы Скальде.

— Жаль, ты не сумела принять его силу. — Далива остановилась перед статуей последней погибшей ари, грустный лик которой озаряло, очерчивая золотым размытым контуром, непривычно яркое для этого времени года солнце.

Небо было ясным, кристально-чистым, и снег сверкал и искрился, отражая солнечные лучи. Всякий раз, когда Её Сиятельство приподнимала голову, чтобы посмотреть на Мавену, превращённую в лёд губительной силой Герхильдов, ей приходилось жмуриться и прикрывать глаза рукой.

Выживи тогда алиана, и сейчас всё было бы по-другому. Не было бы никакого второго отбора. Мавена бы трудилась во благо империи, рожая тальдену наследников. А она, сиятельная графиня д’Ольжи, по-прежнему была бы его верной подругой и страстной любовницей.

Почитаемой всеми императорской фавориткой.

Девушка с силой закусила губу и почувствовала, как во рту появляется солоноватый привкус крови. Он ведь был привязан к ней. Был! Об этом свидетельствовала таэрин.

А теперь от былой связи, от страсти, что их соединила, не осталось даже блеклой тени магического рисунка.

Ни-че-го.

— Позволите к вам присоединиться?

Далива, уверенная, что прогуливается в одиночестве, испуганно встрепенулась. Обернувшись, нахмурилась, увидев спешащего к ней тальдена. Снег хрустел под его тяжёлой поступью, и следом за Огненным тянулась цепочка из выделявшихся на белёсом покрове следов.

Князь Темнодолья улыбался и — это было видно невооружённым взглядом — пребывал в хорошем расположении духа. Что обычно ему было несвойственно. Всякий раз, встречая кузена Герхильда, графиня отмечала его угрюмый вид. А порой Игрэйт и вовсе выглядел злым или чем-то раздражённым. Особенно в последнее время.

И вдруг такие неожиданные перемены: перед ней предстал дракон, явно всем довольный и безмятежный.

— Чудесная сегодня погода, не правда ли? — выставив вперёд локоть, тем самым предлагая Её Сиятельству за него ухватиться, начал разговор тальден. — Чувствуется, весна уже близко.

Графиня, старавшаяся избегать общества Хентебесира, которое её так тяготило, тем не менее приняла предложение пройтись с ним по парку, напомнив себе, что судьба капризна и непредсказуема. Сегодня этот человек — правитель крошечного независимого княжества, точкой отпечатавшегося на карте мира. А уже завтра может стать владыкой самого могущественного государства в Адальфиве.

Если со Скальде что-нибудь случится…

Переплетя руки, князь и графиня продолжили прогулку уже вместе, постепенно отдаляясь от замка. Минуя печальных ледяных красавиц, припорошенные снежным крошевом скамейки и ажурные беседки, почти не различимые на фоне белоснежного убранства парка.

— Это от того у вас такое хорошее настроение, Ваша Светлость? Радуетесь приближению весны?

— И ей тоже, — загадочно усмехнулся Игрэйт. — А сейчас я и вам настроение подниму. Мне больно видеть вас такой, моя дорогая графиня. В последнее время вы сами на себя не похожи. Первая красавица Сумеречного двора должна ослеплять улыбками и радовать нас своим чарующим смехом.

Даливу раздражало слащавое обращение «моя дорогая графиня» и то, как князь Темнодолья на неё поглядывал: с явной издёвкой, прекрасно понимая, что её гложет.

Оставив формальности, Её Сиятельство сухо поинтересовалась:

— Что вам нужно, Игрэйт?

— Вопрос не в том, что нужно мне, моя дорогая. А в том, что нужно вам. Вам и никому другому, — сладко прощебетал Хентебесир.

— И что же, по-вашему, нужно мне?

— Мой дражайший кузен, Скальде Герхильд, разумеется. Ходят слухи, что Его Великолепие к вам охладел. — Довольный последовавшей за этими словами реакцией — лицо графини перекосилось от гнева — тальден искушающе продолжил: — Но это можно с лёгкостью исправить, устранив, скажем так… причину его охлаждения.

— И что же это за причина такая? — угрюмо посмотрела на мага молодая женщина.

— Одна небезызвестная нам всем алиана.

— Алиан сейчас в Ледяном Логе много.

— Не прикидывайтесь наивной, моя дорогая, — усмехнулся Огненный, и его обычно мягкие, невыразительные черты лица заострились, приобрели пугающую хищность и резкость. — Вам не идёт роль глупой гусыни. Вы прекрасно знаете, о ком я.

Об эсселин Сольвер, с которой не далее как вчера уединился наследник. Только не говорите, что вы об этом не слышали.

— Слышала, — нехотя выцедила из себя первая красавица империи.

— Тогда, полагаю, вам уже успели доложить и о том, что у них сегодня намечается интимное свидание. В личных покоях Фьярры.

Несмотря на студёный воздух и мороз, от которого пощипывало кожу, графине д'Ольжи вдруг стало жарко. Кровь прилила к щекам. Запнувшись, Её Сиятельство выдернула руку из руки мага и расстроенно воскликнула:

— Если Скальде нашёл своё спасение и своё счастье, то мне, да и вам тоже, остаётся только за него порадоваться!

Князь Темнодолья закатил глаза.

— Бросьте, Ваше Сиятельство. Вам прекрасно известно, что шансы у девочек равны. Любая из них, став его ари, может как выжить, так и погибнуть.

— Но раз он неравнодушен к эсселин Сольвер, вероятность, что она примет его силу, возрастает.

— Не будет эсселин Сольвер, он увлечётся любой другой невестой. Да хотя бы той, смазливенькой такой, на которую заглядывался раньше. Как её там… Кроткая мышка. А, вспомнил! Рианнон.

— Зачем вы мне всё это говорите?

Лёгким взмахом руки Игрэйт поманил опечаленную женщину за собой. Обогнув фонтан, один из тех мраморных произведений искусства, что летом наполняли парк задорным журчаньем, вкрадчиво проговорил:

— Всё очень просто, графиня. Мне нужна Фьярра. Вам — Скальде. Женатый на угодной вам алиане. Уж с вашей подачи малышка Рианнон сумеет разжечь в нём прежний интерес, а может даже и страсть. Но для этого прежде следует убрать с его глаз эсселин Сольвер.

— Я не стану вам помогать, — отрезала Далива.

— Напрасно упорствуете, милая. Вы посвятили себя Герхильду, а что получили взамен? В лучшем случае, он сбагрит вас первому попавшемуся вассалу из какой-нибудь забытой богиней глубинки. И станете вы женой незнакомому человеку, будете доживать свой век в его замке, вдали от двора и столицы.

А может так случиться, что от вас попросту избавятся, заперев, как безымянную монашку, в уединённой обители, где вы до конца дней своих будете с утра до ночи читать молитвы. Поверьте, и не такое случалось с императорскими фаворитками, — зловеще усмехнулся Хентебесир, уверенный, что его красноречие найдёт отклик в истерзанном ревностью и страхами сердце молодой женщины. — Но что более вероятно, вас посадят в карету и отправят домой, в Рассветное королевство. Думаете, вас там ждут? Много ли найдётся магов, влиятельных людей с громкими титулами и именами (а на меньшее вы, полагаю, будете не согласны), которые захотят жениться на женщине, пусть и такой утончённой красавице, как вы, моя дорогая, но всё же два года согревавшей постель другому.

— Вы забываетесь, князь! — вспыхнула д'Ольжи.

— Правда часто горчит. А порой ещё бывает ядовитой. Но вы сильная и разумная женщина. Уверен, сумеете её принять и попытаетесь изменить ваше будущее к лучшему.

— Я не сделаю ничего, что могло бы навредить Скальде.

— Ну вот, вы опять играете, — укоризненно покачал головой Хентебесир. — А ведь мы с вами не в театре. К чему всё это жеманство? Мне прекрасно известно, чего вы желаете. Единственное, что вас заботит, это как бы и дальше блистать при Сумеречном дворе. Утереть нос всем придворным сплетницам и остаться фавориткой наследника, единственной и неповторимой. А в будущем стать любимой женщиной импе-

ратора. Я же хочу жениться на княжне Лунной долины.

— Влюбились? — горько усмехнулась Её Сиятельство.

— Влюбился, — согласился тальден, жёстко закончив: — И сделаю всё, возможное и невозможное, чтобы сделать её своей. В ваших интересах оказать мне в этом посильную помощь. Сейчас, пока кузен ещё не привязался к ней.

Далива оказалась перед непростым выбором: пожертвовать собой, своими надеждами и мечтами ради любимого мужчины, который вдруг так неожиданно от неё отвернулся. Тем самым больно ранив её. Или ещё побороться за ледяное сердце Скальде Герхильда и за возможность быть с ним.

Её Сиятельство недолго мучилась сомнениями и чувством вины. Вскинув на тальдена взгляд, тихо спросила:

— Что вы намерены предпринять?

— Отвадить Его Великолепие от моей алианы в самое ближайшее время. А если точнее — на празднике Нового года. И вы мне в этом поможете, моя дорогая графиня.

Игрэйт довольно усмехнулся, предвкушая, как уже совсем скоро Фьярра перестанет быть невестой ненавистного кузена. И тогда уже ничто не помешает ему сделать её своей.

Глава 30

С утра пораньше ко мне заявилась эссель Тьюлин с целым вагоном упрёков и претензий. И ещё с несколькими, совсем немаленькими, ими же забитыми тележками. По мнению свахи, вся вина за неподобающее отношение Его Великолепия к своей невесте, то бишь к бесстыжей мне, целиком и полностью ложилась на мои хрупкие плечи. Мол, нечего вести себя с наследником столь вызывающим образом, провоцировать его, цитируя придворную даму, на всякие глупости.

Это она ещё не знает, насколько неподобающе Герхильд вчера со мной обошёлся. Иначе бы снова закатывала глаза и хваталась за сердце. А если б узнала, как я сама желала этого его неподобающего поведения… Наверняка бы эссель Тьюлин сделала всё возможное и невозможное, чтобы предотвратить грядущий ужин.

От картины, ожёгшей сознание — я, зажатая между стеной и Скальде, словно вплавленная в него, — вдруг стало невыносимо жарко. В груди как будто вспыхнул факел. Сердце забилось быстрее, кровь прилила к щекам, что вызвало у достопочтенной сводницы удовлетворённый кивок и даже некое подобие благосклонной улыбки. По-видимому, эссель Тьюлин решила, что подопечная краснеет, смущённая и пристыженная её обличительной речью. Добрую половину которой я благополучно пропустила мимо ушей.

— Будьте бдительны, эсселин Сольвер, и не давайте поводов для пересудов. Ваша репутация так же бесценна, как и ваша невинность. Подумайте о будущем и о том, какое о вас может сложиться впечатление у других господ тальденов. Вы ведь ещё не стали императрицей, и, возможно, это ваш не последний отбор.

На такой пафосной ноте мадам сваха закончила своё сольное выступление. Сольное, потому что мне, оказавшейся на скамье подсудимых, и слова не дали вставить в свою защиту.

Шурша парчовыми юбками и подметая полы длинной вуалью головного убора, эссель Тьюлин направилась к выходу. Согнулась в три погибели, чтобы эннен вписался в низкий проём, и, обернувшись, строго напомнила:

— Не вздумайте за ужином позволить ему лишнего!

А кто не позволит мне позволить лишнего самой себе?

Я, конечно, борюсь с собой. Но пока что-то не очень успешно. Каждый день сражаюсь с соблазном, можно сказать, не на жизнь, а на смерть. Разум воюет со слабой плотью, совесть — с необъяснимыми желаниями, пробуждавшимися во мне от одной лишь мысли о моём ледяном пламени. Которое и не моё вовсе. Об этом неустанно твердил здравый смысл.

А что-то глубоко внутри нашёптывало совсем другое…

После эссель Тьюлин проведать пациентку заглянул эррол Хордис. Довольный моим посвежевшим лицом, на котором наконец-то начали проступать краски (спасибо провокационным и таким шальным мыслишкам о Скальде) и тем, что ко мне наконец-то вернулся здоровый аппетит, лекарь радостно возвестил, что уже через каких-то пару дней я смогу позволить себе короткие прогулки по замку и трапезы в обществе других невест.

— А пока что лучше оставайтесь в кровати, эсселин Сольвер. Полежите ещё денёк-другой.

— Как скажете, — согласилась послушно и, следуя наставлениям эссель Тьюлин, робко взмахнув ресницами, потупила взор.

Ведь юной деве не пристало долго глазеть на мужчину.

И вообще на него глазеть.

Когда за целителем закрылась дверь, я перетащила на кровать вчерашние дары Ариэллы и принялась их изучать. Одна из книг была посвящена тальденам и алиа-

нам. Ари, сумевшим принять силу мужа, а также элири, не сумевшим этого сделать и по прихоти своих жестокосердных супругов вынужденным стать бесправными рабынями.

Эх, жаль, тот тальден из Рассветного королевства отпустил в своё время Блодейну. Сделай он тогда её своей игрушкой, и не было бы всей этой истории. И меня бы…

Тоже здесь не было.

Я собиралась лишь мельком просмотреть пухленький томик, содержащий в себе любовные предания былых времён. Этакие средневековые лирические баллады. Едва ли они могли мне помочь отыскать дорогу домой, а значит, нечего на них время тратить. Но, прочтя одну историю, я незаметно переключилась на следующую и исчезла из реальности на добрую половину дня.

Признаюсь, некоторые истории мне совершенно не понравились. Взять хотя бы ту, в которой описывалась судьба императора Роланта. Его Великолепие долго не мог найти свою половинку, три алианы его стараниями отправились украшать сады в виде ледяных произведений магического искусства. И только с четвёртой, с юной княжной Ильсиррой, ему наконец подфартило. Как и юной княжне, благополучно пережившей первую брачную ночь.

Чтобы будущий император раньше времени не отбросил коньки (или в случае дракона правильней будет сказать не склеил ласты, то бишь лапы?), при нём всегда была фаворитка, некая маркиза де Лавьен.

Если для обычных неженатых тальденов любовница — это средство для расслабления и сбрасывания напряжения, вызываемого концентрацией в организме родовой силы. То для Герхильдов интимная связь до брака — своего рода лекарство от безумия и отсрочка неминуемой гибели. Вот такой своеобразный способ борьбы с магическим передозом и возможной шизофренией.

Каждую строчку я читала, громко скрипя зубами. Не выдержав, хлопнула пыльными половинками книги. Нервно отпихнула от себя этот нервотрепательный кладезь знаний, чувствуя, как всё внутри меня начинает бурлить, клокотать и дымиться. Словно я была котелком, позабытым нерадивой хозяйкой на огне.

Нет, я, конечно, всё понимаю: Её Сиятельство Мымра жизненно необходима Его Великолепию Дракону. Который, по логике, совсем не необходим мне. Поэтому и думать тут не о чем.

А вот думается!

И болезненное ощущение, всякий раз возникавшее при мысли о сладкой парочке (будто мне на сердце кислотой из пипетки капали), уж больно походило на ревность. Которой, по идее, не должно было быть.

Но она была и есть! Уф…

Справившись с очередным приступом своего собственного безумия, подтянула книгу обратно. Умостив рукопись у себя на коленях, пролистала несколько пожелтевших от времени страниц и принялась знакомиться со следующей душещипательной балладой, так и не узнав, как в конце концов сложились отношения императора Роланта с его четвёртой ари и маркизой-фавориткой. Жили ли они одной большой дружной шведской семьёй или любовница после свадьбы тальдена получила от ворот поворот.

После следующей истории, при чтении которой я спотыкалась на каждой строчке, настолько тяжеловесными были фразы, настроение сползло до минусовой отметки. Сложно получать удовольствие от подробнейшего описания жестокой смерти Огненного, воспользовавшегося своим даром во вред людям. Желая проучить девушку, отказавшуюся провести с ним ночь, мерзавец превратил в пепел всё её поселение.

Суда над магом не было. На тальдена натравили дольгаттов — созданий вечного мрака. Что-то вроде адских гончих — гигантских трёхглавых псов, да ещё и крыла-

тых, которые одной дружной компанией могут запросто завалить дракона, большого и маленького, и разорвать его в клочья.

Из баллады я узнала, что эти бессмертные твари натасканы охотиться на Ледяных и Огненных и в случае необходимости могут с лёгкостью уничтожить зарвавшегося или обезумевшего от силы мага. Псов создали тёмной магией из останков тех самых старейшин, что в древности принесли себя в жертву, дабы дать жизнь первым тальденам.

Наверное, это правильно. Ведь на каждое действие должно быть противодействие, тем более если добро вдруг превращается в зло. Но мне от одной лишь мысли, что подобная участь может постигнуть Скальде — быть растерзанным дьявольскими тварями, становилось жутко.

А от того, что Его Великолепие по ночам кувыркается с этой шлю… Её Сиятельством, пусть и ради собственного благополучия, — обидно и неприятно.

Наверное, я эгоистка.

Не знаю, то ли переволновалась из-за свидания, то ли ревность, на которую не имела права, стала тому причиной — за день я так себя накрутила, что к ужину напоминала самой себе сжатую до предела пружину. Которая, если отпустить с одной стороны, обязательно больно ударит с другой.

Когда в спальню явились слуги накрывать на стол, а Мабли принесла нарядное платье, пошитое из ярко-красного бархата, лишь неимоверным усилием воли я подавила в себе трусливый порыв прогнать всех к чёртовой бабушке и запереться со Снежком в спальне. Даже стульчик подумывала к двери приставить и подтащить к ней пару сундуков.

Спасибо моему питомцу, вернувшемуся с очередной охоты и принявшемуся с довольным урчанием ко мне ластиться, а ещё умилительно запрокидывать мордочку, чтобы преданно заглянуть своей хозяйке в глаза. Ласка кьёрда помогла успокоиться, и я, дождавшись ухода парней в лосинах, заставивших стол всякими вкусностями, начала наряжаться к ужину.

— Ваша Утончённость, с вами всё в порядке? — От Мабли не укрылось, что я сегодня немного не в себе.

— Всё просто зашибись. — Я не переставала нервно теребить рукав-разлетайку.

И зачем делать их такими длинными и такими широкими? Неудобными, одним словом.

— Зашибись — это значит хорошо или плохо? Что-то не совсем поняла, — пробормотала девушка, глубокомысленно почёсывая спрятанную под крахмальным чепцом макушку.

— Это значит… — Закончить не успела. Да и, если честно, не знала, что сказать.

С каждым днём я всё больше запутывалась в себе и в своих чувствах. А увидев Герхильда, по-хозяйски переступившего порог комнаты, даже не постучав (не у одной у меня, оказывается, проблемы с манерами), снова оказалась во власти безумного наваждения.

— Не буду мешать. — Низко поклонившись, Мабли растворилась в полумраке дверного проёма.

Я осталась с Ледяным один на один и даже не заметила, когда в спальню снова незаметно прокрался демон ревности.

— Всё-таки сумели ко мне прорваться, — нарушила опасно затянувшуюся паузу. Вчерашняя закончилась тем, что Скальде пошёл в наступление. Боюсь, если он и сейчас начнёт со штурма, свернём мы не к столу, а совсем в другом направлении.

— Думали, меня к вам не пустят?

— Было такое подозрение.

Тальден улыбнулся одними уголками губ, и черты лица его, так часто походивше-

го на высеченную из камня маску, сразу смягчились. Я вдруг поймала себя на мысли, что мне в этом лице — хоть в маске, хоть без неё — нравится всё. Высокий лоб, упрямый подбородок, хищный разлёт бровей. И губы… Ой, нет! Лучше не будем про губы.

— Что ж, я здесь. Надеюсь, вы этому рады, эсселин Сольвер.

В ответ я неопределённо хмыкнула. Потому что и сама не знала, что чувствую в данный момент. Чувств этих было слишком много, и все они теснились в моём сердце, роились, воплощаясь в сумбурные мысли, в моей голове. Нахлёстывались друг на друга, сплетаясь в тугой клубок противоречий, желаний и сомнений.

— Чудесно выглядите. — От взгляда, которым Его бессовестное Великолепие по мне прошёлся, тело накрыло пламенной волной. Появилось ощущение, что никакого платья — тёмно-красного, затканного серебряными цветами, на мне нет и в помине не было. И нижней сорочки тоже. И волосы, сколотые серебряными шпильками, не могли скрыть эту воображаемую наготу.

— Надеюсь, я вас не сильно разочаровала. — Светлый шелковистый завиток овил указательный палец. Я нервничала, а потому не знала, куда деть руки, вот и дёргала себя за волосы или за юбку. И взгляд, то и дело обращавшийся к Герхильду, не знала, куда бы спрятать. От тальдена подальше. — Мабли настояла на причёске.

А ведь ему нравятся распущенные волосы.

— Помню, — лёгкий смешок, — у вас деспотичная служанка.

Что правда, то правда.

— Может, присядем? — прервала повисшее молчание, на протяжении которого меня снова успешно раздели взглядом — по крайней мере, чувство, что стою перед ним обнажённой, так никуда и не исчезло, — и первой поспешила к столу.

Увы, это был маленький круглый столик на две персоны. Хотя я бы сейчас предпочла оказаться в Карминовой комнате и усадить Его Снеговейшество за один конец длинного обеденного стола, а себя за другой. На расстоянии всё же спокойней и безопасней.

Мне и моей совести.

Вот только мы были не в столовой, а в спальне, чуть тронутой мерцанием свечей. Тёплые блики жидким золотом струились по стенам, подсвечивали застланный узорчатыми коврами пол. Возле каминов было значительно светлее и в центре стола красовался изящный подсвечник на длинной витой ножке. Отдельные же участки комнаты, например, кровать, спрятанная под балдахином, утопали в густом полумраке.

Впрочем, о кровати тоже лучше не думать.

— Позвольте. — Тальден наполнил вином чеканные кубки.

Мне совсем чуть-чуть, себе плеснул побольше. После чего украсил мою тарелку с ажурной золотой каёмкой тонко нарезанными кусочками мяса, политыми густым, ароматным соусом. Нос защекотал резкий запах пряностей.

А пряности, говорят, самые сильные афродизиаки.

Тьфу ты! Опять всякая блажь лезет в голову!

— Тронута вашей заботой, — польщённо улыбнулась я, делая небольшой глоток. Лучше б и дальше вино пила, но вместо этого, отставив кубок, кашлянула и сама не знаю зачем выдала: — Надеюсь, эсселин д'Ольжи будет не в обиде. Что вы здесь, со мной. До сих пор, полагаю, ужинами в спальне вы удостаивали только её.

Сказала и с силой закусила губу. Но поздно. Слова ведь не воробьи. Их не поймаешь и не перестреляешь из ружья. И обратно в себя не затолкаешь. Оставалось только пожинать плоды своей несдержанности и пожаром полыхавшей в груди ревности.

Его Великолепие выразительно дёрнул бровями, после чего с самым расслабленным и безмятежным видом откинулся на спинку кресла.

— И у вас ко мне по этому поводу имеются претензии, эсселин Сольвер?

Схватив первую попавшуюся тарелку — с песочными корзиночками, начинёнными чем-то не то мясным, не то рыбным, поспешила отправить в рот одну и, кое-как протолкнув песочное лакомство внутрь, потянулась за кубком.

— Попробуйте. Жуткая вкуснятина.

Тальден сощурился и посмотрел на меня с пристальным вниманием, будто глазами собирался сделать мне флюорографию. Угощений так пока и не коснулся. Разве что пригубил немного вина.

— Не уходите от темы, эсселин Сольвер. Вы начали говорить о графине. Так закончите же.

Боюсь, если я сейчас начну «заканчивать», то вся эта расчудесная еда окажется не в Герхильде, а у него на голове. Как вариант — кое-какие шедевры средневекового кулинарного искусства украсят гобелены и пол.

Выдохнула, пытаясь унять пустившееся вскачь сердце. Никак не уймётся, сумасшедшее; всё в хозяйку. Убеждая себя, что я тоже могу быть чуточку ледяной, с самым безразличным видом проронила:

— Ладно, не буду уходить. Просто я сегодня читала… — Собравшись с мыслями, осторожно продолжила: — Вот скажите, после свадьбы с… с кем бы то ни было, графиня продолжит делить с вами эм-м-м… вечерние трапезы?

То ли в светлых глазах Скальде так причудливо отражались лепестки пламени, флегматично колышущегося над свечами, то ли что-то там заискрилось в глубине драконьих глаз — серая радужка вспыхнула золотом. Я вжалась в спинку кресла и замерла в ожидании ответа.

Герхильд не сводил с меня взгляда, будто силою мысли пытался подковырнуть хрупкую ледяную корку, маской растянувшуюся на моём лице. Того и гляди она растает или растрескается, и тогда я выдам себя с потрохами. Все свои чувства и то, как меня задевают эти его шуры-муры с конопатой мамзелью.

— Мы с эсселин д'Ольжи больше не вместе. Или вы не в курсе последних придворных сплетен?

Кажется, тальдена забавлял наш разговор, хоть по его невозмутимой физиономии сложно было понять, веселится ли он, раздражён или ему вообще всё пофиг. А вот на моём лице, уверена, сейчас отчётливо читались все мои эмоции. Среди которых удивление (и, наверное, радость напополам с каким-то эгоистичным удовлетворением) явно преобладали.

— Отчего ж так?

Скальде вонзил нож в сочный антрекот и одним движением отрезал от него большой, весь в капельках жира кусок.

— Вы казались мне более проницательной девушкой, эсселин Сольвер.

Это сейчас что такое было? Завуалированное признание — признание в чём бы то ни было — или очередная издёвка? Больше походило на второе, но верить очень хотелось в первое.

— Может, всё-таки просветите меня непроницательную? Прямолинейность украшает мужчину. — Не одному же Герхильду тут упражняться в искусстве колоть словами и обнажать взглядами.

И если в последнем я была не сильна, то в иронично-насмешливых беседах, по своему скромному мнению, неплохо преуспела.

— Не люблю украшений, — ответ не заставил себя ждать.

Оторвавшись от мягкой спинки кресла, в котором вальяжно развалился (я же сидела как на иголках, причём раскалённых), тальден с ленивой медлительностью потянулся к блюду с теми самыми корзиночками, которые я незаметно для себя самой уплела аж целых пять штук.

Спасибо стрессам и их катализатору в лице Его Насмешливости.

— Говорите, жутко вкусные?

Признание в тот вечер мне так и не обломилось, и выяснение отношений незаметно сошло на нет. Новость о том, что любовница Герхильда теперь вместо воображаемой короны, которую сама же на себя нацепила, носила такую расчудесную и совсем не воображаемую приставку «экс», меня страшно обрадовала. Причём ключевым словом было предпоследнее — «страшно». Ведь радоваться я не имела права. Только бояться. Как и не имела прав на многие другие чувства.

Ну нельзя мне за него замуж! Нельзя и всё тут! По многим причинам. Во-первых, я уже замужем, хоть порой об этом забываю. Во-вторых, брак со Скальде может оказаться для меня фатальным. Не зря же мы оба прокляты. Ну а в-третьих… Не могу я позволить себе то, что порой позволяла в своих безумно-откровенных снах. Сама себя ведь потом не прощу и…

Тогда уже точно буду покидать Адальфиву с разбитым вдребезги, не на осколки, а в крошево сердцем.

Встрепенулась, почувствовав, что он снова рядом, в опасной близости, и несмело подняла на тальдена глаза. Скальде протягивал мне руку, наверняка даже не подозревая, какое воздействие на меня оказывает малейшее его прикосновение.

— Присядем к огню? Вы вся дрожите.

Хорошо хоть не приляжем.

Впрочем, в последнем Фьяррино тело не видело ничего хорошего.

Мы устроились у камина, возле которого прошло столько приятных вечеров за непринуждённой болтовнёй с Глендой и Ариэллой. И в обществе Снежка, однажды притащившего нам на девичьи посиделки свой трофей — дохлую мышь, и коварно подложившего её в тарелку с печеньем. Ох и визгу было…

Белоснежный охотник спрыгнул с кровати и теперь крутился возле нас, стараясь привлечь к себе внимание. Распушив хвост, важно вышагивал перед Его Великолепием с таким видом, будто Герхильд был ему ровней. Ну или имел ранг пониже. Кьёрд деловито мяукал, не забывая при этом энергично тереться макушкой о драконье колено.

— А вы ему нравитесь, — улыбнулась я, наблюдая за играющим на публику питомцем.

— Кьёрды по природе своей дружелюбные создания. Если их не обижать, не пугать и не отбирать у них добычу.

Это дружелюбное создание наконец угомонилось. Растянулось между нами и, блаженно урча, прикрыло глаза.

— А драконы?

— Дракона нелегко обидеть и тем более напугать.

Надо же! Вторая за вечер улыбка. Эволюционируем.

— А что будет, если отобрать у дракона его добычу? — исподлобья посмотрела на мага, едва не утонув в его глазах.

Цвета предгрозового неба, туманной бездны. Смертельно опасной, но такой манящей. Сорваться бы в неё, позабыв обо всём. О прошлом, которое не отпускало, и о будущем, которое так пугало своей неизвестностью.

— Драконы не расстаются со своей добычей. И никому её не отдают.

Пламя в камине негромко потрескивало, и у меня внутри от близости мужчины, к которому тянулась каждая клеточка моего тела, вся я; от его голоса — шёпот с лёгкой, будоражащей хрипотцой — тоже что-то потрескивало и уже вовсю искрилось.

Скальде взял меня за руку. Лаская, провёл по ладони большим пальцем, вырисовывая на коже невидимые узоры и посылая недвусмысленные сигналы всем моим нервным окончаниям. Словно завороженная я смотрела, как стальная вязь татуиров-

ки пробегает по руке дракона, связывая нас незримыми, но такими прочными узами.

Поцелуй, вдруг ожёгший запястье, заставил задохнуться от нахлынувшего жаркой волной желания. За ним последовал другой, дразняще неторопливый, от которого закружилась голова, меткой-клеймом отпечатавшийся на ладони. Я вздрогнула и взволнованно закусила губу.

— Всё ещё боитесь меня, эсселин Сольвер? — неправильно истолковал мою дрожь тальден.

Зажмурилась, понимая, что надо бы вскочить и отойти. Убежать. Но вместо этого потянулась к нему, прошептав:

— Больше себя, чем вас.

Губы скользнули по губам лёгким, невесомым касанием, таким невинным и в то же время порочно-страстным, что лёд мог запросто превратиться в огонь. Неистовое, безудержное пламя.

Мог бы, да только…

— Ой! А мы думали, ты уже всё. — Ариэлла запнулась и смущённо кашлянула.

— Мы-ы-ы… — подключилась Гленда.

На этом её словесный поток иссяк, а вот мой, мысленный, состоявший из одних матов, едва не затопил спальню. Пришлось посильнее стиснуть зубы, дабы ни один звук не прорвался наружу. Иначе, если начну говорить, боюсь, уже не смогу остановиться.

Нет, это какое-то издевательство. В этом замке что, даже нельзя нормально поцеловаться?!

По-видимому, Герхильд был того же мнения, потому как окинул девушек таким холоднющим взглядом, что даже удивительно, как это они сразу не примёрзли к полу или не отправились в сад пополнять коллекцию ледяных фигур.

— Мы-ы-ы… — теперь уже мычала эсселин Талврин, наверное, из солидарности с рыжеволосой алианой.

Обе то краснели, то бледнели и старались не смотреть на мага. Моих выразительных взглядов тоже избегали, предпочитая пялиться в пол или на стены.

Гленда оказалась храбрее. Вздохнув, тихо попросила:

— Простите нас за вторжение. Но… Можно мы пока здесь побудем?

— Эссель Тьюлин прислала, — мрачнея на глазах, догадался Скальде.

Девушки виновато кивнули.

— Проходите, — махнула я рукой, честно пытаясь выдавить из себя улыбку или хотя бы некое её подобие.

Снежок, до сих пор изображавший белоснежную меховую подстилку, постланную на шкуре больших размеров, вмиг ожил и принялся крутиться возле нежданных, незваных и совсем нежеланных гостий, клянча для себя очередную вкусняшку.

— Сегодня без подарков. — Ариэлла потрепала вымогателя по пушистой холке, отчего пол вокруг него тут же укрыло снежной крошкой, и, усевшись со мною рядом, прошептала одними губами: — Прости. Мы не специально. Она нас сюда чуть ли не под конвоем приволокла.

— Всё в порядке, — отмахнулась я и обвела притихшую компанию взглядом.

Напряжение и неловкость, нависшие над нами мутным, удушающим облаком, заставляли ёрзать и нервно мять вышивку на юбке.

По глазам Скальде поняла, что вот сейчас он поднимется и, сославшись на неотложные дела, уйдёт. Поступит по-джентльменски, дабы не смущать меня и девушек ещё больше. Несомненно, эссель Тьюлин будет довольна таким поворотом событий и сможет облегчённо выдохнуть.

Но этого удовольствия я ей точно не подарю. Не только драконы не отпускают свою добычу. Добыче, может, тоже хочется подольше побыть с охотником. Тем более,

если это позлит и заставит понервничать придворную интриганку.

Пусть эссель Тьюлин теперь мучается и гадает, чем это наша группа занимается в моей спальне.

— Может, во что-нибудь сыграем? — предложила и с удовлетворением заметила, как тальден, было поднявшийся, опустился обратно на пол.

— Замечательная идея! — сразу оживилась Ариэлла, явно чувствовавшая себя здесь не в своей тарелке.

— Во что же? — с улыбкой поинтересовалась Гленда.

— В… — Я запнулась, гадая, что бы такое предложить.

Подвижные игры в спальне? На ум приходила только одна подвижная игра, и алианы (все, кроме меня) в ней не должны были участвовать.

Сыграем в шарады? Но я никогда не любила эту забаву, да и мало ли, какие придётся отгадывать слова. Я ведь не местная, плохо знакома со здешними реалиями. Не хотелось бы, чтобы у Скальде сложилось впечатление, что его седьмая невеста — непроходимая дура.

Подруги не спешили приходить мне на помощь и подкидывать интересные или хоть какие-нибудь идеи. Герхильд — тем более. Скорее всего, у него вообще с играми всё сложно, и в детстве он политике обучался, а не сражался оловянными солдатиками с другими мальчишками.

Не придумав ничего лучшего, предложила:

— А давайте сыграем в «Я никогда не…»!

Где там моя ежевичная наливочка… Она нам сейчас пригодится.

— Никогда о такой не слышал. — Скальде полулежал, расслабленно опёршись на локоть, и, не стесняясь, скользил по мне взглядом.

— Это… хм, излюбленная игра жителей Лунной долины. Правила очень просты. — И я вкратце рассказала, в чем суть развлечения. — Играем до победного конца. То есть, пока не закончится наливка.

Так как других предложений не поступило, остановились на моём варианте. Хоть подруги и восприняли его без особого энтузиазма.

Плеснув по несколько капель рубиновой жидкости в кубки, я пустила алкоголь по кругу и сказала:

— Начнём с меня. Итак! Я никогда не была в Рассветном королевстве.

Я много чего не делала и не видела в этом мире и имела все шансы остаться трезвой. А вот Герхильду и Гленде пришлось опустошить свою тару; мне же, как взявшей на себя обязанности бармена, снова наполнить их кубки.

Следующей была Ариэлла. Скосив на меня хитрый взгляд, алиана с улыбкой заявила:

— Я никогда не заводила себе питомца.

Теперь настал мой черёд угощаться наливкой, в компании всё той же Гленды. Щёки девушки порозовели. То ли от крепкого напитка, то ли от близости пламени, возле которого мы так дружно сидели. А может, всему виной была иная близость — присутствие мужчины, к которому Гленда была привязана любовной магией.

Постаралась придушить ревность, хищным зверем царапавшую мне сердце, и посмотрела на Герхильда:

— Ваша очередь, Ваше Великолепие.

— Я никогда не носил платьев.

— Так нечестно! — в один голос возопили мы.

Но делать нечего, пришлось пить.

— Я никогда не превращалась в дракона! — азартно выкрикнула Ариэлла, тоже румяная и уже порядком захмелевшая.

Неловкости между нашим квартетом как не бывало. Зато теперь имелись две

нетрезвые алианы. И всё благодаря мне. Кто ж знал, что они так быстро наклюкаются и будут проигрывать с завидной регулярностью.

Ежевичное искушение таяло на глазах; вернее, испарялось со дна графина. Наконец, последние капли сладкого напитка перетекли в кубки, и я торжественно объявила:

— Сейчас мы узнаем имя или имена победителей!

Кивнула Гленде, так как была её очередь признаваться в очередном «никогда». Алиана тихонько хихикнула, явно обрадованная посетившей её идеей, и, гордо задрав подбородок, громко проговорила:

— Я никогда не целовалась с мужчиной!

Его Великолепие, разумеется, пить не стал и был удостоен лавров победителя, как самый трезвый из нас. Или, скорее, совершенно трезвый. Я бы очень удивилась, если бы он после заявления Гленды вдруг взял и опрокинул в себя наливку.

А вот нам с Ариэллой, опасливо переглянувшимся, ничего не оставалось, как, смущённо потупившись, поднести кубки к губам. Игра есть игра. Обманывать нечестно. Хотя порой полезно. Для собственного здоровья. Потому что, если судить по вмиг потемневшему взгляду тальдена, сверлящему меня, будто буром, здоровье это у меня очень скоро подорвётся.

Искры в серых глазах недвусмысленно намекали, что подорвётся надолго.

После нашего с Ариэллой бесславного поражения гостьи начали прощаться. При этом они выразительно поглядывали на Его Мрачность, намекая, что ему лучше бы сейчас составить компанию им, чем мне.

— Значит, мне не удалось и уже не удастся украсть у вас первый в вашей жизни поцелуй, эсселин Сольвер. — Скальде воспользовался тем, что захмелевшие алианы тискают в объятьях Снежка, и решил во всём разобраться.

Или, как вариант, разделаться. С ветреной невестой.

— Не во всём же вам быть первым, Ваше Великолепие, — не растерялась я.

— Полагаю, счастливец — тот самый влюблённый в вас мальчик, имя которого вы от меня так упорно скрываете.

И сдался ему этот мальчик! Который уже давно и не мальчик, в общем-то.

— Полагайте, если вам так хочется, — решила я поупражняться в игре на нервах дракона — весьма занятном инструменте и дерзко улыбнулась наследнику.

А всё наливка, из-за которой чувствовала себя отчаянной и как никогда смелой. Наверняка завтра чувства и ощущения будут совсем другими. Но сегодня…

— Не дразните меня, Фьярра, — шёпот опалил губы.

— А то что? — Вскинув голову, заглянула в глаза мага, своим цветом сейчас напоминавшие сталь, обдаваемую яростным пламенем.

— Ваше Великолепие, вы нас проводите? — подала голос Гленда.

У Ариэллы случился очередной приступ кашля, а у меня — раздражения.

Совсем забыла, что они ещё здесь. Как забывала о многом другом, когда он был рядом.

Тальден нехотя отстранился и, пожелав мне спокойной ночи (нашёл чего желать после такого-то свидания), отправился разводить девушек по комнатам.

А я, быстро переодевшись, с тяжёлым стоном рухнула на кровать. Обняв подушку, принялась воскрешать в памяти каждое мгновение минувшего вечера и попутно себя ругать.

Глава 31

— Ну и зачем мы сюда пришли? — Негромко шелестя юбками, Её Сиятельство прохаживалась по лавке травника, бросая по сторонам равнодушные взгляды.

Рассматривала стеллажи, заставленные бесчисленными флаконами и разноцветными склянками. Одни были совершенно простые на вид, вроде тех, в которых хранил снадобья придворный целитель эррол Хордис. Другие выглядели побогаче — из цветного стекла, инкрустированные самоцветами. Флакончики разных форм и размеров заманчиво поблёскивали, выхватываемые из полумрака полок пламенем кованых светильников, что темнели на обшитых деревом стенах.

Далива без малейшего интереса поглядывала на пучки сухих трав, гирляндами развешенные над прилавком. И наоборот, с явным интересом, исподволь бросала взгляды на стоявшего за деревянной стойкой пожилого мужчину. Высокий, худощавый, с окладистой седой бородой и кустистыми бровями, нависавшими над щёлочками-глазами — маг из кожи вон лез, пытаясь придать своему лицу добродушное выражение. Но цепкий, алчный взгляд, которым зельевар, прощаясь с покупательницей, окидывал новоприбывших, выдавал его истинные чувства — жажду поживы и надежду обрести в лице красавицы незнакомки постоянную и щедрую клиентку. С тальденом же эррол Тьернваэль, хозяин зельевой лавки, был давно знаком.

С искусной иллюзией, надёжно скрадывавшей её лик, Далива чувствовала себя спокойнее и уверенней. Без неё она бы ни за что и никуда не отправилась с Хентебесиром. Князь не стал прибегать к магии, ограничился простой чёрной маской да плащом, богато отделанным мехом. Благодаря глубокому капюшону, который Его Светлость не пожелал скинуть, лицо его оставалось в тени.

Для эррола Тьернваэля было делом привычным принимать у себя покупателей, желавших сохранить инкогнито.

Вместо того, чтобы ответить на вопрос своей спутницы, Игрэйт с заговорщицкой интонацией в голосе проговорил:

— Вам, наверное, интересно, где я пропадал последние пару дней.

— Нисколько.

Оставив без внимания безразличный ответ молодой женщины, князь тихо продолжил:

— Я был в Лунной долине.

— И что же вы там делали? — Далива встрепенулась и заинтересованно посмотрела на мага.

— Знакомился с отцом своей будущей невесты.

— Которая даже не подозревает о том, что станет вашей невестой, — хмыкнула Её Сиятельство. Сделав вид, что увлечена созерцанием черепа, искусно овитого янтарной змеёй, вполголоса спросила: — И что сказал князь?

— Обрадовался моему предложению и пообещал отдать мне Фьярру, если она не пройдёт императорский отбор, — с готовностью отчитался тальден, довольный как оказанными ему в Лунной долине почестями, так и результатами общения с уже почти родственником.

— Не рано ли вам отцовское благословение испрашивать? — не сумела отказать себе в удовольствии поддеть мага графиня.

— Благословение — предлог. На самом деле мне от князя нужно было кое-что другое. Последний недостающий ингредиент для зелья. Весьма хитрое снадобье, скажу я вам. Рецепт его из поколения в поколение передавался в семье эррола Тьернваэля.

Далива нахмурилась и нервно обронила:

— Этому вашему Тьернваэлю можно верить?

— Я давно его знаю и доверяю ему, как самому себе.

Довольная своим приобретением и обходительностью пожилого мага, девушка улыбнулась тому на прощание и засеменила к выходу. Весело звякнул колокольчик над дверью, когда в жарко натопленное помещение ворвался холодный ветер, принеся с собой суетящихся в воздухе снежинок, быстро растаявших на дощатом полу.

Оставив вместо себя молоденького приказчика, эррол Тьернваэль расшаркался перед гостями и поманил тех за собой. Поднявшись за магом по витой лестнице, Далива и её спутник оказались в небольшой уютной гостиной и были с раболепным поклоном препровождены к камину. Где их ждали удобные мягкие кресла, жареные орешки и согретое с пряностями вино.

— Чем могу быть полезен, господа? — Передав гостям тяжёлые кубки, наполненные ароматным напитком, хозяин зельевой лавки вновь почтительно поклонился.

— Нам нужно ваше секретное зелье, эррол Тьернваэль. То самое, о котором я говорил с вами несколько дней назад. — Стянув с головы капюшон, Игрэйт откинул полу плаща и извлёк из притороченного к поясу кошелька два крошечных флакончика.

В каждом темнело по несколько капель крови, при виде которой зельевар удовлетворённо кивнул и заверил Огненного:

— Дайте мне несколько минут, и зелье будет готово.

Бережно прижимая к груди ценные ингредиенты, маг скрылся в смежной с гостиной комнате, служившей ему лабораторией.

— Чья это кровь? — шепнула Далива, воспользовавшись отсутствием хозяина лавки.

— Моего будущего родственника и одного моего доверенного человека. — Удобно устроившись в кресле, Его Светлость грел руки о бокал с вином, не забывая уделять внимание и орешкам.

— Полагаю, князь Сольвер расстался с ней не добровольно, — занервничала графиня, не раз задававшаяся вопросом, а правильно ли она поступила, связавшись с кузеном Герхильда.

— Почти что добровольно. Всего-то и нужно было напоить старика и сделать так, чтобы он порезался об осколки им же разбитого бокала. На что только не пойдёшь во благо нашего общего с вами дела, моя дорогая, — вкрадчиво закончил Хентебесир.

— Кровь нужна для зелья, которое нужно?.. — Молодая женщина замолчала, выжидательно глядя на мага.

— Нужно, чтобы лишить нашу невесту воли. Сделать её на всё согласной и на всё готовой. Благодаря крови отца, князя Ритерха, алиана превратится в марионетку. Марионетку в руках верного мне человека. Который будет управлять ею благодаря нескольким каплям собственной крови. Видите, как всё просто.

Далива кинула быстрый взгляд на двери, ведущие в смежную комнату. Хозяин лавки не появлялся, и Её Сиятельство продолжила расспросы, втайне злясь на Игрэйта и на его отвратительную привычку всё время недоговаривать, увиливать от прямых ответов и ограничиваться полуправдой.

— Объясните, что вы задумали и зачем вам нужна я.

— Всё, что от вас требуется, моя дорогая, — сделать так, чтобы Фьярра выпила зелье. — Безмятежная улыбка слетела с лица мага, уступив место гримасе недовольства. — Мне к ней не подобраться. Эсселин Сольвер постоянно торчит у себя. Да и вообще, меня избегает. Пытаться подкупить её служанку — рискованно. Девчонка, кажется, ей верна. Вся надежда на вас, Ваше Сиятельство.

— Хорошо, — кивнула Далива. — Фьярра выпьет зелье. И что дальше? Что случится на балу?

— А дальше в условленный час вы сделаете так, что Скальде застанет алиану в объятиях другого, со всей страстностью отвечающую на его поцелуи и готовую от-

даться ему прямо во время бала.

Графиня усмехнулась:

— И кто же этот несчастный, записавший себя в смертники?

— Блейтиан Крейн — глава моей охраны и ловелас, каких поискать. Нет такой женщины, которая бы устояла перед силой его обаяния.

— И всё же вы решили воспользоваться зельем.

— На соблазнение времени, увы, тоже нет, — кисло отозвался тальден.

— Не жалко подставлять своего человека? А герцогу? Не страшно подставляться?

— Герцог в обиде не останется. За этот маленький спектакль ему будет щедро, очень щедро заплачено. Тем более, Крейн — подданный Темнодолья, он служит мне, и только я имею право распоряжаться его судьбой. Да и всё будет выглядеть так, будто алиана сама бросилась к нему в объятия и сама искала его ласк. Уж поверьте, радость моя, Фьярра под воздействием зелья не станет отрицать того, что и так для всех будет очевидно. Не наказывать же бедолагу за то, что само упало к нему в руки.

— А если Скальде не поверит? Начнёт что-то подозревать?

— Скальде — ревнивец и собственник. И не простит публичного оскорбления. Ему будет не до разбирательств. К тому же это зелье хорошо тем, что его никак нельзя обнаружить. Это не под силу ни одному магу. Я со своей стороны побеспокоюсь о том, чтобы не только вы с моим кузеном, но и другие придворные стали свидетелями их сиюминутного умопомрачения.

Игрэйт улыбался, предвкушая скорую победу и представляя, как на празднике Нового года в Ледяном Логе разразится скандал. Крейна наверняка арестуют, но тронуть его Герхильд не посмеет. От пары ночей в подземелье ещё никто не умирал. Ну а что касается Фьярры… Князь Лунной долины будет молиться на него, Игрэйта Хентебесира, когда тальден великодушно согласится жениться на его опороченной дочери.

— Их уже однажды видели вместе, хоть тогда слухи о ветреной невесте списали на клевету и зависть соперниц. Теперь же Скальде лично убедится, что представляет из себя алиана.

— Готово! — В гостиную вернулся травник, неся с собой пузырёк пурпурного стекла, узкое горлышко которого перехватывала чёрная лента. — Подействует не сразу, в течение пары часов. Но результат, смею уверить, вас не разочарует.

— Эррол Тьернваэль, вы никогда меня не разочаровывали. Уверен, и на этот раз я останусь доволен. — Игрэйт посторонился, пропуская графиню к лестнице.

— Возможно, я смогу быть полезен и вашей прекрасной спутнице? — Зельевар не отставал от гостей ни на шаг.

Обернувшись к старику, Далива отрицательно покачала головой, желая как можно скорее вырваться из пропитанного горьким запахом трав помещения. Старой зельевой лавки, затерявшейся на окраине Хрустального города, в хитросплетениях его узких улочек.

— Напрасно отказываетесь, дорогая. — Игрэйт удержал сообщницу за руку. — В ассортименте эррола Тьернваэля имеется немало средств, которые помогут вам вновь вернуть расположение интересующего вас мужчины. Для того я и настоял, чтобы вы поехали со мной.

Старик заметно оживился. Прытко спустившись по лестнице следом за щедрым клиентом и его угрюмой спутницей, потеснил приказчика и стал выставлять на прилавок изящные флакончики, в которых обычно хранили благовония и духи.

— Я готовлю лучшие снадобья красоты во всей столице! — гордо заявил он. После чего, понизив голос, заговорщицки добавил: — А для избранных и кое-что поинтересней. Вот, например, эти духи. Недавнее моё открытие.

Мужчина пододвинул к графине флакончик алого стекла, украшенный замысло-

ватым орнаментом из перламутра.

— Всего несколько капель на тело — и любой мужчина, оказавшись с вами рядом, только вдохнув этот поистине божественный аромат, потеряет голову от желания. Уверяю вас, госпожа, перед таким искушением невозможно устоять!

Раздражения Даливы как не бывало. Её Сиятельство заинтересованно повертела пузырёк в руках, а потом вдохнула сладкий цветочный аромат.

— И правда божественный. Что ж, я возьму их, — расщедрилась на мимолётную улыбку и мысленно сказала самой себе, что покупает эти духи в первую очередь во благо Скальде.

Она ведь нужна ему не меньше, чем он нужен ей. И, если для того, чтобы снова оказаться в объятиях ледяного мага и тем самым выиграть для него время, придётся прибегнуть к маленькой невинной хитрости, то почему бы и нет?

Герхильд ещё скажет ей спасибо. А она готова пойти и не на такое, лишь бы любимый мужчина снова сходил по ней с ума.

Лишь бы снова хотел быть с ней.

Следующие пару дней я Скальде не видела. Не потому что этого не хотела и намеренно его избегала, опасаясь очередной угрозы поцелуя.

Нет, я уже почти смирилась с неизбежным, запаслась белыми флажками и даже вроде как угомонила совесть, объяснив этой бунтарке, что Лёшик мой тоже не ведёт жизнь праведника. Фьяррочка, наш тепличный цветочек, ведь не в тело монашки попала. Хочешь не хочешь, а выполнять супружеский долг надо.

А если муж всё-таки догадался, что жена у него подставная, и послал самозванку подальше… Что ж, вот когда буду знать наверняка, что послал, тогда и начну себя ругать. За то, чего ещё не было, и, возможно, никогда не будет. Но что уже не раз случилось в моих мыслях и снах.

Но я ведь не могу запретить себе мыслить и спать! И перестать мечтать о всяких запретных глупостях, вроде Его Льдистости, увы, мне тоже оказалось не по силам.

Пыталась уже. Ничего не вышло.

В общем, я бы не отказалась случайно столкнуться с тальденом где-нибудь в укромном местечке. Но вот эссель Тьюлин, наоборот, была категорически против такого развития событий. Распорядительница отбора решила костьми лечь, но сохранить мою репутацию целой и невредимой. И теперь усилила бдения, чтобы девичья честь седьмой невесты и дальше оставалась без малейшего пятнышка.

Отныне я и шагу не могла ступить без надзирателей. За мной всё время хвостом волочился кто-нибудь из слуг; или алианы, испытывая острый приступ дружеской симпатии, напрашивались на совместную прогулку. Но чаще, желая выслужиться перед придворной свахой, за мной следили всем скопом. Невесты, лакеи, придворные. На расстоянии, бездарно делая вид, что вовсе не за мною таскаются, а так, бесцельно бродят по замку, рассматривают узоры на гобеленах.

Постоянный надзор отбивал всякое желание устраивать променады и ближе знакомиться с Ледяным Логом. Ещё и эррол Хордис следовал за мной по пятам, не переставая талдычить об одном и том же. Что я всё ещё немощна и слаба. И, если хочу блистать на Снежном балу, а не подпирать всю ночь стену плечиком, должна побольше отдыхать и поменьше двигаться.

На самом же деле единственное, чего мне нужно было поменьше — это видеться с наседкой-магом и наседкой-свахой, а также с мальчиками в цветных лосинах и вездесущими алианами. Понимая, что меня обложили со всех сторон, я решила до Снежного бала вообще не показываться из спальни. Если Скальде захочет, сам меня найдёт.

Но он что-то не спешил меня находить…

Имелась у моего добровольно-принудительного затворничества и другая причи-

на: я старалась избегать встреч с Блейтианом Крейном.

Стоило только высунуть нос из покоев, как герцог уже был тут как тут. Шла ли я в библиотеку — Его Светлость жаждал меня сопровождать. В парк — какая неожиданность! Представьте себе, он ведь тоже вышел свежим воздухом подышать. В картинную галерею Герхильдов — оказывается, господин Крейн обожает искусство и готов часами пялиться на старинные полотна, рассматривая каждый мельчайший штрих.

Не то чтобы герцог навязывался… Обычно он просто подходил, учтиво кланялся, прикладывался к моей руке коротким поцелуем. После чего с самым участливым видом справлялся о моём самочувствии. Иногда пытался рассмешить какой-нибудь шуткой (как правило, неудачной), не забывая при этом одаривать меня комплиментами и многозначительными взглядами, смысл которых был мне неясен. Потом, расшаркавшись, вспоминал о каких-нибудь неотложных делах и спешил ими заняться.

А я спешила в противоположном направлении, от него подальше.

Казалось бы, ничего такого… Но после каждой с ним встречи во мне просыпалась совесть, голодная и беспощадная. А ведь я с ней почти подружилась, почти уговорила её умолкнуть и смириться с тем, что у неё такая ветреная хозяйка.

Всякий раз, заглядывая Крейну в глаза, я представляла мужа. И снова начинала сгорать со стыда. Из-за того, что, видя перед собой живое воплощение Лёши, вглядываясь в лицо мужчины, так похожее на лицо супруга, понимала, что у меня не осталось к нему тех прежних нежных чувств.

А ведь клялась самой себе накануне свадьбы, что вопреки всем байкам о семейном проклятии, буду с ним и в горе, и в радости. И пока смерть не разлучит нас.

Но, похоже, нас разлучает кое-что другое.

Я чувствовала себя предательницей, изменщицей, слабачкой, так легко увлёкшейся другим мужчиной, и всякий раз облегчённо вздыхала, когда Его Светлость шёл своей дорогой. А вместе с ним блекли, теряясь в закутках памяти, и воспоминания о Лёше.

Очень надеюсь, что Блейтиан надолго здесь не останется и вместе с князем вскорости уберётся обратно в своё Темнодолье.

Кстати, о князе. Ночью накануне Снежного бала ко мне заявилась Блодейна с предупреждением: держаться от Хентебесира подальше.

— Он хочет на тебе женится, и князь Ритерх дал своё согласие, — угрюмо возвестило фальшивое привидение.

— Но я ведь невеста Герхильда! — Я даже подпрыгнула на постели. Не столько испугавшись внезапного появления ведьмы (к этому уже привыкла), сколько ошеломлённая её откровениями.

— А станешь невестой Хентебесира, если вылетишь с отбора.

— Станет Фьярра! — нервно поправила я. — За Игрэйта замуж уж точно не пойду! Хоть на кусочки режьте!

— А за Его Великолепие, значит, уже согласна? — Блодейна криво ухмыльнулась и растаяла, смешавшись с полумраком спальни, прежде ещё раз наказав остерегаться Огненного.

Ну это мы с превеликим удовольствием.

Утром следующего дня замок больше походил на растревоженный улей. Все в нём будто сошли с ума. А уж в крыле невест жизнь и вовсе била ключом. Придворные готовились к Снежному балу, прощанию со старым годом и к встрече нового. Завтра наступит первый день весны, но пока что весной и не пахло. На улице по-прежнему холодрыга, чуть ли не каждую ночь метёт метель, и солнце почти не радует нас своим присутствием, лишь изредка показывается из-за белёсой пелены, обложившей небо.

Впрочем, какое мне дело, что творится снаружи. Я ведь теперь добровольная за-

творница и ни в какие парки на прогулки всё равно не хожу. Там Крейн, алианы, Тьюлин и Хордис. А единственный, кого бы мне хотелось увидеть, хотя бы мельком, будто сквозь землю провалился. А может, уже и забыл обо всём.

Недаром ведь Ледяной.

Пока я, разомлевшая после купания в бассейне, сидела возле камина и сушила волосы, задумчиво расчёсывая их пальцами, Мабли ревизовала шкатулки, подбирая украшения под бальное платье. Традиционными цветами для Снежного бала считались голубой, серебряный, белый и кремовый. Наряжаясь в одежды светлых тонов, жители Сумеречной империи отдавали таким образом дань уходящей зиме.

— Я случайно увидела платье княжны Серых пустошей, — хихикнула Мабли, прикладывая к лифу колье из лунного камня. — Оно такое… такое… Блестящее очень, в общем. Всё-всё расшито бриллиантами. Представляете! Даже удивительно, как это ткань не рвётся под грузом драгоценностей.

С недавних пор у нас с Мабли перемирие. Согласно которому я и дальше послушно играю роль Фьярры, а она помогает мне прятать от Блодейны кьёрда. От служанки узнала, что духу морканты проще заглядывать в замок ночью и почему-то только в мою спальню. Будто ему здесь мёдом намазано. В остальное же время Мабли отчитывалась Её Ведьмейшеству, связываясь с ней при помощи магического артефакта.

Приходилось на ночь запирать кьёрда в соседней комнате, хоть поначалу, когда выставляла питомца из спальни, у меня сердце кровью обливалось. Снежок пищал, мяукал, отчаянно скребся в дверь. Не раз я вскакивала с постели, порываясь его впустить. Но страх перед Блодейной оказался сильнее, а вскоре кьёрд привык спать в одиночестве. Да и к тому же за две недели он заметно подрос. Нет, до телёнка ему ещё далеко, но, если продолжит увеличиваться в размерах в таком же темпе, очень скоро мы с ним попросту не поместимся на одной кровати.

— Нет, не то, — пробормотала Мабли, откладывая в шкатулку очередное забракованное украшение.

— А знаешь что… — Ласково погладив котёнка, с самого утра ластившегося ко мне, просившегося на руки и жалобно мяукавшего, я поднялась. Снежок, не желая расставаться с хозяйкой ни на минуту, потрусил следом за мной к служанке. — Не надо никаких украшений.

— Как это не надо? — растерянно переспросила девушка. Набрав в лёгкие побольше воздуха, затараторила: — Это ведь Снежный бал! Обязательно нужны и перстни, и ожерелья. Или хотя бы кулон. Браслеты и диадемы — без них никак. А ещё серёжки.

— У нас на Земле тоже есть традиция украшать на Новый год ёлки. Но я — не ёлка. Поэтому давай-ка прячь всю эту мишуру и помоги мне одеться.

До вечера ещё была уйма времени, но я решила перед праздником заглянуть к Ариэлле.

— Может, эррола Хордиса позвать? — не на шутку разволновалась служанка. Наверное, решила, что у меня опять жар, вот и несу сама не знаю что.

Виданое ли это дело, алиана — и без цацек! Тем более на таком празднике.

— И шпильки убери, — зацепила я поблёскивавшую на тёмном покрывале серебряную красоту, украшенную цветами из бриллиантов. Каждый размером с виноградину.

У меня от нескольких таких голова отвалится.

Мабли закатила глаза, делая вид, что собирается вот прям сейчас грохнуться в обморок. У эссель Тьюлин поди нахваталась. Артистка погорелого театра.

— Но как же причёска?

— Не будет никакой причёски. Оставим волосы распущенными. — Взгляд, брошенный в зеркало: из него мне хитро улыбалась хорошенькая, разрумяненная после

купаний девушка.

— Да эсселин Керис вас на смех поднимет! И все остальные алианы тоже. А что подумают придворные… — частила Мабли, тоже раскрасневшаяся. От волнения.

— Пусть смеётся себе на здоровье. Говорят, смех продлевает жизнь.

А Керис он вдвойне полезен. Авось нейтрализует яд, которого в этой змеючке с избытком.

Мабли не сдавалась и уговаривала меня всё то время, пока я наряжалась в платье из жемчужной парчи. Оно переливалось подобно озёрной глади в лучах восходящего солнца, складками струилось от груди и растекалось по полу коротким шлейфом. Без драгоценностей наряд выглядел довольно просто. Единственным украшением был пояс на завышенной талии, расшитый речным жемчугом разных оттенков — от кремового до нежно-розового и голубого. Жемчужины переливались и на манжетах узких рукавов.

Мабли не угомонилась, пока не одержала маленькую победу: сколола мне передние пряди перламутровым гребнем, чуть тронутым всё той же речной прелестью.

Всмотревшись в ручное зеркальце, оправленное в узорчатую эмаль, я ободряюще улыбнулась своему отражению и пообещала самой себе, что сегодня ночью не буду ни о чём тревожиться и уж точно не стану мучиться угрызениями совести. Буду праздновать вместе со всеми наступление нового года. И надеяться, что всё плохое осталось в прошлом.

А впереди меня ждёт только хорошее.

Глава 32

Думала до начала пиршества успею заглянуть к Ариэлле на маленький аперитив из горячительных напитков, вроде какого-нибудь ароматного отвара. Увы, о чёрных и зелёных чаях здесь ещё знать не знали и слышать не слышали. Но и травяные сборы неплохо шли. А закусить можно было бы имбирными пряниками.

Жаль, не срослось.

Снежок, уж не знаю, что на него нашло, вдруг ни с того ни с сего закатил истерику. Может, началось весеннее обострение? Вон у нас коты какие концерты по весне закатывают. Так вроде моему малышу ещё рано женихаться. Хордис сказал, что, когда я его нашла, кьёрдику было несколько дней отроду.

Ну какой из него мартовский кот?

Пока я наряжалась, Снежок не переставал тоскливо мяукать и всё просился на руки, трогая лапой мою юбку. Пришлось нянчиться с этим белоснежным страдальцем и при этом стараться сидеть смирно, позволяя Мабли колдовать над моими волосами и с помощью самонагревающегося артефакта — далёкого предка современной плойки — превращать их в роскошную голливудскую волну.

— Всё, завязывай с капризами, — строго велела своему воспитаннику, а тот в ответ обиженно мяукнул и с видом оскорблённой невинности спрыгнул с моих колен. — Пожалуйста, поиграй с ним немного, а потом покорми, — попросила Мабли.

Воспользовавшись тем, что кьёрд отвлёкся на позвавшую его служанку, я незаметно выскользнула из спальни и поспешила к Ариэлле, но на полдороге меня перехватила Рианнон.

— Фьярра, пойдём скорей! — Алиана сжала мою руку в своей и потянула меня в гостиную.

Ту самую, в которой я познакомилась с невестами Его Великолепия. Всего-то и прошло с того памятного вечера каких-то несколько недель, а кажется, будто миновала целая вечность.

И столько воды утекло…

— Мы только тебя ждём. — Красавица кареглазка, которая, по слухам, нравилась Скальде (да я и сама это раньше замечала — то, как он на неё смотрел), мазнула по моему платью взглядом и чуть заметно усмехнулась.

— Ждёте для чего?

— Как для чего? Чтобы начать праздновать. — Что-то мурлыча себе под нос, Рианнон наконец-то оставила мою руку в покое и толкнула створки.

Все избранницы тальдена были в сборе. Устроившись возле камина — кто прямо на шкурах, кто на диване или в креслах, — алианы что-то оживлённо обсуждали. Но стоило мне переступить порог, как весёлые голоса смолкли. Я почувствовала, как по мне ползут, будто насекомые (некоторые из них были явно ядовитыми), оценивающие, изучающие взгляды.

Первой (кто б сомневался!) не выдержала Керис. Прыснула со смеху и глумливо сказала:

— Ты, Сольвер, с этой своей болезнью совсем дурная стала. Забыла, какая сегодня ночь? А служанка твоя куда смотрела? Мои ночнушки — и те наряднее будут.

Мабли не обманула, в выбранном для Снежного бала платье княжна Серых пустошей выглядела броско. Я бы даже сказала, эпатажно. Наверное, надеялась ослепить блеском камней Скальде. Ослепить-то, может, и ослепит, а вот вскружить ему голову всеми этими побрякушками получится вряд ли.

Даже в приглушённом свете свечей, в бликах, излучаемых пламенем каминов, бриллианты на платье Керис не просто мерцали. Они сверкали и искрились, будто бенгальский огонь. Я вот тоже уже подумывала зажмуриться, опасаясь ослепнуть.

Или отвернуться. Что и сделала, переключив внимание на подруг, а языкатую мамзель Блестяшку не удостоила ни ответом, ни даже взглядом.

Не то у меня сегодня настроение, чтобы с ней собачиться.

Остальные невесты тоже блистали и горели, как фейерверки, хоть им было далеко до расфуфыренной Керис. Ариэлла выбрала небесно-голубое платье с широкими рукавами и завышенной талией, Гленда — нежно-розовое, богато расшитое по подолу серебром, выгодно контрастировавшим с её пламенной гривой. Которую алиана по привычке оставила распущенной, увенчав голову изящной диадемой.

Рианнон, обычно тихая, даже в некоторой степени апатичная, сегодня казалась немного перевозбуждённой. Наверное, из-за предстоящего празднества. Наполнив вином стеклянные кубки, алиана принялась обносить нас напитками. Подходила к каждой, одаривая кубком и улыбкой. Как по мне, немного вымученной. Наверное, прятала за ней волнение, вызванное грядущим балом.

Ко мне подошла к последней и, вручив кубок, повернулась к остальным невестам со словами:

— За Его Великолепие! За долгие годы его правления и процветание нашей империи! Ну и, конечно же, за победу одной из нас!

— За мою, в общем, — самоуверенно резюмировала Керис.

Публика отреагировала вялыми смешками и не слишком-то дружелюбными взглядами, брошенными в сторону черноволосой язвы.

Я повертела кубок в руках, чувствуя кончиками пальцев холод стекла, сквозь толщу которого проглядывал рубиновый, пронизанный отблесками пламени напиток. Ночь длинная, а вина в Ледяном Логе крепкие. Не стоит хмелеть ещё до начала придворной тусовки.

Рианнон взглянула на меня.

— Фьярра, а ты почему не пьёшь? — взмахнула длинными, кокетливо загнутыми ресницами. — Не хочешь пожелать наследнику долгих лет жизни? Или боишься пить за победу одной из соперниц? Так, может, победительницей станешь ты.

Под перекрёстным обстрелом взглядов (а когда хотели, кроткие создания, застенчиво тушевавшиеся перед Скальде и другими мужчинами, могли запросто изрешетить этими взглядами себе подобную) мне пришлось сделать несколько глотков. Вино оказалось сладким и, как и опасалась, очень крепким. Сразу ударило в голову. А я ведь, как назло, забыла пообедать.

— До дна! За нас! За наше счастье и наших будущих избранников! — Рианнон подняла кубок, и алианы эхом повторили её слова.

С трудом заставила себя допить приторно-сладкий напиток, лишь бы потом не дулись на меня и не упрекали, что не желаю им счастливо выйти замуж.

Почувствовав лёгкое головокружение, устроилась рядом с Ариэллой и Глендой на мягкой шкуре.

— Интересно, а Его Великолепие сегодня будет танцевать? — расправившись и с вином, и с немалых размеров пирожным, что аппетитной горкой громоздились на большом серебряном блюде, в хмельном экстазе закатила глаза Майлона. — Ах, я так давно мечтала с ним потанцевать! Хотя бы раз! Но лучше два.

— Его Великолепие никогда не танцует, — подала голос Хелет.

Да, это по-мужски.

— Даже когда устроили бал в нашу честь, помните? Он не соизволил подняться с трона, — кисло подтвердила Керис.

— Ну, может, сегодня сделает исключение, — витая в каких-то своих облаках, прощебетала Рианнон.

— Уж точно не ради тебя, — спустила её с небес на землю наша эсселин-стерва. — В ваше последнее свидание он и двух часов с тобой не выдержал.

Кареглазка беззаботно хмыкнула:

— Отбор ещё не закончился. Мало ли, как дальше всё повернётся.

Постепенно разговор о Скальде сошёл на нет. Девушки переключились на обсуждение самых именитых придворных красавцев, с которыми уже успели познакомиться за время, проведённое в замке. Алианы предвкушали танцы до самого рассвета. И неважно, с наследником или с рыбкой помельче.

Главное — как следует повеселиться. На людей посмотреть и себя, красавиц, показать.

Я, хоть и не любила эти их средневековые дискотеки, сегодня была тоже не прочь потанцевать. С одним подмороженным драконом, который, кажется, забыл о моём существовании, и наверняка на протяжении всего бала будет сидеть, развалившись в недрах монаршего алькова.

— Грустишь? — Я и не заметила, как Ариэлла поднялась, чтобы вернуться уже с пирожными. Наверное, решила, что рядом с Майлоной они долго не задержатся на блюде, и нужно угощаться, пока ещё есть чем.

Хоть и на пиру, полагаю, умереть с голоду нам не дадут.

— Наоборот, — я встрепенулась, прогоняя грустные мысли, — радуюсь, что этот год закончился.

— В новый год с новыми украшениями? Вернее, совсем без них, — с улыбкой оглядела меня Гленда. — Ты сегодня даже без своей любимой булавки, — отправила в рот половинку пирожного, явно намекая, что я к своей гранатовой брошке питаю чрезмерную слабость.

— Она не подходила к платью.

Если честно, я совсем забыла про украшение-антипривязку. Да и зачем таскать её с собой, если магия всё равно оказалась бессильна против чувства, что пламенным цветком распускалось в моём сердце.

Пировали долго, шумно и с размахом. Как говорится, от души. Над длинными столами, покрытыми блестящими камчатыми скатертями, в которых, будто в старинных зеркалах, отражались отблески пламени, витали головокружительные ароматы. Слуги сновали по залу, забирая опустевшие блюда и тут же на их место выставляя новые: тушёные мидии и прочие дары моря, всевозможные пироги — мясные и рыбные, от одного лишь вида которых текли слюнки. Были здесь и молочные поросята, обложенные печёными яблоками, а также жаркое из перепёлки, поданное в глиняных горшочках. Зажаренные целиком лебеди, украшенные собственными перьями. Ну и, конечно же, дичь помельче, красовавшаяся на столах под самыми разнообразными соусами: острыми, пряными, сладкими. В общем, какими угодно.

Всё было таким вкусным — пальчики оближешь. А если сильно увлечься, их облизывая, то и откусить запросто можно.

Про вино вообще молчу. Оно лилось не реками — низвергалось в кубки водопадами, и стоило опустеть чьей-нибудь серебряной таре, как слуга тут же спешил наполнить её снова.

Не пить в праздничную ночь считалось дурным тоном, но, боюсь, если продолжим в том же духе, танцы закончатся, даже не успев начаться. Мы до них попросту не дойдём. Возможно, самые стойкие — доползут. В тронный зал, где должна была состояться вторая половина праздника.

Я особой стойкостью к алкоголю не отличалась. Ещё от вина, предложенного Рианнон, не успела отойти — голова по-прежнему кружилась, будто детская карусель в луна-парке. И чтобы встретить первый день весны на своих двоих, а не выводя под столом громкие рулады, решила схитрить: когда на меня никто не смотрел, незаметно выливала вино из своего кубка в кубки соседей справа или слева, уже порядком захмелевших. А оставшееся щедро разбавляла водой.

Впрочем, проделывать такой трюк удавалось нечасто, потому что я почти постоянно находилась в эпицентре чьего-нибудь внимания. Уж не знаю, что такого интересного нашёл во мне Его подленькая Светлость Хентебесир, без моего ведома смотавшийся к «папеньке» (чтоб их обоих подагра скрутила!) за благословением. Её блудливое Сиятельство от князя недалеко ушла — тоже на меня пялилась. Да и Крейн регулярно метал в мою сторону, словно ядовитые дротики, взгляды.

Что же касается Скальде… От пристального внимания Его ледяного Великолепия становилось жарко, и головокружение только усиливалось. Я чувствовала, что им замечена, даже на него не глядя. Просто знала, что мужчина, восседавший во главе пиршественного стола, смотрит на меня, пожирая взглядом, будто всего съестного здесь ему было мало. Или оно ему было попросту неинтересно.

Герхильд почти не ел и не пил. Порой отвечал на реплики склонявшихся к нему старейшин. Иногда с отстранённым видом поворачивал голову к подбегавшей эссель Тьюлин. К нам она, кстати, тоже подбегала, чтобы отпустить то или иное замечание: сидеть прямо, есть мало (клевать по зёрнышку), глазками не стрелять, над шутками не смеяться. Разве уж если совсем припечёт, застенчиво улыбнуться, не отрывая от тарелки взгляда. И подняться из-за стола, когда на то поступит разрешение.

Нет, это не отбор — это какая-то муштра новобранцев в казарме. Или колония строгого режима.

После шумного застолья, затянувшихся проводов старого года и встрече нового, прощания с зимой и приветствия весны, сопровождавшихся бесконечными тостами, народ дружной, но совсем не стройной гурьбой переместился в тронный зал. Для танцев и поглощения десерта. Горки румяных пирожных и сочных фруктов возвышались на столиках, приставленных к затканным гобеленами стенам. Кресел — деревянных, с жутко неудобными жёсткими спинками — было раз, два и обчёлся, и все они тут же оказались заняты. Придворными постарше и теми, кто во время застолья позволил себе лишнего.

Много лишнего.

Скальде, как и предполагала, не успев оказаться в зале, тут же уронил себя в своё мажорное, такое с виду мягкое и удобное кресло. С явным намереньем проторчать в нём до самого рассвета. Мазнув по придворным взглядом, небрежным жестом подал музыкантам знак, и те с энтузиазмом принялись играть.

Шум голосов сменили нежные звуки лютен, а вскоре к ним подключились флейты и виолы. Придворные растеклись по залу журчащими потоками. Прекрасные эсселин и эссель в своих роскошных белых, розовых и голубых платьях сверкали улыбками и драгоценностями. Эрролы — в тёмных брюках и светлых кафтанах кланялись своим дамам и бережно брали их за руки.

Алианы, как и на прошлом балу, шли нарасхват. Я тоже не избежала участи быть приглашённой на танец. Почувствовала прикосновение к своему локтю, а обернувшись, увидела перед собой Крейна. Тоже сверкавшего. Взглядом. Отчего-то подумалось, что такой бывает у охотника или изголодавшегося хищника.

— Дорогая эсселин Сольвер, — расшаркался Его Светлость, — я очень надеюсь, что вы подарите мне первый танец, — посмотрел на меня выжидающе.

— Я…

Хотела отказаться, от греха подальше. Но не успела. Неожиданный громкий хлопок в ладоши заставил музыкантов умолкнуть.

По залу, будто рябь по воде, пробежали недоумённые шепотки. Герхильд стремительно поднялся, сбежал со ступеней, полукружием окаймлявших трон. Придворные стали кланяться, почтительно перед ним расступаясь, освобождая тальдену дорогу…

Ко мне.

Несколько мгновений, которые резкими, рваными ударами отсчитывало моё

сердце, — и вот он рядом. Поравнялся с нами — со мной и мрачнеющим на глазах герцогом — и сказал лишённым всякой эмоциональной окраски голосом:

— Вы позволите?

Разумеется, ждать дозволения Крейна Скальде не стал. Просто взял меня за руку и повёл к танцующим под аккомпанемент из несмолкающих перешёптываний.

Моя ладонь в его руке дрожала. Сильные пальцы сжимали мои, как будто вливая в меня пламя. Оно растекалось по телу, выбивало искры из заледеневшего от затаённой обиды сердца, лёд которого от близости тальдена сразу пошёл трещинами.

Заиграла музыка и, придворные, вдоволь на нас наглазевшись, вспомнили, зачем мы здесь собрались. Принялись исполнять первые па, хоть я по-прежнему ощущала, как в меня вонзаются стрелы взглядов: завистливых, любопытных, недоумевающих.

Старательней всех упражнялись в стрельбе алианы.

— Насколько мне известно, Ваше Великолепие никогда не танцует. — Следуя примеру остальных дам, я отступила на шаг. Поклонилась низко, опуская взгляд, чтобы потом снова сплести с драконом пальцы, и вместе с ним продолжила неспешный променад. — И вдруг такая честь. С чего бы?

— Не танцую, — согласился Скальде. — Потому что не люблю танцы.

— И всё же вы здесь. — Остановка, шаг навстречу. Близко-близко, так, что почти соприкасаемся друг с другом.

Я снова замечаю таэрин, проступившую у него на коже, когда ладонь прижимается к ладони. Даже в полумраке различаю стальную вязь и, закусив от волнения губу, обхожу тальдена по кругу.

Шаг к нему. Скальде чуть сильнее, чем это позволено в танце, сжимает мои руки, подаётся ко мне и шепчет, своим дыханием опаляя губы:

— Ещё я не люблю, когда он крутится возле вас. Герцог не внял моим предупреждениям.

— Вы предупреждали его?

— По-хорошему. Но, видимо, нужно было сразу начинать по-плохому. Вас постоянно видят вместе.

Что это такое звучит в обычно безразличном голосе? Упрёк, злость… Ревность?

— Разве Ледяные умеют ревновать?

— Вы, эсселин Сольвер, кажется, забыли наш разговор о драконе и его добыче, — неожиданно улыбнулся маг.

— Я пока ещё не ваша добыча.

— Но можете ею стать. — Герхильд поменялся со мной местами и снова привлёк меня к себе.

На такое короткое мгновенье, что я даже не успела как следует его прочувствовать. И вот нам снова нужно расходиться. Ладони, прижимаясь друг к другу, скользят по воздуху вверх, и под аркой наших рук проходят другие пары. А потом Скальде увлекает меня за собой в образованный танцующими живой проход.

Кажется, мне уже начинают нравиться эти их черепашьи па. Касания рук, полуулыбки и взгляды, бросаемые украдкой. Музыка то притягивает нас друг к другу, щедро подбрасывая хворост в костёр моих чувств. То снова разлучает, заставляя расходиться в стороны.

И так хочется, чтобы она продолжала звучать, никогда не смолкала.

— И именно поэтому я не видела вас последние дни? — напомнил о себе лёд обиды, сковавший сердце, прежде чем растаять бесследно. — Предпочитаете ревновать на расстоянии?

— Я должен избегать вас, — просто объяснился Герхильд.

— Вам так велели старейшины? Эссель Тьюлин?

Чтоб у них у всех после сегодняшнего ужина случилось несварение желудка!

— Я сам так себе велел. — И снова сладостный миг единения, когда дыхание скользит по губам незримой лаской, жарким шёпотом, от которого по телу разбегаются мурашки. — Вы, Фьярра, — искушение. Мой самый опасный соблазн. Я не настолько ледяной, каким меня все привыкли считать. И выдержка у меня не железная.

Я говорила, что мне жарко? Ничего подобного! Раньше это было, как загорать под лучами заходящего солнца. Зато теперь я сгорала, как свечка. От пламени его, моих чувств.

Облизнула пересохшие губы, спросила, не узнавая собственный голос:

— Значит, теперь будете меня избегать?

— Для вашего же блага.

Шаг назад, реверанс, ответный поклон и обжигающий прощальный взгляд. Музыка стихает, но лишь на мгновенье, чтобы потом брызнуть с каменной ложи громкой, живой мелодией.

Придворные радостно зашумели, приветствуя новый танец. Я бы с удовольствием ещё погуляла по залу; понятное дело, не абы с кем, а в компании… В общем, не будем тыкать пальцем. Но тут, как обычно, очень и очень некстати перед нами блестящим монолитом выросла эссель Тьюлин. В белоснежном платье её можно было запросто перепутать со снеговиком. Глаза круглые, что две монетки. Щёки же будто свеклой натёрли. Не хватало только носа-морковки. Он у неё, скорее, больше похож на картошку.

Придворная дама была опять чем-то недовольна и, судя по воинственно оттопыренной нижней губе, явилась чинить разборки. Как оказалось, не со мной, а со Скальде. Эссель Тьюлин обрушилась на тальдена с намёками, больше смахивавшими на упрёки. Мол, раз одной алиане уделил внимание, давай иди и со всеми остальными вытанцовывай. Чтобы не обижались.

Пока она строчила словами, будто из пулемёта, без сожалений опустошая «обойму», во внешнем облике Скальде ничего не менялось. Только на шее чуть заметно вздулась синяя жилка и сильнее обозначились на скулах желваки.

Я уже всерьёз задумалась о том, что скоро весёлый праздник незаметно сменится грустным торжеством — пышными поминками придворной свахи. Герхильд же тем временем подхватил мадам под руку и потащил её куда-то в сторону. Из-за какофонии, царившей в зале, я не могла расслышать, о чём они там толкуют. Но судя по лицу почтенной дамы, приобрётшему меловой оттенок, в кои-то веки наставляла не она, а наставляли её.

Выразительно поджав губы, эссель Тьюлин расширившимися не то от страха, не то от обиды глазами смотрела на Скальде. Придворные меж тем, растянувшись по залу и выстроившись стройными рядами, вовсю наслаждались вторым танцем. Стены, пол и, кажется, даже потолок (подвешенная к нему массивная кованая люстра подозрительно раскачивалась — вот будет дело, если приземлится кому-то на голову. Плохо — если на танцующих, а если на Хентебесира, то ради бога) дрожали от громких хлопков и неустанного стука каблуков. Танцующие топали с таким усердием, словно соревновались в умении высекать из камня искры.

Из камня пока что ни у кого и ничего высечь не получилось, а вот у меня от этого оглушительного грохота перед глазами уже вовсю искрилось. Голова трещала, как переспевшая тыква. Из-за скопления разгорячённых тел, многие из которых были окружены стойким душком перегара, в тронном зале было невыносимо жарко. Пыталась вздохнуть — не вышло; и слабость, было отступившая, пока Скальде находился рядом, снова вернулась.

Всего стало слишком много. Людей, улыбок, смеха. Резких хлопков, невыносимой дроби каблуков. Такое ощущение, будто они не ползают по залу, а яростно отбивают

чечётку ногами. Чечётка звучала и в моей голове, заставляя морщиться, хвататься за стену рукою в поисках опоры. Перед глазами мелькали звёздочки, слепя и заполняя собой всё видимое пространство.

Я двигалась почти наощупь, а оказавшись в полумраке галереи, жадно глотнула ртом свежий воздух. Здесь дышалось значительно легче, и холодок, мурашками пробежавший по оголённым плечам и спине, помог немного прийти в себя.

Сердце постепенно возвращалось к привычному ритму. Я приникла к бугристой кладке, наслаждаясь исходящей от камня прохладой. Дурацкое вино — не следовало его пить. И я глупая, позабывшая о своём талисмане. Может, из-за того, что привязка к Скальде снова начала действовать, меня так колбасит? Надо бы послать за украшением слугу. А пока вернусь-ка лучше в зал, к подругам и десерту.

Хороший был план. Но, как вскоре поняла, трудно выполнимый. Не успела я ни вскрикнуть, ни даже протестующе пискнуть, как чьи-то жёсткие пальцы с силой сжали моё запястье — до боли, до чернильных клякс, расползшихся перед глазами — и утянули меня в темноту.

Тальден сдерживался из последних сил. Прежде, чтобы укрощать эмоции, ему не требовалось особых усилий. Наоборот, не чувствовать было проще. Сейчас же раздражение и злость, обычно ему несвойственные, заставляли закипать в жилах кровь, превращая в крошево лёд многолетней выдержки.

Девушка, пленившая его воображение, ставшая для него наваждением, была так близко и вместе с тем бесконечно далеко. Ещё не все испытания были пройдены, и, если сейчас он уступит слабости и сделает эту девочку своей ари, будучи не до конца уверенным, сумеет ли она принять его родовую силу… Что, если Фьярра по его вине погибнет?

Скальде ненавидел слабости. В людях, что его окружали. А в самом себе — так тем более. Самым правильным было пока что держаться от неё подальше. Но как же это непросто, когда она рядом! Прекрасная в своей естественности и простоте. Полная жизни, света, огня. Всего того, что ему самому недоставало.

Отделавшись от общества придворной свахи и её слёзных просьб потанцевать с каждой невестой, хотя бы по одному танцу, Скальде вернулся на трон. Девушки, плечи которой, словно шёлковая пелерина, укрывало золото волос, не было среди танцующих. Вязкий полумрак, скрадывавшие дальние углы зала, мешал рассмотреть лица придворных, не пожелавших принять участие в всеобщем веселье. Была ли Фьярра среди них? С подругами? Или её снова осаждает какой-нибудь идиот из придворных, вроде Крейна.

Непривычное чувство, ревность, отравленной плетью хлестануло по сердцу.

Завтра же он пожелает герцогу доброго пути в Темнодолье. А если кузена что-то не устроит, могут убираться оба.

— Хороший получился праздник, — бесшумно приблизилась к трону Её Сиятельство. Плавно покачивая бёдрами, по которым струился шёлк роскошного серебристого платья, не спеша поднялась по ступеням. Грациозно опустилась в реверансе, позволяя дракону в полной мере насладиться глубоким вырезом её наряда, обрамлённым ниткой голубого жемчуга, и только потом встала за спиной у Скальде, положив беленькие ручки на высокую спинку кресла. — Но ты всё равно чем-то недоволен.

— Почему не танцуешь? — отстранённо поинтересовался Герхильд, продолжая скользить взглядом по залу, хоть и понимал, что его поведение совсем не вяжется с мысленной установкой: держаться подальше от Фьярры.

— Надеялась, ты удостоишь меня танцем. — Далива тоже не отводила от собравшихся глаз, а отыскав среди сонма лиц напряжённое лицо Хентебесира, чуть заметно ему кивнула.

Необходимо дождаться, когда Игрэйт подаст знак. Девчонку увёл Крейн, но герцо-

гу нужно время. Чтобы завести, распалить алиану. Чтобы Скальде нашёл её обнажённой, стонущей и на всё готовой. Опьянённой поцелуями «любовника», охватившей их обоих страстью.

— Танец с тобой алианы могут расценить, как оскорбление.

— И, конечно же, они совсем не оскорбились, видя тебя танцующим с эсселин Сольвер. В то время как им ты не даришь не то что улыбки, даже взгляда, — в голосе графини сквозила ирония.

Занять тальдена ничего не значащей беседой оказалось несложно. Куда сложнее будет заставить Скальде пойти с ней. Графиня чуть заметно нахмурилась, но потом в который раз напомнила себе, что всё у них получится. Уже получилось. Она сумеет выманить Герхильда. Разыграет какую угодно комедию, лишь бы он последовал за ней. Князь тоже обещал позаботиться о «зрителях».

Осталось только набраться терпения и дождаться сигнала. И надеяться, что зелье подействует.

Рианнон клялась и божилась, что Сольвер выпила всё до последней капли. Прошло уже более трёх часов с их посиделок в гостиной, а значит, у Фьярры нет шансов.

Пока графиня предавалась одним ей ведомым мыслям, чувствуя, как по телу пробегает приятная дрожь волнения и ликования, Скальде пытался справиться с иным чувством — его снова всё раздражало. Особенно стоящая у него за спиной женщина.

— Ты что-то хотела?

— Да, нам нужно поговорить, — склонилась к магу Её Сиятельство. — Я…

Тальден жестом велел ей умолкнуть, заметив остановленную стражниками девушку, одетую в простое тёмное платье и крылатый чепец. Она что-то быстро втолковывала страже, взволнованно размахивая руками и не переставая вертеть головой из стороны в сторону.

Узнав в служанке личную камеристку Фьярры, Скальде подозвал слугу и велел немедля подвести к нему девушку. Раскрасневшаяся от волнения, она взлетела по ступеням трона и, поклонившись, сбивчиво зачастила:

— Ваше Великолепие, с кьёрдом что-то не так! Он весь вечер сам не свой. Сначала я думала, просто голоден. Покормила — вроде бы успокоился. А потом снова начал метаться по комнате. Всю меня исцарапал… — Мабли несмело вскинула голову, не решаясь посмотреть правителю в глаза. — Кьёрды — они ведь чувствуют своих хозяев… А я нигде не нахожу Её Утончённость!

Тальден сорвался с места, краем сознания уловив протестующий возглас Даливы, попытавшейся его остановить. Получив приказ — обыскать тронный зал и примыкавшие к нему галереи — стражники бросились на поиски алианы.

Скальде поспешил за ними следом, не обращая внимания на замирающих в танце придворных, провожавших будущего императора вопрошающими, недоумёнными, тревожными взглядами. Шёпот всё нарастающим гулом катился по залу, преследуя мага.

Тальден чувствовал, как злость и раздражение, на протяжении всего вечера вспарывавшие лёд безразличия, вытесняет иное чувство — беспокойство за девушку, незаметно ставшую частью его жизни.

Глава 33

Тьма, назойливо мельтешившая перед глазами, будто кто-то вымазал холст моего сознания чёрной краской, в какой-то момент схлынула, распадаясь на клочья. Расползлась по углам и впиталась в камень. Теперь я отчётливо видела перед собой Крейна, крепко удерживавшего меня за руку. Маг быстро шёл по пустынной галерее, наполняя её гулким эхом шагов. Волоча меня за собой, словно любимую игрушку на верёвочке. Паровозик там или машинку. Упёрлась хмельным взглядом в герцогский хвост, перехваченный тёмной лентой, мечтая основательно его проредить и чтобы наконец остановился.

Не хвост, а герцог.

Куда это он меня тащит?

— Пустите. Мне больно. — По плану должна была угрожающе завопить, но звуки, сорвавшиеся с губ, больше походили на писк несчастного комара, над которым занесли мухобойку.

Проклятье! Да что со мной такое?!

Блейтиан обернулся. В глазах, в сумраке казавшихся чернее ночи, в выражении его лица с хищно заострившимися чертами промелькнули удивление, досада, раздражение.

Мужчина нахмурился и бросил, ускоряя шаг:

— Нам надо поговорить.

— Если так хочется разговаривать, вернёмся в зал. И говорите там, сколько влезет.

Но уже не со мной, а с Герхильдом, которому я обязательно настучу на этого беспардонного солдафона! Только хорошо бы сначала избавиться от его железной хватки.

Запястье болезненно ныло, саднило, будто в том месте, где сейчас сжимались пальцы Крейна, Снежок прежде вырисовывал своими коготками снежинки.

— Да пусти ты меня! — всё-таки прорезался голос, хоть и не с первой попытки.

Это незначительное усилие — закричать во всё горло — стоило мне остатков энергии. Рывок, меня протащило по полу, и вот я уже в какой-то комнате. Вроде бы стою, хотя на самом деле очень хочется лечь, и никак не пойму, то ли в глазах снова мутнеет от того, что со мной обращаются, как с марионеткой: дёргают бесцеремонно, не думая, что мне и без того плохо. То ли всё из-за позабытой брошки, а может, из-за выпитого лишнего на празднике или чёрт знает чего ещё. В этом змеином логове всё возможно: и отравят, не моргнув глазом, и магией укокошат за милую душу.

Я повисла в руках прихвостня Хентебесира, чувствуя себя всё той же игрушкой, только теперь уже без верёвочки. Ядовитая горечь парфюма, смешавшись с терпким запахом алкоголя, заставила поморщиться.

Ещё одно различие между Крейном и Лёшей — муж на дух не переносит крепкие напитки. В то время как герцог, да и все прихлебатели в темнодольской своре, не знают меры в распитии горячительного.

Впрочем, Его Светлость не выглядел пьяным. Твёрдая походка, цепкий колючий взгляд. Он казался скорее опьянённым. Не вином — похотью, долго сдерживаемым желанием. Которое, не успели за нами захлопнуться створки, принялся тут же утолять.

Губы мага ужалили поцелуем, будто пчела ядовитым укусом. Первые мгновения даже не поняла, что вообще происходит: настолько неожиданным оказался коварный выпад. Мерзавец и не думал останавливаться и прекращать исследовать мой рот, вызывая у меня рвотные позывы. Не знаю, откуда только взялись силы: прикусив негодяю губу (пусть скажет спасибо, что язык не оттяпала), отчаянно ударила его в грудь.

Вырвалась, отскочив. Блейтиан зашипел, как потревоженная кобра. Сплюнув кровавый сгусток, вытер сползшую по подбородку каплю. В полумраке кровь больше походила на дёготь. А может, у таких как он, она действительно чёрная.

Я отшатнулась, встретившись с магом взглядом. Его — был страшным, безумным. Опасным.

— Ну и где же обещанная мне покорная и податливая алиана?

— Совсем охренел? — вырвалось возмущённое. — Когда это я тебе что-то обещала?!

Я выпала в осадок. На какую-то долю секунды даже бояться перестала, почувствовав себя актрисой в театре абсурда. Нет, он точно свихнулся.

Паника вернулась, петлёй перехватив горло, когда Крейн, премерзко скалясь, двинулся в мою сторону. От внезапно опрокинувшейся на меня слабости окружающая обстановка снова поплыла.

Немалых усилий стоило выдавить угрозу:

— Держись от меня подальше, урод. Тронешь — и больше никогда не увидишь своё чёртово Темнодолье!

Наверное, в тот момент луна вышла из-за туч. Косые лучи, проникнув в комнату, будто прожектором высветили Крейна. Его перекошенное злобой лицо, жёсткий прищур глаз. Брови, сомкнувшиеся на переносице, и жуткий оскал, от которого у меня затряслись поджилки. И душа, уже давно отправившаяся отдыхать в пятки.

Нет, никакие они с Лёшей не двойники. Два совершенно разных человека, пусть и лицо одно на двоих. Лицо, на которое я теперь не могла смотреть без содрогания.

— Значит, не хочешь упрощать мне задачу?

Я продолжала отступать, пока не поняла, что пятиться больше некуда. Плечи царапнул холодный, будто ощерившийся льдом, камень, сознание — сталь в голосе мага.

— Не хочешь, — ответил сам себе, противно ухмыляясь. — Придётся сделать так, чтобы захотела. Я, девочка, не привык к отказам.

Метнулся — отскочить не успела. Губы — горячие, влажные, липкие — будто вросли в шею. Хватка у маньяка было железной. Казалось, меня вот-вот расплющит стальным прессом. Крик оборвался: широкая ладонь впечаталась в губы. Попытка цапнуть гада за пальцы закончилась яростным рыком и пощёчиной, унизительным клеймом ожёгшей щёку.

— Ты не алиана. Ты — заносчивая шлюха! Маленькая избалованная дрянь. А с шлюхами и дрянями я не церемонюсь!

От осознания того, что сейчас должно произойти, тело пронзило ледяной дрожью. Солёная пелена застлала глаза. Я почти не видела искажённое яростью, безумным голодом лицо, зато прекрасно слышала полный ненормального вожделения шёпот и то, как рвётся, превращаясь в жалкие лоскуты, жемчужная парча. Чувствуя жадные прикосновения к бёдрам, к груди, больно сминаемой этим одержимым.

По-другому его и не назовёшь. Безумец.

Демон.

Кричать не пыталась — пальцы удавкой сдавили шею. У меня и дышать получалось с переменным успехом, не то что звать на помощь. И тело, извиваясь ужом, слабело, постепенно признавая поражение. Сопротивляясь, я только ещё больше распаляла Крейна. Но и сдаться не могла. Царапалась, вырывалась, пока ещё были силы.

Тошнотворные прикосновения — я чувствовала их повсюду. Цеплялась за них сознанием, несмотря на то что было противно. Понимала, если отпущу, убегу сейчас из реальности, потом пробуждаться уже точно не захочу.

Разъярённое шипение заглушило все остальные звуки: бессвязный шёпот ублюдка, мои судорожные всхлипы. А потом оглушило и меня — истошным воплем Крей-

на, пытавшегося содрать с лица Снежка.

Я привалилась к стене, тяжело дыша. Зажмурилась, ослеплённая холодным светом, лучом прорезавшим клубившийся вокруг мрак. Оглушённая шумом голосов, ворвавшихся в помещение.

Отодрать кьёрда от Крейна удалось не сразу. К тому моменту, как мой маленький, но такой храбрый защитник грозным изваянием застыл у моих ног, оставив в покое корчащегося на полу мага, я уже немного пришла в себя и даже попыталась прикрыть тряпочками, в которые превратился лиф платья, то, что не предназначалось для всеобщего внимания.

По приказу Герхильда, снежным вихрем ворвавшегося в комнату — эту камеру пыток, один из стражников накинул мне на плечи свою синюю куртку. На нём она смотрелась как рокерская косуха, обильно обшитая металлическими пряжками, блестевшими в объявшем помещение магическом сиянии. Мне же целомудренно прикрывала бёдра, всё ещё горевшие от грубых посягательств этого покусанного урода.

Следом за Скальде и двумя охранниками примчались и вельможные бездельники. То ли их приманило шумом, то ли, как назло, ошивались где-то поблизости.

В голубоватом мареве, затянувшем комнату, я различила смертельно бледную Мабли, багровеющего Огненного, мамзель бывшую фаворитку, рожа у которой была кислее квашеной капусты. Парочку старейшин, парочку придворных и вездесущую эссель Тьюлин. Падать в обморок, как это часто бывало, придворная сваха не спешила, потому как сейчас в игре на публику не было смысла. Даже если б вдруг надумала отдать богу душу, на неё всё равно бы никто не обратил внимания.

Взгляды всех собравшихся были прикованы ко мне. Как же много читалось в этих взглядах… Но единственное, что имело для меня значение, чего так боялась — это бури в душе Скальде. Глаза тальдена напоминали прорубь. Лёд радужки захлестнуло тьмой: непроницаемой, бездонной.

Снежок грозным белым комочком восседал у моих ног, не переставая шипеть и скалиться. Будто предупреждал, что участь Крейна постигнет каждого, кто только попытается приблизиться к его хозяйке.

Мой герой.

Отблески магического света, отпечатавшиеся на напряжённых руках тальдена, льдом отразившиеся в его глазах, стали блекнуть. В то время как атмосфера в комнате, наоборот, накалялась. Я так и видела, как воздух вокруг нас густеет, алеет и начинает искриться.

— Уведите его! — приказ ударил наотмашь. К счастью, не меня, а чёртового недонасильника. Ледяные оковы, созданные магией дракона, намертво приковали Крейна к стене.

— Минуточку! — Из зрительских рядов выступил Игрэйт, точно павлин, распушивший хвост. Князь едва не скрежетал зубами от злости и всё продолжал багроветь. — Куда это вы собрались увести герцога? Нужно сначала во всём разобраться!

Если бы силою мысли можно было убить, Его негодующую Светлость порубило бы на части секирой тальденового взгляда.

— В чём тут разбираться? — От низкого, хриплого от гнева голоса Скальде мороз пробежал по коже, и, кажется, не только у меня одной: народ слаженно вздрогнул. — Ублюдок напал на мою невесту и будет наказан.

— Я сам с ним разберусь! — протестующе взвизгнул Игрэйт. — Он мой человек, и только я имею право решать его судьбу!

— Со своими насильниками будешь разбираться в Темнодолье. — Было видно, тальден на пределе. И, если Его охамевшая Светлость не прекратит закатывать концерты, запросто сможет составить компанию Крейну. — Но здесь тебе не Темнодолье. Уведите его! — повторил резко.

На меня Скальде… почти не смотрел. А может даже, намеренно избегал встречаться со мной взглядом. Мне же так хотелось оказаться с ним рядом, прижаться к сильной груди, спрятаться в его руках от всего этого сумасшедшего мира. И — если бы мы были одни — в голос разреветься. Но ни дать волю слезам, ни уж тем более приблизиться к магу я не смела. Приходилось просто стоять и ждать, когда в разыгравшейся драме прозвучат финальные аккорды.

— Проводите эсселин Сольвер в её покои, — велел тальден Мабли и подоспевшим стражникам, добавив: — И немедленно пришлите к ней Хордиса.

— Ты не посмеешь его тронуть! — тем временем продолжал качать права Хентебесир. — Крейн — мой подданный. Мой! — взревел. — И только я! Я распоряжаюсь его судьбой!

Ярость Огненного напоролась на толщу льда, которую он так и не сумел растопить. Пламя Игрэйта погасло, обратившись жалким дымком.

— А скоро станет твоим трупом. Им будешь распоряжаться, сколько захочешь.

Сложно сказать, какая каша варилась в голове у Крейна. По его лицу — распухшему от укусов, изукрашенному кровоподтёками, оставленными когтями Снежка — понять хоть что-то было невозможно. Разве что глаза горели такой ненавистью, таким жгучим бешенством, что я испуганно отпрянула, когда стража, отодрав «приваренного» к стене льдом мага, повела его к выходу.

Скальде ушёл следом за пленником, лишь на мгновение обернувшись. Вроде бы и на меня глянул, а такое ощущение, будто разглядывал бугристую кладку за моей спиной. Словно я была прозрачной. Призраком.

Умерла для него.

Сердце в груди болезненно заныло.

— Пойдёмте, Ваша Утончённость. — Мабли ласково взяла меня за руку, тихо увещевая: — Всё хорошо. Всё будет хорошо.

Прозвучи эти слова из уст Скальде, и я бы поверила. А так…

Веры во что-то хорошее у меня больше не было.

* * *

Шаги прогромыхали по пустынному коридору, пугливым эхом отозвавшись в его тёмных глубинах. Князь Темнодолья ворвался в свои покои. Разъярённым зверем бросился к бутылке, по тёмному стеклу которой вился узор лозы. Во рту нестерпимо горчило от осознания собственного бессилия, и Игрэйту не терпелось хмелем приглушить этот тошнотворный привкус.

Омерзительное ощущение.

Серебряный кубок опустел, едва успев наполниться, а потом, сопровождаемый грозным рыком, полетел в камин. Пламя жадно зашипело, принимая подношение, скрадывая чеканный узор каёмки. Заставляя металл тускнеть и тонуть в белёсом пепле.

Огонь бушевал и в сердце тальдена, плавя лёгкие, выбивая из груди раскалённое дыхание, смешанное с хриплыми криками:

— Дрянь! Лживая сука!

На этом словесный поток Его Светлости не иссяк. Тальден продолжал награждать графиню д'Ольжи всё новыми, далеко не самыми лестными сравнениями. Проклинал и желал ей гореть синим пламенем вечно.

— Стерва клянётся и божится, что дала алиане зелье, — не то вслух, а может, мысленно вспоминал их разговор Хентебесир. — Якобы подговорила одну из невест, эту куклу Рианнон, подлить его Фьярре в вино во время их посиделок. Брехливая тварь!

Маг снова грязно выругался.

— Если б подлила, оно бы подействовало! — прорычал глухо. Второго кубка в поле зрения Огненного не попалось, и ему ничего не оставалось, кроме как припасть к уз-

кому горлышку бутылки. Не прошло и минуты, как та, опустев, стекольным крошевом укрыла дно камина. Пламя в котором бесновалось, откликаясь на огонь в душе тальдена. — Далива пожалеет об этом. Ещё как пожалеет тварь!

Игрэйта беспокоило не только собственное поражение, но и судьба Крейна. Где ещё он найдёт такого умельца?! Преданного и на всё согласного. Никогда прежде Его Светлость не видел кузена в таком исступлении, а потому герцог и правда мог возвратиться к своему господину трупом.

— Что на него нашло? Идиот! — выплюнул сквозь зубы Хентебесир. — Видел же, что план не работает. Какого тагра к ней полез?! Не остановился!

— Ох и жаркая получилась сценка. Всё как я люблю.

Игрэйт пошатнулся: крепкий напиток неожиданно ударил в голову, будто его со всей силы приложили лбом обо что-то твёрдое. Дракон несколько раз моргнул, вглядываясь в проступающие в полумраке очертания снежного духа. Облачённая в сотканное из снежинок платье, Леуэлла полулежала на кровати и коварно, с заговорщицким видом улыбалась магу.

— Такие страсти!

— Ты к этому причастна? — Игрэйт нервно облизнул губы, на которых ещё ощущался терпкий вкус вина, и впился взглядом в Древнюю, понимая, что без причины та бы не стала к нему являться.

— В какой-то мере.

— Леуэлла…

Снежная красавица перевернулась на спину. Любовно рассматривая свои отливающие синевой изящные кисти, на которых блики пламени создавали причудливые узоры, невинно призналась:

— Мне было скучно, и я решила немного пошалить. Внушила Его Светлости не отступать ни при каких обстоятельствах. Действовать, скажем так, до победного конца.

— Я не давал тебе права проникать в сознание моих людей! — прогремел Хентебесир. — Крейн — не твоя марионетка!

Леуэлла передёрнула плечами, не впечатлившись грозными нотками, прозвучавшими в голосе мага.

— Я сама себе дала такое право. Потому что знала, что твой план провалится. Девчонка тебе не нужна. От неё лучше избавиться.

— Откуда такая осведомлённость, что провалится? — Князь мрачно цедил из себя слова.

Снежная дева соскользнула с постели, серебристой дымкой подплыла к тальдену.

— А у тебя, дорогой, по-другому быть не может. Проигрыш за проигрышем… — вздохнула с напускным сочувствием. Облетев мага по кругу, припала к нему и прошептала в самое ухо: — В общем так, дракончик! Сыграли по-твоему. Теперь будем играть по-моему.

Покои алиан огромны. Но я задыхалась в своих, как в какой-то каморке. Казалось, со всех сторон на меня надвигаются стены. Готовые схлопнуться в любое мгновенье, раскатать меня в тонкий блин.

Я не могла усидеть на месте. «Устоять» или «улежать» тоже как-то не получалось. Возможно, всему виной убойная доза лекарственного препарата — обезболивающего, которое перед уходом влил в меня Хордис. А может, у бешеных скачек в груди, что затеяло моё сердце (только непонятно, с кем бежало наперегонки), была совсем другая причина.

Лекарь уверял, что помимо обезболивающего дал мне также успокоительное. Но успокоенной я себя не чувствовала. Надеюсь, и упокоенной вскоре не стану, после недавних событий.

Я нервно меряла комнату шагами: от сундуков к кровати, от камина к камину. Ку-

сала до крови губы, дёргала себя за разметавшиеся по плечам пряди, воскрешая в памяти все те разы, когда герцог-мудак подкатывал ко мне, расшаркивался и улыбался, прикидываясь мистером Галантностью. Теперь понятно — играл на публику. А я, наивная, здоровалась с ним, отвечала на вопросы, иногда даже улыбалась его шуткам. Из вежливости.

Дура! Идиотка! Кретинка!

Надо было бежать от Крейна без оглядки, а не хорошие манеры ему показывать. Так бежать, чтоб только пятки сверкали! И не позволять этому маньяку ручки мне целовать. Которые — стоило вспомнить о прикосновениях губ мерзавца — тут же захотелось продезинфицировать. В отбеливателе, например, прополоскать. А лучше на ночь замочить в кислоте.

Отражение, мелькнувшее в зеркале, заставило меня уныло вздохнуть. После настоек Хордиса скула больше не болела, но выглядела весьма живописно: вся такая распухшая, серо-буро-малиновая. Да и всё, что ниже подбородка, тоже оставляло желать лучшего. Я была подсвечена синяками, как ёлка новогодними огнями. Только, в отличие от зелёной красавицы, я больше не являлась самим очарованием и отнюдь не выглядела по-праздничному нарядной.

Господи, что же будет? Что теперь будет…

Случись это в нормальном мире, в цивилизованном обществе, и мне бы сочувствовали все придворные, а старейшины жалели бедняжку-невесту. Но в этой чокнутой средневековой Адальфиве… Старым склочникам хватит ума заявить, что виновата распутница алиана. Они меня и так особо не жалуют. Скажут, сама спровоцировала мужика. Заигрывала с ним, кокетничала напропалую, строила глазки. Вот бедолага и не устоял, уступил соблазну. И поди докажи обратное. Что не заигрывала и ничего не строила, а, наоборот, старалась держаться подальше.

А если Герхильд поверит? Ослепнет от ревности, одуреет от чувства уязвлённого самолюбия и попранного доверия.

У меня всё внутри перевернулось от одной только мысли, что вот сейчас он переступит порог этой комнаты, окатит меня ледяным презрением, словно водою из проруби, и велит отчаливать на фальвах, в Лунную долину или куда подальше.

Прежняя Аня, быть может, даже порадовалась бы такому результату. Но вот Аня теперешняя…

Ане теперешней хотелось рыдать. А ещё кричать, ругаться (исключительно матом) и проклинать похотливого мерзавца.

А ещё хотелось, чтобы он был рядом. Чтобы понял меня, а не отталкивал. Не возводил между нами преграду из ледяных айсбергов. И сам не становился похожим на айсберг. Чтобы…

Дверь за спиною негромко скрипнула. Я обернулась и застыла, забыв, как дышать. И сердце, вволю напрыгавшись, словно ребёнок на батуте, напряжённо замерло в груди.

Окружающая обстановка поблекла. Стёрлась мебель. Зеркало, щекотавшее мне нервы моим же отражением, исчезло. Разорванное бальное платье, светлой лужицей растёкшееся по креслу, поглотил сумрак.

Я видела только глаза Скальде, горевшие расплавленным железом, и не могла отвести взгляда от лица, будто высеченного из камня. Кто его знает, вдруг вижу в последний раз. Хоть насмотрюсь напоследок, постараюсь запечатлеть в памяти каждую ледяную чёрточку.

— Я…

Собиралась объясниться, а вместо этого задохнулась от лавиной обрушившегося на меня чувства. Мгновение назад нас разделяли пару метров расстояния и километры его зимы и моего отчаянья. И вот они вдруг сузились до каких-то жалких милли-

метров, чтобы потом и вовсе исчезнуть. Схлопнулись, как те самые стены.

Когда тальден оказался рядом. Когда его губы нашли мои. Когда он впервые попробовал их на вкус. Это было требовательно, жадно, щемяще-сладко. До слабости в коленях и жара во всем теле. Лицо горело под лаской прохладных пальцев. Скольжение ладоней по пылающей коже…

Я вся покрывалась мурашками — от беспорядочных, алчных и одновременно таких нежных, почти невесомых прикосновений. Он целовал, скользя по губам умопомрачительной лаской. Размыкая их, проникая глубже, выпивая мои стоны, сплетаясь со мной дыханием, будто оно у нас было одно на двоих.

Поцелуями — быстрыми, сумасшедше-страстными, невозможно-острыми и такими дурманящими — будто исцеляющим бальзамом касался каждой отметины на шее; подушечками пальцев очерчивал линию плеч. Стирая из памяти боль, причинённую мне Крейном. И отвращение, и липкий страх.

Тальден подчинял себе так, что хотелось подчиняться. И льнуть к нему, и сходить с ума дальше. Пьянеть от губ, от дразнящих ласк его пальцев.

Он сливался со мной, вплавляя меня в себя. Растворяя меня в себе. Перемежая россыпи поцелуев, волнующей дрожью отзывающихся в каждой клетке, с хмельным шёпотом.

Повторяя сладкой музыкой звучащие в тишине слова:

— Моя… Только моя…

И что он меня не отпустит.

Ни за что. Никогда.